ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2021 (№ 62)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Учредитель – Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

Редакционный совет:

Кузьмин Евгений Петрович, председатель ред. совета, канд. ист. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Пенькова Мария Викентьевна, секретарь ред. совета, канд. филол. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск)

Зайцева Нина Григорьевна, д-р филол. наук, зав. сектором языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, декан историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Будапешт, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Абукаева Любовь Алексеевна – главный редактор, д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – зам. главного редактора, д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Ипакова Марина Тимерьяновна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Григорьева Людмила Яковлевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Молотова Тамара Лаврентьевна – отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Глухова Наталья Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Поволжского государственного технологического университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2021
© Авторы статей, 2021

FINNO-UGRIC STUDIES, 2021 (No. 62)

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Founder – State Budget Scientific Institution under the Government
of the Republic of Mari El "V. M. Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History"

Editorial Review Board:

Kuzmin E.P., Candidate of History, Director of the Mari Research Institute, Editorial Board Chairman (Yoshkar-Ola)
Penkova M.V., Candidate of Philology, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute, Editorial Board Secretary (Yoshkar-Ola)
Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)
Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher of the Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)
Zaitseva N.G., Doctor of Philology, Head of Linguistics Sector of the Institute of Language, Literature, and History, Carelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)
Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Uric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)
Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Perm Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)
Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)
Lehtinen Ildiko, PhD, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Oshaev A.G., Candidate of History, Dean of the Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)
Pusztay János, Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Budapest, Hungary)
Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)
Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)
Tõnu Tender, PhD, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)
Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Abukaeva L.A., Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute
Nikitina T.B., Deputy Editor, Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute
Ipakova M.T., Executive editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute
Grigoryeva L.Ya., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Deputy Director for Science of the Mari Research Institute
Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute
Molotova T.L., Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute
Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute
Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute
Glukhova N.N., Doctor of Philology, Professor of the Volga State University of Technology
Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute
Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University
Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Абукаева Л.А. Концепт *кумалтыш* ‘моление, жертвоприношение’ в марийской лингвокультуре……..... 5
Беленов Н.В. Топонимическое пространство эрзя-мордовского села Захаркино Сергиевского района Самарской области……... 19
Купцова О.Г. Сакральная символика чисел в марийских заговорно-заклинательных традициях……. 27
Матичак Шандор. Марийские материалы Иоганна Петера Фалька (1785–1786)……. 37
Поляков О.Е., Леткина Н.В. Мордва, славяне, русские: взаимоотношения культур – взаимоотношения языков..... 50
Сибатрова С.С. Адвербиальные словосочетания с наречиями меры и степени в марийском языке..... 58
Шибанов А.А. Частеречный статус подражательных слов в удмуртском языке..... 71

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Казакова М.В., Неклюдова С.Н. Христианские мотивы в рассказах Х. Тихля 1909–1911 годов……..... 80

ИСТОРИЯ

Никитин В.В., Кузьмин Е.П. 65 лет Марийской археологической экспедиции: поиски и открытия продолжаются…….. 87
Свечников С.К. Этнические контакты мирного характера между мари и русскими в Казанскоханский период ……. 98

ЭТНОЛОГИЯ

Мушкина Н.В. Обрядовые песни луговых и восточных мари в записях Я.А. Эшпая.... 111

СОЦИОЛОГИЯ

Воронцов В.С., Черниенко Д.А. Деятельность национально-культурных объединений в регионах Приволжского федерального округа в общественном мнении и оценках экспертов (Республика Марий Эл, Мордовия, Удмуртия)……..... 125

ПЕРСОНАЛИИ

Ипакова М.Т. Научная деятельность известного ученого-лингвиста О.А. Сергеева (к 60-летнему юбилею)…… 134
Цыпанов Е.А. 85 лет со дня рождения А.И. Туркина……... 141

РЕЦЕНЗИИ

Пекшеева Э.И. Рец.: Сибатрова С.С. Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 426 с……..... 144
Попова Е.В. Рец.: Молотова Т.Л. Марийский костюм. Йошкар-Ола, 2020. 383 с. ……... 147

ХРОНИКА

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В. Архипов Геннадий Андреевич: научное наследие…….. 149
Молотова Т.Л. Памяти Г.А. Сепеева (05.02.1932 – 26.07.2021) ……..... 154
Пекшеева Э.И. Памяти Д.Е. Казанцева (20.02.1932 – 21.06.2021) ……..... 157

CONTENT

ARTICLES

LINGUISTICS

Abukaeva L.A. The concept of *kumaltysh 'prayer, sacrifice'* in Mari linguoculture…… 5
Belenov N.V. Toponymic area of the Erzya-Mordovian village Zakharkino, Sergievsky district, Samara region……... 19
Kuptsova O.G. Sacred symbolism of numerals in the Mari incantation tradition…….. 27
Maticsák Sándor. Johann Peter Falk's Mari material (1785–1786)…… 37
Polyakov O.E., Letkina N.V. Mordvins, Slavs, Russians: relationship of cultures – relationship of languages……..... 50
Sibatrova S.S. Adverbial word combinations with the adverbs of measure and degree in the Mari language…….. 58
Shibanov A.A. Partial status of imitative words in Udmurt……. 71

THEORY AND HISTORY OF LITERATURE

Kazakova M.V., Nekliudova S.N. Christian motifs in the stories of Kh. Tikhlya 1909–1911……..... 80

HISTORY

Nikitin V.V., Kuzmin E.P. 65 years of Mari archaeological expedition: search and discoveries are going on……. 87
Svechnikov S.K. Peaceful ethnic contacts between Mari and Russians in the Kazan khanate period……..... 98

ETHNOLOGY

Mushkina N.V. Ritual songs of Meadow and Eastern Mari in the records of Y.A. Eshpai……..... 111

SOCIOLOGY

Vorontsov V.S., Chernienko D.A. Activities of ethno-cultural associations in the regions of the Volga Federal District in public opinion and expert assessment (the Republic of Mari El, the Republic of Mordovia, and the Udmurt Republic)……..... 125

PERSONALIA

Ipakova M.T. Scientific activity of the famous linguist O.A. Sergeev (to the 60th anniversary)……..... 134
Tsypanov E.A. 85 years since the birth of A.I. Turkin……..... 141

BOOK REVIEWS

Peksheeva E.I. (Book review): Sibatrova S.S. Mari-Russian language contacts: Mari language morphology. Yoshkar-Ola: MarNII, 2021. 426 p……..... 144
Popova E.V. (Book review): T.L. Molotova. Mari national costume. Yoshkar-Ola, 2020. 383 p. 147

CHRONICLES OF EVENTS

Nikitina T.B., Akilbaev A.V. Arkhipov Gennady Andreevich: scientific heritage……..... 149
Molotova T.L. To the memory of G.A. Sepeyev (05.02.1932 – 26.07.2021)……..... 154
Peksheeva E.I. To the memory of D.E. Kazantsev (20.02.1932 – 21.06.2021)……..... 157

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.151+299.4
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_01

КОНЦЕПТ *КУМАЛТЫШ* ‘МОЛЕНИЕ, ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ’ В МАРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

© 2021 г. Л.А. Абукаева

Введение. В системе «природа – человек – общество» своеобразным регулятором и в настоящее время остаются религиозные практики и ритуалы. Марийские моления, сохраняя традиционную форму, определяют духовную и социальную культуру марийского народа. Поэтому требуется исследование важнейших составляющих традиционной религии мари. **Цель статьи** – анализ одного из базовых марийских религиозных концептов (*кумалтыш* ‘моление, жертвоприношение’) и выявление его места в духовной жизни верующих. Наряду с лексикографическими репрезентантами концепта в данной работе анализу подвергаются компоненты, представленные в сакральных текстах. **Материалы и методы.** Материалом исследования служат тексты молитв, заговоров, описания обрядов из опубликованных источников, а также тексты из рукописного научного фонда МарНИИЯЛИ. В работе использовался описательный метод, контекстологический и компонентный анализ, а также элементы сопоставительного метода. **Результаты исследования, обсуждения.** Концепт *кумалтыш* ‘моление, жертвоприношение’ является единицей религиозной картины мира мари и характеризуется сакральностью, многомерностью, пересекается с такими базовыми религиозными концептами, как *юмо* ‘бог’ [Абукаева, 2020], *ото* ‘священная роща’. Концепт вербализуется лексемами *кумалтыш*, *кумалме*, *кумалмаш, удылтыш, удылмаш, улдыш, улдымаш, чоклымо, сомыл, телäк, тӹлӹк, тӹлäк.* На основе лингвистического анализа текстов марийских молитв и религиозной лексики можно выявить мировоззренческие основы ритуалов: *юмылан пуымаш* ‘букв. давание богу’; *Юмын ончыко (Юмылан) пышташ* ‘положить перед Богом (Богу)’; *юмылан колташ* ‘отправить (тому или иному) богу’; *тулыш колташ* ‘отправить в огонь’. В текстах молитв представлена коммуникативная составляющая обрядов: служитель культа не только возносит молитвы-просьбы о благополучии человека, семьи, рода, всего народа, о здоровье, богатом урожае, денежном изобилии, удаче в промыслах, плодовитости животных и пчел, но и комментирует обрядовые действия. Все этапы ритуала строго регламентированы. Наиболее значимые компоненты анализируемого концепта (подготовка к молению, время, причины, цели молений, обрядовые действа, объекты, приносимые в дар) находят отражение в текстах молитв. **Заключение.** Концепт *кумалтыш* ‘моление, жертвоприношение’ вбирает в себя религиозные воззрения мари, является одним из сокровенных. Репрезентанты анализируемого концепта, их количество, значение и происхождение, обряды и их смысл свидетельствуют о значимости молений в марийской духовной культуре, об их дифференциации по статусу, контактах мари с представителями других конфессий. Сопричастность к ритуалу обеспечивает единение рода, общины, а в случае со всемарийскими молениями и всего народа.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; текст; религиозный концепт; моление.

Введение

В системе «природа – человек – общество» своеобразным регулятором остаются религиозные практики и ритуалы. Марийские моления, сохраняя традиционную форму, и в настоящее время определяют духовную и социальную культуру марийского народа. Поэтому требуется исследование важнейших составляющих традиционной религии мари, среди которых особая роль принадлежит ключевым концептам.

Цель статьи – анализ одного из базовых марийских религиозных концептов – *кумалтыш* ‘моление, жертвоприношение’ – и выявление его места в духовной жизни верующих. Наряду с лексикографическими репрезентантами концепта в данной работе анализу подвергаются компоненты, представленные в сакральных текстах (подготовка к молению, время, причины, цели молений, обрядовые действа, объекты, приносимые в дар).

Материалы и методы

Материалом исследования служат сакральные тексты (молитвы в их жанровой разновидности, заговоры), описания обрядов из опубликованных источников, а также тексты из рукописного научного фонда МарНИИЯЛИ. В работе использовался описательный метод, контекстологический и компонентный анализ, а также элементы сопоставительного метода. Описания обрядов в отдельных случаях приводятся на марийском языке, с тем чтобы продемонстрировать в них компоненты анализируемого концепта, а также религиозные воззрения мари, их отношение к обрядам. Перевод текстов осуществлен так, чтобы в нем отразилась внутренняя форма слова, символический смысл выражений, а также стилистические особенности текстов молитв.

Результаты исследования, обсуждение

Исследование феномена жертвоприношения входит в круг задач практически всех гуманитарных и социальных наук. Анализируются социальные аспекты этого феномена, его религиозный и этический смысл, социальные функции; философская, историческая, культурологическая и семиотическая составляющие [Жертвоприношение ... , 2000].

С учетом множества дефиниций понятия «жертвоприношение» и специфики анализируемого концепта в марийской лингвокультуре в данной работе будет использовано два определения. Первое предполагает широкое понимание и устанавливает, что жертвоприношение означает «способ выражения единения, нераздельности человеческого коллектива и окружающей природы» [Дмитриева, 2000, с. 20]. Второе определение представляет из множества видов жертв, выделенных Э.О. Джеймсом (жертва умилостивительная, жертва-кормление, доля божества или умерших, жертва, побуждающая внимание богов, жертва искупительная, жертва благодарственная, жертва, совершаемая как акт благочестия, жертва-посланник, жертва-сопроводитель или транспорт в иной мир) [James, 1937, цит. по Дмитриева, 2000, с. 12], тот, который наиболее точно характеризует специфику религиозных воззрений мари. Это определение также дано Т.Н. Дмитриевой: «Жертва-дар (независимо от цели этого дара – получение ответных благ, благодарность за уже полученные, побуждение божества ко вниманию и т.п.) выражает ощущение человеком единения с окружающим миром, чувство сопричастности ему, чувство включенности в единое целое природного жизненного потока, бессознательное стремление поддержать, не нарушить динамическое равновесие, которое должно существовать между разнообразными и разнонаправленными процессами природы и культуры, соблюсти традиции и порядок, связывающий жизнь людей и природы. Это то чувство, которое заставляет охотника не убивать сверх необходимости, возвращать кости убитых на охоте животных волшебным хозяевам леса, моря и т.п. [Дмитриева, 2000, с. 13]. Именно такое понимание молений с дарами для бога (богов) представлено в системе воззрений мари.

Кроме того, анализируя концепт *кумалтыш* ‘моление, жертвоприношение’, следует учесть, что он является единицей религиозной картины мира мари и характеризуется сакральностью, многомерностью, пересекается с такими базовыми религиозными концептами, как *юмо* ‘бог’ [Абукаева, 2020], *ото* ‘священная роща’.

Традиционные марийские моления подразделяются на несколько категорий-уровней: 1) ежедневное общение верующего с Богом

(*шкевуя кумалтыш*); 2) семейное моление (*еш кумалтыш*), которое проводится в доме или в священной роще обычно раз в год осенью; 3) родовое моление (*тукым кумалтыш*), проводимое при участии нескольких семей членов одного рода в доме его главы или в роще, в специально отведенном месте; 4) сельское моление всей деревней в роще (*ял кумалтыш*), совершаемое обычно осенью после завершения осенне-полевых работ; 5) моление в рамках религиозного союза (*тиште кумалтыш*) нескольких расположенных вблизи друг от друга деревень; 6) окружное моление (*мер кумалтыш*) при участии нескольких союзов (*тиште*); 7) всемарийское моление (*тӱня кумалтыш*), проводимое по случаю особых событий в жизни народа с участием марийцев из всех регионов проживания [Петров, 1981, с. 133–153].

На основе лингвистического анализа текстов марийских молитв и религиозной лексики можно выявить мировоззренческие основы ритуалов: *юмылан пуымаш* ‘букв. давание богу’; *Юмын ончыко (Юмылан) пышташ* ‘положить перед Богом (Богу)’; *юмылан колташ* ‘отправить (тому или иному) богу’; *тулыш колташ* ‘отправить в огонь’.

Основная часть анализируемого концепта закреплена в языке. Концепт вербализуется лексемами *кумалтыш*, *кумалме*, *кумалмаш, удылтыш, удылмаш, улдыш, улдымаш, чоклымо, сомыл, телӓк, тӹлӹк, тӹлӓк.*

В словаре марийского языка слово *кумалтыш* дается с пометой устаревшее: «1. моление, жертвоприношение. 2. в поз. опр. молитвенный; жертвенный. [Словарь мар. яз., т. 3, с. 117]. Стилистическая помета «устаревшее» на сегодняшний день утратила свою актуальность, поскольку слово *кумалтыш* вернулось в употребление в связи с активизацией марийской традиционной религии и ее выходом в публичное пространство. Омоним слова *кумалтыш* также является многозначным: 1. приданое (*марлан толшо ӱдырын пӧлекше*). 2. в поз. опр. подаренный невестой. [Словарь мар. яз., т. 3, с. 117].

Слово *кумалме* имеет следующие значения: 1. прич. от *кумалаш*. 2. в знач. сущ. моление. 3. прил. молитвенный. 4. прил. жертвенный, принесенный в жертву. 5. прил. священный [Словарь мар. яз., т. 3, с. 116–117].

Словарная дефиниция лексемы *удылмо* выглядит следующим образом: «горн.: *ыдылмы*. 1. прич. от *удылаш*. 2. прил. молитвенный. 3. в знач. сущ. моление [Словарь мар. яз., т. 8, с. 19].

Существительное *кумалмаш* ‘моление’ образовано от глагола *кумалаш*: [Словарь мар. яз., т. 3, с. 116]. Аналогичным способом образовано существительное *удылмаш* (горн.: *ыдылмаш*) от глагола *удылаш*, слово имеет одно лексическое значение – «моление» [Словарь мар. яз., т. 8, с. 19].

В словаре марийского языка значение слова *улдыш* представлено без дифференциации – «молитва, моление» [Словарь мар. яз., т. 8, с. 58].

Значение «моление», наряду с другими значениями, имеет и слово *улдымаш*: 1. моление, чтение молитвы. Сравни с: *кумалмаш*. 2. отпевание (покойника) [Словарь мар. яз., т. 8, с. 58].

Употребляясь в функции имени существительного, слово *чоклымо* также имеет значение «моление», при этом составители словаря марийского языка так же, как со словом *улдыш*, значение «молитва» не выводят в качестве самостоятельного: «*чоклымо* горн.: *цӧклӹмы*. 1. прич. от *чоклаш*. 2. прил. молитвенный, молельный; относящийся к молению. 3. в знач. сущ. молитва, моление» [Словарь мар. яз., т. 8, с. 378].

У слова *чоклымаш* также имеется значение «моление»: «горн.: *цӧклӹмӓш.* сущ. от *чоклаш* моление; обращение с молитвой» [Словарь мар. яз., т. 8, с. 378].

Для слова *сомыл* наряду со значениями «1. дело (работа по хозяйству, по дому). 2. дело, работа, занятие, деятельность. 3. дело, повод, причина, надобность, нужда. 4. дело, обязанность, функция» дается и значение «моление» с пометой религиозное [Словарь мар. яз., т. 6, с. 245].

Как видим, в толковом словаре марийского языка не даются сведения о дифференциации молений по статусу и значимости. Кроме того, не проводится различение между значениями «моление» и «молитва» для таких слов, как *улдыш*, *улдымаш*, *чоклымо*. Между тем в религиозной картине мира мари такая дифференциация является значимой. Так, словом *сомыл*

обозначается только семейное моление, которое чаще всего проводится в доме.

Необходимо отметить, что слова, репрезентирующие анализируемый концепт, приводятся С.С. Сибатровой, которая, классифицируя религиозную лексику марийского языка, в качестве одной из семантических групп приводит слова, называющие языческие моления разного уровня и значения: диал. *ӓрапа* ‘общественное языческое моление’, *вучыктымаш* ‘жертвоприношение’, диал. *вӱредыш* ‘жертвоприношение покойнику; поминки’, *кумалтыш* ‘моление, жертвоприношение’, *еш кумалтыш* (*сомыл*) ‘семейное моление’, *мер кумалтыш* ‘мирское моление’, *йӱр пучымыш* (*ял кумалтыш*) ‘ритуальные моления о дожде жертвенной кашей’, букв. ‘дождевая каша’, *сомыл*, *сомылка* ‘моление’, *сӱрем кумалтыш* ‘языческое моление в праздник Сюрем’, диал. *телӓк*, *тӹлӹк*, *тӹлӓк* ‘жертвоприношение, моление, праздник с жертвоприношениями’, *тиште кумалмаш* (*кумалтыш*) ‘территориальное моление’, *тӱня кумалмаш* (*кумалтыш*) ‘мировое моление, моление всего марийского народа’, г. *цӧк* ‘жертвоприношение; обряд принесения жертвы божеству’. При этом лингвист справедливо отмечает, что наиболее употребительным для обозначения моления, жертвоприношения является слово *кумалтыш* [Сибатрова, 2018, с. 100]. Следует пояснить толкования значений некоторых слов, данные составителями словарей, к которым обращалась С.С. Сибатрова при написании указанной работы. Так, *вучыктымаш* переведено как ‘жертвоприношение’. Слово образовано от глагола *вучыкташ* ‘заставлять ждать’. Это моление, которое совершается при обещании моления со значительным жертвоприношением. Ср.: *вучыктымо вольык* ‘скот, предназначенный для жертвоприношения’, *вучыктымо когыльо* ‘пирог-посул’.

Лексемы *телӓк*, *тӹлӹк*, *тӹлӓк* – заимствования из татарского языка. Ср.: татарское имя существительное *теләк*, которое имеет значения «желание, пожелание, замысел, мечта, стремление, цель» [Татарско-русский словарь, 1966, с. 530], и марийское *тыланаш* ‘желать, пожелать’. Анализируемое слово встречается в текстах марийских молитв: *Тыланыме тӹлӓкем кавыл ыште* ‘Осуществи мою желаемую мечту’.

Сочетаемость слова *кумалтыш*, номинирующего концепт, позволяет раскрыть некоторые особенности религиозных представлений мари о молениях, в частности, в качестве наиважнейшей цели молений отмечается принятие моления богом / богами: *кумалмыже кумалмашке кайыже* ‘чтобы молитва была воспринята (букв. чтобы молитва ушла в моление)’.

Выражение *кавыл ышташ* в словаре марийского языка дается с пометой фольклорное со значением «давать (дать) что-л. в изобилии (в молитвенных обращениях)» [Словарь мар. яз., т. 2, с. 212]. При этом составители приводят в качестве иллюстрации следующий фрагмент молитвенного текста: «*Умыр йӱрет дене, шокшо кечет дене, йӱд ӱмырет дене, эр тӱтырат дене вӱд омыж гай уҥдарен кавыл ыште.* Кум. мут. Дай хлеба в изобилии, вырастив, теплым своим дождем, жарким днем, ночной теплынью, утренним туманом, вечерней росой, такой высокий, как прибрежный камыш. Ср. также значение слова *кавыл* фольк. изобильный (в молитвенных обращениях)» [Словарь мар. яз., т. 2, с. 212].

Однако при рассмотрении других контекстов выявляется и иное значение анализируемого выражения *кавыл ышташ* – ‘принять’, например: *Поро Кугу Юмем, тоштымарийлан пуымо ончыкылык пашалан ынгайым пуэт гын манын йодына. Кӱшычын пылпомыш почылтын, ӱлычын мланде сер почылтын. Кок чапым ваш ыштенат, шым пусакан сандалыкешет, ныл пусакан оралтешет тоштымарийлан пуымо чыла ризе перкетым пуэн шого. Йырге пошкудо кумалтыш-влак, Агарман кумалтыш, Миколо кумалтыш, Спас кумалтыш. Юмын пӱрымӧ дене кавыл ыштен шогыза. Йылман дӧлна, кӱчан шӱртня, ме языкан улына. Кумалме кумалтышнам кавыл ыштен шого, Поро Кугу Юмо. Амен!* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 154–155] ‘Мой Добрый Великий Бог, молимся, прося о том, чтобы ты давал для будущей работы условия, которые давал древним мари. Сверху открылись небеса, снизу открылась земля – два достоинства ты соединил. В семиугольной Вселенной, в четырехугольном доме давай (постоянно) жизненное изобилие, что ты давал древним мари. Соседние моления в округе, Агарманское моление (моление совершаемое в честь вспаханного и засеянного поля,

проводится в августе. – *Л.А.*), моление в честь Николая Угодника, моление в честь Спаса, по велению Бога давайте в изобилии, кто с языком – ошибается, кто с копытами – спотыкается, мы грешные. Наше молитвенное обращение прими, Добрый Великий Бог. Аминь!’

Подтверждается это значение и тем, что слово *кавыл* является заимствованием из татарского языка. Ср.: *Кабул* ‘прием, принятие’ [Татарско-русский словарь, 1966, с. 200]. Именно это второе значение реализуется и в следующем фрагменте молитвы: *Ынде Юмо онаенлыкем кавыл ыштыже, тендан кумалтышда кавыл лийже, шыште сортадат кавыл лийже, ший окса мамадат кавыл лийже, ончыко шындыме тичмаш кочкышда кавыл лийже, ош вынер пыштен кумалмыдам Юмо кавыл ыштыже!* [Марий кумалтыш мут, с. 109] ‘Теперь Бог пусть и мое служение примет, пусть ваше моление будет принято, пусть будет принята ваша свеча, пусть будет принят ваш дар серебряных монет, впереди поставленная непочатая еда пусть будет принята, ваше моление с расстеленными белыми холстами пусть Бог примет!’ См. также словарную статью *кавыл* в «Марий мутер» В.М. Васильева: *Кавы̆л* (ӱ.м.), *алал* (о.м.), – об угодном, приятном, в молитв. яз. *Кумалмашда кавы̆л лийжэ* [Васильев, 1926, с. 58].

Значимость этой составляющей моления для верующих демонстрируют тексты молитв. Так, в одном контексте представляются тавтологические сочетания и синонимичные слова, имеющие эффект экспрессивного усиления: *Поро Кугу Юмо, Поро Пӱрышӧ Юмо, Поро Шукчо-влак, Поро Шочынава-влак, кумалтышна, удылтышна кавашке шужо ыле, Юмын колмо верешыже лийже, кече деч кечын, ий ончыко тазалык дене йывыртен, тауштен илаш* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 52] ‘Добрый Великий Бог, Добрый Бог-Предопределитель, добрые ангелы, добрые Матери рождения, наше моление, наша молитва пусть достигнет неба, пусть оно будет в месте, где слышит Бог, чтобы изо дня в день весь год жить в здоровье, радуясь и благодаря’; *Тиде кумалтыш Юмылан алал лийже, Юмо, йӧрате!* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 231] ‘Эта молитва да будет Богу милостью, Бог, возлюби’.

За принятие молитвенных обращений и даров благодарят: *Кумалтышнам йӧратен налметлан кугу тау! Алал лийже, алал лийже! Тау*! [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 60] ‘За принятие нашей молитвы с любовью большое спасибо. Да будет милостью, да будет милостью! Спасибо!’

С целью установления сущности концепта рассмотрим описания обрядовых действ начиная с подготовительного этапа, а также выделим составляющие концепта, которые репрезентируются в текстовом пространстве молитв.

Подготовительный этап молений отличает серьезное отношение, тщательность, строгое соблюдение традиций и запретов, например: *Кугу кумалтышыш погынымо годым суртышто сар ӱзгарым (пычалым, пикшым, пӱсӧ вуян кӱртньӧ настам) кучылташ ок йӧрӧ: кумалме поро йодыш шотыш ок кае* ‘При подготовке к большому молению в доме нельзя использовать оружие (ружье, лук, железные наточенные инструменты): молитвенные обращения не будут восприняты как добрые просьбы’ [НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ, № 192, л. 18].

Практически все подготовительные мероприятия начинались задолго до моления. Так, жертвующий обещал богу определенный дар. Ожидая рождения жертвуемой скотины, хозяин, поглаживая корову, лошадь или овцу, говорил: *«Юмылан пуашлан шоч, тугане тӱсым пу»* ‘Рождайся, чтобы быть принесенным Богу, дай такую-то масть’. Если не рождался ягненок, теленок или жеребенок нужной масти, ждали до следующего года [НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ, № 37, с. 85].

Подготовка к молению предполагает особый эмоциональный настрой, который находит выражение в формуле «Многие дни ходили в страхе и размышлениях», ее варианты представлены в следующих фрагментах: *Кӱсото Юмо, суксо! Шуко кече ешна дене (тургыжланымаш дене) шонен илен улына ыле* [Марий кумалтыш мут радам, 2018, с. 4] ‘Бог священной рощи, ангел (священной рощи)! Многие дни мы с семьей жили в размышлениях и волнениях’; *Шуко кече годсек лӱдын-вожыл, аптыранен коштым, шке сӧрымаш почеш кумалтышем уло манын* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 27] ‘Многие дни ходил, волнуясь и боясь,

смущаясь, думая, что есть у меня обещанное моление'; *А тыйын йымалнет шуко кече годсек лӱдын-вожыл коштын улына* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 11] 'А под тобой многие дни ходили в страхе и смущении'.

Примечательно, что в текстах молитв бытовые ситуации, связанные с подготовкой к молению, описываются с помощью эвфемизмов: *Палемдыме кече ваштареш шеметымат ошемдышна, шкеат йытыранга* 'Перед отмеченным днем черное сделали белым (выстирали белье. – *Л.А.*) и сами очистились (помылись в бане. – *Л.А.*)'.

Подготовительный этап к мировому молению отражен в тексте молитвы, которая произносится перед тем, как отправляются в священную рощу: (*кӱсотыш лектын кайыме деч ончыч удылмаш*): *Йӧратен лий, Тӱҥ Ош Кугу Юмо! Теве шкенан ой почеш калык денат канаашен, уверетымат колтен, шошо игечыште вучыктен шогышна. Шыже игечылан кече палемден, уверат колтен, тӱня калык лӱм дене сурт гыч пелештена – тичмаш киндет ыштен, тичмаш шорват дене, немыр под дене, тичмаш саска сорта пуш дене, тӱсан вольык дене. Тудымат йӧратен лий, чевер товло!* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 130] 'Возлюби, Верховный Светлый Великий Бог! Вот по нашему разумению и с народом посоветовавшись, и весть отправив, от имени народа молимся дома, приготовив цельный (непочатый) хлеб, с непочатым сытом, с котлом каши, с дымом непочатой свечи, с жертвенной скотиной, и то возлюби, прими с любовью!'

До молений с жертвоприношением совершается обещанное моление. Так, для молений во время праздника *Сюрем* такое моление устраивали за 3–4 недели [Яковлев, 1887, с. 32], а для осенних молений – весной. Во время таких молений в качестве ритуальной пищи выступают *пучымыш* 'каша', *шергинде* 'овсяные лепешки на масле', из напитков – *мӱй урва* 'медовое сыто'.

На сходке определяли, какую жертву каким богам принести, где купить скот, для какого бога кто будет картом и его помощником, а также кому предстоит быть *коштшо ен* 'букв. ходящий человек'. Последних могло быть 5–7, поскольку им предстояло найти скотину, подходящую для жертвоприношения. Они, предварительно помывшись в бане, надев чистую одежду и помолившись, с большим старанием и трепетом обходили дома в поисках нужной скотины. Считалось, что если скотина при их взгляде или касании встрепенется, то она угодна богу. При этом говорили: «*Тӱсым пуыш*» 'Образ дала' [Яковлев, 1887, с. 32]. Скотину черной и пегой масти не брали. *Коштшо ен* по завершении моления также должен был собирать *надыр* 'пожертвования, т.е. деньги за скотину'.

Хозяева, из дома которых берут скотину для жертвоприношения, за день до моления ходили в лес за лыком для уздечки – *нукта*.

В день моления карт и его помощник приходят в дом к хозяевам. Их встреча описана в тексте молитвы, которую произносит карт. Этот фрагмент демонстрирует коммуникативную составляющую моления: карт не только возносит молитвы-просьбы о благополучии человека, семьи, рода, всего народа, о здоровье, о богатом урожае, денежном изобилии, удаче в промыслах, плодовитости животных и пчел и т.п., но и комментирует обрядовые действия: *Поро Кугу Юмо! Вольыкын озаже-шамыч дене канаашен, ик арня ожно уверым пуэнда, нунын шӱдымышт почеш толын улына. Ме толмына годым тудын капкаже виш ыле, пӧртышкыжӧ пурымына годым ӱстелже ӱмбалан ош шовычым шарен ыле, ош шовыч ӱмбалан тичмаш киндым пыштен, кугу кӧрӧгаш шорвам темен, кугу ший сортам пӱтырен вучен шога ыле* [Евсеев, 1994, с. 123] 'Добрый Великий Бог! Посоветовавшись с хозяевами жертвуемой скотины, за неделю отправили весть, по их приглашению мы прибыли. Когда мы прибывали, ворота были распахнуты; когда в дом входили, на столе была расстелена белая скатерть, на белой скатерти был поставлен непочатый хлеб, на столе была большая корчага с сытом, (хозяин) готовя большую серебряную свечу, стоял в ожидании'. Необходимо отметить, что ворота в этом доме не закрывали в течение трех дней, поскольку все эти дни после жертвоприношения у хозяев продолжалась трапеза, в которой присутствовал карт и молящиеся.

Чтобы установить, будет ли принято подготовленное животное, на сковороду наливают сливочное масло и льют расплавленное олово. Олово должно принять форму жертвуемой

скотины. Если этого не происходит, действие повторяют до трех раз. В противном случае олово выбрасывают в огонь, и процедура повторяется. Аналогичный акциональный культурный код обнаруживаем в описаниях гаданий, записанных в деревне Сугот Колпашевского района Томской области. Так, при избавлении от страхов, лечении от испуга (*ӧрт лекме*) сначала определяли причину страха. Чистым, белым полотенцем оборачивали голову больного, на полотенце ставили чашку или плошку с водой, куда лили расплавленный воск. По форме застывшего воска устанавливали, чего испугался человек, говоря: *Кӧ деч лӱдын гынат, тудын ӱмылжӧ лиеш* ‘Кого испугался, того тень и будет’. На соль наговаривали следующие слова: *Поро Кугу Юмо! Эр кече могырышто, шымле шым пачаш мланде рӱдыштӧ ош ӱшкыж шога. Ик тӱкыжӧ кавашке логалын, вес тӱкыжӧ мландышке логалын. Ты ӱшкыжым кид копашке шынден, шымле шым гана мланде йыр ик сат* (сагат. – *Л.А.*) *коклаште савырнен кертеш гын*, *тунам иже тиде рвезын (лӱмым ойлет) ӧртшӧ лекше. Кечывал могырышто… йошкар ӱшкыж шога, кас кече могырышто … шем ушкал шога…*[НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ, № 40, с. 43–44] ‘Добрый Великий Бог! На востоке (букв. на восходе солнца) на семидесятисемикратном стержне земли стоит белый бык. Один его рог упирается в небо, другой – в землю. Когда, этого быка поставив на ладонь, сможет обернуться вокруг земли семьдесят семь раз за один час, пусть только тогда (имярек) испугается. На южной стороне … красный бык. На западной стороне … черная корова…’.

Сборы в священную рощу предполагают, что молящиеся берут с собой горящую головешку, ее кладут в котел. В рощу едут молча. Тексты молитв содержат наставляющую часть: *Отыш кайыме годым ала ӱдырамаш вашлиеш, ала пӧръеҥ, ала шешкым ужын мутланыше лиеш – тугай сиян сансалык калык ида лий. Поро Кугу Юмо, алал кумалына. Алалешак йӧратен лий!* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 130] ‘Как пойдете в рощу, быть может, встретится женщина или мужчина, или будет такой, что разговорится, встретив сноху, не будьте наносящими ущерб скрытности. Добрый Великий Бог, истово молимся. Возлюби нашу молитву!’

Моления проходят по традиции с установленной периодичностью весной, летом и осенью. Их сроки определяются народным календарем. В настоящее время издаются марийские календари, в которых прописываются периоды проведения молений. Помимо традиционных молений, могут проводиться и экстренные. В конце XIX века И.Н. Смирнов писал: «Время, в которое богам нужно устраивать более пышное, чем в будни, угощение, определяется отчасти потребностями людей в помощи богов, отчасти самими богами. Богов задабривают угощением, когда становится более всего нужна их помощь – весной и летом» [Смирнов, 1889, с. 203].

Нарушение сроков молений, по представлениям мари, могло навлечь беды, несчастья: *Курык еҥ Вяткыште ила, маныт. Тудлан комбым пуэныт, Пиямбарлан лудым пуэныт. Витньызыже (секретарь) тудлан агытаным пуэныт. Кызыт пуымаш уке, кызыт сурт хозяйствыште, мӧҥгыштӧ кумалыт. Курык еҥ деч ешлан, вольыклан тазалыкым йодыныт. Зиян лиеш гын, кумалыныт. Тудлан, вӱд йӱкшымӧҥгӧ, 14 сентябрь деч вара, кумалаш лиеш. Шижым гына кумалман. Кум ийлан ик гана обязательно кумалаш кӱлеш, а то неле илышым конда* [НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ, № 68, с. 10] ‘Горный человек на Вятке живет, говорят. Ему давали гуся, его пророку давали утку, доносчику его (секретарю) петуха давали. Сейчас не дают, сейчас дома молятся. У Горного человека просили здоровья семье, скотине. Если беда, молились. Ему можно молиться после 14 сентября. Следует молиться только осенью. Раз в три года обязательно нужно молиться, не то жизнь сделает трудной’.

Моления в честь богов можно проводить в понедельник, четверг, пятницу и воскресенье. При проведении молений учитывается также положение луны: новолуние или полнолуние – благоприятные периоды.

Помимо молений, совершаемых с установленной периодичностью (весной, летом, осенью), проводятся моления в экстренных случаях (неурожай, засуха, падеж скота, болезни и т.п.), а также по причине отсутствия детей, неплодовитости скота, пчел и т.п. Рассмотрим в качестве примера описание семейного моления свердловских мари: *Еш тӱлет*

уке гын, шочын авалан комбым пуат. Ойзяже пуа. Ӱдырамаш о мие. Ончыч мончаш пура, ош тувыр-йолашым чия. Чашкарыш кая. Вӱд тӱрыштӧ куэ, таза куэ, лийже. Сийым наҥгая, комбым чонаным наҥгая. Шагым ышта, вынерым шара, оксам, ши теҥгем, пышта. «Шочын ава, языкем простите, эргым але ӱдырым пу», – манеш [НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ 68, № 33, с. 177] ‘Если нет детей (букв. прироста семьи), Богине-матери рождения дают гусыню. Дает хозяин. Женщина не приходит. Перед молением моется в бане, надевает чистую одежду. Идет в рощу. У воды должна быть здоровая береза. Приносит угощение, приносит живую гусыню. Сооружает жертвенник, расстилает холст, кладет серебряный рубль. Молится: «Мать рождения, прости мой грех, дай сына или дочь»’.

В Кировской области в случае болезни моления проводили три семьи [НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ, № 58, с. 63].

Болезни были поводом для обращений и к древним покровителям рода, первопредкам. Считалось, что они могут наслать болезни, «задеть» (*тӱкаш*). В качестве даров им приносили не только домашних, но и диких животных. Жертвоприношения такого рода проводились в тайне: *Айдеме черланыме годым тулыш пыштат. Чоклымо курык уло – шке ончымо курык. Айдеме нелынак кия гын, тунам чоклат. Чоклымо курыкышко каят, мераҥым, оҥгеш кучымым, наҥгаят, лӱйымӧ огеш кае. Кӱдырым чоклат. Ту чоклымо курыкыш шке гына мият, тулым олтат, йӱлатат. Тулышко шылым гына пыштат. «Поремде, пӓрненат гын, шке поро еҥ улат, серлаге, поремде»* [НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ, № 38, с. 36] ‘Когда человек заболевает, кладут в огонь. Есть молитвенная гора, гора, за которой сами ухаживают. Если человек лежит, тяжело болея, тогда молятся. Идут на молитвенную гору, ведут зайца, пойманного в силки, застреленный не годится (букв. не идет). Молятся и с тетеревом. На эту молитвенную гору приходят только свои. Разжигают огонь, (животное) сжигают. На огонь кладут только мясо: «Исцели, если задел, ты сам добрый человек, помилуй, исцели»’.

В засушливое лето проводится обряд *йӱр пучымыш* ‘букв. дождевая каша’: *Йӱр лийдымылан кукшо кече годым вӱдым шыжыктенын. Пӧрт еда мыстам пуат, тудым погат: шӱрашым, ӱйым, шӧрым, пареҥгым, муным. Варажым вӱд воктек каят, шолтат, чоклат: «Йӱрым кондо, йӱр лийже». Варажым виге кочкыт, кочмӧҥгӧ вӱдыш кышкат. Вара нӧрен пытен, мӧҥгӧ кӱзат. Тиддеч вара шукат ок лий, йӱр лиеш* [НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ, № 59, с. 27] ‘Когда нет дождя, в засушливые дни брызгали водой. По домам собирают то, что дадут: крупу, масло, молоко, картошку, яйца. Потом идут к воде, варят, молятся: «Дай дождя, пусть будет дождь». Затем все едят, еду бросают в воду. Мокрые, возвращаются домой. Через короткое время бывает дождь’.

Одной из побуждающих к молениям причин являлось божье повеление, когда сновидец объявлял, что ему приснился сон о предстоящем молении [Абукаева, 2021, с. 62].

Молитвенными обращениями к богам начинались наиболее значимые события в жизни человека, семьи, а также важные дела по хозяйству (например, начало строительства дома, переход в новый дом). Начало праздников календарного цикла также отмечено молениями.

Обрядовые действия, сопровождающие моления, также раскрывают сущность анализируемого концепта. Рассмотрим их на примере семейных молений. Семейные моления молодые мужчины проводят со времени создания семьи. Молитвенные обращения предполагают поклонение *Кугураку* ‘Старейшине’ (*Курык кугыза* ‘букв. Горный старик’) и следующим богам со строгим соблюдением последовательности: *Кугу Серлагыш Юмо* ‘Всемилостивый Бог’, затем через каждые три года – *Перке Ава* ‘Богиня изобилия’, *Мланде Ава* ‘Богиня земли’, *Шочын Ава* ‘Богиня рождения’, *Мер Юмо* ‘Бог мира’, *Ош Кугу Юмо* ‘Светлый Великий Бог’. После этого каждые три года молятся *Кугу Серлагыш Юмо.*

Перед молением мужчина выбирает из уважаемых людей помощника, который будет участвовать при проведении семейных молений – *юмынтаҥ* ‘духовный родственник, букв. друг / товарищ по богу’. По возрасту он может быть сверстником молящегося либо младшим по возрасту. *Юмынтаҥ* выбирается на всю жизнь, с его семьей поддерживаются близкие отношения, подобные родственным. К его жене обращаются *юмынтаҥ вате.* Если

кандидатур несколько, то при выборе проводят обряд. В печь ставят, приметив каждый каравай, столько хлебов, сколько кандидатур. Чей хлеб выпекается лучше всех, не пригорает, не трескается, тот и становится *юмынтаҥ*.

Накануне моления, обычно в четверг, топят баню, приглашают духовного родственника и служителя культа – *онаеҥ*. После омовений приступают к подготовке моления. Хозяин готовит три свечи, важно подчеркнуть, что при изготовлении фитиля стержень закручивается *кече почеш* ‘по солнцу’. Одна свеча ставится на полку (*юмын лук*), другая прикрепляется к кадушке с квасом, третью свечу берут в священную рощу, особо заботясь о том, чтобы она не сломалась. Хозяйка дома печет жертвенный хлеб по количеству жертвуемых животных. Перед выпеканием на каждом хлебе тремя пальцами правой руки делается два защипа (*кумалтыш нер*) – один посередине, другой чуть с края.

Утром в день моления хозяйка застилает стол белой скатертью. На стол ставит *неран кинде* ‘жертвенный хлеб, букв. хлеб с защипом’, *мелна кышыл* ‘стопку блинов’, *тичмаш кинде* ‘целый, непочатый хлеб’, *эгерче* ‘лепешку’, *ӱян туара* ‘творожную лепешку’, на нее – монету белого металла орлом вверх – *ший надыр* ‘серебряное подношение’ (раньше это были серебряные монеты), *ӱй кӱмыж* ‘блюдо с маслом’, *мӱй* ‘мед’, *шӱрашан кӱмыжым* ‘тарелку с крупой’, *туржмо йыра кӱмыж* ‘тарелку с пахтой’, *леҥеж дене пура* ‘кадушку с квасом’.

Перед утренней молитвой в день моления духовный родственник становится напротив стола, с той стороны, где стоит кадушка с квасом. Зажигают свечу, члены семьи становятся на колени. Служитель культа совершает молитву, после которой пьют пахту, что на столе.

Затем следуют в священную рощу. Перед входом приветствуют с поклоном *Кӱсотӱмбал Юмо* ‘Бог священной рощи’, прося его о благополучии в молении.

Войдя в рощу, приступают к приготовлениям. После того как животных привязывают к специальным столбам, начинают молиться с просьбой к богам о принятии даров. Молящиеся становятся на колени. Духовный товарищ наполняет чашу квасом, ставит на жертвенный стол и становится напротив жертвенного стола. Карт, держа в руках головешку, начинает молиться богу, которому предназначена жертва, и просит принять ее с любовью. Затем трижды дотрагивается головешкой к животному. Духовный родственник обливает животное водой через три еловые ветви. Молящиеся находятся в ожидании того, что животное встряхнется, и это будет показателем угодности его богу. Молящиеся благодарят бога за то, что он принимает дар. После заклания также молятся о принятии жертвы, предав часть крови (*йошкаргыжым* ‘букв. красное его’) огню, а часть слив в специально отведенное место. После подготовки мясо животных варят. При закипании котлов совершается молитва (*шолаш пурышо вӱр шоҥ дене кумалыт* ‘молятся с закипающей пеной’). Собрав жир с поверхности бульона, добавляют в котлы с кашей. После того как мясо сварится, обязательные части животных (*наледымаш* ‘букв. то, что взято’) срезают и кладут на специальные подносы из коры деревьев, туда же кладут части жертвуемого хлеба и ставят на огонь. Мясо измельчают, отделяют от костей. Затем семья молящихся становится на колени, духовный родственник встает возле кадушки с квасом. Карт молится. После вкушения пищи священную рощу приводят в порядок, и карт «запирает» священную рощу, обходя ее с молитвой и горящей головешкой в руках.

Смысл жертвенных даров разъяснил религиовед Н.С. Попов: «Коллективные жертвоприношения носят форму общинной трапезы. Жертва не воспринимается как средство поддержания жизнеспособности Юмо. Ему передают лишь небольшие частицы животного, большая часть жертвенного мяса после соответствующего приготовления съедается участниками моления. Жертвоприношению придается мистико-символическое значение. Оно преследует цель переселения души (духовной сущности) жертвуемого животного в небесный мир и его последующего там воскрешения» [Попов, 2012, с. 19].

Дары богам приносятся постоянно с установленной периодичностью и по определенным случаям. Так, к примеру, в жертву *Мланде Ава* ‘Матери земли’ каждую осень можно было давать овцу или корову. Дополнительная

жертва делалась в том случае, когда был неурожай или посевы страдали от насекомых-вредителей.

Жертва приносилась и во время обрядов инициации. Так, в честь *Перке Ава* ‘Богини изобилия’ приносили в дар овцу по случаю совершеннолетия молодого человека.

Помимо этого, дары богам, божествам и духам могли быть связаны с семейными обрядами. Например, во время свадебного обряда восточных мари невеста при входе в дом жениха кладет на порог монету со словами: «*Высмылла, тазалыкым-эсенлыкым пуыза, порын, айват илаш пуйырыза*» [НРФ МарНИИЯЛИ, МЭЭ, № 76, л. 9] ‘Высмылла, дайте здоровья и благополучия, предопределите жить хорошо, по-доброму’. На второй день свадьбы молодуха отправляется за водой и для *Вӱд Ава* ‘Матери воды’ в источник бросает монеты, приговаривая «*Йӱмӧ вӱдем тыште лийже, коштмо корнем тыште лийже*» [НРФ МарНИИЯЛИ, МЭЭ, № 76, л. 9] ‘Пусть вода, которую я буду пить, будет здесь; пусть дорога, по которой я буду ходить, будет здесь’. Изначально вместо монет использовали просо.

Порядок принесения даров строго регламентируется. Рассмотрим в качестве примера описание моления во время праздника Кугече: *Кугече пайрем годым рушарня – Юмын кече. Тыде кечын молла-влак Юмым удылыт. Ик пӧртыштӧ чумыргат, индеш кудо дене. Ӱстембалан Кугу Юмылан коркам шындат, Юмын аважлан, Марьялан – корка, Мир кугу Юмылан, Исус Христослан – Марьян эргыжлан – ик корка, Кӱдырчӧ юмылан, Пуйыршо юмылан, Шочын авалан – кӱмыж, чылан оптат тушко, икшыве лийже манын, шешке-влак шындат, айза чевер шочшо манын, Покшым кува, кугызалан, Мардеж авалан, Мланде авалан, Пиамбарлан: «Ош Кугу Юмо, кинде шочаш полшо, паша ышташ тазалыкым пу! Умыр йӱрым, умыр мардежым пу! Чевер йӱрет ден шочыкто! Шолеметым кораҥде вес велке! Окса лыҥ лийже!» Пурам шолтат, намият муны латкам, шӱльӧ мелнам (шыдаҥ мелнам огеш лий, Юмын пуйырымо кинде огыл). Ружа, шӱльӧ, шож, пурся – Юмын пумо кинде. Пурсяже – Юмын шинчавӱд, йытын – Юмын ава ӱп. Вара индеш пӧртыштет йӱын коштыт, молла коштеш. Моллам ончат юмылдымыжлан. Молла ватат коштеш. Мурат, куштат, йӱыт, кочкыт* [НРФ МарНИИЯЛИ, МФЭ, № 33, с. 153–154] ‘Во время праздника Кугече воскресенье – Божий день. В этот день молла (служители культа марийской этнической религии восточных мари, лексема проникла из татарского языка, ср.: *мулла*) молятся богу. Собираются из девяти домов (семей) в одном доме. На столе Великому Богу ставят чашу, Матери Бога, Марии, ставят чашу; Богу мира, Иисусу Христу, сыну Марии – чашу, Богу грома, Богу Предопределителю, Богине рождения – блюдо, все туда кладут, его ставят снохи, чтобы дети рождались и были здоровыми, Хозяину и хозяйке заморозков, Матери ветра, Матери земли, Пророку. «Светлый Великий Бог, помоги уродиться хлебу, дай здоровья, чтобы (мы могли) работать! Пошли теплый ветер, теплый дождь! Хорошими дождями обеспечь урожай. Град отведи в сторону! Пусть будет много денег». Варят квас, приносят яйца, пекут овсяные блины (пшеничные блины нельзя, это не богом данный хлеб). Рожь, овес, ячмень, горох предопределены Богом. Горох – слезы Бога, лен – волосы Матери Бога. Затем ходят в гости во все девять домов. И молла ходит, и жена его ходит. Моллу угощают за то, что он молится. Поют, пляшут, пьют, едят’. Описания двух последних обрядов отражают проникновение в этническую религию мари элементов христианства и ислама.

Выбор животного в качестве жертвенного дара производится с особой тщательностью. Масть и пол определяется рангом бога. Животное должно быть непорочным, без физических изъянов. В зависимости от цели моления могла производиться замена животного, а также дополнительный дар.

В текстах молитв находит отражение символический смысл даров. Так, *туара* ‘творожник, творожная лепешка’ символизирует жизненную энергию, чтобы жить сияя, как солнце: *кече гае волгалтын* / *нӧлталтын илаш* ‘жить, сияя / поднимаясь, как солнце’, *кече гае шокшын илаш* ‘жить, тепло, как солнце’, *кече гае савырнен толаш* ‘возвращаться, как солнце’. На творожник наносится яичный желток, что делает его подобным солнцу. Блины (*мелна* / *салмапуш* ‘блины / букв. запах сковороды’), с одной стороны, так же имеют связь

с культом солнца, с другой стороны, они воплощают жизненные силы, что позволяют роду разрастаться, размножаться, расширяться: *вожшым мелна гане кумда ыште* ‘корни сделай широкими, как блины’. *Немырвод* ‘котел с кашей’ символизирует ровную, гладкую жизнь, *шере шорва* ‘сладкое медовое сыто’ – сладостную жизнь; *саска сорта* ‘свеча’ – светлую, полную жизнь; *ший надыр* ‘серебряные монеты’ – жизнь чистую, светлую, звонкую, подобную звону серебряных монет; *пурлык* ‘жервенные животные’ – счастливую жизнь.

В молитвах в качестве обязательной составляющей присутствует извинительная часть, которая также ориентирована на то, чтобы моление было угодно богу: *Кумалтышым, удылтышем пореш касарыза. Ала удыл моштыдымем дене коклаш кодымо йыжыҥем лие – пореш касарыза, кумалтышемым кавыл ыштыза. Аминь!* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 54] ‘Мое моление, мою просьбу по-доброму простите. Быть может, из-за моего неумения молиться была пропущенная часть – по-доброму простите, мою молитву примите. Аминь!’

О принятии молитвы богом заботятся не только во время проведения обряда, но и в последующем: в течение недели после моления не рекомендуется говорить об обряде, следует также избегать неблаговидных поступков.

Заключение

Концепт *кумалтыш* ‘моление, жертвоприношение’ вбирает в себя религиозные воззрения мари, является одним из сокровенных и демонстрирует, что все этапы общения верующих с богами строго регламентированы.

Репрезентанты анализируемого концепта (*кумалтыш*, *кумалме*, *кумалмаш, удылтыш, удылмаш, улдыш, улдымаш, чоклымо, сомыл, телӓк, тӹлӹк, тӹлӓк*), в частности их количество, значение и происхождение, обряды и их смысл, свидетельствуют о значимости молений в марийской духовной культуре, об их дифференциации по статусу, о контактах мари с представителями других конфессий, разнообразных формах молитвенных обращений у различных этнических групп мари. Мировоззренческий смысл ритуалов отражают сочетания *Юмылан пуымаш* ‘букв. давание Богу’, *Юмын ончыко пышташ* ‘положить перед Богом’; *Юмылан колташ* ‘отправить Богу’.

Сопричастность к ритуалу обеспечивает единение рода, общины, а в случае со всемарийскими молениями и всего народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А. Репрезентация концепта *юмо* ‘бог’ в текстах марийских молитв // Финно-угроведение. 2020. С. 7–18. DOI: 10.51254/2312-0312_2020_61_01

Абукаева Л.А. Тексты марийских молитв: архаика и современность // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 1. С. 59–65. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-1-59-65

Васильев В.М. Марий мутэр (марийский словарь). М.: СССР калыҡ-влак рӱдӧ савыктыш, 1926. 348 с.

Дмитриева Т.Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 11–22.

Евсеев Т.Е. Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шӱведыме ю-влак = Марийский фольклор: марийские сказания, сказки, предсказания, сновидения, нравоучения, юмор, загадки, молитвы и заклинания. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш. 1994. 208 с.

Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000. 536 с.

Марий кумалтыш мут радам / «Марий кумалтыш погын» марий юмыйӱлан У Торъял юмыйӱла организацийжым вуйлатыше В.Г. Блинов ямдылен. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО, 2018. 36 с.

НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ. № 33.

НРФ МарНИИ ЯЛИ. МФЭ. № 37.

НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ. № 38.

НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ. № 40.

НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ. № 58.

НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ. № 59.

НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ. № 68.

НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ. № 192.

НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ. № 53.
НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ. № 76.
Петров В.Н. Иерархия марийских культовых объединений // Материальная и духовная культура марийцев. Археология и этнография Марийского края. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1981. С. 133–153.
Попов Н.С. Кӱсото – национальный символ мари // Степанова И. Кӱсото. Святая роща. Иллюстрированное издание. Йошкар-Ола: МРИПП, 2012. С. 8–28.
Сибатрова С.С. О религиозной лексике марийского языка (по материалам современных марийских словарей) // Финно-угроведение. 2018. С. 95–102.
Словарь марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. Т. 2. 264 с.
Словарь марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. Т. 3. 304 с.
Словарь марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. Т. 6. 363 с.
Словарь марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. Т. 8. 501 с.
Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского университета, 1889. 265 с.
Татарско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 863 с.
Яковлев Г. Религіозные обряды черемисъ. Казань: Типографія и Литографія В.М. Ключникова, 1887. 87 с.
James E.O. The Origins of Sacrifice. London, 1937. 159 p.

Lyubov Abukaeva

THE CONCEPT OF *KUMALTYSH* ‘PRAYER, SACRIFICE’ IN THE MARI LINGOCULTURE

Introduction. Up to date, religious practices and rituals in the system of ‘Nature – Man – Society’ still remain as a peculiar regulator. The Mari prayers, while maintaining their traditional form, define the spiritual and social culture of the Mari people. Therefore, a study of the essential components of the traditional Mari religion is required. **The purpose** of the article is to analyze one of the basic Mari religious concepts (*Kumaltysh* ‘Prayer, Sacrifice’) and to identify its place in the spiritual life of believers. Along with lexicographic representations of the concept, the components represented in sacral texts are analyzed in this work. **Materials and Methods**. The materials of the study are texts of prayers, conspiracies, descriptions of rites from published sources, as well as texts from the manuscripts of the MarNII scientific resources. The work used a descriptive method, a contextual and component analysis, and elements of a comparative method. **Results of the study, discussions**. The concept of *Kumaltysh* ‘prayer, sacrifice’ is the unit of the religious picture of the Mari world and is characterised by sacrality, multidimensionality, and intersects with such basic religious concepts as of *юмо* ~ God’ [Abukaeva, 2020], and of *ото* ~ Sacred grove’. The concept is verbalized by such lexemes as *кумалтыш*, *кумалме*, *кумалмаш удылтыш, удылмаш, улдыш, улдымаш, чоклымо, сомыл, телӓк, тӹылӹк, тӹлӓк.* On the basis of linguistic analysis of the Mari prayers texts and religious vocabulary it is possible to identify the life stances of the following rituals: *юмылан пуымаш* ~literally ‘giving to God’; *Юмын ончыко (Юмылан) пышташ* ‘put before God’; *юмылан колташ* ‘send to one or the other God’; *тулыш колташ* ‘send in fire’. The texts of prayer present the communicative component of rites: the priest not only exhorts prayers and requests for the well-being of the person, the family, the entire people, for health, for a rich harvest, for money, for luck in trade, for the fertility of animals and of bees, but also comments on ritual actions. All stages of the ritual are strictly regulated. The most important components of the concept being analyzed (preparation for prayer, time, reasons, and purposes of prayer, ceremonial acts, and gifts) are reflected in the texts of prayer. **Conclusion.** The concept of the *Kumaltysh*, ‘praying, sacrificing’, incorporating the religious beliefs of the Mari, is one of the innermost. The representations of the concept under analysis, their number, meaning and origin, the ceremonies and their meaning testify to the significance of prayers in the Mari spiritual culture, their differentiation by status, and contacts of the Mari with other confessions. Participation in the ritual ensures the unity of the family, the community and, in the case of all Mari prayers, the whole nation.

Keywords: lingo-cultural analysis; text; religious concept; prayer.

REFERENCES

Abukaeva L.A. Reprezentaciya koncepta yumo ‘bog’ v tekstah marijskih molitv [Representation of the concept of Yumo ‘God’ in the texts of Mari prayers] // *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies, 2020, no 1, pp. 7-18. DOI: 10.51254/2312-0312_2020_61_01 (In Russian).

Abukaeva L.A. Teksty marijskih molitv: arhaika i sovremennost’ [The texts of Mari prayers: archaic and contemporary] // Vestnik of the Mari State University, 2021, no. 1, pp. 59–65. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-1-59-65

Vasil’ev V.M. Marij muter (marijskij slovar’) [Dictionary of the Mari Language]. Moscow, SSSR kalyk-vlak rüdö savyktysh, 1926, 348 p. (In Mari).

Dmitrieva T.N. Zhertvoprinoshenie: poiski istokov [Sacrificing: founding the origin] // Zhertvoprinoshenie. Ritual v kul’ture i iskusstve ot drevnosti do nashih dnej. Moscow, Jazyki russkoj kul’tury, 2000, pp. 11-22. (In Russian).

Evseyev T.E. Kalyk ojpogo: toshto godso marij ojlymash, jomak, onchyk lijshash pale, omo kusaryme, tunykten kalasyme, voshtyltysh, tushto, kumaltysh mut da shuvedyme ju-vlak = Marijskij fol’klor: marijskie skazanija, skazki, predskazanija, snovidenija, nravouchenija, jumor, zagadki, molitvy i zaklinanija [Mari folklore: Mari tales, fairy tales, prophecies, dreams, morals, humor, mysteries, prayers and spells]. Yoshkar-Ola: Mari kniga savyktysh, 1994. 208 p. (In Mari).

Zhertvoprinoshenie. Ritual v kul’ture i iskusstve ot drevnosti do nashih dnej [The ritual in culture and art from antiquity to present day]. Moscow, Jazyki russkoj kul’tury, 2000, 536 p. (In Russian).

Marij kumaltysh mut [Texts of Mari prayers]. Compiler N.S. Popov. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1991, 256 p. (In Russian).

NRF MarNIIJaLI. MFE [Scientific manuscript resources of the Mari Research Institute. Materials of folklore expeditions]. No 33.

NRF MarNII JaLI. MFE [Scientific handwritten resources of the Mari Research Institute. Materials of folklore expeditions]. No 37.

NRF MarNIIJaLI. MFE [Scientific handwritten resources of the Mari Research Institute. Materials of folklore expeditions]. No 38.

NRF MarNIIJaLI. MFE [Scientific handwritten resources of the Mari Research Institute. Materials of folklore expeditions]. No 40.

NRF MarNIIJaLI. MFE [Scientific handwritten resources of the Mari Research Institute. Materials of folklore expeditions]. No 58.

NRF MarNIIJaLI. MFE [Scientific handwritten resources of the Mari Research Institute. Materials of folklore expeditions]. No 59.

NRF MarNIIJaLI. MFE [Scientific handwritten resources of the Mari Research Institute. Materials of folklore expeditions]. No 68.

NRF MarNIIJaLI. MFE [Scientific handwritten resources of the Mari Research Institute. Materials of folklore expeditions]. No 192.

NRF MarNIIJaLI. MEE [Materials of ethnographic expeditions]. No 53.

NRF MarNIIJaLI. MEE [Materials of ethnographic expeditions]. No 76.

Petrov V.N. Ierarhija marijskih kul’tovyh ob’edinenij [Hierarchy of the Mari cult associations / Material and spiritual culture of Mari people. Archaeology and ethnography of Mari Territory] // Material’naja i duhovnaja kul’tura marijcev. Arheologija i etnografija Marijskogo kraja. Joshkar-Ola, 1981, iss. 5, pp. 133-153. (In Russian).

Popov N.S. Küsoto – nacional’nyj simvol mari [Küsoto – the Mari national symbol] // Stepanova I. Küsoto. Svjataja roshha. Illjustrirovannoe izdanie. Joshkar-Ola, 2012, pp. 8-28. (In Russian).

Sibatrova S.S. O religioznoj leksike marijskogo jazyka (po materialam sovremennyh marijskih slovarej) [On the religious vocabulary of the Mari language (based on the materials of contemporary Mari dictionaries)] // *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies, 2018, pp. 95-102. (In Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka [Dictionary of the Mari Language]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1992, vol. 2, 264 p.

Slovar’ marijskogo jazyka [Dictionary of the Mari Language]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1994, vol. 3, 304 p.

Slovar’ marijskogo jazyka [Dictionary of the Mari Language]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 2001, vol. 6, 363 p.

Slovar’ marijskogo jazyka [Dictionary of the Mari Language]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 2003, vol. 8, 501 p.

Smirnov I.N. Cheremisy. Istoriko-etnograficheskij ocherk [The Cheremis. Historical and ethnographic sketch]. Kazan, Tipografija Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1889, 265 p. (In Russian).

Tatarsko-russkij slovar' [Tatar-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaja enciklopedija, 1966, 863 p.

Jakovlev G. Religioznye obrjady cheremis [Religious ceremonies of the Cheremis]. Kazan, Tipografiya i Litografiya V.M. Klyuchnikova, 1887, 87 p. (In Russian).

James E.O. The Origins of Sacrifice. London, 1937. 159 p.

Абукаева Любовь Алексеевна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sylne@mail.ru

Lyubov Abukaeva
Doctor of Philology, Chief Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: sylne@mail.ru

УДК 811.511.152.1’373.21
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_02

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО СЕЛА ЗАХАРКИНО СЕРГИЕВСКОГО РАЙОНА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2021 г. Н.В. Беленов

Введение. В статье вводятся в научный оборот и анализируются основные элементы топонимического пространства эрзянского села Захаркино Сергиевского района Самарской области: топонимия села и его окрестностей, географическая лексика захаркинского говора, бытующие в Захаркино топонимические предания. **Цель статьи** – лексико-семантический анализ элементов исследуемого топонимического пространства с привлечением соответствующих материалов по топонимическим пространствам других мордовских сёл Самарского Поволжья, соседних регионов, Республики Мордовия. **Материалы и методы.** Работа базируется на полевых материалах автора. Исследование топонимических единиц и географических терминов проводилось с применением лексико-семантического, сравнительно-сопоставительного и этимологического анализа. **Результаты исследования, обсуждения.** Специфичными для захаркинского говора являются два географических термина – *битень* и *губор*, также надо отметить высокую топогенетичность термина *лей* и полное отсутствие в данном говоре в настоящее время термина *эрьке* в значении ‘озеро’. Большинство географических названий топонимического пространства села Захаркино являются двусоставными и подчиняются стандартной для мордовских языков формуле: определяемое + апеллятив. **Заключение.** Географическая лексика и топонимия, бытующие в захаркинском говоре, имеют много общих черт с соответствующими элементами других мордовских топонимических пространств. Подавляющее большинство географических названий села Захаркино и его окрестностей этимологизируется на основе эрзя-мордовского и русского языков. Также обращает на себя внимание отсутствие в данном топонимическом пространстве субстратного страта топонимии.

Ключевые слова: топонимика; географическая лексика; мордва; эрзя-мордовский язык; этимология; Захаркино; Самарское Поволжье.

Введение

Эрзянское село Захаркино Сергиевского района Самарской области относится к той нередкой для региона категории мордовских сёл, которые появились здесь в середине XVIII столетия после выкупа земли переселенцами у башкирских тарханов. Официальной датой основания села считается 1757 год, согласно местным преданиям, село было основано на несколько лет ранее [ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019 – далее: ПМА, 2019]. Особенно тесные связи захаркинские эрзяне имеют с жителями Мордово-Аделяково, с которыми их объединяет общая история, уходящая корнями в период до переселения в Самарский край из-за Волги, на что указывает и значительная близость захаркинского и мордово-аделяковского говоров эрзя-мордовского языка [Беленов, 2020, с. 80–84].

Большинство представленных в настоящей работе материалов по топонимии села Захаркино и его окрестностей вводятся в научный оборот впервые. Несмотря на то, что изучение мордовских говоров региона имеет достаточно богатую историю [Евсевьев, 1914; Paasonen, 1990–1996; Девяткина, 2018], специальные работы по топонимике мордвы Самарского Поволжья немногочисленны.

Наиболее значимой среди них является статья ведущего ученого в области мордовской ономастики Д.В. Цыганкина [2010], кроме того, этимологии некоторых мордовских топонимов приводятся в общих работах по топонимике региона [Барашков, Дубман, Смирнов, 1996], а также в этнографических исследованиях мордвы Самарской области [Петербургский, Корнишина, Козлов, 1994].

Цель статьи – провести лексико-семантический анализ элементов исследуемого топонимического пространства с привлечением соответствующих материалов по топонимическим пространствам других мордовских сёл Самарского Поволжья, соседних регионов, Республики Мордовия.

Материалы и методы

Исследование базируется на полевых материалах автора, собранных в течение полевого сезона 2019 года в эрзя-мордовском селе Захаркино Сергиевского района Самарской области. Для сравнительного анализа привлекались соответствующие материалы по другим мордовским сёлам региона, собранные автором на протяжении сезонов 2015–2020 годов. Основные методы исследования: лексико-семантический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, этимологический анализ.

Результаты исследования, обсуждения

Общая характеристика географической лексики захаркинского говора. Географический лексикон большинства мордовских говоров региона характеризуется значительным количеством заимствований из русского языка, существенная доля которых является адаптированной. Соответствующие собственно мордовские географические термины при этом либо полностью замещены, либо сохраняются в говоре, изменив семантику.

К таким адаптированным заимствованным географическим терминам в захаркинском говоре относятся: *берёг* (ударение падает на первый слог, финальный согласный произносится звонко) – ‘берег’; *бруд* – ‘пруд’; к неадаптированным: *поляна* – ‘поляна’ (термин *кужо* вытеснен полностью); *озеро* – ‘озеро’ (лексема *эрьке* в захаркинском говоре бытует лишь в качестве орнитонима, названия небольшой птицы, чья жизнь тесно связана с водой, от нее же происходит и гидроним *Эрькелей*: тот факт, что в близкородственном мордово-аделяковском говоре лексема *эрьке* в значении ‘озеро’ сохраняется, может указывать на то, что в захаркинском говоре она утрачена сравнительно недавно [Беленов, 2020, с. 82]); *угол* – ‘урочище, чаще всего располагающееся в стороне от села, либо на его окраине’.

Значительную часть географической терминологии захаркинского говора составляют собственно эрзя-мордовские лексемы, в ряде случаев с измененной, в сравнении с эрзянским литературно-письменным языком, семантикой: *веле* – ‘село, деревня’; *вирь* – ‘лес, роща’; *калмазырь* – ‘кладбище’; *кура, куринка* – ‘улица’; *латко* – ‘овраг’; *лей* – ‘река’; *лисьма* – ‘колодец, родник’; *лисьмапря* – ‘источник’; *лошмо* – ‘низина, ложбина’; *пакся* – ‘поле’; *пандо* – ‘гора’; *пе* – ‘конец (район села)’; *чудикерькс* – ‘ручей’.

Кроме того, необходимо отметить еще два географических термина захаркинского говора, в силу ряда факторов, являющихся специфичными для мордовских говоров Самарского Поволжья: *битень* и *губор*.

Первым из них в Захаркино обозначается заболоченная местность, а также грязь, вязкая почва. Здесь надо отметить, что в говорах мордвы Самарского Поволжья отсутствуют собственно мордовские термины для обозначения болот вследствие того, что настоящие болота на территории региона практически отсутствуют. При этом в ряде говоров сформировались свои, уникальные термины – в основном применительно не к болотам в классическом понимании, а к низинам с застоявшейся водой, заболоченным озерам, топким участкам по берегам рек и озер. Такие термины, как правило, бытуют лишь в одном, отдельно взятом мордовском говоре и, чаще всего, являются заимствованием из русского языка, с большей или меньшей степенью фонетической адаптации. В данном случае однозначно нельзя утверждать, что термин *битень* заимствован из русского языка. По словам информантов, он лежит в основе одного из уличных прозвищ в Захаркино: так, носители фамилии *Юртаевы* носят прозвище *Битки*, поскольку дома Юртаевых изначально располагались в низинной, приречной части села [ПМА, 2019]. Также надо отметить, что в эрзя-мордовской топонимии иногда встречается термин *бутра* со значением ‘грязь, осадок

грязи', так, Д.В. Цыганкин этимологизирует именно от данного термина гидроним *Бутырлейка* в Чамзинском районе Республики Мордовия [2005, с. 57].

Термин *губор*, обозначающий небольшие возвышенности и холмы, известен в эрзя-мордовском языке, но на территории Самарского Поволжья фиксируется только в захаркинском говоре. Мнения исследователей о происхождении термина различны: от заимствования из русского языка до собственно финно-угорского происхождения [Вершинин, 2004, с. 61]. Нельзя исключать также заимствования из балтских языков, где фиксируются фонетически схожие термины с подобной семантикой [Невская, 1977, с. 211], что также находит подтверждение в контексте исторических балто-мордовских этноязыковых контактов [Седов, 1997, с. 72–80].

Не все рассмотренные выше термины являются в захаркинском говоре топогенетичными. Так, в составе географических названий не фиксируются лексемы *битень, губор, лошмо, чудикерькс*.

Топонимия села Захаркино и его окрестностей. ***Ало пе*** Название одного из районов села Захаркино, располагающегося в его южной, низинной, части. Противопоставляется в данном топонимическом пространстве району села с названием *Пандо пря*, тогда как в большинстве других мордовских топонимических пространств Самарского Поволжья антагонистом таких названий служит элемент *Вере пе*. Название происходит от эрзя-мордовских лексем: *ало* – 'нижний, низменный' + *пе* – 'конец' = 'нижний конец'. В современных реалиях, район *Ало пе* – это низменная часть улицы Московской села Захаркино.

Алопень бруд Название пруда, расположенного на окраине села Захаркино, за районом *Ало пе*, финаль *нь* – аффикс принадлежности в мордовских языках. Со слов информантов: «Как этот пруд называется? Да так и говорим: Алопень бруд» [ПМА, 2019].

Букалей Название реки в окрестностях села Захаркино. Топоним является двусоставным, на русский язык с эрзя-мордовского языка переводится следующим образом: *бука* – 'бык' + *лей* – 'река' = 'бычья река'. В вопросе мотивации данного названия мнения наших информантов, однако, разошлись. По мнению первых, река получила наименование из-за того, что в ней в обилии водятся водяные жуки, называемые здесь «бычками». В подтверждение данной версии можно привести материалы Х. Паасонена по другим мордовским говорам: *navoz-buka* – 'жук-навозник'; *paksa-buka* – 'божья коровка'; *pižə-buka*, *virin-buka*, *si-bukanä* – 'какие-то жуки' [Paasonen, 1990, т. 1, с. 303]. Согласно мнению вторых, в основе потамонима лежит зооним *бука*, являющийся адаптированным заимствованием из русского языка – *бык* (нельзя также исключать вероятность заимствования из тюркских кыпчакских языков). В этом случае происхождение названия объяснялось тем фактом, что «раньше по берегам реки паслось стадо коров» [ПМА, 2019]. Д.В. Цыганкин относит подобные названия на территории Республики Мордовия к ритуально-обрядовой топонимии, полагая, что они имеют отношение к местам языческих молений эрзян, во время которых в жертву приносились быки [2005, с. 55].

Вере бруд Пруд, расположенный в окрестностях села Захаркино, у района *Пандо пря*. Топоним двусоставный: *вере* – 'верхний' + *бруд* – бытующий в захаркинском говоре, фонетически адаптированный в эрзя-мордовской этноязыковой среде русский термин *пруд* = 'верхний пруд'.

Грань лисьма Родник в окрестностях села Захаркино. Со слов информантов: «Там, наверное, граница была раньше между сёлами, как только стали тут расселяться. Вот и назвали потому, что родник этот с гранями теми рядом находился» [ПМА, 2019]. Данную версию происхождения названия подтверждают и жители Мордово-Аделяково, указывающие, что граница между сёлами проходила по оврагу *Пекшелей*, из склонов которого и бьет данный родник. Топоним двусоставный: *грань* – заимствование из русского языка, часто встречающееся в составе мордовских топонимов + *лисьма* – 'источник, родник' = 'гранный, пограничный родник'.

Захарка Река, протекающая через село Захаркино, правый приток реки Сургут. Гидроним восходит к тому же антропониму, что и ойконим – название села. В подобных случаях, как правило, антропоним сначала становится основой ойконима, а уже затем переходит на

гидроним. В данном случае, однако, по утверждениям информантов, было наоборот: «Когда сюда пришла мордва, они сначала поселились в овраге – там, где Пандо пря, между этим районом и кладбищем современным. Это поселение тогда никак не называлось. И был среди них такой Захарка, вожаком он у них был. И вот он поселился первым около безымянной речки и сказал: «Моя речка, Захарка». Так и стали называть. А потом от нее и село назвали Захаркино» [ПМА, 2019]. Версия о происхождении названия реки от имени первопоселенца заслуживает внимания, здесь следует также упомянуть о том, что соседнее эрзянское село Мордово-Аделяково также имеет неофициальное название по имени первопоселенца – *Герасимовка*.

Карголей Река, протекающая в окрестностях села Захаркино, параллельно шоссе, примерно на полпути между селом и автомобильной дорогой областного значения. Топоним двусоставный, на русский язык с эрзя-мордовского переводится следующим образом: *карго* – ‘журавль’ + *лей* – ‘река’ = ‘журавлиная река’.

Касым латко Название одного из оврагов в окрестностях села Захаркино. Топоним является двусоставным: *Касым* – антропоним, мусульманское мужское имя + *латко* – ‘овраг’ = ‘овраг Касыма’. Со слов информантов: «Название очень старое, кто такой был этот Касым – уже не помнит никто. Видимо, татарин» [ПМА, 2019].

Кельме лисьма Название одного из родников в окрестностях села Захаркино. Топоним является двусоставным: *кельме* – ‘холодный’ + *лисьма* – ‘источник, родник’ = ‘холодный родник’.

Крута латко Название одного из оврагов в окрестностях села Захаркино. Со слов информантов: «Овраг там очень крутой, склоны обрывистые. Это место у нас известное, мы туда за грибами ездим» [ПМА, 2019]. Топоним является двусоставным: *крута* – фонетически адаптированная в эрзя-мордовской этноязыковой среде русская лексема *крутой* + *латко* ‘овраг’ = ‘крутой овраг’. Подобного рода названия достаточно часто встречаются в топонимических пространствах эрзя-мордовских сёл Самарского Заволжья, сравните, овраги *Крута латко* в окрестностях села Старое Вечканово Исаклинского района и Старая Шентала Шенталинского района Самарской области.

Кутор Название одного из окраинных районов села Захаркино. Топоним представляет собой фонетически адаптированный в эрзя-мордовской этноязыковой среде русский термин *хутор*. Является одним из наиболее часто встречающихся элементов топонимической номенклатуры как эрзянских, так и мокшанских населенных пунктов Самарского Поволжья, при этом встречаются вариации – *кутор*, *кутур*. Со слов информантов: «Это улица у нас так называется, даже, вернее, ее изгиб. Название это – от русского хутор, а по-нашему – кутор» [ПМА, 2019].

Надей угол Лес в окрестностях села Захаркино. Термин *угол* в эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья имеет широкое распространение, при этом его семантика от говора к говору значительно различается [Беленов, 2021, с. 33]. В захаркинском говоре данный термин имеет значение ‘место в стороне, на окраине’. Если смотреть на лес, называемый *Надей угол*, с возвышенной части асфальтовой дороги, ведущей в Захаркино, он имеет форму угла с вершиной, обращенной к селу. В связи с этим, возможно, лексему *угол* в составе данного топонима надо понимать буквально. Тогда рассматриваемое название можно представить следующим образом: *Надей* – антропоним + *угол* – либо в значении ‘в стороне, на окраине’, либо, вследствие характерной формы номинируемого объекта = ‘угол Надея’. Антропоним *Надей*, возможно, представляет собой мордовский вариант славянского мужского имени *Надея*, однако информанты склонны соотносить данный антропоним с женским именем *Надежда* – впрочем, не без сомнений [ПМА, 2019].

Одгуринка Название одной из улиц в селе Захаркино. Топоним двусоставный: *од* ‘новый’ + *куринка* ‘улица’ = ‘новая улица’. Со слов информантов: «Эта улица на самом деле одна из первых строилась. Но потом горела, отстраивалась заново когда-то. Поэтому и назвали ее Новой» [ПМА, 2019].

Пандо пря Район села Захаркино, расположенный на возвышенности, занимает в данном топонимическом пространстве место элемента *Вере пе*, который в топонимической номенклатуре Захаркино отсутствует. Словосочетание *пандо пря* в ряде мордовских говоров Самарского Поволжья имеет значение *гора*,

однако, в захаркинском говоре, как и в литературно-письменном эрзянском языке, гора обозначается *пандо*, а *пандо пря* – ‘вершина горы’ [ПМА, 2019].

Пенза Название одного из районов села Захаркино. Со слов информантов: «Этот район так назван, потому что там селилась мордва, пришедшая сюда из Пензенской губернии. А первые (первопоселенцы. – *Н.Б.*) откуда были, мы не знаем, может, тоже с Пензы. Но эта улица уже позже заселялась пензенскими, лет сто назад, а потом и назвали весь район этот Пензой» [ПМА, 2019].

Первой роща Название небольшого участка леса в окрестностях села Захаркино, ударение в слове *первой* падает на второй слог. Как правило, подобные названия, содержащие числительные, имеют продолжение, хотя бы один раз – второй, третий и т.д. В данном случае этого не наблюдается – возможно, остальные подобные названия не сохранились. Впрочем, не исключено, что рассматриваемое название являлось единственным в данном топонимическом пространстве, поскольку, со слов информантов: «Да, как идти в ту сторону (показывают), она там первой будет. А потом еще несколько, поэтому так назвали» [ПМА, 2019]. Обращает на себя внимание наличие русского неизмененного термина *роща* в составе данного топонима, что в топонимических пространствах эрзя-мордовских сёл Самарского Заволжья является редкостью. В подобных случаях обычно встречается термин *колка*, который в географическом лексиконе захаркинского говора отсутствует.

Плёсо угол Название глубокого места на реке Сургут в окрестностях села Захаркино. Термин *угол* в данном случае определенно имеет значение ‘урочище’, что неочевидно в случае с топонимом *Надей угол*. Основа топонима *Плёсо* является фонетически адаптированным русским термином *плёс* – ‘глубоководный участок русла’, который в эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья, согласно нашим наблюдениям, пользуется большей популярностью и более топогенетичен, чем в русских говорах соседних русских сёл [ПМА, 2019].

Попень кутор Название части села Захаркино, в которой ранее находилась церковь и дом священника с рядом хозяйственных построек. До настоящего времени церковь не сохранилась. Со слов информантов: «Здесь церковь раньше стояла, потом разрушили – не знаем когда именно. Красивая была, говорят. А рядом священник жил, какие-то постройки были» [ПМА, 2019]. С эрзя-мордовского языка на русский топоним переводится следующим образом: *поп* – термин, заимствованный из русского языка, со значением ‘христианский церковнослужитель’ + *нь* – мордовский аффикс общности + *кутор* – фонетически адаптированный в эрзя-мордовской этноязыковой среде русский термин *хутор* = ‘хутор священника’. Церковь в селе Захаркино была построена в 1864 году, с главным престолом в честь Архангела Михаила. До этого времени жители Захаркино посещали Никольскую церковь села Мордово-Аделяково, построенную в 1772 году.

Прудлей Название системы водных объектов – реки и пруда, в окрестностях села Захаркино. Река была перепружена в хозяйственных целях достаточно давно – в настоящее время никто из информантов не помнит, куда раньше впадала река, притоком какой из малых рек в окрестностях Захаркино она являлась. Сейчас она впадает в пруд. Топоним двусоставный: *пруд* – заимствование из русского языка (интересно, что в данном случае не произошла замена на местное *бруд*) + *лей* ‘река’ = ‘запруженная река’, ‘прудовая река’, что полностью соответствует характеристикам объекта.

Эрькелей Название небольшой реки в окрестностях села Захаркино и прибрежной улицы, расположенной параллельно *Одгуринке*, вдоль которой данная река протекает. Топоним двусоставный: *эрьке* + *лей*. Если переводить его на русский язык буквально, привлекая данные эрзя-мордовского литературно-письменного языка, то получится: ‘озеро’ + ‘река’ = ‘озерная река’, что имеет семантическую параллель в топонимическом пространстве Захаркино – сравните: *Прудлей*. Однако, информанты протестуют против такого перевода. Со слов информантов: «Озеро у нас так по-русски и называется – озеро. А эрьке – это такая птица, жизнь которой с водой связана, гнезда в камышах устраивает. Вот поэтому и река так названа, там эти птицы водятся» [ПМА, 2019]. Подчеркнем, что подобного мнения придерживались все без исключения опрошенные

нами независимо друг от друга информанты. Возможно, речь идет об орнитониме *eržik*, отмеченном Х. Паасоненом в ряде эрзянских говоров, где под этим именем известна ‘ласточка береговая’ [Paasonen, 1990, т. 1, с. 412]. Кроме того, пример происхождения потамонима от орнитонима также имеется в топонимическом пространстве села Захаркино – сравните: *Карголей*. Наконец, необходимо отметить, что значительных заводей и тем более озер по течению реки *Эрькелей* в настоящее время не имеется. Представляет интерес и близкий фонетически к рассматриваемому речному названию потамоним *Эриклей*, относящийся к протекающей через Старую Шенталу Шенталинского района Самарской области реке, который в старошенталинском говоре эрзя-мордовского языка в настоящее время не этимологизируется [ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019]. Таким образом, на данном этапе исследований неясно: получила ли река *Эрькелей* свое название от термина *эрьке*, когда тот еще присутствовал в захаркинском говоре эрзя-мордовского языка в значении ‘озеро’ (на это указывает ряд факторов), или же она была так названа позднее, когда термин *эрьке* в захаркинском говоре уже изменил свое значение, возможно, под влиянием фонетически близкого орнитонима.

Заключение

В целом топонимическая номенклатура села Захаркино и его окрестностей является типичной для эрзя-мордовских топонимических пространств: двусоставность большинства названий, подчиняемых устойчивой формуле «определяемое + апеллятив»; фиксация как архаичной (без аффикса принадлежности), так и современной структуры географических названий; наличие в составе ряда традиционных элементов мордовских топонимических пространств; в географической терминологии – смешение эрзянских и заимствованных из русского языка лексем.

Подавляющее большинство географических названий исследуемого топонимического пространства этимологизируется на основе эрзя-мордовского и русского языков.

Надо отметить, что в данном топонимическом пространстве не фиксируется субстратный слой географических названий, что может свидетельствовать о том, что контакты захаркинской мордвы с предшествующими насельниками данной территории отсутствовали.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара: СамГУ, 1996. 192 с.

Беленов Н.В. Географическая лексика клявлинского говора эрзя-мордовского языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. С. 28–35.

Беленов Н.В. Топонимическое пространство эрзя-мордовского села Мордово-Аделяково Самарской области // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2020. С. 80–84.

Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стринг». Т. 1. 2004. 120 с.

Девяткина Е.М. Особенности консонантизма шиланского говора эрзянского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. С. 34–39.

Евсевьев М.Е. Отчет о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань, 1914. 17 л.

Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. М.: Наука, 1977. 227 с.

Петербургский И.М., Корнишина Г.А., Козлов В.И. Мордва Заволжья. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 182 с.

Седов В.В. Контакты балтов с финноязычными племенами в эпоху раннего железа // Балто-славянские исследования. М.: Индрик, 1997. С. 72–80.

Цыганкин Д.В. Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. С. 9–14.

Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 432 с.

Paasonen H. Mordwinische Wörterbuch. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft. B.1. 1990. 557 c., B. 2. 1992. 558 – 1305 c., B.3. 1994. 1306 – 1927 c., B.4. 1996. 1928 – 2703 c.

Nikolay Belenov

TOPONYMIC AREA OF THE ERZYA-MORDOVIAN VILLAGE ZAKHARKINO, SERGIEVSKY DISTRICT, SAMARA REGION

Introduction. This article introduces the main elements of the toponymic space of the Erzya village Zakharkino, Samara region. **The purpose of the article** is to analyse toponymy of this village and its surroundings, geographical lexicon of the Zakharkinsky dialect, toponymic traditions existing in Zakharkino. **Materials and methods.** Lexical and semantic analysis of the elements of the studied toponymic space is carried out with the involvement of relevant materials on the toponymic areas of other Mordovian villages of the Samara Volga region, neighboring regions, and the Republic of Mordovia. **Results and discussion.** The vast majority of geographical names of the village of Zakharkino and its surroundings are etymologized on the basis of the Erzya-Mordovian and Russian languages. Also noteworthy is the absence of a substratum stratum of toponymy in this toponymic area. The research is based on the author's field materials.

Keywords: toponymy; geographical vocabulary; Mordva; Erzya-Mordovian language; etymology; Zakharkino; Samara Volga region.

REFERENCES

Barashkov V.F., Dubman Je.L., Smirnov Ju.N. Samarskaja toponimika [Toponymy of Samara region]. Samara, Samarskij gosudarstvennyj universitet, 1996, 192 p.

Belenov N.V. Geograficheskaja leksika kljavlinskogo govora jerzja-mordovskogo jazyka [Geographical lexicon of klyavlinsky dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Scientific Essays of Higher Education.* 2021, no. 1, pp. 28-35.

Belenov N.V. Toponimicheskoe prostranstvo jerzja-mordovskogo sela Mordovo-Adeljakovo Samarskoj oblasti [Toponymy of the Erzya-Mordovian village "Mordovo-Adeljakovo" of Samara region]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: gumanitarnye nauki. 2020, no. 12, pp. 80-84.

Vershinin V.I. Jetimologicheskij slovar' mordovskih (jerzjanskogo i mokshanskogo) jazykov [Etymological dictionary of the Mordovian (Erzya and Moksha) languages]. Joshkar-Ola, Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu izdatel'sko-poligraficheskaya firma "String", B.1, 2004, 120 p.

Devjatkina E.M. Osobennosti konsonantizma shilanskogo govora jerzjanskogo jazyka [Features of consonantism of the shilansky dialect of the Erzya language]. *Bulletin of the Adyghe state university. Series "Philology and the arts"*, 2018, no. 2, pp. 34-39.

Evsev'ev M.E. Otchjot o komandirovke v Samarskuju i Kazanskuju gubernii dlja izuchenija govorov mordovskogo jazyka [Report on a business trip to Samara and Kazan provinces to study the dialects of the Mordovian language]. Kazan', 1914, 17 p.

Nevskaja L.G. Baltijskaja geograficheskaja terminologija [Baltic geographical terminology]. Moscow, Nauka, 1977, 227 p.

Peterburgskij I.M., Kornishina G.A., Kozlov V.I. Mordva Zavolzh'ja [Mordva of the Trans-Volga region]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994, 182 p.

Sedov V.V. Kontakty baltov s finnojazychnymi plemenami v jepohu rannego zheleza [Contacts of the Balts with Finnish-speaking tribes in the Early Iron Age] *Balto-slavyanskie issledovaniya*, Moscow, Indrik, 1997, pp. 72-80.

Cygankin D.V. Ojkonimija mordovskogo Zavolzh'ja [Mordovian oikonymy of the Trans-Volga region] // *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2010, no. 3, pp. 9-14.

Cygankin D.V. Pamjat', zapechatljonnaja v slove: slovar' geograficheskih nazvanij Respubliki Mordovija [Memory imprinted in the word: dictionary of geographical names of the Republic of Mordovia]. Saransk, Krasnyj Oktyabr', 2005, 432 p.

Paasonen H. Mordwinische Wörterbuch. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft. B.1. 1990, 557 p., B.2. 1992, 558-1305 p., B.3. 1994, 1306-1927 p., B.4. 1996, 1928-2703 p.)

Беленов Николай Валерьевич
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры информационно-коммуникативных технологий в образовании Самарского государственного социально-педагогического университета,
г. Самара
e-mail:belenov82@gmail.com

Nikolay Belenov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Chair of Information and Communication Technologies in Education,
Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara
e-mail:belenov82@gmail.com

УДК 811.511.151+39
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_03

САКРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

© 2021 г. О.Г. Купцова

Введение. Числительное как элемент духовной культуры хранит в себе закодированную информацию о мировоззрении и мировосприятии народа. Наличие дополнительных культурологических коннотаций переводит числительное в объект оценки и символизации. Сакральная этносемантика чисел формируется на основе древних мировоззрений народа с последующей ее фиксацией в отдельных жанрах устного народного творчества, мифологических и космогонических представлениях, традициях народа. **Цель статьи** – выявление сакральных значений и функций имен числительных в марийских заговорно-заклинательных текстах. **Материалы и методы.** Материал для исследования извлечен методом сплошной выборки из сборников заговорных текстов и народной медицины В.Н. Петрова [1993, 2000], материалов фольклорных практик студентов Марийского государственного университета, проводимых с 1980 по 2009 год на территории Республики Марий Эл и Республики Башкортостан. Аналитический обзор направлен на выявление еще не изученных аспектов в исследовании заговорно-заклинательных традиций мари. **Результаты исследования, обсуждения.** Непременным компонентом знахарской практики является вербальная магия. Нашептывание как словесно-магическая формула создает эффект суггестивного воздействия заговорно-заклинательных текстов. В марийских заговорах эффект суггестивности достигается, наряду с другими приемами и средствами, за счет использования сакральных чисел с присущими им символическими значениями. **Заключение.** В марийских заговорно-заклинательных традициях сакральную семантику приобретают простые числительные (*ик(те)* / *икыт* ‘один’, *кум(ыт)* ‘три’, *ныл(ыт)* ‘четыре’, *шым(ыт)* ‘семь’, *индеш(е)* ‘девять’, *шӱдӧ* ‘сто’, *тӱжем* ‘тысяча’), а также сложные (*нылле* ‘сорок’) и составные числительные (*нылле ик(те)* ‘сорок один’, *шымле шым(ыт)* ‘семьдесят семь’). Используемые в ритуалах и обрядах имена числительные модифицируются в своеобразные этнические и кодовые знаки внутри заговорно-заклинательных текстов. Изучение функций анализируемых числительных помогает проникнуть в глубину национально-культурного мировосприятия.

Ключевые слова: марийские заговоры; сакральность; имя числительное; семантика; функция.

Введение

Процесс накопления рациональных навыков в народной медицине неразрывно связан с религиозными и космогоническими воззрениями народа. Народные представления о природе заболеваний, об эффективных способах их лечения сохраняются в текстах заговоров. Веря в силу слова, с помощью сверхъестественного воздействия мари пытались исцелить как незначительные недуги, раны и травмы, так и затяжные хронические заболевания. По представлениям марийцев, болезни могли переноситься ветром (*мардеж локтыш*), а также быть результатом «сглаза» или «порчи» недоброжелателя. С целью избавления от них люди обращались к знахарям и целителям, которые в своей практической деятельности, наряду с лечебными травами и мануальной терапией, использовали заговорно-заклинательные тексты, проводили различные обряды и ритуалы.

Многие ритуалы и обряды, слова, произносимые в ходе чтения заговора, имели четкую кратность повторения, содержали определенные числительные, на магический эффект которых рассчитывали знахари.

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить сакральные значения и функции имен числительных в марийских заговорно-заклинательных текстах.

Материалы и методы

Материал для исследования извлечен методом сплошной выборки из сборников заговорных текстов и народной медицины В.Н. Петрова [1993, 2000], материалов фольклорных практик студентов Марийского государственного университета, проводимых с 1980 по 2009 год на территории Республики Марий Эл и Республики Башкортостан. Тексты представлены в основном на луговом и восточном наречиях марийского языка. Аналитический обзор отобранного материала направлен на выявление еще не изученных аспектов в исследовании заговорно-заклинательных традиций мари. С этой целью в данной работе предпринимаются попытки сравнительно-сопоставительного анализа фольклорно-этнографических материалов с учетом генетического родства, языковых и культурных контактов марийского народа. В качестве иллюстраций в статье представляется минимальный контекст из сакральных текстов, позволяющий решить поставленные задачи.

Результаты исследования, обсуждения

Марийский народ на протяжении многих столетий исповедует особую религию – язычество, однако сами марийцы называют ее *чимарий йӱла*. С 90-х годов XX века она официально признана как Марийская Традиционная Религия.

Неотъемлемой частью марийских воззрений являются заговоры и заклинания, которые как уникальный жанр устного народного творчества скрыты от посторонних глаз и ушей и передаются из поколения в поколение. В.М. Васильев отмечал, что шептания, которыми многие ворожеи сопровождают свою ворожбу, придавая ей таинственный вид, также несомненно способствуют укреплению веры в ворожцов [1915, с. 5].

Фрагментарная фиксация марийской народной заговорно-заклинательной традиции и деятельность ворожей, колдунов, знахарей и целителей начинается с конца XVII – начала XVIII века [Купцова, 2020, с. 19]. Историки ознаменовали этот период «золотой эпохой» российской государственности, периодом насильственной христианизации «нерусских» народов, результатом которого явилось вкрапление церковных и христианских элементов в марийские заговорно-заклинательные тексты, а также использование церковных атрибутов (икон, свечей) при проведении обрядов [Федотова, 2019, с. 201]. И в настоящее время в конце лечебного ритуала больного могут умыть святой водой или перекрестить его. Зажженная церковная свеча используется знахарями как инструмент диагностики и лечения [Поповкина, 2008, с. 60]. Кроме того, целители используют «живой» огонь в качестве оберега от действий колдунов (*локтызо*) по насыланию болезней на людей и порчи домашнего скота. Следует отметить, что многие крещеные марийцы до сих пор могут быть приверженцами языческих обычаев и обрядов, посещать молельные рощи (*кӱсото),* о чем свидетельствует термин *марла вера* [Тойдыбекова, 2007, с. 158]. А в текстах заговоров, наряду с персонажами марийского пантеона, могут присутствовать православные теонимы, например: *... Кристос Кугу Юмо деке миен, ..., Кристос Кугу Юмын Аваж деке миен, ..., Кава Кугу Юмо деке миен, ...* [Петров, 1993, с. 51] ‘Придя к Иисусу Христу (букв. к Христу Великому Богу), придя к Богоматери (букв. к Матери Христа Великого Бога), придя к Великому Богу Неба…’

В марийской языческой культуре существует определенная дифференциация знахарей и колдунов. В этнографическом очерке С.А. Багина представлена следующая классификация магов: к так называемым «белым магам» он относит *мужедше* (ворожит с помощью пояса), *шинчан-ужшо* (ясновидящий), *шӱведыше* (шептун или наговорщик); среди «вредоносных» магов выделяет *локтызо* (колдун, наводящий порчу), *пошарыше* (смутитель, наводит различные неприятности и хлопоты) [1910, с. 7–12]. Л.С. Тойдыбекова выделяет еще одну категорию знахарей – *юзо*. По ее данным, *юзо* обладал некоторыми общими чертами с колдунами, но в отличие от них не имел связи с нечистой силой. В своих ритуалах *юзо*

прибегал к лечению заговорами, обращению к божественным или мифическим персонажам [2007, с. 279].

Заговоры основаны на сакрализации слова как способа духовного контакта с божествами, сверхъестественными магическими силами. Н.И. Коновалова подчеркивает, что эффект суггестивного воздействия в заговорно-заклинательных текстах может достигаться за счет дополнения словесно-магических формул изобразительно-символическими действиями, в том числе наличием определенного смыслового числового кода [2007, с. 147].

В рамках языковой картины мира понятие числа может трактоваться двояко: с одной стороны, число как таковое, с другой стороны, как единство сплетения культуры и языка. Каждый народ обладает системой сакральных чисел с символическим значением. В марийских заговорных текстах из всего набора числового компонента представлены простые (*ик(те)* / *икыт* ‘один’, *кум(ыт)* ‘три’, *ныл(ыт)* ‘четыре’, *шым(ыт)* ‘семь’, *индеш(е)* ‘девять’, *шӱдӧ* ‘сто’, *тӱжем* ‘тысяча’), сложные (*нылле* ‘сорок’) и составные (*нылле ик(те)* ‘сорок один’, *шымле шым(ыт)* ‘семьдесят семь’) числительные.

Числительное ***ик(те)*** / ***икыт*** ‘один’ символизирует единство и целостность, с одной стороны, с другой – духовную волю человека. В заговорных текстах это числительное может обозначать сильнейшее воздействие, концентрацию сил в одной части из целого множества действий, имеющих решающее значение в жизни человека: *Ик пӱйжӧ дене катманым ыштен, парняж дене вургым ыштен…* [Петров, 1993, с. 52] ‘Из одного своего зуба сделав мотыгу, из пальца своего сделав рукоятку’; … *Ик сатыште кочкам-йӱам, пытарем…* [Петров, 1993, с. 52] ‘За один час съем, выпью, уничтожу’; *…Шымле шым саскан рӱдым ик копаш кормыжтен кучен…* [МФП МарГУ, Новоторъяльский р-н РМЭ] ‘Сердцевину семидесяти семи ягод в одной ладони сжав’. Аналогичное значение числительное приобретает в поверьях. Так, при продаже скота, чтобы с хозяйства не ушла удача, оставляют у себя один клочок шерсти или пуха животного, то же наблюдается в башкирских поверьях, связанных с культом скота [Муратова, 2012, с. 54].

Числительное *ик* ‘один’ в значении «молодой возраст растения» встречается только в заговорах для лечения соматических заболеваний и символизирует скорое избавление от болезни: *Ик ияш вошты̆р йӱд лупс дене кузе кошкен ойырлен кодеш, туге капем-кылем рак деч ойырлалтеш!* [Петров, 1993, с. 48] ‘Как однолетний прут, высыхая, отделяется от ночной росы, так мое тело-суставы пусть отделятся от рака!’; *Ик ияш иман пушеҥге кузе кушкын шогалеш, тугак йолжо (лӱм) кушкын шичше!* [МФП МарГУ, Волжский р-н РМЭ] ‘Как однолетнее хвойное дерево вырастает, так пусть и нога (имя) заживает!’; *Ик ияш арама кузе кушкын шинча, тугак, кушкын, парем шичше!* [Петров, 1993, с. 130] ‘Как вырастет однолетний лес, пусть так же рана заживет!’

Самой продуктивной моделью употребления числительного является противопоставление «один – много» на примере числительных *ик* ‘один’ *шымлу шым / шымле шым* ‘семьдесят семь’. Причем числительное *ик* ‘один’ имплицирует одновременно и ирреальное условие для наведения порчи, и минимальное темпоральное значение, при котором колдун должен совершить какое-то множество действий: *Осал тушман шонышо локтызо шӧртньӧ вургемым чиен …, ик рӱзалтымаште шымлу шым тӱрлӧ саскам поген толын, ик минутышто шымле шым пачаш тошкалтышым ыштен шуктен кертеш гын…* [Петров, 1993, с. 54] ‘Когда колдун, надев золотую одежду, за один взмах собрав семьдесят семь разных плодов, за одну минуту сможет сделать семьдесят семь ступеней / лестниц…’

Временны́е условия обычно описываются в порядке убывания для того, чтобы свести на нет порчу или болезнь. При этом используются лексемы, обозначающие отрезок времени *секунд* ‘секунда’, *тат* ‘миг’, *минут* ‘минута’, *час* ‘час’, *сат* / *сагат* ‘час’), например, *Мланде рӱдӧ шочмо годым шымле шым памашинча йоген лектеш, тудо йоген кайымым, орйылме дене нулалын, ик шагат, ик минут, ик секундышто йоген кертдымым ыштен кунам кертеш, тунам иже керемет, шырт, водыж мыйын суртышкем-печышкем, пӧртышкем пурен кертше!* [Петров, 1993, с. 53] ‘Когда стержень Земли зарождается, бьют ключи семидесяти семи родников. Когда за один час, за одну

минуту, за одну секунду своим язычком сможет остановить эти воды, только тогда черт, злой дух, дух смогут попасть в мою избу, мой дом!'; *Айдеме тушман, ик сатыште шӧртньӧ оҥам ыштен…* [Петров, 1993, с. 71] 'Враг человека, за один час золотую доску создав…'

Также в заговорных текстах встречаются лексемы тематической группы «физиология человека», отождествляемые с временным значением: *Шымле шым памаш шинчалан кунам шинча возын, йылме пурлылт кертеш гын ик шӱлышыштӧ, тунам иже (лӱм) шинча возын, йылме пурлылт кертше…* [МФП МарГУ, Сернурский р-н РМЭ] 'Когда за одно дыхание можно сглазить, навести порчу словом на семьдесят семь родников, только тогда (имя) будет подвергнут сглазу'.

Числительное ***шымле шым(ыт)*** 'семьдесят семь' связано с марийскими религиозными представлениями. Марийский пантеон насчитывал семьдесят семь богов, столько же языков и народов, птиц и животных упоминается в заговорных текстах. Люди приносили жертвы *Кугу Юмо* 'Великому Богу' на семидесяти семи кострах [Петрухин, 2005, с. 265, 269]. Ср.: *Шымлу шым тӱрлӧ калыкым, шымлу шым тӱрлӧ кайыкым, шымлу шым тӱрлӧ янлыкым, шымлу шым тӱрлӧ копшаҥгым ик верышке чумырен…* [Петров, 1993, с. 44] 'Семьдесят семь различных народов, семьдесят семь различных птиц, семьдесят семь различных животных, семьдесят семь различных насекомых собрав в одном месте…'; *Мланде валне шымлу шым тӱрлӧ мланде уло, шымлу шым тӱрлӧ пушеҥге уло, шымлу шым тӱрлӧ мландым, шымлу шым тӱрлӧ пушеҥгым иканаште шергалтен, пышкемден луктын кудалтен кертеш гын, тунам иже локтен, пошарен кертше* [МФП МарГУ, Советский р-н РМЭ] 'На земле семьдесят семь различных земель есть, семьдесят семь различных деревьев есть, когда семьдесят семь различных земель, семьдесят семь различных деревьев за один раз сможет выкорчевать, завязать их узлом и бросить, только тогда пусть сможет навести порчу, околдовать'.

Числительное ***кум(ыт)*** 'три' – самое распространенное сакральное число в марийской языковой картине мира. Наиболее ярко оно представлено в космологических воззрениях мари. В древнейших представлениях марийцев с триадой связана трехступенчатая космическая модель мира (подземный, земной и небесный), обрядовая деятельность. Например, опоясывание жертвенного дерева осуществляется на высоте именно трех метров [Тойдыбекова, 2007, с. 34–36]. Отдельно следует упомянуть об уровнях «темного мира»: в сказках обычно упоминается три мира, в заговорных текстах встречается упоминание до семи, в магических заклинаниях говорится о девяти подземных мирах [Марийцы, 2013, с. 290].

Сакральная семантика числительного «три» в магических воззрениях многих народов выявляется в троекратном выполнении ритуала, обряда. При проведении магических ритуалов с произнесением лечебных заговоров отмечается необходимость три раза повторить определенное действие или нужную часть заговора, чтобы избежать вредного воздействия нечистой силы: *Вӱд шоҥ, шӧр шоҥ, ӱй шоҥ, эр лупс, эр покшым кузе кошка, кузе шулен кая, тугак (лӱм) кокшаже кошкен, шулен кайыже*: *Тьфу! Тьфу! Тьфу*! [МФП МарГУ, Моркинский р-н РМЭ] 'Пена на воде, пена на молоке, пена на масле, утренняя роса, утренние заморозки как высыхают, как исчезают, так же (имя) чирей пусть засохнет, исчезнет/ Тьфу! Тьфу! Тьфу!' В заговоре от фурункулов дается четкое указание для знахаря: *Чыла тидым кум гана ойлен, кум гана кокша верыш шӱвалме амалым ыштат* [МФП МарГУ, Параньгинский р-н РМЭ] 'Все это наговорив три раза, три раза как бы плюют на фурункул'. Заговор от сглаза содержит аналогичную, но расширенную установку: *…манын, омса кылым вӱд дене шӱялтет, … тугак ӱстелын кум пусакшым, кум гана ойлен, шӱялтет* [МФП МарГУ, Краснокамский р-н РБ] 'Наговорив, ополаскиваешь дверную ручку, так же три угла стола, три раза наговорив, ополаскиваешь'.

Вербальная и невербальная составляющие обрядов тесно связаны. Троекратно повторяются действия многих семейных обрядов. Так, для нейтрализации негативных действий духов повивальными бабками проводились послеродовые обряды. Баню обходили с топором или ножом, с горящей лучиной. После прочтения заговора повитуха готовила воду для умывания ребенка. В воду клали горячий пепел,

серебряные монеты, гвозди и зерна. Ребенка купали трижды [Тойдыбекова, 2007, с. 165].

До сих пор существует свадебный обычай три раза обходить стол по солнцу перед началом свадебного торжества [Абукаева, 2018, с. 109]. Л.С. Тойтыбекова считает, что смысл ритуала заключается в обереге – силе замкнутого круга [2007, с. 251]. С целью оберега невесте в одежду, чаще всего в подол платья, втыкали три иголки или булавки.

Старинные былички повествуют о процедуре экзекуции колдуна при помощи старого лаптя. Для уничтожения силы колдуна в бане нужно поддать пару мочой трех девушек, собранной в старый лапоть. Колдун якобы должен упасть, далее необходимо перешагнуть через него три раза. Колдун лишится своей заклинательной силы и умрет в течение одного года [Васильев, 1915, с. 16–17].

У марийцев, как и у многих народов, с числом «три» связаны представления о мифологическом времени. Они выражены в обозначении количества дней, месяцев, лет, необходимых для совершения какого-либо действия. К примеру, башкиры на третий день после приезда невесты в дом жениха устраивали чаепитие в честь невестки или трапезу [Муратова, 2012, с. 66]; мари в течение трех дней роженицу вместе с младенцем мыли в бане, обычно парили веником до трех раз, после чего читались заговоры от сглаза [Тойдыбекова, 2007, с. 60, 82].

Акцент на числе три характерен для похоронно-поминальных обрядов марийцев, что определяет семантику третьего дня в похоронно-поминальном обряде, указывая на сакральный рубеж времени. Первые поминки по усопшему проводились на третий день (*кумыт чӱктыш*). Принято было зажигать три свечи: владыке потустороннего мира (*Киямат тӧра*), самому умершему и ранее умершим (*тошто колышо-влаклан / тоштыен-влаклан*).

При проведении лечебных обрядов обязательным условием достижения цели было применение трех различных предметов, взятых из трех мест. В данном случае выбор падает на число «три», поскольку оно обладает мощной магической силой. В народе верили, что больного можно вылечить, если его трижды пропарить веником от трех берез, взять камни из трех бань, облить водой из трех источников [Тойдыбекова, 2007, с. 255]. Башкиры сглаз заговаривали камнями, взятыми в трех банях; при лечении радикулита собирали обрядовую пищу из трех домов; рахит заговаривали тремя разными предметами [Муратова, 2012, с. 68–69].

Числительное *кум(ыт)* ‘три’ также может выражать и значение сакральности топоса, например, для моления в лесу подбирали место, где произрастали три священных для марийцев дерева: липа (*писте*), береза (*куэ*), дуб (*тумо*) [Тойдыбекова, 2007, с. 255].

В некоторых запретах число «три» получает дополнительное коннотативное значение в виде «предостережения». По мнению мари, особо опасным считается *кум корно вож* ‘перекресток трех дорог, букв. корень трех дорог’, поскольку при проведении обрядов колдуны и знахари могут оставить на перекрестке монеты, пепел и другие предметы для снятия или передачи болезни [Абукаева, 2018, с. 124]. Если кто-то обнаруживал «испорченный» предмет у себя дома, его необходимо было положить в старый лапоть и отхлестать рябиновыми прутьями. Если не знали, кто наслал болезнь, то лапоть оставляли на перекрестке со словами «Ищи своего хозяина, ищи!» [Тойдыбекова, 2007, с. 253].

Числительное ***ныл(ыт)*** ‘четыре’, по мнению ученых, отмечает наличие смылового оттенка статичности. В.Н. Топоров пишет: «В отличие от динамической целостности, символизируемой числом три, число четыре является образом статической целостности, идеально устойчивой структуры. Отсюда – использование числа четыре в мифах о сотворении вселенной и ориентации в ней: четыре стороны света, четыре главных направления, четыре времени года» [1982, с. 629]. Мифы, обряды, заговорные тексты и поверья являются отражением представлений финно-угорских народов о четырехмерном членении пространства. В марийской мифологии земля имеет четыре угла, в которых стоят четыре столба; жертвенное животное разрубается на 4 части и закапывается под четыре угла дома; рубахи принято вышивать в четыре полосы [Тойдыбекова, 2007, с. 256]. Башкиры проводят ритуалы по изгнанию бесов из дома, для этого дом

окуривается можжевельником, заводят лошадь, стреляют из ружья по четырем углам. Башкиры так же верят, чтобы домовой не беспокоил, его нужно задобрить: разложить яйца по четырем углам дома [Муратова, 2012, с. 72–73].

Профессор Ю.А. Калиев связывает числительное *нылыт* ‘четыре’ с проведением магического ритуала врачевания. Его суть состоит в воссоздании культовой модели мироздания [2019, с. 223]. В марийских заговорных текстах можно встретить вербализацию данного магического ритуала: *Пӧрт йыр савырнен, ныл лукшым нылынек ик час, ик минутышто паралич ден ия тодышт кертыт гын, тунам иже (лӱм) паралич осал логалын кертше, тидын деч ончыч ынже керт!* [Петров, 2000, с. 85] ‘Если обойдя дом, за один час и одну минуту паралич и черт смогут переломать все четыре угла, пусть только тогда (имя) коснется зло паралича, а до этого пусть не сможет!’; *Тиде пӧрт йыр савырнен, ныл лукшым нылынек, монча йыр савырнен, ныл лукшым нылынек, вӱта йыр савырнен, ныл лукшым нылынек, ик час, ик минутышто ия, разым, осал тодышт кертеш, тунам иже тодышт кертше (лӱм) тупрӱдыжым, тулеч ончыч ынже керт!* [Петров, 1993, с. 83] ‘Обойдя этот дом, все его четыре угла, обойдя баню, все ее четыре угла, обойдя хлев, все его четыре угла, за один час, за одну минуту черт, ревматизм, зло сможет замучить, только тогда пусть позвоночник у (имя) сможет замучить ревматизм, до этого пусть не сможет!’

При проведении ритуала знахарь может обмыть наговоренной водой четыре угла стола, подоконники, дверную ручку и в конце окропить человека, подвергнутого порче.

Приведенные примеры раскрывают сакральную семантику числительного через представления народа о горизонтальном строении мира.

Числительное ***шым(ыт)*** ‘семь’ в представлении многих народов – священное число. В.В. Евсюков считает, что числительное «семь» является суммой вертикального и горизонтального миров: по вертикали мир состоит минимум из трех частей. Горизонталь разбивается на четыре части с особо отмеченной точкой в центре. Итого важнейших координат получается ровно семь: четыре стороны света, центр, верх, низ [1988, с. 103]. С.Ю. Ключников приводит тождественное описание числительного в божественном аспекте, говоря, что семерка «олицетворяет собой идею полноты проявленного цикла с его единством идеальных (троичность) и материальных (четверичность) качеств. Она выражает собой господство духа над формой [2007, с. 80]. Языковая картина мира репрезентует числительное *шым(ыт)* ‘семь’ через представления марийцев о потустороннем мире, мифологическом пространстве. Согласно одним поверьям, после того как могила засыпана землей, душа черемиса отправляется в трудное и долгое странствие. Чтобы попасть в подземный мир, душа умершего должна спуститься по семиэтажной лестнице [Тойдыбекова, 2007, с. 35]. У финно-угорских народов, в первую очередь у карел, мари и удмуртов, принято было класть нитки в гроб: с их помощью умерший должен был добраться на тот свет по дороге, прямой как натянутая нить. Нитей было семь – путь в иной мир проходил по всем семи сферам мироздания. По другим источникам, в течение семи дней душа обозревает семь миров, в которых она когда-то существовала, затем наступает период мытарства, продолжающийся до сорокового дня. Марийцы верят, что душа способна возрождаться семь раз, если последняя жизнь была особенно греховна, то черемис обращается в рыбу [Кузнецов, 1907, с. 25]. Возможно, с такими религиозными воззрениями связано то, что в марийском пантеоне сущестует богиня семи рождений *Шым Шочын Ава*, к которой обращаются во время произнесения молитв. Верхний мир, где обитает *Юмо* ‘Бог’, также состоит из семи ярусов [Марийцы, 2013, с. 306].

Марийцы верили, что магическая сила заговора усиливается, если в нем используется семь предметов или присутствует обращение к семи различным божествам или мифическим / религиозным персонажам. В заговорных текстах можно встретить обращение к ангелам божеств семи дней недели *Шым суксо*, и/или божествам семи дней недели *Шым Юмо*: *Шым кече, шым юмо, шым суксо, шочшо кече каваште. Кече корно каваште кузе почылт кая, тугак мыйын кидем-йолем, шинча-пылышем, кап-кылем почылт кайышт* [МФП МарГУ,

Новоторъяльский р-н РМЭ] ‘Семь дней, семь богов, семь ангелов, родившееся Солнце на небе. Как открывается солнечная дорога на небе, так и мои руки-ноги, глаза и уши, тело откроются (поправятся)’.

В заговорных обрядах числительное ***индеш(е)*** ‘девять’ выступает в качестве предельного числа. Так, согласно суеверному представлению марийцев, *локтызо* при насылании порчи проводит особый ритуал *каргыме мут* ‘слово проклятия’, который переходит до 9 поколений [Тойдыбекова, 2007, с. 99].

К магической силе числа девять обращались с целью увеличения силы заговора. Так, в заговоре на удаление болячки ярко прослеживается анималистическое наслоение для создания нереальных условий предохранения от заболеваний: *Таче шочшо чома кӱчеш кунам кишкышинча ик минут-шагатыште пижын кертеш, тунам иже (лӱм) шинчаш пижын кертше! ...ушкал кӱчеш… …шорык кӱчеш… … комбо кӱчеш… ...лудо кӱчеш… …чыве кӱчеш… …маска кӱчеш… …пире кӱчеш… …рывыж кӱчеш…* [Петров, 1993, с. 109] ‘Когда на копыта родившегося сегодня жеребенка в одну минуту-час прицепится болячка, только тогда пусть на глаза к (имя человека) прицепится! …на копыта коровы… …на копыта овцы… …на когти гуся… …на когти утки… …на когти курицы… …на когти медведя… …на когти волка… …на когти лисы…’

Ранние мифологические и религиозные представления черемис о постгравидарном и постмортальном состоянии человека отражены в неразрывной связи двух числительных ***нылле*** ‘сорок’ и ***нылле ик*** ‘сорок один’. Финно-угорские народы пытались защитить молодую маму и ее младенца первые сорок дней. В старину полагали, что именно в этот период душа вселяется в ребенка, а злые духи находятся рядом, пытаясь причинить вред [Тойдыбекова, 2007, с. 60]. Аналогичные религиозные воззрения существуют у башкир: душа вселяется в человека до сорока дней после рождения и покидает так же в течение сорока дней после его смерти; в течение сорока дней нельзя оставлять младенца одного без присмотра, его может подменить черт’ [Муратова, 2012, с. 92–93].

В заговоре от паралича присутствующий симбиоз обозначенных числительных отсылает к сорокадневному отрезку времени в поминальных обрядах: *Ия ден паралич, нылле, нылле икте, иктат уке! Иям, параличым мый сеҥенам и ойыренам, шочмо-кушмо сай тазалыкым пӧртылтенам!* [Петров, 1993, с. 85] ‘Черт и паралич, сорок, сорок один, ни одного нет! Черта и паралич я победил(а), здоровье, данное с рождения, вернул(а)!’ Поминки проводятся в ночь на сороковой день, пока душа не покинула прежнее место жительства. В течение сорока дней душа живет в родном доме, а утром сорок первого дня душа окончательно переходит в царство *Киямата* [Тойдыбекова, 2007, с. 73]. Поминальные обряды прощания с умершим проходили с участием *Вургем чийыше* (человек в одежде покойника, исполняющий ритуально-магическую роль умершего на поминках, букв. ‘надевающий одежду’) и близких родственников. Провожая душу в другой мир, они доходили до определенного места, угощали друг друга, поминая умершего и прощаясь с ним, а затем *Вургем чийыше* отходил от этого места на 41 шаг, снимал верхнюю одежду покойника, стряхивал ее и возвращался к провожающим [Тойдыбекова, 2007, с. 74].

Числительное *нылле икте* ‘сорок один’ несет в себе семантику магического перехода, освобождения от тягот и мучений, так как душа усопшего подвергается страшным мытарствам, оканчивающимся в сороковой день генеральным испытанием – прохождением по тонкой веревке над пропастью, на дне которой кипит наполненный серой котел [Кузнецов, 1907, с. 25]. В тексте заговора семантика отделения проявляется таким образом: *Нылле ик тӱтыра кузе шула, туге шулыжо! Нылле ик эр покшым кузе шула, туге шулыжо* [Петров, 1993, с. 53] ‘Сорок один туман как тает, так пусть (порча) тает! Сорок один утренний иней как тает, так пусть (порча) тает!’.

Числительное в заговорах выступает как магический предел, помогая создать ирреальное условие, выполнение которого приведет к болезни: *Омса разым нылле ик выньык лышташым мугыльтен сакен лектын кертеш гын, тунам иже (лӱм) пижын кертше! Пижын ынже керт!* [Петров, 1993, с. 82] ‘Если дверной ревматизм сможет скомкать сорок один лист веника, только тогда пусть к (имя)

сможет зацепиться! Пусть не сможет зацепиться!'; *Нылле ик корем гыч чинче рӱдым кунам вувер ик минут-шагатыште кочкын кертеш, тунам иже (лӱм) (можым) кочкын кертше!* [Петров, 1993, с. 86–87] 'Когда ведьма за минуту, за час сможет съесть ядро блесток из сорока одного оврага, только тогда пусть у (имя) (орган) сможет съесть!'

Числительные ***шӱдӧ*** 'сто' и ***тӱжем*** 'тысяча' выполняют гиперболизирующую функцию.

Числительное *шӱдӧ* 'сто' в марийских заговорах, как и числительное *индеш(е)* 'девять', выступает в качестве предельного числа. Магия обратного счета представлена в заговоре от рака. Поскольку заболевание тяжело поддается лечению, счет ведется от ста к нулю десятками или единицами, что должно усилить эффект быстрого выздоровления: *Шӱдӧ, индешле, кандашле, шымле, кудло, витле, нылле, кумло, коло, лу, индеше, кандаше, шымыт, кудыт, визыт, нылыт, кумыт, кокыт, икте, иктат уке, рак уке!* 'Сто, девяносто, восемьдесят, семьдесят, шестьдесят, пятьдесят, сорок, тридцать, двадцать, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, даже одного нет, рака нет!' [Петров, 2000, с. 106]; *… Шӱдӧ, индешлу индеше, … индешлу икте. Нимат уке. Локтыш, пошартыш, овылымо, шинчавочмо, йылмыпурылтмо, марий чер, руш чер, марий коштыра, руш коштыра нимат уке. Кандашлу индеше, … кандашлу икте. Нимат уке... … Икте. Нимат уке. Локтыш, пошартыш, овылымо, шинчавочмо, йылмыпурылтмо, марий чер, руш чер, марий коштыра, руш коштыра – нимат уке* [Петров, 1993, с. 133] 'Сто, девяносто девять, …, девяносто один. Ничего нет. Нет ни порчи, насылания болезни, сглаза, наговора, ни марийской болезни, ни русской болезни, ни марийской грязи, ни русской грязи. Восемьдесят девять, … восемьдесят один. Ничего нет... Один. Ни одного нет. Нет ни порчи, насылания болезни, сглаза, наговора, ни марийской болезни, ни русской болезни, ни марийской грязи, ни русской грязи – ничего нет'.

Числительное ***тӱжем*** 'тысяча' в марийских заговорах имеет значение множества, несет в себе обережную функцию, создавая преграду для нечисти: *Тӱжем-тӱжем име, тӱжем-тӱжем товар, тӱжем-тӱжем кӱзӧ, тӱжем-тӱжем пуда, чисте керемет, шырт, водыж тыйым шурен руэн пытарем, мемнан деке пурен от керт!* [Петров, 1993, с. 79] 'Тысяча-тысяча иголок, тысяча-тысяча топоров, тысяча-тысяча ножей, тысяча-тысяча гвоздей, Керемет, злой дух, исколочу-изрублю, к нам войти не сможешь!'

Заключение

В марийских заговорно-заклинательных традициях сакральную семантику из имеющегося множества приобретают только несколько числительных. Процессу символизации подвержены простые числительные (*ик(те)* / *икыт* 'один', *кум(ыт)* 'три', *ныл(ыт)* 'четыре', *шым(ыт)* 'семь', *индеш(е)* 'девять', *шӱдӧ* 'сто', *тӱжем* 'тысяча'), а также сложные (*нылле* 'сорок') и составные числительные (*нылле ик(те)* 'сорок один', *шымле шым(ыт)* 'семьдесят семь'), обладающие национально-культурной семантикой.

Используя числительные в магической практике, медиумы, сами того не осознавая, наделяли колдовские и теургические ритуалы особым сакральным смыслом. Первоочередная задача числительных заключалась в создании ряда условий, при которых колдун или болезнь не могли «пристать» к человеку или домашнему скоту, а также можно было избавить людей, скот от болезней, семью – от напастей и т.п. При этом числительное отражает мировоззренческие взгляды народа и в отдельно взятом контексте может иметь различную трактовку. Анализ обозначенных в статье числительных показал, что их этнокультурные особенности раскрываются в следующих значениях: 1) минимальное темпоральное значение (*ик минут, ик секундышто* 'за одну минуту, за одну секунду'); 2) способность скорейшего выздоровления (*ик ияш укш гай* 'как однолетняя ветка'); 3) увеличение магической силы заговора (*кум гана каласаш* 'сказать трижды', *шым суксо* 'семь ангелов', *ик копаш* 'в одну ладонь'); 4) мысленная реконструкция разрушенной целостности пространства (*ныл лукым нылынек* 'все четыре угла'); 5) отождествление с неким магическим пределом (*шымлу шым памаш* 'семьдесят семь родников', *шымлу шым тӱрлӧ кайык* 'семьдесят семь разных птиц').

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А. Запреты в системе воззрения мари: монография. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2018. 204 с.

Багин С.А. Гадатели и знахари у царевококшайских черемис: Этнографический очерк. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1910. 14 с.

Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов черемис. Казань: Центр. тип., 1915. 19 с.

Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. 178 с.

Калиев Ю.А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 447 с.

Ключников С.Ю. Священная наука чисел: символика, нумерология, психология. М.: Беловодье, 2007. 224 с.

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 298 с.

Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. Вятка: Губерн. тип., 1907. 79 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/001021_000070_29?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 07.08.2021).

Купцова О.Г. История изучения текстов марийских заговоров // Финно-угроведение. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. № 61. С. 19–27.

Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с.

Материалы фольклорных практик Марийского государственного университета (МФП МарГУ, Моркинский р-н РМЭ). Записи А.Е. Владимировой от А.И. Окашевой, 1949 г.р., д. Осипсола Моркинского района Республики Марий Эл, 2009.

Материалы фольклорных практик Марийского государственного университета (МФП МарГУ, Параньгинский р-н РМЭ). Записи Е.М. Даниловой от В.Я. Смоленцевой, 1930 г.р., д. Яндемирово Параньгинского района Республики Марий Эл, 2001.

Материалы фольклорных практик Марийского государственного университета (МФП МарГУ, Краснокамский р-н РБ). Записи Е.Ю. Иштугановой от Е. Именбаевой, 1945 г.р., д. Редькино Краснокамского района Республики Башкортостан, 2002.

Материалы фольклорных практик Марийского государственного университета (МФП МарГУ, Куженерский р-н РМЭ). Записи М.В. Каменщиковой от Т.Н. Мокеевой, 1913 г.р., д. Чашкаял Куженерского района Республики Марий Эл, 1996.

Материалы фольклорных практик Марийского государственного университета (МФП МарГУ, Советский р-н РМЭ). Записи М. Ивановой от А.В. Шалаевой, 1930 г.р., д. Кундыштур Советского района Республики Марий Эл, 1991.

Материалы фольклорных практик Марийского государственного университета (МФП МарГУ, Волжский р-н РМЭ). Записи Н.И. Гордеевой от А.К. Гордеевой, 1945 г.р., д. Учейкино Волжского района Республики Марий Эл, 2001.

Материалы фольклорных практик Марийского государственного университета (МФП МарГУ, Сернурский р-н РМЭ). Записи О.Ю. Орловой от О.И. Степановой, 1932 г.р., д. Шударово Сернурского района Республики Марий Эл, 2003.

Материалы фольклорных практик Марийского государственного университета (МФП МарГУ, Новоторъяльский р-н РМЭ). Записи Р.А. Милютиной от Е.В. Патрушевой, 1924 г.р., д. Нижнее Токматово Новоторъяльского района Республики Марий Эл, 1997.

Муратова Р.Т. Символика чисел в языке и культуре башкир. Монография. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.

Петров В.Н. Тӱрлӧ локтымо, чер, мужо ваштареш шӱведымаш. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 160 с.

Петров В.Н. Марийская народная медицина. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. 116 с.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: АСТ, 2005. 463 с.

Поповкина С.Г. Народная медицина и знахарство восточных славян: традиции и новации в условиях Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. № 1 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-meditsina-i-znaharstvo-vostochnyh-slavyan-traditsii-i-novatsii-v-usloviyah-dalnego-vostoka-rossii (дата обращения: 05.08.2021).

Стрелкова О.Б. Имена числительные удмуртского языка. История и типология: Монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. 238 с.

Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола: МПИК, 2007. 312 с.

Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 629–630.

Федотова Е.В. Чувашские народные заговоры: современное состояние // Сборник научных статей «Всероссийский конгресс фольклористов». 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chuvashskie-narodnye-zagovory-sovremennoe-sostoyanie (дата обращения: 07.08.2021).

Oksana Kuptcova

SACRED SYMBOLISM OF NUMERALS IN THE MARI INCANTATION TRADITION

Introduction. The numeral, as an element of spiritual culture, contains the coded information about people's world view and world outlook. The presence of additional culturological connotations makes the numeral an object of evaluation and symbolization. Sacred ethno-semantics of numbers is formed on the basis of people's ancient worldviews and later followed by its fixation in separate genres of oral folk art, mythological and cosmogonic representations, and traditions of people. **The purpose** of the article is to discover the sacred meanings and functions of numerals in the Mari incantation texts. **Materials and methods**. The material for the study was obtained by means of a complete sampling from the collections of incantation texts and folk medicine by V.N. Petrov [20, 21], materials of the Mari State University students' folklore practices, held in the period between 1980 and 2009 on the territories of the Republic of Mari El and the Republic of Bashkortostan [5-12]. The analytical survey aims at identifying aspects in the Mari incantation texts, which have not been studied yet. **The results of the research, the discussion**. Verbal magic is an indispensable component of the faith-healer's practice. Whispering as a word-magic formula creates the effect of suggestive action of incantation texts. The effect of suggestiveness in the Mari incantations is achieved, among other techniques and means, by the use of sacral numbers with their symbolic meanings. **Conclusion**. Simple numerals: (*ик(те)* / *икыт* 'one', *кум(ыт)* 'three', *ныл(ыт)* 'four', *шым(ыт)* 'seven', *индеш(е)* 'nine', *шӱдӧ* 'a hundred', *тӱжем* 'a thousand') and also compound numerals (*ныллe ик(те)* 'forty one, *шымлу шым(ыт)* 'seventy seven') acquire sacral semantics in the Mari incantations traditions. The numerals used in rituals and ceremonies are modified into distinctive ethnic and code marks inside incantation texts. The study of the numerals functions helps to get into the depth of the national and cultural world outlook.

Keywords: Mari incantations; sacrality; numeral; semantics; function.

REFERENCES

Abukaeva L.A. Zaprety v sisteme vozzreniia Mari: monografiia [Taboos in the Mari outlook: a monograph]. Ioshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2018, 204 p.

Bagin S.A. Gadateli i znakhari u tsarevokokshaiskikh cheremis [Fortune tellers and faith-healers of the Tsarevokokshaisk Cheremis]. Kazan', Tipo-litografija Imperatorskogo universiteta, 1910, 14 p.

Vasil'ev V.M. Materialy dlia izucheniia verovanii i obriadov cheremis [Materials for the study of the Cheremis beliefs and rituals]. Kazan', Central'naja tipografija, 1915, 19 p.

Evsiukov V.V. Mify o Vselennoi [Myths about the Universe]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 178 p.

Notes of A.E. Vladimirova from A.I. Okasheva, born in 1949, Osipsola village, Morkinsky district of the Republic of Mari El, 2009.

Notes of E.M. Danilova from V.Ia. Smolentseva, born in 1930, Iandemirovo village Paran'ginsky district of the Republic of Mari El, 2001.

Notes of E.Iu. Ishtuganova from E. Imenbaeva, born in 1945, Red'kino village, Krasnokashsky district of the Republic Bashkortostan, 2002.

Notes of M.V. Kamenshchikova from T.N. Mokeeva, born in 1913, Chashkaial village, Kuzhenersky district of the Republic of Mari El, 1996.

Notes of M. Ivanova from A.V. Shalaeva, born in 1930, Kundyshtur village, Sovetsky district of the Republic of Mari El, 1991.

Notes of N.I. Gordeeva from A.K. Gordeeva, born in 1945, Ucheikino village, Volzhsky district of the Republic of Mari El, 2001.

Notes of O.Iu. Orlova from O.I. Stepnova, born in 1932, Shudarovo village, Sernursky district of the Republic of Mari El, 2003.

Notes of R.A. Miliutina of E.V. Patrusheva, born in 1924, Nizhnee Tokmatovo village, Novotor"ial'sky district of the Republic of Mari El, 1997.

Kaliev Iu.A. Mify mariiskogo naroda [Myths of the Mari people]. Ioshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo, 2019, 447 p.

Kliuchnikov S.Iu. Sviashchennaia nauka chisel: simvolika, numerologiia, psikhologiia [The sacred science of numbers: symbolism, numerology, psychology]. Moscow, Belovod'e, 2007, 224 p.

Konovalova N.I. Sakral'nyi tekst kak lingvokul'turnyi fenomen [The sacred text as a lingo-cultural phenomen]. Ekaterinburg, Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2007, 298 p.

Kuznetsov S.K. Kul't umershikh i zagrobnye verovaniia lugovykh cheremis [Cult of the dead and afterlife beliefs of the Meadow Cheremis]. Viatka, Gubernskaja tipografija, 1907, 79 p., available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/001021_000070_29?page=1&rotate=0&theme=white (accessed 02 August 2021)

Kuptsova O.G. Istoriia izucheniia tekstov mariiskikh zagovorov [The history of the Mari incantation texts study]. *Finno-ugrovedenie*. Ioshkar-Ola, Mari Research Institute, 2020, no. 61, pp. 19-27. DOI 10.51254/2312-0312_2020_61_02

Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Historical and ethno-graphical outlines]. Ioshkar-Ola, Mari Research Institute, 2013, 482 p.

Muratova R.T. Simvolika chisel v iazyke i kul'ture Bashkir [Numerals symbolism in the Bashkir language and culture]. Ufa, Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2012, 180 p.

Petrov V.N. Tūrlö loktymo, cher, muzho vashtaresh shūvedymash [Conspiracy texts from different diseases and witcheries]. Yoshkar-Ola, Mari kniga savyktysh, 1993, 160 p.

Petrov V.N. Mariiskaia narodnaia meditsina [The Mari folk-medicine]. Ioshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo, 2000, 116 p.

Petrukhin V.Ia. Mify finno-ugrov [Myths of the Finno-Ugric peoples]. Moscow, AST, 2005, 463 p.

Popovkina S.G. Narodnaia meditsina i znakharstvo vostochnykh slavian: traditsii i novatsii v usloviiakh Dal'nego Vostoka Rossii. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, 2008, no. 1 (5), available at: https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-meditsina-i-znaharstvo-vostochnyh-slavyan-traditsii-i-novatsii-v-usloviyah-dalnego-vostoka-rossii (accessed 05 August 2021).

Strelkova O.B. Imena chislitel'nye udmurtskogo iazyka. Istoriia i tipologiia [Numerals in the Udmurt language. History and typology]. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2013, 238 p.

Toidybekova L.S. Mariiskaia mifologiia [Mari mythology]. Ioshkar-Ola, MPIK, 2007, 312 p.

Toporov V.N. Chisla. Mify narodov mira [Numbers. Myths of the peoples of the world]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1982, Vol. 2, pp. 629-630.

Fedotova E.V. Chuvashskie narodnye zagovory: sovremennoe sostoianie [The Chuvash folk incantations: a contemporary state]. *Vserossiiskii kongress fol'kloristov: sbornik nauchnykh statei*, 2019, no. 4. available at: https://cyberleninka.ru/article/n/chuvashskie-narodnye-zagovory-sovremennoe-sostoyanie (accessed 07 August 2021).

Купцова Оксана Геннадьевна
кандидат филологических наук, доцент,
Марийский государственный университет,
Межрегиональный открытый социальный институт,
г. Йошкар-Ола
e-mail: kuptcovaog@yandex.ru

Oksana Kuptsova
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Mari State University,
Interregional Open Social Institute,
Yoshkar-Ola
e-mail: kuptcovaog@yandex.ru

УДК 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_04

МАРИЙСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИОГАННА ПЕТЕРА ФАЛЬКА (1785–1786)

© 2021 г. Шандор Матичак

Целью Оренбургской экспедиции 1768–1774 годов было исследование отдаленных регионов России, описание их флоры и фауны, а также географических характеристик. Из пяти подразделений крупного предприятия два отряда собирали материал на Кавказе и в Нижнем Поволжье, а три других занимались исследованием Среднего Поволжья, территории Оренбургской губернии и дальних уголков юга Сибири. Руководителями этих трех отрядов были известные ученые-естествоиспытатели: немцы П.С. Паллас и И.Г. Георги, русский ученый И.И. Лепехин и швед И.П. Фальк. Путешественники собрали не только огромное количество материала о флоре и фауне страны, но поездка внесла значительный вклад в этнографическое исследование: вернувшись, ученые сообщают новую информацию об образе жизни, обычаях и верованиях многих ранее малоизвестных народов. В отчеты включены и лингвистические данные: помимо татарских, чувашских, калмыцких, киргизских, тунгусских, китайских слов путевые заметки содержат также некоторые финно-угорские данные, в основном мордовские, марийские и удмуртские слова. В данной статье приводится марийский материал И.П. Фалька. Он включает 46 названий растений и 51 название животных, а также список из 67 марийских слов. Большая часть этих данных еще не обработана. Материал содержит ряд слов, являющихся здесь первым их письменным упоминанием.

Ключевые слова: история марийского языка; марийская письменность; И.П. Фальк; лексический материал.

1. Первооткрыватели дальних земель

Петербургская Академия наук, основанная в 1725 году, с самого начала своего существования считала важным исследование отдаленных мест разросшейся империи, описание их географических особенностей и представление подробного перечня ее флоры и фауны. Первая такая крупная инициатива произошла в 1733 году, когда Академия организовала семь различных отрядов для освоения северного и восточного побережья России. Эти отряды на корабле проделали путь от Архангельска до самых берегов Японии вдоль суровых северных берегов Ледовитого океана, вернувшись с огромным количеством новой информации для мира науки. Восьмая экспедиция преследовала совершенно иную цель: это была «группа академиков», которая под руководством немца Г.Ф. Миллера, а затем его соотечественника И.Э. Фишера обошла большую часть Сибири, собрав бесценные географические и метеорологические данные, описав флору и животный мир огромной территории. Кроме того они уделяли внимание проживающим там народам, описывали обычаи и образ жизни населения, историю регионов, а также были собраны лингвистические данные. Экспедиция длилась десять лет, Фишер вернулся в Петербург в 1743 году.

Несколько десятилетий спустя академия, предоставив огромную финансовую поддержку, снова организовала новые экспедиции. 3 июня 1769 года Венера проходит перед Солнцем, заставив по всему миру армию ученых и астрономов-любителей тронуться в путь, поскольку при помощи измерений в отдаленных точках земного шара можно было рассчитать расстояние между Землей и Солнцем, и исходя

из этого – другими планетами. В рамках первого в истории науки столь крупного сотрудничества 151 исследователь двинулся в путь, и эти ученые побывали и провели измерения в 77 местах. Конечно, к сотрудничеству присоединилась и Россия – под руководством известного полимата-естествоиспытателя М.В. Ломоносова измерения проводились в шести разных местах, от Кольского полуострова до Сибири.

Академия решила, что параллельно с изучением небесных явлений стоит взглянуть и на мир земной. С этой целью была организована еще одна масштабная экспедиция. Это предприятие было названо Оренбургской экспедицией, но само название не совсем точное, поскольку исследователи посетили не только Оренбургскую губернию, но и Среднюю и Нижнюю Волгу, Кавказ, Башкирию и Южный Урал. Они проводили исследования в регионах Екатеринбурга, Омска, Томска, Красноярска, Иркутска и Байкала и дошли до российско-китайской границы, более того, один из отрядов, повернув на север, собирал материал в округе Мурманска и Архангельска. Экспедиция отправилась в путь летом 1768 года. Последние участники вернулись в Петербург в 1774 году.

Экспедиция разделилась на пять отрядов, три из которых были названы Оренбургской экспедицией, а два – Астраханской экспедицией. Поскольку научная жизнь в России еще не была достаточно дифференцированной, группы возглавлялись в основном иностранными учеными, которые проводили не только географические, метеорологические, зоологические наблюдения, но и досконально описывали этнографию, внешний вид, обычаи, образ жизни, одежду, верования народов, проживающих на исследуемых ими территориях. Кроме этого, был собран значительный лингвистический материал: согласно моим исследованиям, они вернулись из путешествия, собрав более полутора тысяч слов только из финно-угорских и самодийских языков, и помимо этого, данные многих других языков (в основном калмыцкого, татарского, бурятского, тунгусского).

Руководителем всей экспедиции и одновременно первого оренбургского отряда был молодой, всего 28 лет, но уже известный, признанный берлинский естествоиспытатель Петер Симон Паллас (1741–1811). Второй отряд возглавил русский ученый Иван Иванович Лепёхин (1740–1802). Иоганна Петера Фалька (1732–1774) из Швеции попросили возглавить третью группу. Два Астраханского отряда возглавляли Самуил Готлиб Гмелин (1744–1774) и Иоганн Антон Гюльденштедт (1745–1781). Оба были немцами, как и Иоганн Готлиб Георги (1729–1802), работавший в группах Палласа и Фалька. Эти ученые еще до экспедиции жили и работали в России, служа в Петербургской Академии. [Об экспедиции: Александровская, Широкова, Романова, 2011; Гнучева, 1940, с. 95–108; Козлов, 2001; о научно-философском обосновании экспедиций см. Загребин, 2006, с. 127–128; Загребин, 2011, с. 62–63.]

Вернувшись из многолетнего путешествия, участники экспедиции изложили свои заметки в книгах. Описание Палласа “Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs” появилось в четырех томах в период между 1771 и 1776 годами.[1] Материалы Лепёхина были опубликованы между 1771 и 1805 годами.[2] Дорожные заметки Фалька “Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs” были напечатаны в трех томах в 1785–1886 годах общим объемом 1070 страниц.[3] Материал был издан И.Г. Георги спустя десять лет после смерти Фалька.[4]

[1] По-русски: Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи, 1773–1788.

[2] Дневныя записки путешествія доктора и Академіи наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства.

[3] https://www.e-rara.ch/zuz/content/zoom/ 14681680

[4] Дорожные заметки Фалька позже были опубликованы на русском языке в 6-м и 7-м томах многотомного издания «Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи». Структура русского перевода существенно отличается от оригинала, он значительно короче и содержит мало лингвистических данных. В шестом томе («Записки Путешествія Академика Фалька», 1824) на 546 страницах изложено описание пути Фалька из Санкт-Петербурга в Томск, а в седьмом («Заключающій въ себѣ дополнительныя статьи къ Запискамъ Путешествія Академика Фалька», 1825) – путешествия Барданеса и Фалька по киргизским степям, Бухаре и Хиве и, наконец, информацию по гидрологии и минералогии (этот том включает 223 страницы). Доступ томов в интернете: https://runivers.ru/upload/iblock/49e/Polnoe sobranie puteshestviy po Rossii_6_tom.pdf; https://runivers.ru/upload/iblock/499/Polnoe sobranie puteshestviy po Rossii_7_tom.pdf

Георги сам редактировал свои путевые заметки (“Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772–1774” [Комментарии к путешествию по Российской Империи в 1772–1774 годах]). Использовав эти материалы, он написал труд под названием “Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs”,[5] в котором сообщает ценную информацию о восьмидесяти народах.

В данном исследовании я представляю труд руководителя третьего, оренбургского отряда И.П. Фалька, сосредоточившись на лингвистических данных сбора марийского языка.

2. Жизнь и деятельность Иоганна Петера Фалька

Иоганн Петер Фальк[6] родился в Кокстропе на юго-западе Швеции. Его отец был проповедником. Наиболее вероятной датой его рождения был 1732 год. В 1751 году он поступил в Уппсальский университет, где изучал ботанику и медицину, был учеником Карла фон Линнея. В июне 1762 года он защитил докторскую диссертацию по ботанике и, в соответствии с обычаями своего времени, был удостоен звания доктора медицины.

По рекомендации Линнея в следующем году Фальк начал работать в Санкт-Петербургской академии в России. Линней отправил своих учеников («апостолов») по всему миру, чтобы собрать как можно больше семян, растений, трав и открыть новые виды животных.

Фальк в Петербурге сперва стал куратором естественнонаучного кабинета лечащего врача Екатерины II. С.Ф. Крузе, затем в 1765 году он был назначен профессором ботаники и директором ботанического сада.

Третьий отряд Оренбургской экспедиции во главе с Фальком покинул Петербург в начале сентября 1768 года. В состав отряда вошли художник и препаратор грек Христофор Барданес, а также трое российских студентов: Иван Быков, Михаил Лебедев и Степан Кашкарев. Позже Барданеса сменил Карл Клейн. В 1770 году к компании присоединился ранее упомянутый Иоганн Готлиб Георги.

Осенью 1768 года группа Фалька через Новгород и Тверь отправилась в Москву. Там они провели зиму. В путь отправились в марте следующего года, заезжая в Коломну, Рязань, Пензу, Сызрань, Саратов, доехали до Царицына. В первой половине 1770 года они побывали на Среднем Дону, а затем исследовали Астраханскую область. Затем они направляются на восток через калмыцкие степи и в августе 1770 года прибыли в Оренбург, а оттуда отправились в Челябинск, где к ним присоединился Георги. Летом 1771 года они двинулись в Сибирь: побывали в Тобольске, Таре, Барнауле и по Оби добрались до Кузнецка. Конец года они провели в Томске. Затем в марте 1772 года тронулись в обратный путь. Основными остановками на их пути были Тобольск, затем Тюмень и Екатеринбург. В октябре они уже прибыли в Казань. Перезимовав здесь, в июне 1773 года спустились по Волге до Астрахани, оттуда – в кавказский Моздок, объехали район реки Терек. Вернулись в Казань в декабре. Между тем Барданес в 1771 году в одиночку совершил две поездки по казахской степи, обошел верховья рек Тобол и Иртыш.

Фальк не выносил тягот путешествия ни психически, ни физически. Его постоянно мучила подагра и сильные головные боли, он почти не выходил с походных баз. Академия в уже 1770 году была осведомлена о его болезни, поэтому Фальку послали на помощь Георги. Позже болезнь Фалька обострилась, и чтобы облегчить боль, он начал принимать опиум. Его депрессия и ипохондрия взяли над ним верх и в марте 1774 года, в Казани, он покончил с собой. Записи полевых наблюдений, написанные на шведском, немецком и латинском языках, были отредактированы для издания И.Г. Георги, который работал с ним в полевых условиях и был хорошо знаком с его почерком (см. выше) [О жизни и трудах Фалька: Шафрановская, 1973, с. 255–262; Schwamm, 1980, с. 99–110; Носкова, 2007, с. 1103–1106; Киссер, 2016, с. 53–60; Широкова, Александровская, 2019, с. 269–281.]

3. Марийский материал в “Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs”

Фальк в первом томе своих дорожных заметок, изложенных на немецком языке, представляет крупные поселения региона средней

[5] По-русски: Описание всех в Российском государстве обитающих народов, 1776–1780.

[6] Варианты его имени: Juhan, Pehr, Falck. В русских источниках: Юхан/Йохан/Иоганн Петер Фальк, Иван Петрович Фальк.

Волги: помимо центра Казанской губернии он дает информацию и о городах Царевококшайске (в настоящее время Йошкар-Ола), Космодемьянске, Цивильске, Чебоксарах, Кокшайске, Свияжске и Арске [см.: Beytr. 1, p. 142–160].[7] Он сообщает подробные данные о географических, гидронимических и топографических характеристиках посещенных им мест. Ученый также описывает этнический состав уездов и поселений и излагает подробные статистические данные о роде занятий и о проценте христианского населения.

В этом сборнике мало материала на марийском языке, только в описании народов Кавказа и в представлении флоры и фауны Казанского уезда Фальк знакомит с названиями некоторых растений и животных [Beytr. 1, S. 90, 152–155]. Помимо немецких и русских названий, он обычно дает чувашские, мордовские, татарские, удмуртские, а иногда и армянские, грузинские, калмыцкие и черкесские названия. Здесь дано десять имен растений на марийском языке.

Во втором томе (“Beyträge zur Mineral- und Pflanzengeschichte”) – после представления вод и почвы, минералов, солей, металлов – Фальк публикует 1288 названий растений в соответствии с таксономической классификацией. В начале словарных статей он приводит названия растений на латинском языке, места их произрастания, а затем лингвистические данные: кроме русских, татарских, чувашских, башкирских, калмыцких, киргизских, монгольских, армянских, мордовских, удмуртских, хантыйских и мансийских названий дается 38 слов на марийском языке.

Первая половина третьего тома (“Beyträge zur Thierkenntniß und Wölkerbeschreibung”) содержит описание 412 животных, структура словарных статей совпадает с описанием названий растений. Фальк приводит названия животных на нескольких языках, в том числе 43 марийских имени.

Вторая часть труда (“Beyträge zur Kenntniß der Nazionen Rußlands”) содержит описание 33 народов. Объем и структура описаний сильно различаются. Наиболее подробно даны описания калмыков, татар, бухарцев и киргизов (их жилищ, обычаев, религии и т.д.), но мордвинам, манси, коми и чувашам, например, отведено лишь по полстраницы (здесь автор указывает лишь численность их населения). У Фалька – в отличие от трех других путешественников – нет этнографических описаний, он не касается религии, обычаев и одежды каждого народа.

О марийцах Фальк пишет на 453–454 страницах этого тома. Народ финского происхождения (“ein finnischer Stamm”), проживает в Казанской, Симбирской, Пензенской, Вятской и Пермской губерниях. В XVIII веке всех окрестили. Если в 1723 году в Вятской губернии крестилось только 1091 человек, то к 1747 году крестилось уже 8618. То же самое произошло и в других губерниях. Фальк нелестно отзывается о марийцах: они равнодушны, медлительны, плохо говорят по-русски, сильно привязаны к древней религии. Во второй половине краткого описания приводятся только цифровые данные о населении. Из этих данных мы узнаем, что, например, в 1785 году[8] в Казанской губернии было 43 056 обращенных в христианство мужчин, тогда как 1673 человека еще были язычниками.

Этот раздел также содержит лингвистические данные: помимо названий месяцев на хантыйском, татарском, чулымском татарском и калмыцком языках, читатель может ознакомиться со списком слов, включающим 201 финское, 67 марийских, 86 удмуртских и 107 хантыйских слов и выражений, это в основном числительные, местоимения, названия природных явлений, растений и животных [Beytr. 3/2, c. 467–475][9] [краткий обзор материала Фалька см. также: Иванов, 1975, с. 10].

Как уже ранее указывалось, структура русского перевода значительно отличается от оригинала, он существенно короче. Из марийских данных в русскую версию включено лишь восемь названий растений и восемь названий животных, которые все взяты из первого тома “Beyträge…”. [10]

[7] Полное 6, с. 167–183.

[8] Дата указывает на то, что эта часть уже написана Георги.

[9] В этом томе размещен и другой список слов, содержащий 97 слов на языке казанских татар, 100 – на киргизском языке, 34 слова на языке бухарцев и 185 слов на калмыцком языке [с. 575–582].

[10] См. упомянутые данные в 1., 6., 29., 32., 36., 37., 40., 48., 50., 52., 54., 59., 69., 70., 81., 91. словарной статье первого раздела.

В следующем разделе статьи публикуется сбор марийской лексики Фалька. Структура словарной статьи следующая: в заголовке указываются оригинальные данные немецких томов, с латинским или немецким значением, данным Фальком,[11] сообщаются вышеупомянутые 16 данных на русском языке, а затем эквивалент данного слова в современном марийском на основе «Марийско-русского словаря» [МРС, 1991] и десятитомного «Словарь марийского языка» [СМЯ, 1990–2005], и также предоставляются данные из большого диалектологического словаря, вышедшего в 2008 году [Tscheremissisches Wörterbuch, TschWb].[12] В базе данных приводятся литературные формы лугового марийского, в соответствующих случаях указываются также эквиваленты на горном марийском диалекте.

3.1. Названия растений

(1) ***Arſcha, Ruſa*** ‘Winterrocken’ [Beytr. 1, S. 152]; *арша, руза* ‘рожь озимая’ [Полное 6, с. 185, 186]: *уржа* ‘рожь’ [МРС, с. 366; СМЯ 8, с. 92], *urža, ruža, rə̂ža* ‘Roggen’ [TschWb, S. 877].

(2) ***Baldron*** ‘Heracleum Sphondylium’ [Beytr. 2, S. 146/335 словарная статья): *полдыран,* горн. *палдыран* ‘борщевик’ [СМЯ 5, с. 162], *полдыранвуч* ‘борщевик’ (*пуч* ‘стебель’) [МРС, с. 254, 273], *polδə̂ran, polδran, palδə̂ran* ‘Bärenklau, Bartsch’ [TschWb, S. 527].

(3) ***Dſchåtyn*** ‘Linum usitatissimum’ [Beytr. 2, S. 153/373]: *йытын* ‘лен’ [МРС, с. 96; СМЯ 2, с. 202], *jə̂tə̂n, jitin, d'ə̂tə̂n* ‘Lein, Leinen, Flachs’ [TschWb, S. 210].

(4) ***Engeſch*** ‘Rubus Idaeus’ [Beytr. 2, S. 191 /582]: *энгыж* ‘малина’ [МРС, с. 452; СМЯ 10, с. 96], *eŋə̂ž, eŋəž* ‘Himbeere’ [TschWb, S. 136] → см. (41).

(5) ***Jakſchar*** ‘Ribes rubrum’ [Beytr. 2, S. 135/ 263]. Фальк записал лишь первую часть сложного слова, ср. *йошкар шоптыр* ‘красная смородина’ [МРС, с. 418], *jakšar-šaptə̂r* ‘Rote Johannisbeere’ [TschWb, S. 187] | *йошкар,* горн. *якшар* ‘красный’ [МРС, с. 87, 458; СМЯ 2, с. 132], *joškar, jakšar* ‘rot’ [TschWb, S. 187] → (6, 34, 106).

(6) ***Jobſcharſchmen*** ‘Rothe Beten’ [Beytr. 1, S. 153], *іобшаршменъ* ‘свекла’ [Полное 6, с. 187]: *йошкар ушмен* ‘свекла’ [РМС, с. 677]. Сложное слово: *йошкар* ‘красный’ → (5, 106) | *ушмен* ‘редька’ [МРС, с. 370], ‘брюква; свекла’ [СМЯ 8, с. 148], *ušmen* ‘Rettich; Kolhrübe; Rote Rübe; Rübe’ [TschWb, S. 881].

(7) ***Keſcher*** ‘Daucus Carota’ [Beytr. 2, S. 145/ 321]: *кешыр* ‘морковь’ [МРС, с. 114; СМЯ 2, с. 325], *kešə̂r* ‘Mohrrübe’ [TschWb, S. 242].

(8) ***Kina*** ‘Cannabis sativa’ [Beytr. 2, S. 264/ 1111]: *кыне* ‘конопля’ [МРС, с. 157; СМЯ 3, с. 266], *kə̂ńe, kińe* ‘Hanf’ [TschWb, S. 320].

(9) ***Koa*** ‘Betula Alba’ [Beytr. 2, S. 252/1066]: *куэ* ‘береза’ [МРС, с. 149; СМЯ 3, с. 208], *kue* ‘Birke’ [TschWb, S. 284].

(10) ***Korſchanga*** ‘Arctium Lappa’ [Beytr. 2, S. 234/914]: *коршанге* ‘репейник’ [МРС, с. 130; СМЯ 2, с. 462], *koršaŋge, koršaŋgə̂* ‘Klette’ [TschWb, S. 268].

(11) ***Koſch*** ‘Pinus Abies’ [Beytr. 2, S. 259/ 1091]: *кож* ‘ель, ёлка’ [МРС, с. 119; СМЯ 2, с. 367], *kož* ‘Fichte’ [TschWb, S. 272] → (16).

(12) ***Kra*** ‘Lauch’ [Beytr. 1, S. 153]: *krašuδo* ‘wild wachsendes Zwiebelgewächs’ (*šuδo* ‘Pflanze, Gras’) [TschWb, S. 322, 724].

(13) ***Kuſiponda*** ‘Cornus sanguinea’ [Beytr. 2, S. 117/172]: *кузивондо* ‘клещевина, белая жимолость’ [СМЯ 3, с. 99], *küzeβondo, küzü-βandə̂, kuzə̂-βandə̂* ‘Geißblatt’ [TschWb, S. 310]. Сложное слово, см. *ош-киза* ‘белая жимолость’ [МРС, с. 231], *шем-киза* ‘черная жимолость’ [МРС, с. 406] | *вондо* ‘стебель’ [МРС, с. 46], ‘куст, стебель’ [СМЯ 1, с. 282], *βondo* ‘Stängel; Stock, Stab; Busch, Strauch’ [TschWb, S. 49] → (43).

(14) ***Kuſuk, Kuſſuk, Kuſſak*** ‘Pinus cembra’ [Beytr. 2, S. 257/1088]. См. тат. *кузы агачы* ‘кедр сибирский’ (*кузы* ‘орех’) [ТРС 1966, с. 480].

(15) ***Lambu*** ‘Prunus Padus’ [Beytr. 2, S. 186/ 559]: *ломбо* ‘черемуха’ [МРС, с. 172; СМЯ 3, с. 376], *lombo* ‘Ahlkirsche’ [TschWb, S. 342] → (26).

[11] На 152–155 страницах “Beyträge…” и в списке слов Фальк дает значение на немецком языке, в остальных случаях – на латыни.

[12] В этом труде редакторы Сиркка Сааринен и Арто Моисио собрали и организовали сбор материала Волмари Поркка, Арвида Генетца, Юрьё Вихманна, Мартти Рясянена, Тойво Эмиля Уотилы и Эркки Итконена. Первые тексты датируются 1885 годом, а последние – серединой XX века. Вихманн собирал данные семи диалектов, а Итконен – четырех. В словаре представлен материал, сообщенный шестнадцатью информантами.

(16) ***Lame Koſch*** ‘Juniperus communis’ [Beytr. 2, S. 268/1121]: *лӱмегож* ‘можжевельник’ [МРС, с. 179; СМЯ 3, с. 457], *lüme-γož, lume-γož, lumekož* ‘Wacholder’ [TschWb, S. 708] | *кож* ‘ель, ёлка’ → (11).

(17) ***Lůl Pu*** ‘Betula Alnus’ [Beytr. 2, S. 253/1068]: *нӧлпӧ,* горн. *лӱлпы* ‘ольха’ [МРС, с. 178, 209; СМЯ 4, с. 194], *nölpö, lölpö, lülpü, lülpə* ‘Erle’ [TschWb, S. 422].

(18) ***Mada*** ‘Vaccinium Myrtyllus’ [Beytr. 2, S. 167/446]: *модо* ‘черника’ [МРС, с. 191; СМЯ 4, с. 68], *тодо, modə̂, тидə̂* ‘Heidelbeere, Blaubeere’ [TschWb, S. 384] → (42).

(19) ***Maka*** ‘Papaver somnifer. et orient.’ [Beytr. 1, S. 90]: *маке* ‘мак’ [МРС, с. 184; СМЯ 4, с. 11], *make* ‘Mohn’ [TschWb, S. 368].

(20) ***Mo̊r*** ‘Fragaria vesca’ [Beytr. 2, S. 192/588]: *мӧр* ‘ягода (обычно о землянике)’ [МРС, с. 194], см. *изимӧр* ‘земляника (лесная)’ (*изи* ‘маленький’) [МРС, с. 73], *мӧр* ‘клубника; ягоды (вообще), земляника’ [СМЯ 4, с. 87], *mör* ‘Gartenerdbeere, Erdbeere, Knackbeere, Beere’ [TschWb, S. 390].

(21) ***Muſch*** ‘Cannabis sativa’ [Beytr. 2, S. 264/1111]: *муш* ‘кудель’ [МРС, с. 197], ‘пенька, кудель’ [СМЯ 4, с. 112], *muš* ‘Werg, Hanffasern; fertig bearbeiteter Hanf’ [TschWb, S. 398].

(22) ***Nulga*** ‘Pinus picea’ [Beytr. 2, S. 259/1090]: *нулго* ‘пихта’ [МРС, с. 211; СМЯ 4, с. 220], *nulγo* ‘Edeltanne, Weißtanne’ [TschWb, S. 425].

(23) ***Nulgo*** ‘Ulmus campestris’ [Beytr. 2, S. 142/303]: *нолго* ‘ильм (вид вяза)’ [МРС, с. 208; СМЯ 4, с. 191], *nolγo* ‘Ulme, Esche’ [TschWb, S. 421] → (31).

(24) ***Nuſchi*** ‘Urtica dioica’ [Beytr. 2, S. 253/1071]: *нуж* ‘крапива’ [МРС, с. 210; СМЯ 4, с. 215], *nuž* ‘Nessel’ [TschWb, S. 427].

(25) ***Pandſche, Pyſche*** ‘Pinus sylvestris’ [Beytr. 2, S. 257/1087]: *пӱнчӧ* ‘сосна’ [МРС, с. 276; СМЯ 5, с. 413], *püńčö* ‘Kiefer, Föhre’ [TschWb, S. 573].

(26) ***Pibom pu, Puun Lum*** ‘Rhamnus Frangula’ [Beytr. 2, S. 134/260]: *пийломбо* ‘крушина’ [МРС, с. 249; СМЯ 5, с. 113]; *pij-lombo, pilombo* ‘Faulbaum, Pulverholz, Zapfenholz’ [TschWb, S. 512]. Сложное слово: *пий* ‘собака, пес’ [МРС, с. 249; СМЯ 5, с. 113], *pij* ‘Hund’ [TschWb, S. 511] → (70) | *ломбо* ‘черемуха’ → (15).

(27) ***Piſte*** ‘Tilai europaea’ [Beytr. 2, S. 197/611]: *писте* ‘липа’ [МРС, с. 250; СМЯ 5, с. 122], *piste* ‘Linde’ [TschWb, S. 515].

(28) ***Polan*** ‘Viburnum Opulus’ [Beytr. 2, S. 150/358]: *полан* ‘калина’ [МРС, с. 254; СМЯ 5, с. 160], *polan* ‘Schneeballbaum’ [TschWb, S. 527].

(29) ***Pursja*** ‘Erbsen’ [Beytr. 1, S. 153], *пурся* ‘горохъ’ [Полное 6, с. 187]: *пурса* ‘горох’ [МРС, с. 272; СМЯ 5, с. 360], *pursa, purśa* ‘Erbse’ [TschWb, S. 563].

(30) ***Schagan*** ‘Allium Copa’ [Beytr. 2, S. 157/391]: *шоган* ‘лук’ [МРС, с. 414; СМЯ 9, с. 174], *šoγan* ‘Zwiebel, Lauch’ [TschWb, S. 694].

(31) ***Schalo*** ‘Ulmus campestris’ [Beytr. 2, S. 142/303]: *шоло* ‘вяз’ [МРС, с. 416; СМЯ 9, с. 206], *šolo* ‘Ulme’ [TschWb, S. 703] → (23).

(32) ***Schaſch, Schorſh*** ‘Gersten’ [Beytr. 1, S. 152], *шашъ, шоршъ* ‘ячмень’ [Полное 6, с. 186]: *шож* ‘ячмень’ [МРС, с. 415; СМЯ 9, с. 184], *šož* ‘Gerste’ [TschWb, S. 713].

(33) ***Schelguſun Pu*** ‘Evonymus europaeus’ [Beytr. 2, S. 134/262].

(34) ***Schem Schepter*** ‘Ribes nigrum’ [Beytr. 2, S. 135/265]: *шем шоптыр* ‘черная смородина’ [МРС, с. 418; СМЯ 9, с. 90], *šem šoptə̂r* ‘Schwarze Johannisbeere’ [TschWb, S. 671]. Сложное слово: *шем,* горн. *шим* ‘черный’ [МРС, с. 406; СМЯ 9, с. 80], *šem* ‘schwarz’ [TschWb, S. 671] → (35, 41, 78) | *шоптыр* ‘смородина’ [МРС, с. 419; СМЯ 9, с. 236], *šoptə̂r* ‘Johannisbeere’ [TschWb, S. 709].

(35) ***Schem Schidan*** ‘Polygonum Fagopyrum’ [Beytr. 2, S. 171/461]: *шемшыдаӈ* ‘греча, гречиха’ [МРС, с. 407], *šem-šə̂daŋ* ‘Buchweizen’ [TschWb, S. 672]. Сложное слово: *шем* ‘черный’ → (34, 41, 78) | *шыдаӈ* ‘пшеница’ [МРС, с. 438; СМЯ 9, с. 452], *šə̂daŋ, šidaŋ* ‘Weizen’ [TschWb, S. 757] → (40).

(36) ***Schulei, Suloe*** ‘Haber’ [Beytr. 1, S. 152], *шулей, сулое* ‘овесъ’ [Полное 6, с. 186]: *шӱльӧ* ‘овес’ [МРС, с. 434; СМЯ 9, с. 402], *šül'ö, šül'ə̂* ‘Hafer’ [TschWb, S. 748].

(37) ***Tamak*** ‘Toback’ [Beytr. 1, S. 153], *тамакъ* ‘табакъ’ [Полное 6, с. 188]: *тамак* ‘табак’ [МРС, с. 323; СМЯ 7, с. 32], *tamak* ‘Tabak, Machorka’ [TschWb, S. 781].

(38) ***Tſchapki*** ‘Populus tremula’ [Beytr. 2, S. 266/1114]: *шопке,* горн. *шапки* ‘осина’ [МРС, с. 418; СМЯ 9, с. 234], *šopke, šapki* ‘Espe’ [TschWb, S. 708].

(39) ***Tʃchare Potʃcheg*** ‘Vaccinium Vitis Idea’ [Beytr. 2, S. 168/448]: *šor-pöťšüž* ’Moorbeere, Rauschbeere’ [TschWb, S. 710], *šerə-pötšə̂z, šer-pötšə̂z, šir-pötšə̂z* ’Preiselbeere’ [Beke 6, h. 1970]. Сложное слово: *шор* ’заболоченное место’ [СМЯ 8, с. 238], *šor* ’Sumpf, Morast’ [TschWb, S. 710] | *пӧчыж* ‘брусника’, горн. ‘клюква’ [МРС, с. 262; СМЯ 5, с. 241], *pöčə̂z* ‘Preiselbeere, Moorbeere’ [TschWb, S. 539] → (45).

(40) ***Tʃchedau, Schidau*** ‘Winterweizen’ [Beytr. 1, S. 152], *чедау, чидау* ‘озимая пшеница’ [Полное 6, с. 186]: *шыдаҥ* ‘пшеница’ → (35).

(41) ***Tʃchem Egeʃch*** ‘Rubus fruticosus’ [Beytr. 2, S. 192/584]: *шеменгыж* ‘ежевика’ [МРС, с. 406], *šem-eŋəž, šem-eŋež* ‘Brombeere’ [TschWb, S. 671]. Сложное слово: *шем* ‘черный’ → (34, 35, 78) | *эҥыж* ‘малина’ → (4).

(42) ***Tʃcheride Modun*** ‘Vaccinium uliginosum’ [Beytr. 2, S. 168/447]: *шордымодо* ‘голубика’ [МРС, с. 419; СМЯ 9, с. 241]. Сложное слово: *шордо* ‘лось’ [МРС, с. 419; СМЯ 9, с. 241], *šordo, šordə̂* ‘Elch, Hirsch, Rentier’ [TschWb, S. 711] → (82) | *модо* ‘черника’ → (18).

(43) ***Tʃchugar Ponda*** ‘Rosa canina’ [Beytr. 2, S. 191/581]: *шуанвондо* ‘шиповник’ [МРС, с. 424; СМЯ 9, с. 291], *šuan-βondo, šuan-βondə̂, šuan-pondo* ‘Heckenrosenbusch’ [TschWb, S. 719]. Сложное слово: *šuan* ‘stachlig, dornig’ [TschWb, S. 719] | *вондо* ‘стебель’ → (13).

(44) ***Tʃchuman*** ‘Quercus Robur’ [Beytr. 2, S. 256/1082]: *тумо* ‘дуб’ [МРС, с. 345; СМЯ 7, с. 254], *tumo* ‘Eiche’ [TschWb, S. 826].

(45) ***Tuma Potʃches*** ‘Vaccinium Oxycoccos’ [Beytr. 2, S. 168/449]: *турнявӧчыж* ‘клюква’ [МРС, с. 347; СМЯ 7, с. 289], *turńa-pöťšə̂ž* ‘Moorbeere’ [TschWb, S. 830]. Сложное слово: *турня* ‘журавль’ [МРС, с. 347; СМЯ 7, с. 288], *turńa* ‘Kranich’ [TschWb, S. 830] | *пӧчыж* ‘брусника’, горн. ‘клюква’ → (39).

(46) ***Umula*** ‘Humulus Lupulus’ [Beytr. 2, S. 265/1112]: *умла,* горн. *ымыла* ‘хмель’ [МРС, с. 365; СМЯ 8, с. 67], *umla, umala, umula, umə̂la* ‘Hopfen’ [TschWb, S. 871].

(47) ***Waʃchtar*** ‘Acer campestre’ [Beytr. 2, S. 270/1138]: *ваштар* ‘клен’ [МРС, с. 35; СМЯ 1, с. 201], *βaštar* ‘Ahorn’ [TschWb, S. 31].

(48) ***Wiſtja*** ‘Spelt’ [Beytr. 1, S. 153], *вистья* ‘полба’ [Полное 6, с. 187]: *висте* ‘полба’ [МРС, с. 41; СМЯ 1, с. 242], *βiste, βistə* ‘Spelt’ [TschWb, S. 42].

3.2. Названия животных

(49) ***Alangu*** ‘Perca fluviatilis’ [Beytr. 3, S. 421/4]: *алангы* ‘окунь’ [МРС, с. 17], *оланге,* горн. *алангы* [СМЯ 4, с. 288], *olaŋge, olaŋgə̂, alangə̂* ‘Barsch’ [TschWb, S. 447].

(50) ***Alaʃcha*** ‘Equus caballus’ [Beytr. 3, S. 289/11], ***Alaʃch*** ‘Stute’ [Beytr. 1, S. 154], *алашъ* ‘кобыла’ [Полное 6, с. 189]: *алаша* ‘мерин’ [МРС, с. 17; СМЯ 1, с. 65], *alaša, alša* ‘Wallach’ [TschWb, S. 9] → (69, 93).

(51) ***Arlan*** ‘Glis Cricetus’ [Beytr. 3, S. 303/28]: *арлан* ‘хомяк’ [МРС, с. 22; СМЯ 1, с. 104], *arlan* ‘Hamster’ [TschWb, S. 16].

(52) ***Aſkal*** ‘Kuh’ [Beytr. 1, S. 154], *аскалъ* ‘корова’ [Полное 6, с. 189]: *ушкал* ‘корова’ [МРС, с. 370; СМЯ 8, с. 146], *uškal, ə̂škal, škal* [TschWb, S. 880] → (153).

(53) ***Balan*** ‘Felis Lynx’ [Beytr. 3, S. 321/64] → (76).

(54) ***Imna*** ‘Pferde’ [Beytr. 1, S. 154], *имна* ‘лошадь’ [Полное 6, с. 189]: *имне* ‘лошадь, конь’ [МРС, с. 77; СМЯ 2, с. 54], *imńe, imńə̂* ‘Pferd’ [TschWb, S. 159] → (102).

(55) ***Kadama*** ‘Salmo Thymallus’ [Beytr. 3, S. 427/21]: *кадама* ‘пескарь’ [МРС, с. 98; СМЯ 2, с. 215], *кодата* ‘Gründling; Äsche’ [TschWb, S. 251].

(56) ***Kalga*** ‘Mus musculus’ [Beytr. 3, S. 308/40]: *каля, коля* ‘мышь’ [МРС, с. 101, 124], *коля,* горн. *каля* ‘мышь’ [СМЯ 2, с. 399], *koľa* ‘Maus’ [TschWb, S. 260].

(57) ***Koma, Kuma*** ‘Lutra vulgaris’ [Beytr. 3, S. 313/51]: *кома* ‘выдра’ [МРС, с. 124; СМЯ 2, с. 401], *koma* ‘Fischotter’ [TschWb, S. 261].

(58) ***Korak*** ‘Cyprinus Caraffias’ [Beytr. 3, S. 429/28]: *карака* ‘карась’ [МРС, с. 104; СМЯ 2, с. 252], *karaka* ‘Karausche’ [TschWb, S. 224].

(59) ***Koʃa*** ‘Ziegen’ [Beytr. 1, S. 155], *коза* ‘козел, коза’ [Полное 6, с. 190]: *каза* ‘коза’ [МРС, с. 99; СМЯ 2, с. 219], *kaza* ‘Ziege’ [TschWb, S. 227].

(60) ***Kumbo*** ‘Anas Anser’ [Beytr. 3, S. 344/60]: *комбо* ‘гусь’ [МРС, с. 124; СМЯ 2, с. 404], *kombo* ‘Gans’ [TschWb, S. 261].

(61) ***Kurak*** ‘Corvus Cornix’ [Beytr. 3, S. 335/33]: *корак* ‘ворона’ [МРС, с. 128; СМЯ 2, с. 440], *korak* ‘Krähe’ [TschWb, S. 265] → (78).

(62) ***Kurmutʃch*** ‘Corvus Corone’ [Beytr. 3, S. 335/31]: *курныж* ‘коршун; ворон’ [МРС,

с. 144], *курныж* ‘коршун’ [СМЯ 3, с. 154], *kurnə̑ž, kurnuž* ‘Rabe’ [TschWb, S. 295].

(63) ***Lanba*** ‘Gadus Lota’ [Beytr. 3, S. 421/1]: *лямбе* ‘налим’ [СМЯ 3, с. 498], *ľambe, lambe* ‘Quappe’ [TschWb, S. 365].

(64) ***Lui*** ‘Mustela martes’ [Beytr. 3, S. 313/53]: *луй* ‘куница’ [МРС, с. 175; СМЯ 3, с. 412], *luj* ‘Marder’ [TschWb, S. 350].

(65) ***Lumuſch*** ‘Mustela Zibellina’ [Beytr. 3, S. 315/56]: *лумшо* ‘соболь’ [МРС, с. 176; СМЯ 3, с. 425], *lə̑mə̑ź* ‘ein Tier (in der Größe eines Marders)’ [TschWb, S. 361].

(66) ***Maska, Maskja*** ‘Ursus Arctos’ [Beytr. 3, S. 286/6]: *маска* ‘медведь’ [МРС, с. 186; СМЯ 4, с. 26], *maska* ‘Bär’ [TschWb, S. 374].

(67) ***Meran, Merang*** ‘Lepus alpinus, Lepus timidus’ [Beytr. 3, S. 298/23]: *мераҥ* ‘заяц’ [МРС, с. 188; СМЯ 4, с. 45], *meraŋ* ‘Hase’ [TschWb, S. 377].

(68) ***Nerge*** ‘Ursus Meles’ [Beytr. 3, S. 288/7]: *нерге* ‘барсук’ [МРС, с. 206; СМЯ 4, с. 176], *nerγe* ‘Dachs’ [TschWb, S. 418].

(69) ***Oſcha*** ‘Equus caballus’ [Beytr. 3, S. 289/11], *Oſcha* ‘Hengst’ [Beytr. 1, S. 154], *оша* ‘жеребец’ [Полное 6, с. 189]: *ожо* ‘жеребец’ [МРС, с. 216; СМЯ 4, с. 262], *ožo, ožə̑* ‘Hengst’ [TschWb, S. 475] → (50, 96).

(70) ***Pi*** ‘Hunde’ [Beytr. 1, S. 155], *пи* ‘собака’ [Полное 6, с. 190]: *пий* ‘собака, пес’ → (26).

(71) ***Pirje, Pire*** ‘Canis Lupus’ [Beytr. 3, S. 322/65]: *пире* [МРС, с. 250; СМЯ 5, с. 119], *pire, piŕe* ‘Wolf’ [TschWb, S. 513].

(72) ***Pſschara*** ‘Mustela prutorius’ [Beytr. 3, S. 314/55]: *пушара* ‘вонячка (зверек)’ [МРС, с. 274], ‘хорек, хорь черный’ [СМЯ 5, с. 382], *pušara, pə̑šara* ‘Murmeltier’ [TschWb, S. 565].

(73) ***Putſche*** ‘Cervus Tarandus’ [Beytr. 3, S. 297/20]: *пӱчӧ* ‘олень’ [МРС, с. 279; СМЯ 5, с. 448], *püčö, putšə̑* ‘Rentier’ [TschWb, S. 570].

(74) ***Ribik, Rub uſch*** ‘Canis Vulpes’ [Beytr. 3, S. 324/66]: *рывыж* ‘лиса’ [МРС, с. 295; СМЯ 6, с. 95], *rə̑ßə̑ž, rə̑ßə̑š, rißi̯ž, rüßüž* ‘Fuchs’ [TschWb, S. 607].

(75) ***Schaba*** ‘Rana Bufo’ [Beytr. 3, S. 411/3]: *жаба* ‘жаба; лягушка’ [СМЯ 1, с. 443], *žaβa, užaβa* ‘Frosch, Kröte’ [TschWb, S. 881].

(76) ***Scharmanyſch*** ‘Felis Lynx’ [Beytr. 3, S. 321/64]: *шурмаҥше* ‘рысь’ [МРС, с. 430; СМЯ 9, с. 358], *šurmaŋše, šurmaŋšʲ, šurmaŋə̑ž* ‘Luchs’ [TschWb, S. 652] → (53).

(77) ***Schåſchka*** ‘Lutra minor’ [Beytr. 3, S. 313/52]: *шашке* ‘норка’ [МРС, с. 404; СМЯ 9, с. 58], *šaške, šäške* ‘ein Wassertier, Fischotter, Otter’ [TschWb, S. 667].

(78) ***Schim Kurak*** ‘Corvus Corax’ [Beytr. 3, S. 335/30]. Сложное слово: *шем, шим* ‘черный’ → (34, 35, 41) | *корак* ‘ворона’ → (61).

(79) ***Sching Schale*** ‘Lacerta vulgaris’ [Beytr. 3, S. 412/9]: *шыҥшале* ‘ящерица’ [МРС, с. 441; СМЯ 9, с. 493], *šə̑ŋšaľe, ši̯ŋšaľɛ* ‘Eidechse’ [TschWb, S. 765].

(80) ***Schonikſcho, Schangſcha*** ‘Erinaceus europaeus’ [Beytr. 3, S. 288/8]: *шоҥшо* ‘ёж’ [МРС, с. 418; СМЯ 9, с. 232], *šoŋšo, šaŋšə̑* ‘Igel’ [TschWb, S. 708].

(81) ***Schorok*** ‘Schaafe’ [Beytr. 1, S. 155], *шорокъ* ‘овца’ [Полное 6, с. 190]: *шорык,* горн. *шарык* ‘овца’ [МРС, с. 419; СМЯ 9, с. 243], *šorə̑k* ‘Schaaf’ [TschWb, S. 711] → (136).

(82) ***Schůrda*** ‘Cervus Alces’ [Beytr. 3, S. 295/18]: *шордо* ‘лось’ → (42).

(83) ***Schrugor*** ‘Cyprinus Tinca’ [Beytr. 3, S. 428/27]: *??шулдыр* ‘плавники’ [МРС, с. 427; СМЯ 9, с. 330], *шемшулдыр* ‘синец, сопа-белоглазка’ [СМЯ 9, с. 90], *šuldə̑r* ‘Flosse’: *šimšə̑ldə̑r* ‘ein mit dem Brachsen verwandter Fisch mit schwarzen Flossen’ [TschWb, S. 703].

(84) ***Schulgan*** ‘Mus Rattus’ [Beytr. 3, S. 307/37]: *шурган* ‘крот’ [МРС, с. 429; СМЯ 9, с. 355], *šurγan, šulγan* ‘Maulwurf; Wühl-, Schermaus, Spitzmaus’ [TschWb, S. 736].

(85) ***Susnia, Suska, Siſua*** ‘Sus Scrofa et Aper’ [Beytr. 3, S. 289/10]: *сӧсна,* горн. *сасна* ‘свинья’ [МРС, с. 312; СМЯ 6, с. 276], *sösna, śośńa, sosna, sasna* ‘Schwein’ [TschWb, S. 638].

(86) ***Tſchana*** ‘Corvus Monedula’ [Beytr. 3, S. 335/34]: *чаҥа* ‘галка’ [МРС, с. 385; СМЯ 8, с. 305], *čaŋa* ‘Dohle’ [TschWb, S. 88].

(87) ***Tſchuherga*** ‘Corvus Pica’ [Beytr. 3, S. 336/37]: *шогертен* ‘сорока’ [МРС, с. 414; СМЯ 9, с. 178], *šoγerten* ‘Elster’ [TschWb, S. 696].

(88) ***Ur*** ‘Sciurus vulgaris’ [Beytr. 3, S. 311/46]: *ур* ‘белка’ [МРС, с. 366; СМЯ 8, с. 83], *ur* ‘Eichhörnchen’ [TschWb, S. 874].

(89) ***Urunda*** ‘Sciurus striatus’ [Beytr. 3, S. 311/47]: *урымдо* ‘бурундук, небольшой грызун, похожий на белку’ [МРС, с. 367; СМЯ 8, с. 105], *urə̑mdo, urumdo* ‘Burunduk, gestreiftes sibirisches Backenhörnchen’ [TschWb, S. 877].

(90) ***Ufchar Tien*** ‘Sciurus volans’ [Beytr. 3, S. 312/49]. У Фалька фигурирует как марийское, но на самом деле татарское выражение, см. тат. *очар* ‘летающий’, *тиен* ‘белка’ [ТРС, с. 685, 891].

(91) ***Ufchkirek*** ‘Bulle’ [Beytr. 1, S. 154], *ушкирекь* ‘бык’ [Полное 6, с. 189]: *ӱшкыж* ‘бык’ [МРС, с. 376; СМЯ 8, с. 208], *üškə̑ž, üškü̑ž* ‘Stier, Ochse’ [TschWb, S. 899] → (154).

3.3. Слова из списка

(92) ***Ala*** ‘Stadt’ [Beytr. 3, S. 473]: *ола* ‘город’ [МРС, с. 220; СМЯ 4, с. 287], *ola, ala* ‘Stadt’ [TschWb, S. 446].

(93) ***Alaſcha*** ‘Wallach’ [Beytr. 3, S. 473]: *алаша* ‘мерин’ → (50).

(94) ***Anga*** ‘Acker’ [Beytr. 3, S. 474]: *аӈа* ‘полоса, участок земли’ [МРС, с. 20; СМЯ 1, с. 86], *aŋa* ‘Ackerstreifen’ [TschWb, S. 12].

(95) ***Aſa*** ‘Kind’ [Beytr. 3, S. 472]: *аза* ‘ребенок, дитя’ [МРС, с. 13; СМЯ 1, с. 43], *aza* ‘Kind’ [TschWb, S. 18].

(96) ***Aſche*** ‘Hengst’ [Beytr. 3, S. 473]: *ожо* ‘жеребец’ → (69).

(97) ***Buran*** ‘Lamm’ [Beytr. 3, S. 473]. В марийских словарях нет, см. русск. *баран*.

(98) ***Dian*** ‘Mensch’ [Beytr. 3, S. 471]: *енг* ‘человек’ [МРС, с. 65; СМЯ 1, с. 435], *jeŋ, jə̑ŋ, ďäŋ, ^{d}jən, ^{d}jə̑n* ‘Mensch’ [TschWb, S. 177].

(99) ***Enger*** ‘Fluß’ [Beytr. 3, S. 471]: *эӈер* ‘река, речка’ [МРС, с. 450; СМЯ 10, с. 92], *eŋer* ‘Fluss’ [TschWb, S. 135].

(100) ***Erden*** ‘Morgen’ [Beytr. 3, S. 470]: *эр* ‘утро’, *эрдене* ‘утром’ [МРС, с. 452, 453; СМЯ 10, с. 105, 110], *er* ‘Morgen’, *erδen(e)* ‘am Morgen’ [TschWb, S. 137].

(101) ***Idalak*** ‘Jahr’ [Beytr. 3, S. 470]: *идалык* ‘(целый) год’ [МРС, с. 71; СМЯ 2, с. 11], *iδalə̑k, idaluk* ‘ein (ganzes) Jahr’ [TschWb, S. 151].

(102) ***Imeje, Imee*** ‘Pferd’ [Beytr. 3, S. 473]: *имне* ‘лошадь, конь’ → (54).

(103) ***Jo̊t*** ‘Nacht’ [Beytr. 3, S. 470]: *йӱд* ‘ночь’ [МРС, с. 90; СМЯ 2, с. 151], *jüt, jət* ‘Nacht’ [TschWb, S. 200].

(104) ***Jer*** ‘See’ [Beytr. 3, S. 471]: *ер* ‘озеро’ [МРС, с. 66; СМЯ 1, с. 436], *jer* ‘See’ [TschWb, S. 177].

(105) ***Jo̊aſch*** ‘Getränck’ [Beytr. 3, S. 473]: *йӱыш* ‘напиток’ [СМЯ 2, с. 165].

(106) ***Jo̊kſchurůrgin*** ‘Kupfer’ [Beytr. 3, S. 471]. Сложное слово: *йошкар* ‘красный’ → (5, 6) | *вӱргене* ‘медь’ [МРС, с. 53; СМЯ 1, с. 332], *βürγeńe* ‘Kupfer’ [TschWb, S. 65].

(107) ***Juma*** ‘Gott’ [Beytr. 3, S. 469]: *юмо* ‘бог’ [МРС, с. 456; СМЯ 10, с. 174], *jumo* ‘Gott’ [TschWb, S. 194] → (119).

(108) ***Kaik*** ‘Vogel’ [Beytr. 3, S. 473]: *кайык* ‘птица’ [МРС, с. 99; СМЯ 2, с. 222], *kajə̑k, kaik* ‘Vogel’ [TschWb, S. 216].

(109) ***Kal*** ‘Fisch’ [Beytr. 3, S. 473]: *кол* ‘рыба’ [МРС, с. 100; СМЯ 2, с. 387], *kol* ‘Fisch’ [TschWb, S. 257].

(110) ***Katſchkaſchi*** ‘Speise’ [Beytr. 3, S. 473]: *кочкыш* ‘еда, кушанье, питание’ [МРС, с. 131; СМЯ 3, с. 15], *koťškə̑š* ‘Speise’ [TschWb, S. 250].

(111) ***Kaſchla*** ‘Wald’ [Beytr. 3, S. 471]: *кожла* ‘лес’ [МРС, с. 118; СМЯ 2, с. 372], *kožla* ‘Wald’ [TschWb, S. 272].

(112) ***Ko̊s*** ‘Abend’ [Beytr. 3, S. 470]: *кас* ‘вечер’ [МРС, с. 105; СМЯ 2, с. 269], *kas* ‘Abend’ [TschWb, S. 226].

(113) ***Kengeſch*** ‘Sommer’ [Beytr. 3, S. 470]: *кеӈеж* ‘лето’ [МРС, с. 112; СМЯ 2, с. 311], *keŋež* ‘Sommer’ [TschWb, S. 238].

(114) ***Ketſcha*** ‘Sonne’ [Beytr. 3, S. 470]: *кече* ‘солнце, день’ [МРС, с. 113; СМЯ 2, с. 320], *keče, keťšə* ‘Sonne; Tag’ [TschWb, S. 232] → (115).

(115) ***Ketſch bal*** ‘Tag’ [Beytr. 3, S. 470]: *кечывал* ‘полдень, день’ [МРС, с. 113; СМЯ 2, с. 323], *ketšeβal* ‘Sonne; Tag, Mittag’ [TschWb, S. 233] → (114).

(116) ***Kinda*** ‘Brod’ [Beytr. 3, S. 473]: *кинде* ‘хлеб’ [МРС, с. 115; СМЯ 2, с. 335], *kinde, kində* ‘Brot’ [TschWb, S. 243].

(117) ***Kodůrtſche*** ‘Donner’ [Beytr. 3, S. 470]: *кӱдырчӧ* ‘гром’ [МРС, с. 149; СМЯ 3, с. 215], *küδə̑rťšö, küδürťšö* ‘Donner’ [TschWb, S. 305] → (119).

(118) ***Kuda beſch*** ‘Hof’ [Beytr. 3, S. 472]: *кудывече* ‘двор, усадьба’ [МРС, с. 139; СМЯ 3, с. 91], *kuδo-petše, kuδo-βeťše, kuδə̑-βeťše* ‘Hof’ [TschWb, S. 283].

(119) ***Kuden tſchichi-jumo*** ‘Gewitter’ [Beytr. 3, S. 470]: *кӱдырчӧ юмо* ‘бог грома’ [СМЯ 3, с. 215], *küδə̑rťšə̑-jumə̑* ‘Donnergott’ [TschWb, S. 305]. Сложное слово: *küδə̑rťšö* ‘гром’ → (117) | *jumo* ‘бог’ → (107).

(120) ***Kunga*** ‘Ofen’ [Beytr. 3, S. 473]: *конга* ‘печь’ [МРС, с. 127; СМЯ 2, с. 431], *koŋga* ‘Ofen’ [TschWb, S. 263].

(121) ***Kup*** ‘Morast’ [Beytr. 3, S. 471]: *куп* ‘болото’ [МРС, с. 143; СМЯ 3, с. 134], *kup* ‘Moor, Sumpf’ [TschWb, S. 293].

(122) ***Kurtue*** ‘Eisen’ [Beytr. 3, S. 471]: *кӱртньӧ* ‘железо’ [МРС, с. 152; СМЯ 3, с. 238], *kürtńö* ‘Eisen’ [TschWb, S. 310].

(123) ***Kuruk*** ‘Berg’ [Beytr. 3, S. 471]: *курык* ‘гора’ [МРС, с. 145; СМЯ 3, с. 158], *kurə̑k, kuruk* ‘Berg’ [TschWb, S. 296].

(124) ***Lum*** ‘Schnee’ [Beytr. 3, S. 470]: *лум* ‘снег’ [МРС, с. 176; СМЯ 3, с. 424], *lum* ‘Schnee’ [TschWb, S. 352].

(125) ***Mardeʃch*** ‘Wind’ [Beytr. 3, S. 470]: *мардеж* ‘ветер’ [МРС, с. 185; СМЯ 4, с. 21], *marδež* ‘Wind’ [TschWb, S. 371].

(126) ***Mesch*** ‘Wolle’ [Beytr. 3, S. 473]: *меж* ‘шерсть’ [МРС, с. 187; СМЯ 4, с. 37], *mež* ‘Wolle’ [TschWb, S. 378].

(127) ***Mů*** ‘Honig’ [Beytr. 3, S. 473]: *мӱй* ‘мед’ [МРС, с. 197; СМЯ 4, с. 117], *müj* ‘Honig’ [TschWb, S. 402].

(128) ***Můkfch*** ‘Biene’ [Beytr. 3, S. 474]: *мӱкш* ‘пчела’ [МРС, с. 197; СМЯ 4, с. 117], *mükš* ‘Biene’ [TschWb, S. 402].

(129) ***Mylande*** ‘Erde’ [Beytr. 3, S. 470]: *мланде* ‘земля’ [МРС, с. 190; СМЯ 4, с. 62], *mlande, mə̑landə̑, mə̑landə̑* ‘Erde, Land’ [TschWb, S. 380].

(130) ***Pa*** ‘Holz’ [Beytr. 3, S. 471]: *ӈу* ‘дрова, дерево’ [МРС, с. 266; СМЯ 5, с. 289], *ŋu* ‘Holz’ [TschWb, S. 546].

(131) ***Port*** ‘Hütte’ [Beytr. 3, S. 472]: *пӧрт* ‘дом, изба, хата’ [МРС, с. 261; СМЯ 5, с. 236], *pört* ‘Haus, Hütte’ [TschWb, S. 541].

(132) ***Preʃe*** ‘Kalb’ [Beytr. 3, S. 473]: *презе* ‘теленок’ [МРС, с. 263; СМЯ 5, с. 251], *preze* ‘Kalb’ [TschWb, S. 544].

(133) ***Py*** ‘Stein’ [Beytr. 3, S. 471]: *кӱ* ‘камень’ [МРС, с. 149; СМЯ 3, с. 210], *kü* ‘Stein’ [TschWb, S. 302].

(134) ***Salat*** ‘Geld’ [Beytr. 3, S. 471].

(135) ***Schalom*** ‘Hagel’ [Beytr. 3, S. 470]: *шолем* ‘град’ [МРС, с. 416; СМЯ 9, с. 205], *šolem* ‘Hagel(korn), Schlosse’ [TschWb, S. 702].

(136) ***Scharok*** ‘Schaaf’ [Beytr. 3, S. 473]: *шорык* ‘овца’ → (81).

(137) ***Scharʃchum*** ‘Frühling’ [Beytr. 3, S. 470]: *шошо* ‘весна’ [МРС, с. 421; СМЯ 9, с. 261], *šošo, šošə̑m* ‘Frühling’ [TschWb, S. 713].

(138) ***Schel*** ‘Talg’ [Beytr. 3, S. 473]: *шел* ‘сало, жир’ [МРС, с. 405; СМЯ 9, с. 71], *šel* ‘Talg, Speck’ [TschWb, S. 669].

(139) ***Schelt, Schil*** ‘Fleisch’ [Beytr. 3, S. 473]: *шыл* ‘мясо’ [МРС, с. 438; СМЯ 9, с. 463], *sə̑l, śiľ* ‘Fleisch’ [TschWb, S. 759].

(140) ***Schi*** ‘Silber’ [Beytr. 3, S. 471]: *ший* ‘серебро’ [МРС, с. 410; СМЯ 9, с. 120], *šij, ši* ‘Silber’ [TschWb, S. 679].

(141) ***Schůʃche*** ‘Herbst’ [Beytr. 3, S. 471]: *шыже* ‘осень’ [МРС, с. 438; СМЯ 9, с. 460], *šə̑že, šiže* ‘Herbst’ [TschWb, S. 769].

(142) ***Schůʃchen*** ‘Milch’ [Beytr. 3, S. 473]: *шӧр,* горн. *шышер* ‘молоко’ [МРС, с. 422; СМЯ 9, с. 265], *šör, šüšer, šəšer* ‘Milch’ [TschWb, S. 715].

(143) ***Schuder*** ‘Sterne’ [Beytr. 3, S. 470]: *шӱдыр* ‘звезда’ [МРС, с. 432; СМЯ 9, с. 377], *šüdə̑r* ‘Stern’ [TschWb, S. 742].

(144) ***Schur*** ‘Horn’ [Beytr. 3, S. 473]: *шур* ‘рог’ [МРС, с. 429; СМЯ 9, с. 350], *šur* ‘Horn’ [TschWb, S. 734].

(145) ***Taga*** ‘Bock’ [Beytr. 3, S. 473]: *тага* ‘баран’ [МРС, с. 320; СМЯ 7, с. 10], *taγa* ‘Widder, Hammel, Schafbock’ [TschWb, S. 776].

(146) ***Talʃia*** ‘Mond’ [Beytr. 3, S. 470]: *тылзе* ‘луна, месяц’ [МРС, с. 356; СМЯ 7, с. 395], *tə̑lze, tilźə* ‘Mond; Monat’ [TschWb, S. 853] → (148).

(147) ***Tele*** ‘Winter’ [Beytr. 3, S. 471]: *теле* ‘зима’ [МРС, с. 328; СМЯ 7, с. 74], *tele* ‘Winter’ [TschWb, S. 789].

(148) ***Telʃche*** ‘Monath’ [Beytr. 3, S. 471]: *тылзе* ‘луна, месяц’ → (146).

(149) ***Tʃcharna*** ‘Füllen’ [Beytr. 3, S. 473]: *чома* ‘жеребенок’ [МРС, с. 390; СМЯ 8, с. 385], *čoma, tsama* ‘Füllen, Fohlen’ [TschWb, S. 102].

(150) ***Tul*** ‘Feuer’ [Beytr. 3, S. 470]: *тул* ‘огонь’ [МРС, с. 342; СМЯ 7, с. 239], *tul* ‘Feuer’ [TschWb, S. 823].

(151) ***Uder*** ‘Mädchen’ [Beytr. 3, S. 472]: *ӱдыр* ‘дочь, девушка’ [МРС, с. 371; СМЯ 8, с. 159], *üdə̑r* ‘Mädchen’ [TschWb, S. 888].

(152) ***Ui*** ‘Eis’ [Beytr. 3, S. 470]: *ий* ‘лед’ [МРС, с. 73; СМЯ 2, с. 27], *ij* ‘Eis’ [TschWb, S. 150].

(153) ***Uʃchkal*** ‘Kuh’ [Beytr. 3, S. 473]: *ушкал* ‘корова’ → (52).

(154) ***Uʃchkuʃch*** ‘Ochs’ [Beytr. 3, S. 473]: *ӱшкыж* ‘бык’ → (91).

(155) ***Walgentʃche*** ‘Blitz’ [Beytr. 3, S. 470]: *волгенче* ‘молния’ [МРС, с. 45; СМЯ 1, с. 275], *βolγeńďž’e* ‘Blitz’ [TschWb, S. 48].

(156) ***Wata*** ‘Frau’ [Beytr. 3, S. 471]: *вате* ‘жена, женщина’ [МРС, с. 34; СМЯ 1, с. 189], *ßate, ßatə̑* ‘Ehefrau, Alte, Weib’ [TschWb, S. 32].

(157) ***Wo̊lle*** ‘Stute’ [Beytr. 3, S. 473]: *вӱльӧ* ‘кобыла’ [МРС, с. 53; СМЯ 1, с. 330], *ßül'ö, ßülö* ‘Stute’ [TschWb, S. 63].

(158) ***Wo̊t*** ‘Wasser’ [Beytr. 3, S. 470]: *вӱд* ‘вода’ [МРС, с. 52; СМЯ 1, с. 318], *ßüt* ‘Wasser’ [TschWb, S. 65].

4. Орфография Фалька

Около десяти процентов марийских слов в “Beyträge” записаны неточно. В процессе публикации данных возможность ошибки была велика – не знающий марийского Фальк записывал языковые данные, сообщаемые информантом-носителем чужого языка, а затем после его смерти Георги, также не знавший языка, составил на основе этих полевых заметок словарные статьи.

Фальк записывает слова, принимая за основу немецкую орфографию, используя сочетание букв *sch (ſch)* и букву *w.* Он использовал знаки *å, o̊, ů* для обозначения гласных.

Мы не располагаем точными сведениями о произношении марийских слов в данный период. Ситуация усугубляется еще и тем, что мы не можем более детально локализовать диалект информантов.[13] Тем не менее, в случае нескольких слов однозначно, что мы имеем дело с ошибкой при записи: *jo**b**ſcharſchmen* (Falk), *як**ш**ар **у**шмен* (совр. форма), *kurt**u**e ~ кӱрт**нь**ӧ, **р**у ~ **к**ӱ, ribi**k** ~ рывы**ж**, tu**m**a ~ ту**рн**я, tu**t** ~ ту**л**, schida**u** ~ шыда**н**, sch̊ſche**n** ~ šəše**r**, sus**k**a, siS**u**a ~ сӧс**н**а, tſcha**rn**a ~ чо**м**а, **tſch**um**an** ~ **т**умо, uſchki**rek** ~ ӱшкы**ж**.* Сложно интерпретировать формы *Pibom pu, Puun Lum (пийломбо, pij-lombo, pilombo), schrugor (?шулдыр, šuldə̑r), tſchuherga (шогертен, šoγerten).*

Фальк записывал согласные – несмотря на вышеупомянутые ошибки – в основном последовательно.

– С использованием **l**, **r**, **m**, **n** и **k** никаких проблем не возникает; напр. ***l**um* ~ (соврем.) ***л**ум, ida**l**ak ~ идал**ы**к, ka**l** ~ ко**л**; a**r**lan ~ а**р**лан, schude**r** ~ шӱды**р**; **m**ada ~ **м**одо, kada**m**a ~ када**м**а, sche**m** ~ ше**м**; **n**erge ~ **н**ерге, ki**n**a ~ кы**н**е, pola**n** ~ пола**н**; **k**ota ~ **к**ома, ma**k**a ~ ма**к**е, scharo**k** ~ шоры**к**, **t**aga ~ **м**ага, wa**t**a ~ ва**т**е, por**t** ~ пӧр**т**.*[14]

– Буквой **b** Фальк обозначает, с одной стороны, смычный в сочетании согласных, [mb]: *ki**mb**o ~ ко**мб**о, la**mb**u ~ ло**мб**о,* а с другой стороны, отображает звуки [p] и [w]: ***b**aldron ~ **п**олдыран, ketſch **b**al ~ кечы**в**ал, kuda **b**eſch ~ куды**в**ече, ri**b**ik ~ ры**в**ыж.*

– Графема **p** могла также обозначать [w], однако последовательно обозначала звук [p]: ***p**onda ~ **в**ондо, **p**otſches ~ **в**ӧчыж; **p**ursja ~ **п**урса, sche**p**ter ~ шо**п**тыр, ki**p** ~ ку**п**.*

– Буквой **g** обозначался в основном звук [g]: *ta**g**a ~ ма**г**а, nul**g**a ~ нулго,* но: *ka**lg**a ~ ка**ля**, tſchu**g**ar ~ шуан, potſche**g** ~ пӧчы**ж**.*

– Буквой **d** обозначался звук [d]: *mar**d**eſch ~ мар**д**еж, u**d**er ~ ӱ**д**ыр.*[15]

– Буквы **w-** и **j-** в начале слова употреблялись последовательно: ***w**algentſche ~ **в**олгенче, **w**ata ~ **в**ате; **j**akſchar ~ **й**ошкар, **j**uma ~ **ю**мо.*

– Для записи звука [ŋ] употреблялось сочетание букв **-ng-** *(ala**ng**u ~ ала**нг**ы, korſcha**ng**a ~ корша**нг**е, ki**ng**a ~ ко**нг**а);* иногда лишь буква **n** сама по себе: *dia**n** ~ е**н**, schida**n** ~ шыда**н**.* Колебание в форме: *mera**n**, mera**ng** ~ мера**н**.* См. еще: *e**g**eſch ~ э**н**ыж.*

Самой проблематичной, непоследовательной является запись сибилянтов и аффрикат. Связь букв и звуков демонстрируется в следующей таблице:

буква s

звук [s]: ***s**usnia ~ **с**ӧсна, ma**s**ka ~ ма**с**ка, kå**s** ~ ка**с***

звук [z]: *a**ſ**a ~ а**з**а, ko**ſ**a ~ ка**з**а*

звук [š]: *a**ſ**kal ~ у**ш**кал*

буква sch

звук [š]: ***sch**agan ~ **ш**оган, jak**ſch**ar ~ як**ш**ар, mu**ſch** ~ му**ш***

звук [ž]: *o**ſch**a ~ о**ж**о, ko**ſch** ~ ко**ж**, me**sch** ~ ме**ж***

буква tsch

звук [š]: ***tſch**apki ~ **ш**опке, **tſch**em ~ **ш**ем*

[13] Лексический материал в основном луговой марийский. Горномарийский: *jakſchar, lo̊l pu, sch̊ſchen;* кажется, сюда же относятся формы *alangu, kalga, scharok, tſchapki.*

[14] Звук *-m* в конце слова в современном литературном языке обозначают и *-д: jo̊t ~ йӱд, wo̊t ~ вӱд.*

[15] Этой же буквой обозначался звук [ď] в начале слова: *dian ~ енг / jeŋ, jə̑ŋ, ďäŋ.* Здесь из-за сильных различий между диалектами можно лишь предполагать, что обозначался звук [ď].

звук [ž]: *kurmu**tʃch** ~ курмы**ж***

звук [č]: ***tʃch**arna ~ **ч**ома, ke**tʃch**a ~ ке**че**, po**tʃch**eg ~ пö**ч**ыж*

На неопределенность записи указывает колебание формы: ***sch**em / **tʃch**em ~ шем; **sch**idau / **tʃch**edau ~ шыдаӈ, **s**uloe / **sch**ulei ~ шӱльӧ; talʃia / tel**ʃch**e ~ тылзе.*

Довольно часто сложно определить – из-за диалектных колебаний – изначальный тембр гласных:

буква а

звук [а]: ***а**rl**а**n ~ **а**рл**а**н, m**а**sk**а** ~ м**а**ск**а**, **та**m**а**k ~ т**а**м**а**к*

звук [о]: *k**а**l ~ к**о**л, m**а**d**а** ~ м**о**д**о**, sch**а**lo ~ ш**о**ло*

звук [u]: ***а**rʃcha ~ **у**ржа, **а**ʃkal ~ **у**шкал, р**а** ~ п**у***

буква о

звук [о]: *k**о**ʃch ~ к**о**ж, p**о**lan ~ п**о**лан, nulg**о** ~ нолг**о***

звук [ö]: *p**о**rt ~ п**ö**рт, p**о**tʃcheg ~ п**ö**чыж*

буква u

звук [u]: *j**u**ma ~ **ю**мо, k**u**p ~ к**у**п, l**u**m ~ л**у**м, sch**u**r ~ ш**у**р*

звук [о]: *k**u**mbo ~ к**о**мбо, k**u**nga ~ к**о**ӈга, lamb**u** ~ ломб**о***

звук [ü]: *k**u**rtue ~ к**ӱ**ртньӧ, sch**u**der ~ ш**ӱ**дыр, **u**der ~ **ӱ**дыр*

буква і

звук [і]: ***і**mna ~ **и**мне, k**і**nda ~ к**и**нде, p**і** ~ п**и***

буква е

звук [е]: *m**е**sch ~ м**е**ж, sch**е**l ~ ш**е**л, pir**е** ~ пир**е***

звук [ö]: *kodůrtʃch**е** ~ кӱдырч**ӧ**, pandʃch**е** ~ пӱнч**ӧ**, putʃch**е** ~ пӱч**ӧ***

звук [ə̂]: *keʃch**е**r ~ кеш**ы**р, schept**е**r ~ шопт**ы**р, schud**е**r ~ шӱд**ы**р*

буква ů

звук [ü]: *mů ~ м**ӱ**й, mů**k**ʃch ~ м**ӱ**кш, wů**l**le ~ в**ӱ**льӧ, wů**t** ~ в**ӱ**д*

буква ǒ

звук [о]: *schǒrda ~ ш**о**рдо*

звук [ö]: *mǒr ~ м**ö**р*

звук [ü]: *jǒaʃch ~ й**ӱ**ыш*

звук [ə̂]: *schǒʃche ~ ш**ы**же*

буква å

звук [а]: *kås ~ к**а**с*

звук [ü]: *jåt ~ й**ӱ**д*

Колебание записи: *j**а**kʃchar, j**о**bʃchar ~ **я**кшар; k**о**ma, k**u**ma ~ к**о**ма; k**о**rak, k**u**rak ~ к**о**рак; sch**а**ʃch, sch**о**rʃh ~ ш**о**ж; sch**а**rok, sch**о**rok ~ ш**о**рык.*

*

Первые шаги в разработке марийской письменности связаны с именами Н. Витсена (1692, 1705), Д.Г. Мессершмидта (1720-е гг.), Ф.И. Страленберга (1730 г.), Г.Ф. Миллера (1733 г.) и И.Э. Фишера (1747 г.). Во второй половине XVIII века возникало все больше и больше письменных памятников марийского языка: приветственное стихотворение 1769 года, посвященное императрице Екатерине II, посетившей двумя годами раньше город Казань; грамматика Вениамина Пуцека-Григоровича в 1775 году, дальнейшие стихи в 1782 и 1795 годах, марийский материал многоязычного словаря Палласа (1787, 1789) и рукописные словари [Иванов, 1975, с. 9–20; Коведяева, 1976, с. 15–16, 27–28; Сергеев, 2002, с. 6–49].

Лексический материал Фалька, содержащий более 150 лексем, в основном названия растений и животных, включивший элементы исконной лексики, обогащает серию марийских языковых памятников конца XVIII века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Александровская О.А., Широкова В.А., Романова О.С. М.В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. URL: http://arran.ru/data/collections/col4_. pdf, 2011

Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. Труды Архива АН СССР. Вып. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. URL: http://ranar.spb.ru/rus/books1/id/55/

Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УРО РАН, 2006. 324 с.

Загребин А.Е. О языке этнографических текстов второй половины XVIII века (на примере описания финно-угорских народов России И.Г. Георги) // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2011. Том 5, № 3. С. 62–75.

Иванов И.Г. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 256 с.

Киссер Т.С. Путешествие И.П. Фалька и И.Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2016. Том 51, № 2. С. 53–60.

Коведяева Е.И. Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / отв. ред.: К. Редеи. М.: Наука, 1976. С. 3–96.

Козлов С.А. Россия, открывшаяся миру: академические экспедиции 1768–1774 гг. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ун-т, 2011. URL: http://old.journal.spbu.ru/2001/29/23.html

МРС, 1991 – Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 511 с.

Носкова О.Л. Иоганн Петер Фальк – последователь Карла Линнея в России // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2007. Том 9, № 4. С. 1103–1106. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2007/2007_4_1103_ 1106.pdf

Полное 6 – Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію ея президента. Томъ шестый. Записки Путешествія Академика Фалька. СПб.: Императорская Академия Наук, 1824. 560 с.

РМС, 1966 – Русско-марийский словарь / гл. ред. И.С. Галкин. М.: Сов. энциклопедия. 1966. 848 с.

Сергеев О.А. Истоки марийской письменности. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 188 с.

СМЯ, 1990–2005 – Словарь марийского языка. Том I–X / сост.: А.А. Абрамова, И.С. Галкин, И.Г. Иванов и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1990–2005.

ТРС, 1966 – Татарско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 863 с.

Шафрановская Т.К. Конец сибирской экспедиции И.П. Фалька // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1973. Том 15. С. 255–262. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/SNV_15_1973_22_shafranovskaya.pdf

Широкова В.А., Александровская О.А. Ученики Карла Линнея в России: И.-П. Фальк и И.-Г. Георги // История и современное состояние географических исследований Нижнего Поволжья / гл. ред.: В.А. Брылёв. Волгоград: Изд-во «Фортресс», 2019. С. 269–281. URL: http://ihst.ru/wp-content/uploads/2019/10/Geog-issl-Nizh-Pov-2019.pdf

Beke Ödön. Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Szombathely: Bibliotheca Ceremissica IV/1-9, 1997–2001.

Beytr. – J.P. Falk. Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs I–III. St. Petersburg, 1785–1786.

Schwamm Kristin. Johann Peter Falks Bericht über die Wotjaken aus dem Jahre 1772 // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Том 4. Hamburg, 1980. S. 99-110.

TschWb – Moisio Arto, Saarinen Sirkka. Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. 924 S.

Sándor Maticsák

JOHANN PETER FALK'S MARI MATERIAL (1785–1786)

Between 1768 and 1774, the Orenburg Expedition aimed to map the distant lands of Russia and describe the flora, fauna and geographical conditions there. Two of the five divisions of the great undertaking concentrated on the Caucasus and the Lower Volga Region, while the other three explored the Middle Volga Region, the Orenburg Governorate and Southern Siberia. The leaders of the latter three divisions were well-known natural scientists: the German P. S. Pallas and J. G. Georgi, the Russian I. I. Lepyokhin and the Swedish J. P. Falk.

The travellers collected an immense amount of material about the flora and fauna of these areas, and the journey was also fruitful from the aspect of ethnography as well, revealing new information about the lifestyle, customs and religious belief of several peoples that were lesser known at the time. Linguistic data can also be found in the reports: in addition to Tatar, Chuvash, Kalmyk, Kyrgyz, Tungusic and Chinese words, a number of Finno-Ugric items are included in the texts, Mordvin, Mari and Udmurt words in particular.

The current paper presents J. P. Falk's Mari material. This contains 46 plant names, 51 animal names and 67 Mari words from a Finnish–Mari–Udmurt–Khanty glossary. Part of this data has not yet been processed. The material contains several words of which this is the first written instance.

Keywords*:* history of the Mari language; Mari written language; J.P. Falk; linguistic data.

Шандор Матичак
доктор филологических наук, профессор,
Дебреценский университет,
кафедра финно-угорского языкознания,
Дебрецен (Венгрия)
H-4010 Debrecen, Egyetem tér 1.
e-mail: maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Sándor Maticsák
Doctor of Philology, professor,
University of Debrecen,
Department of Finno-Ugric Linguistics,
Debrecen (Hungary)
H-4010 Debrecen, Egyetem tér 1.
e-mail: maticsak.sandor@arts.unideb.hu

УДК 811.511.152
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_05

МОРДВА, СЛАВЯНЕ, РУССКИЕ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР – ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВ

© 2021 г. О.Е. Поляков, Н.В. Леткина

Введение. Известно, что у мордвы со славянами сложились тесные и продолжительные взаимоотношения с середины I тысячелетия нашей эры, а позже такие же тесные и продолжительные связи установились с русскими. Славяно-русско-мордовские связи оказали сильное влияние на экономическое и культурное развитие мордовского народа. Определенное влияние на культуру и даже на языки славян и русских оказала и мордва. **Материалы и методы.** При написании статьи использованы описательный, типологический и сопоставительный методы. Материалом исследования послужили данные археологов, историков и языковедов, касающиеся мордовско-русских отношений. **Результаты исследования и их обсуждение**. В статье проанализированы сведения из работ археологов, историков, лингвистов, исследующих славяно-мордовские и русско-мордовские отношения. **Заключение.** Материалы исследования свидетельствуют, что мордовский народ издавна имел тесные взаимоотношения со славянами и русскими, которые отразились как в культуре, так и в языке мордвы. В свою очередь, и мордовский народ оказал определенное влияние на культуры и языки славян, в том числе и русских.

Ключевые слова: мордовские языки; мокшанский язык; русский язык; славяне; славянский язык.

Введение

Ход мировой истории, без сомнения, свидетельствует о том, что у народов, живущих по соседству, а нередко и совместно, возникают как взаимоотношения в области культуры, так и взаимодействие между их языками. Не являются в этом отношении исключением и взаимоотношения мордовского народа со своими соседями.

Взаимоотношения мордвы с тюркоязычными и славянскими племенами восходят к глубокой древности. А далекие предки мокшан и эрзян (финно-угорское племя) в Волго-Окском бассейне появились еще в первой половине III тысячелетия до нашей эры и оказали довольно сильное воздействие на славянские народы, поскольку, как считают археологи, «финно-угорский мир за свою многотысячелетнюю историю достиг удивительных высот в развитии культуры. Это прежде всего достижения в организации особого типа хозяйства, … умение финно-угров регулировать производство продукции земледелия, скотоводства и получение продуктов от охоты, бортничества, рыболовства, сбора плодов и ягод» [Патрушев, 1992, с. 183]. О вкладе финно-угров в славянскую культуру писал С.Ф. Платонов [2006, с. 104–105], а известный археолог П.Н. Третьяков приводит факты о том, что финно-угорские народы: меря, белозерская весь, мурома, мордва и др. – приняли участие не только в формировании великорусской, но и древнерусской формации, что смешение их элементов культуры началось задолго до появления письменных источников [1970, с. 56].

Еще большее влияние на социально-экономическое и культурное развитие мордовского народа оказали русские.

Как украинцы, белорусы, так и русские произошли от древнерусской народности (IX–XIII вв.), которая сложилась из восточно-славянских племен в процессе распада родо-племенных отношений и создания Древнерусского государства вокруг Киева. Русские в XIX – начале XX века назывались великороссами.

Русский язык выделился из распавшегося древнерусского языка, который еще в X веке имел свою литературную форму.

А в XIII веке древнерусский (восточнославянский) язык распался на три отдельных языка: русский, украинский и белорусский. В настоящее время язык русского народа является средством межнационального общения в России [Языковая ситуация ... , 1992, с. 201].

Русский литературный язык сложился в результате слияния двух наречий: северно-русского и южно-русского. Мордовскому языку свойственны фонетические и морфологические особенности северно-русских и южно-русских наречий [Мордовия, т. 1, с. 204].

Ниже мы приведем конкретные факты, свидетельствующие о влиянии славян и русских на культуру и языки мордовского народа, а также сведения о влиянии мордвы на культуру и языки славян и русских.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили данные археологов, историков и лингвистов о взаимоотношениях славян и мордвы, русских и мордвы, о взаимодействии их культур и языков. При написании статьи наряду с описательным методом использованы типологический и сопоставительный методы.

Результаты исследования и их обсуждения

О взаимоотношениях мордвы со славянами и русскими, о взаимодействии их культур и языков существует довольно обширная литература, изданная археологами, историками, языковедами. В этом отношении очень интересный материал содержится в книге «Этногенез мордовского народа» [1965, с. 50–60]. Ценный материал, опубликованный в этом издании представляют статьи академика Б.А. Серебренникова «История мордовского народа по данным языка» [1965, с. 237–256], статья К.Т. Самородова «О связи мордовского народа с другими народами по материалам обрядового фольклора» [1965, с. 315–322].

В ходе работы над статьей мы также использовали труды известных археологов Б.А. Рыбакова «Торговля и торговые пути» [1951], П.Н. Третьякова «У истоков древнерусской народности» [1970]; историков В.С. Патрушева «Финно-угры России» [1992], С.Ф. Платонова «Лекции по русской истории» [2006], А.П. Смирнова «Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья» [1952], А.И. Циркина «Русско-мордовские отношения в X–XI вв.» [1968], А.М. Назаренко «Вклад русского народа в развитие мордовской культуры» [1945].

Представляют интерес в этом отношении и работы лингвистов: Д.В. Бубриха «Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством» [1947], В.И. Лыткина «Система гласных мордовских языков и древнерусский вокализм» [1975], Д.В. Цыганкина «Русско-мордовские языковые контакты» [1981], Р.А. Заводовой «Мордовские лексические заимствования в русских говорах Среднего Поволжья» [1977], О.Е. Полякова «Русский язык в жизни мордовского народа» [1988] и другие исследования [Циркин, 1968; Поляков, Леткина, Иванова, 2019].

О языковой ситуации в Российской Федерации интересный материал содержит издание «Языковая ситуация в Российской Федерации» [1992].

И, конечно же, материалы о контактах мордвы со славянами имеются в энциклопедии «Мордовия» в двух томах [2003, 2004].

Истории контактов с русскими, периодизации русских заимствований, их фонетическому, морфологическому, семантическому освоению, а также исследованию мордовского субстрата в русском языке посвящена работа Н.В. Бутылова «Иноязычная лексика в мордовских языках» [2006].

Историки и археологи считают, что у мордвы тесные и продолжительные связи со славянами сложились с середины I тысячелетия нашей эры. По мнению А.П. Смирнова, «…с первой половины I тыс. н.э. они поселяются в гуще мордовского поселения и сливаются с аборигенами края» [1952, с. 155]. В мордовских могильниках IV–VII веков археологи находят разнообразные славянские вещи: бусы, пряслицы, фибулы и др. [Циркин, 1968, с. 50]. Славянские вещи встречаются и по течению р. Оки, а на территории Зубово-Полянского района (Республика Мордовия), в могильниках у сел Заря и Зарубкино, обнаружены вещи славянского племени вятичей: перстни, браслеты и др. Вятичи

оставили след и в мордовских языках. Можно предположить, что от вятичей в речь западных мокшан вошли такие слова, как: *мажа* «большая корзина на телеге» < *мажа* «воловья телега», *пешня* «железный лом с деревянной рукояткой» < *пешня* «тж», *копыл* «о большом некрасивом зубе» < *копыл* «торцом вставленная во что-либо деревяшка», *Батула* «прозвище» < *батула* «втулка», *нанка* «верхняя женская одежда» < *нанка* «бумажная ткань», *Дярбень* «старое название села Анаево» < *дербень* «изба при мельнице». Д.В. Бубрих считает, что мордовское слово *пондо* «пуд» является восточнославянским заимствованием [1947, с. 6].

Часть мордвы после распада Хазарской державы оказалась в сфере влияния Киева. Мы полагаем, что взаимоотношения мордвы с Киевской Русью оказали влияние на мордовские языки. Вопрос этот не изучен, однако исследование лексики мордовских языков и их диалектов может выявить определенное количество слов украинского (нерусского) происхождения, например, *процямс* «сколотить капитал» < укр. *працювати* «работать».

В исследованиях многих историков находим свидетельство о том, что проникновение славян и заселение мордовских земель происходило мирным путем. Но некоторые исследователи считают, что между соседями были стычки. Так, А.И. Циркин делает такой вывод: «…славянская колонизация древнемордовских земель прошла в два этапа: крестьянский, мирным путем, охватывающий VII–IX века, и второй – великокняжеский, военный, охватывающий XII–XIII века» [1958, с. 47].

В XII–XIII веках часть мордовских земель была присоединена к Владимиро-Суздальскому княжеству [Этногенез, 1965, с. 54], а в XIII веке тамбовская мордва входит в состав Московии.

Проживая по соседству и совместно с мордвой, славяне оказали очень сильное влияние на быт и культуру мокши и эрзи. В древних мордовских могильниках VII–X веков найдено большое количество славянских вещей. Мордва заимствовала у славян многие элементы строительства жилых помещений, способы кладки печей. Крыши домов из односкатной превращаются в двускатную, исчезает земляной пол, под полом появляется яма для хранения продуктов, на окна и двери устанавливаются наличники.

О культурных связях мордвы и славян, по мнению известного археолога и историка Б.А. Рыбакова, говорит даже короткая фраза из известного рассказа Ибн Фадлана о похоронах на Руси: «она сняла два ножных кольца…». Суть этой фразы заключается в том, что ножные кольца по всей Европе носили только мордовские женщины [1951, с. 207].

По поводу влияния славян на культуру и быт мордвы все понятно. Возникает вопрос: оказала ли мордва какое-либо влияние на культуру славян? Определенные факты свидетельствуют, что на этот вопрос можно ответить утвердительно.

С выходом на историческую арену мордва не была отсталой, а, как и другие финно-угры, имела довольно развитую культуру. Тем более она была расположена близко к торговым путям. Мордовский народ в X–XIII веках изготавливал различные ремесленные изделия, например: проволочные украшения, браслеты, застежки и т.д. Эти украшения проникли далеко за пределы мордовских земель, в том числе и в славянский край. Мордва и славяне были заинтересованы во взаимной торговле. На территории проживания славян в курганах найдены мордовские вещи. Очень большое количество подвесок и других украшений мордовского происхождения найдено в вятичской (славянское племя) земле. Большое количество трапециевидных подвесок, шейных гривен найдено в Смоленском Приднепровье, в Ярославском Поволжье, в районе Пскова [Поляков, 1993, с. 35].

Как уже было отмечено, выделившийся из распавшегося древнерусского языка русский язык оказал сильное влияние на мордовские языки, а их носители – на социально-экономическое и культурное развитие мордовского народа.

Русское влияние прослеживается во всех сферах жизни мордвы, например, на одежде: в рубахе, штанах, головных уборах. От русских к мордве перешли элементы женского костюма (*фартук, кушак, юбка, шаль, ботинки, ленты, чулки*), элементы быта, например, приглашение на крестины первого встречного, роль отца среди других членов семьи (после смерти отца

хозяйки дома), понятие приданого. На мордовскую свадьбу оказала влияние русская свадьба.

И, конечно же, очень древние и очень тесные контакты мордвы и русских не могли не сказаться на устном творчестве мордвы. Определенные изменения претерпела мордовская песня под влиянием русской песни. В произведениях устного народного творчества встречаются не только отдельные русские слова, но и целые обороты и выражения:

Баю, баю, баюшки,
Нет дома мамушки.
Вай, нужат – горят Анюта а содыль,
Сон горят – печальть Анюта а содыль.
Ой, не знала нужды-горюшки Анюта,
Она горя-печали не ведала [Памятники ... , 1981, с. 106–107, 240].

Мордовские и русский языки – языки разноструктурные. При контактировании таких языков обычно фонетико-морфологическая структура не затрагивается. Однако их контактирование продолжалось в структуре мокшанского и эрзянского языков и произошли значительные изменения. Поэтому из русского языка в мордовские вошли не только лексические элементы. Язык русского народа оказал влияние даже на звуковую сторону мокшанского и эрзянского языков.

Влияние русского языка на мордовские было сильным еще в XVIII веке. Мокшанский и эрзянский языки заимствовали и до сих пор заимствуют большое количество различных слов. Лексика мордовских языков на 60 % состоит из русских заимствований. Из русского языка в настоящее время заимствована вся общественно-политическая лексика (*лозунг, картина, республика, собрания, депутат, партия* и др.), военная (*автомат, граната, дзот , танк, пушка* и др.), медицинская (*вата, бинт, укол, таблетка* и др.), большой пласт культурно-бытовой лексики (*газета, редактор, музей, футбол, доклад* и др.), сельскохозяйственной (*трактор, комбайн, доярка, агроном* и др.). Из русского языка мокшанский и эрзянский языки заимствовали многочисленные наименования искусства, литературы, музыки, печати, транспорта, связи, названия одежды, термины из области культуры и спорта.

В мокшанский и эрзянский языки путем калькирования вошло большое количество фразеологизмов: *с головы до ног* – м. *пряста пильгс*, э. *прясто пильгс*; *не сомкнуть глаз* – м. *аф кончтамс сельме*, э. *а кончтамс сельме*; *ни жив ни мертв* – м. *аф жив, аф кулоф*, э. *а жив, а кулозь* и др.

В результате сильного влияния на мордовские языки русской морфологической системы в мокшанском и эрзянском языках появилась тенденция различать имена существительные женского и мужского рода (*тракторист – трактористка, пенсионер – пенсионерка, Шумбасов – Шумбасова*). А под влиянием русской фонетической системы в речи мокшан смягчилась исконная древняя аффриката *ч*: *кач'ам* – э. *качамо* ‘дым’, *пач'а* – э. *пачалкс'э* ‘блин’.

Из русского языка в мордовские вошли частицы м. *жа*, э. *жо* ‘же’, м. *ба*, э. *бу* ‘бы’, м.э. *дай* ‘давай’ и др.; союзы: м., э. *да, но, или* (сочинительные), м. *каба*, э. *кабу* ‘кабы’, м. *штоба*, э. *штобу* ‘чтобы’ и др. (подчинительные). Все больше сближаются с русскими мордовские синтаксические конструкции.

В мордовских языках русские заимствования подчиняются звуковым особенностям, грамматическому строю мокшанского и эрзянского языков. Например, в русских заимствованиях в речи мокшан ударным произносится первый слог (в эрзянском языке ударение свободное): *ло́скъд – лоскý т, бóран – бара́н*, *óртат – ворóта, с'э́р'да – средá*; нехарактерные для мордовских языков конечные сочетания *-изм, -тр, -рн, -йн* дополняются гласными: *камбайна, т'эатра, социализма*.

В мордовских словах склоняются все русские имена существительные: *пальто – пальтаса* (мест.п.), *пальтаста* (исх.п.). Русские существительные, имеющие только множественное число, в мордовских употребляются в обоих числах: *сутки > сутка – суткат, грабли > грабля – граблят*.

Проблема влияния русского языка на языки народов России изучена подробно, однако в процессе взаимодействия русского языка с другими языками необходимо обратить внимание на другую сторону этого процесса, а именно – на влияние национальных языков на русский. И эта проблема требует дальнейшего изучения, поскольку представляет очень большой интерес, и не только лингвистический.

Исследуя вопрос о заимствованиях в русском языке из других языков, нельзя не учитывать, во-первых, литературную норму, во-вторых, местные говоры. В русском литературном языке довольно много заимствований из кавказских, балтийских языков, из украинского, белорусского, молдавского. Например, «Словарь тюркизмов в русском языке» (1976) содержит более двух тысяч слов. Среди них такие слова, как *хан, урюк, плов, изюм, аркан* и др.

В русском языке употребляются слова финно-угорского происхождения, как *палтус, камбала, салака*, и др. До сих пор русский язык заимствует слова из немецкого, английского, французского и других языков.

В чем же заключается влияние мордовских (мокшанского и эрзянского) языков на русский? Как и на славян, мордовский народ оказал влияние на культуру русского народа, а мордовские языки сыграли определенную роль в формировании лексики русских говоров, особенно говоров Поволжья. Правда, к сожалению, мордовский элемент в русских говорах до сих пор слабо изучен (имеется лишь несколько статей на эту тему).

Как уже отмечалось, поселения славян на мордовских землях появились в середине I века нашей эры. И, конечно же, к этому времени надо относить контакты мордвы с русскими. Эти отношения получили отражение в их материальной культуре и языках. Конечно же, русские, проживающие в соседстве, а также совместно с мордвой, из их языков прежде всего заимствовали названия национальной одежды, названия обрядов, напитков, еды, предметов быта, утвари, посуды, слова из области промыслов, которые отражают особенности быта и культуры мордовского народа. Такого рода слова можно найти, например, в «Этимологическом словаре русского языка» (2004) М. Фасмера: *калда, калдас, калдус* «скотный двор» – м. *калдас* «хлев»; *петкель* «деревянная колотушка» – э. *петькель* «шест»; *сюлгам* «пряжка на мордовской рубашке» – м. *сюлгам*, э. *сюлгамсо* «брошка»; *штатол* «культовая восковая свеча» – м. *штатол* «свеча».

Мордовские слова в «Толковом словаре» (2020) В.И. Даля: *покай* «мордовская женская рубашка» – э. *покай* «женская рубашка»; *пулай* «черный гарусный хвост с кистями и украсами, который носят мордовки» – э. *пулай* «женский пояс с бахромой»; *панга* «женский кокошник» – э. *панго* «женский головной убор»; *ленга* «стремянка» – м. *ленгя*, э. *ленге* «лыко»; *пуре* «мордовский вареный мед» – м. *пуря*, э. *пуре* «медовуха».

Примеры из «Словаря русских народных говоров» (1965): *карда* «огород из жердей», «огороженное место для скота» – м. *карда*, э. *кардо* «хлев»; *керь* «селение» – м., э. *керь* «кора».

Картотека «Словаря русских говоров на территории Мордовии» (2013) включает более 100 слов мордовского происхождения. Среди них, например: *кавал* «коршун» – м., э. *кавал*; *вирява* «покровительница леса» – м., э. *пур* «тис»; *пор* «мел» – м., э. *пур* «тис» и др.

Мордовские названия лежат в основе многих географических наименований на территории Самарской, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской, Рязанской и других областей. Многие названия оканчиваются на *-ляй /-лей* «река»: *Чуварлей, Каргалей, Инелей, Вармалей, Сарлей, Тушлей, Пичелейка* и др. К этой группе примыкают названия, оканчивающиеся на *-куши* / *-гуши* «поляна»: *Вяркуши, Мякуши, Каньгуши* и др.; названия с окончанием на *-мар* «холм»: *Кемары, Килемары, Кужмары* и др.

В среде русских бытуют мордовские фамилии, например: *Шумбасов* – м. *шумбас* «заяц»; *Верьгазов* – м. *врьгаз* «волк»; *Шуваров* – м. *шувар,* э. *човар* «песок»; *Кирькасов* – м. *кирьхкс* «воробей» и др.

Весьма распространено мнение, что в настоящее время русский язык не заимствует слова из других языков народов России. Однако дело обстоит далеко не так. За последнее время все большее развитие получают как старописьменные, так и младописьменные языки; в национальных регионах развивается культура, искусство; заводы выпускают продукцию, которая получает названия на национальных языках. Например, промышленные предприятия Мордовии выпускают зажигалку и камины «Толня» (*толня, толне* «огонек»), люстры «Сияжар» (*сияжар* «свет серебра») и др., которые входят в русский и другие языки.

И, конечно же, в словарный состав русского языка входят названия произведений искусства, предприятий, учреждений, коллективов, например, музыкальная драма «Литова» (*Литова* «женское имя»), ансамбль «Вастома» (*вастома* «встреча»), блюда национальной кухни: «керсезь сиволь» (*керомс* «резать» и *сиволь* «мясо» – рубленое мясо), «Поза» (название национального напитка) и др.

В русский язык проникают слова подобного рода и из других финно-угорских языков, например, из удмуртского: опера-балет «Чипчирган» (*чипчирган* «свирель»), радиола «Юган» (*юган* «рассвет») и др.

Заключение

Приведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. У народов, живущих по соседству, а нередко совместно, возникают взаимоотношения как в области культуры, так и между их языками.

2. У мордовского народа тесные и продолжительные связи со славянами сложились с середины I века нашей эры, в результате которых славяне оказали сильное влияние на языки и культуру мордовского народа, а мордва и их языки, в свою очередь, оказали влияние на культуру славян.

3. Очень тесные и продолжительные отношения сложились у мордвы с русскими, которые внесли значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие мордовского народа.

Из русских слов состоит 60 % лексики мокшанского и эрзянского языков, а мордовские языки сыграли определенную роль в формировании лексики русских говоров.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

исх. – исходный падеж
м. – мокшанский
мест. – местный падеж
п. – падеж
тж. – то же
укр. – украинский
э. – эрзянский

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бубрих Д.В. Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством // Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1947. № 7. С. 3–10.

Бутылов Н.В. Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования). Саранск: Красный Октябрь, 2006. 220 с.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М: АСТ, 2020. 735 с.

Заводова Р.А. Мордовские лексические заимствования в русских говорах Среднего Поволжья // Вопросы финно-угорской филологии / ЛГУ. Л., 1977. Вып. 3. С. 75–86.

Лыткин В.И. Система гласных мордовских языков и древнерусский вокализм // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6. С. 128–133.

Мордовия. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. А.И. Сухарев; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: Мордов. кн. изд-во. Т. 1: А–М. 2003. 570 с. Т. 2: М–Я. 2004. 699 с.

Назаренко А.М. Вклад русского народа в развитие мордовской культуры: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Л., 1950. 18 с.

Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 1. Мокшанские приуроченные песни и плачи междуречья Мокши и Инсара / под ред. Е.В. Гиппиуса. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. 292 с.

Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 216 с.

Поляков О.Е. Мордовия многонациональная: взаимоотношения народов – взаимоотношения языков. Саранск: НИИ регионологии, 1993. 139 с.

Поляков О.Е. Русский язык в жизни мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 69 с.

Поляков О.Е., Леткина Н.В., Иванова Г.С. Топонимы мордовского происхождения на примере «Исторического словаря топонимов Симбирской губернии (1859–1913 гг.)» // Вестник угроведения. Т. 9. № 4. 2019. С. 702–709.

Поляков О.Е., Седова П.Е. Страницы истории развития мордовского языкознания (XVII – начало XXI в.) // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 46–55.

Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2006. 704 с.

Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. 359 с.

Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 483 с.

Серебренников Б.А. История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск: Красный Октябрь, 1965. С. 237–256.

Словарь русских говоров на территории Мордовии / под ред. Р.В. Семенковой. СПб.: Наука, 2013. 1606 с.

Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин. Вып. 1. Л.: Наука, 1965. 303 с.

Словарь тюркизмов в русском языке / сост. Е.Н. Шипова; отв. ред. акад. А.Н. Кононов; Институт языкознания АН КазССР. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. 444 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. М: Изд-во Акад. наук СССР. 1952. 276 с.

Самородов К.Т. О связи мордовского народа с другими народами по материалам обрядового фольклора // Этногенез мордовского народа. Саранск: Красный Октябрь, 1965. С. 315–322.

Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970. 160 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 3. 830 с.

Циркин А.И. Русско-мордовские отношения в X–XIV вв. Саранск: Красный Октябрь, 1968. 112 с.

Цыганкин Д.В. Русско-мордовские языковые контакты // Труды Мордов. науч.-исслед. ин-та языка, литры, истории и экономики. Серия лингвистическая. Саранск, 1981. Вып. 61. С. 3–18.

Этногенез мордовского народа. Саранск: Красный Октябрь, 1965. 441 с.

Языковая ситуация в Российской Федерации / под ред. В.М. Солнцева. М.: РАН. Отд-ние лит. и яз., 1992. 226 с.

Osip Polyakov, Natalia Letkina

MORDVINS, SLAVS, RUSSIANS: RELATIONSHIP OF CULTURES – RELATIONSHIP OF LANGUAGES

Introduction. It is known that the Mordovians and the Slavs had a close and long relationship since the middle of the 1st Millennium AD, and later the same close and long-term relationship developed with the Russians. The Slavic-Russian-Mordovian relations had a strong influence on the economic and cultural development of the Mordovian people. The Mordvins also had a certain influence on the culture and even on the languages of the Slavs and Russians. **Materials and methods.** Descriptive, typological, and comparative methods have been used when writing the article. The research material is based on data from archaeologists, historians and linguists concerning Mordovian-Russian relations. **Results of research and discussion.** The article analyzes information from the works of archaeologists, historians, and linguists concerning the Slavic-Mordovian and Russian-Mordovian relations. **Conclusion.** The research materials show that the Mordovian people had close relations with the Slavs and Russians for a long time, which are reflected in both the culture and the language of the Mordovians. In turn, the Mordovian people had a certain influence on the cultures and languages of the Slavs and Russians.

Keywords: Mordovian languages; Moksha language; Russian language; Slavs; Slavic language.

REFERENCES

Bubrikh D.V. Lingvisticheskie dannye k voprosu o drevnosti svyazej mezhdu mordvoj i vostochnym slavyanstvom [Linguistic data: on the question of relations between the Mordvins and the Eastern Slavs since the ancient times]. *Zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury, istorii i ekonomiki*. Saransk, 1947, no. 7, pp. 3-10. (In Russian).

Butylov N.V. Inoyazychnaya leksika v mordovskih yazykah (indoevropejskie zaimstvovaniya) [Foreign language vocabulary in the Mordovian languages (Indo-European borrowings)]. Saransk, Krasnyj Oktjabr', 2006, 220 p. (In Russian).

Dal V.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AST, 2020, 735 p. (In Russian).

Zavodova R.A. Mordovskie leksicheskie zaimstvovaniya v russkih govorah Srednego Povolzh'ya [Mordovian lexical loanwords in the Russian dialects of the Middle Volga region]. *Voprosy finno-ugorskoĭ filologii*, Leningradskij gosudarstvennyj universitet, 1977, iss 3, pp. 75-86. (In Russian).

Lytkin V.I. Sistema glasnyh mordovskih yazykov i drevnerusskij vokalizm [System of vowels in the Mordovian languages and old Russian vocalism]. *Voprosy finno-ugrovedeniya*. Saransk, 1975, vol. VI, pp. 128-133. (In Russian).

Mordovia. Encyclopedia. Ed. A. I. Sukharev, Nauchno-issledovatel'skij institut gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, vol. 1, 2003, vol. 2, 2004. (In Russian).

Nazarenko A.M. Vklad russkogo naroda v razvitie mordovskoj kul'tury [The Contribution of the Russian people to the development of Mordovian culture]. Ph. D. thesis. Leningrad, 1950, 18 p. (In Russian).

Pamjatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva [Monuments of Mordovian folk musical art]. Vol. 1. Mokshanskie priurochennye pesni i plachi mezhdurech'ja Mokshi i Insara [Moksha timed songs and lamentations between the rivers Moksha and Insara]. Ed. E.V. Gippius. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, 292 p. (In Russian).

Patrushev V.S. Finno-ugry Rossii [Finno-Ugric peoples of Russia]. Yoshkar-Ola, 1992, 216 p. (In Russian).

Polyakov O.E. Mordovija mnogonacional'naja: vzaimootnoshenija narodov – vzaimootnoshenija jazykov [Mordovia multinational: relations of peoples – relations of languages]. Saransk, Nauchno-issledovatel'skij institut regionologii, 1993, 139 p. (In Russian).

Polyakov O.E. Russkij jazyk v zhizni mordovskogo naroda [Russian language in the life of the Mordovian people]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. 69 p. (In Russian).

Polyakov O.E., Letkina N.V., Ivanova G.S. Toponimy mordovskogo proishozhdenija na primere «Istoricheskogo slovarja toponimov Simbirskoj gubernii (1859–1913 gg.) [Toponyms of Mordovian origin on the example of the "Historical dictionary of toponyms of the Simbirsk province (1859-1913)]. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies, vol. 9, no. 4; 2019, pp. 702-709. (In Russian).

Polyakov O.E. Sedova P.E. Stranicy istorii razvitija mordovskogo jazykoznanija (XVII – nachalo XXI v.) [Pages of the history of the development of Mordovian linguistics (17 – early 20 centuries)]. *Finno-ugorskiĭ mir* = Finno-Ugric world. Saransk, 2017, pp. 46-55. (In Russian)/

Platonov S.F. Polnyj kurs lekcij po russkoj istorii [Full course of lectures on Russian history]. Moscow, AST, 2006, 704 p. (In Russian).

Problemy dvujazychija i mnogojazychija [Problems of bilingualism and multilingualism]. Moscow, Nauka, 1972, 359 p. (In Russian).

Rybakov B.A. Torgovlja i torgovye puti [Trade and trade routes]. *Istorija kul'tury Drevnej Rusi. Domongol'skij period*, in 2 volumes. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951, 483 p. (In Russian).

Serebrennikov B.A. Istorija mordovskogo naroda po dannym jazyka [History of the Mordovian people according to the language data]. *Ėtnogenez mordovskogo naroda*. Saransk, Krasnyj Oktjabr', 1965, pp. 237-256. (In Russian).

Slovar' russkih govorov na territorii Mordovii [Dictionary of Russian dialects on the territory of Mordovia]. Ed. R. V. Semenkova. Saint Petersburg, Nauka, 2013, 1606 p. (In Russian).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka, 1965, iss. 1, 303 p. (In Russian).

Slovar' tjurkizmov v russkom jazyke [Dictionary of Turkisms in the Russian language]. Alma-Ata, Nauka, 1976, 444 p. (In Russian).

Smirnov A.P. Ocherki drevnej i srednevekovoj istorii narodov Povolzh'ja i Prikam'ja [Essays on the ancient and medieval history of the Volga and Kama peoples]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952, 276 p. (In Russian).

Samorodov K.T. O svjazi mordovskogo naroda s drugimi narodami po materialam obrjadovogo fol'klora [On the connection of the Mordovian people with other peoples based on the materials of ritual folklore] // *Ėtnogenez mordovskogo naroda*. Saransk, Krasnyj Oktjabr', 1965, pp. 315-322. (In Russian).

Tretyakov P.N. U istokov drevnerusskoy narodnosti [At the origin of the old Russian people]. Leningrad, Nauka, 1970, 160 p. (In Russian).

Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel-AST, 2004, vol. 3, 830 p. (In Russian).

Tsirkin A.I. Russko-mordovskie otnoshenija v X–XIV vv. [Russian-Mordovian relations in the 10-14 centuries]. Saransk, Krasnyj Oktjabr', 1968, 112 p. (In Russian).

Tsygankin D.V. Russko-mordovskie jazykovye kontakty [Russian-Mordovian language contacts]. *Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury, istorii i ekonomiki. Seriia lingvisticheskaia*. Saransk, 1981, iss. 61, pp. 3-18. (In Russian).

Etnogenez mordovskogo naroda [Ethnogenesis of the Mordovian people]. Saransk, 1965, pp. 50-60. (In Russian).

Jazykovaja situacija v Rossijskoj Federacii [Language situation in the Russian Federation]. Ed. V. M. Solntsev, Moscow: Russian Science Academy, Literature and Language Branch, 1992, 226 p. (In Russian).

Поляков Осип Егорович
доктор филологических наук,
профессор кафедры мордовских языков,
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»,
г. Саранск
e-mail: kafmoksh2012@rambler.ru

Леткина Наталия Владимировна
кандидат философских наук,
доцент кафедры английского языка
для профессиональной коммуникации,
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»
г. Саранск
e-mail: letkinanv@mail.ru

Osip Polyakov
Doctor of Philology,
Professor, Department of Mordovian Languages,
The National Research Mordovia State University,
Saransk
e-mail: kafmoksh2012@rambler.ru

Natalia Letkina
Candidate of Philosophy,
Associate Professor, Department of the English Language
for Professional Communication,
The National Research Mordovia State University,
Saransk
e-mail: letkinanv@mail.ru

УДК 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_06

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ МЕРЫ И СТЕПЕНИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2021 г. С.С. Сибатрова

Введение. Статья излагает результаты изучения марийских адвербиальных словосочетаний с наречиями меры и степени в зависимой позиции, которые до сих пор не были предметом специального анализа и описания. **Ее цель** – наиболее полно отразить наречия меры и степени и их лексико-семантические разряды в рамках адвербиальных словосочетаний. **Материалы и методы.** Работа написана на основе фактических материалов по лугово-восточной марийской литературной норме, представленных в электронной части словарной картотеки МарНИИЯЛИ. Необходимые словосочетания выявлялись путем поиска как по определяемым, так и по определяющим наречиям. Наречия меры и степени подвергнуты семантической классификации, а словосочетания, кроме того, – анализу со стороны лексико-грамматических особенностей главного компонета, а также синтаксической связи. **Результаты исследования, обсуждения.** В ходе исследования установлено около 30 наречий меры и степени в сочетании с другими наречиями – определительными (более всего качественными), реже места и времени, иногда причины и цели. В зависимости от выражения уровня интенсивности в проявлении признака действия они подразделены на 8 семантических подгрупп. **Заключение.** Марийские наречия меры и степени выражают достаточно разную силу проявления признака действия: высокую (большую, сильную) и значительную, чрезмерную (слишком, чересчур большую), исключительно соответствующую названному признаку, низкую (небольшую, слабую), бóльшую (в сравнении), особо большую (в отличие от общих или прочих случаев), заметную (очевидную), одинаковую (равную). Смысловые отношения между составляющими словосочетаний – в целом обстоятельственные меры и степени, грамматическая связь – примыкание.

Ключевые слова: марийский язык; адвербиальное словосочетание; наречия меры и степени; лексико-семантические подгруппы; грамматическое значение; грамматическая связь.

Введение

В настоящей статье будут подвергнуты описанию марийские двухкомпонентные адвербиальные словосочетания с количественно-определительными наречиями, а именно меры и степени, в зависимой позиции, т.е. модели $Н_{меры\ и\ ст.}$ + Н. Данная модель (схема) является одной из наиболее распространенных среди адвербиальных словосочетаний в марийском языке, однако до настоящего времени она не была предметом какого-либо исследования.

Цель работы – установление лексического состава наречий меры и степени, выступающих при других наречиях, выявление и систематизация их лексико-семантических подгрупп, также определение лексико-грамматических разрядов и отдельных морфологических свойств ядерных наречий. Безусловно, при этом внимание будет обращено не только на смысловое отношение и более конкретные грамматические значения, но и на особенности синтаксической связи в таких словосочетаниях. Следует пояснить, что не проводится анализ с точки зрения степени связанности компонентов, т.е. являются ли словосочетания свободными или несвободными; вопрос требует специального исследования, ибо марийские словосочетания в данном направлении пока не изучались.

Материалы и методы

Работа выполнена на базе материалов лексической картотеки МарНИИЯЛИ, а именно ее электронной части (объем – около одной тысячи авторских листов), которая представляет собой собрание цитат-предложений на определенные слова из письменных источников на лугово-восточном литературном языке, прежде всего из текстов художественных произведений и публицистики. Поиск изучаемых словосочетаний осуществлялся как по отдельным широкоупотребительным опорным наречиям различных лексико-грамматических групп, так и по известным и предполагаемым зависимым словам. При определении лексических значений компонентов, переводе словосочетаний на русский язык и в некоторой мере при сборе фактического материала опорой послужили данные многотомного «Словаря марийского языка» (1990–2005, 2019) [Словарь марийского языка]. Значительное количество примеров в статье продиктовано необходимостью отражения не только лексического состава и особенностей употребления наречий меры и степени, но и существующего в языке разнообразия в семантико-грамматической характеристике опорных наречий. Статья написана в целом на общеизвестных в современном марийском языкознании подходах к наречиям как к особому лексико-грамматическому классу слов, к их семантико-грамматической классификации, морфологическим категориям и т.д. При этом учтены и достижения в области наречий, представленные в современных академических грамматиках русского языка [Русская грамматика, 1980; Краткая русская грамматика, 1989]. В ходе сбора материала и анализа применены главным образом приемы такого исследовательского метода, как описательно-аналитический – наблюдение с выявлением изучаемых фактов в источниках, их обобщение, интерпретация и классификация, описание в ходе изложения; также использованы отдельные элементы количественного метода.

Результаты исследования, обсуждения

К адвербиальным (лат. *adverbium* – наречие) относятся словосочетания с наречиями в качестве опорного компонента. В соответствии с самыми общими данными описательных грамматик современного марийского языка, прежде всего учебных пособий (для учителей и студентов) по морфологии и синтаксису, подчиненное положение в адвербиальных словосочетаниях занимают определительные количественные и некоторые другие наречия, именные части речи – существительные, местоимения, прилагательные, числительные, именные конструкции с отдельными послелогами [Современный марийский язык, 1961, с. 273, 277; Учаев, 1985, с. 111, 113, 117–118; Васикова, 1987, с. 11; 1990, с. 22–23; Тимофеева, 1989, с. 5; Максимов, 1999, с. 42, 77], а при отсубстантивных наречиях могут быть именные определительные компоненты, что является отражением их природы [Учаев, 1985, с. 132]. В работах по синтаксису простого предложения Л.П. Васиковой и В.Т. Тимофеевой, сопоставительной грамматике «русского и марийских языков» Л.П. Васиковой, о послеложном управлении В.Н. Максимова отмечены в общем следующие модели наречных словосочетаний: имя существительное с послелогами *деч* ‘от’, *гай, семын* ‘как, словно’ + наречие (*шӱшпык деч сылнын* ‘красивее соловья’, *мардеж гай писын* ‘быстро, как ветер’, *черле семын эркын* ‘медленно, как больной’); имя прилагательное + наречие (*мотор кеҥежым* ‘прекрасным летом’, *сай эрдене* ‘в хорошее утро, хорошим утром’); местоимение с послелогами *деч* ‘от’, *гай, семын* ‘как, словно’, *кӧра* ‘из-за’ + наречие (*мемнан деч мӱндырнӧ* ‘далеко от нас’, *нунын семын писын* ‘быстро, как они’, *тидлан кӧра эркын* ‘из-за этого медленно’), наречие + наречие (*утыжым эркын* ‘слишком медленно’, *ала-кунам ожно* ‘когда-то прежде’) [Васикова, 1987, с. 11;1990, с. 22–23; Тимофеева, 1989, с. 5; Максимов, 1999, с. 42, 77, также 118, 120, 124].

В данной статье рассматриваются словосочетания последней модели – наречие + наречие, однако не все, а только те, зависимые части которых представлены наречиями меры и степени. Как показывают использованные материалы, в модели $Н_{\text{меры и ст.}}$ + Н в позиции определяемого стержневого компонента в большинстве случаев выступают определительные наречия, в т.ч. меры и степени, реже – наречия со значениями места и времени, а также (в отдельных схемах) причины и цели. Они как господствующий член словосочетания могут

присоединять к себе, с разной частотностью употребления, следующие наречия меры и степени, или интенсификаторы: *изиш(ак)* ‘немного, несколько’, *икгай* ‘одинаково’, *йӧршеш(ак)* ‘совсем, совершенно’, *йӧршын(ак)* ‘совсем, совершенно’, *йыклык* ‘совсем, совершенно’, *койын* ‘заметно, явно’, *кугун* ‘очень, сильно, значительно’, *моткоч(ак)* ‘очень, весьма, чересчур, слишком’, *ойыртемын(ак)* ‘особенно, особо’, *палынак* ‘заметно, значительно’, *пеш(ак)* ‘очень, весьма’, *поснак* ‘особенно, особо’, *путырак(ак)* ‘очень, сильно, слишком, чересчур, чрезмерно’, *пырт(ак)* ‘немного, чуть’, *ситышын(ак)* ‘достаточно, довольно’, *тӱвыт* ‘совсем, совершенно’, *тӱргоч(ак)* ‘очень, слишком, чересчур’, *утларак* ‘более, еще, еще более’, *утыжден(е)* ‘слишком, чересчур, чрезмерно, излишне’, *утыжым* ‘слишком, чересчур, чрезмерно, излишне’, *утыр* ‘всё, еще, всё (еще) более’, *чот(ак)* ‘очень, весьма’, *чылт(ак)* ‘совсем, совершенно, полностью’, *эн* ‘самый’, *эре* ‘всё, всё более’, *эше(ат)* ‘еще, более, еще (всё) более’, *ялт(ак), йылт* ‘совсем, совершенно, полностью’, *ятыр(ак), ятырлан* ‘довольно, значительно, намного, гораздо’, (разг.:) *беда* ‘очень’, *дотово* ‘очень’, *пушо* ‘пуще, больше’, *чуч* ‘чуть, немного’ и *ызыра* ‘очень’. В материалах источника зафиксировано около 30 наречий меры и степени, определяющих другие наречия. Они употребляются для передачи достаточно различной степени проявления признака, названного последующим приглагольным наречием. В зависимости от этого их можно подразделить на ряд лексико-семантических подгрупп, которые выражают:

– высокую (большую, сильную) и значительную степень: (наиболее употребительное) *пеш(ак)* ‘очень, весьма’, *моткоч(ак)* ‘очень, весьма, чересчур, слишком’, (при наречиях очень редко) *чот(ак)* ‘очень, весьма’, (определяет главным образом отглагольные наречия) *кугун* ‘очень, сильно, значительно’, *ятыр(ак)*, *ятырлан* ‘довольно, значительно, намного, гораздо’, (русского происхождения:) разг. *беда*, *дотово* и *ызыра* ‘очень’. В главной позиции могут быть наречия определительные (или собственно-характеризующие) – немотивированные и преимущественно мотивированные, реже обстоятельственные места и времени. Например (здесь и далее переводы словосочетаний, в т. ч. буквальные, ввиду отсутствия русских соответствий, к сожалению, не всегда точно передают лексико-грамматические особенности марийских компонентов): *пеш(ак) раш (шокташ)* ‘очень ясно (слышаться)’, *пеш(ак) вашке (шулаш)* ‘очень быстро (растаять)’, *пеш(ак) оҥай(ын) (возаш)* ‘очень интересно (писать)’, *пеш(ак) веселан (шинчаш)* ‘очень весело (сидеть)’, *пеш(ак) шукын (пыташ)* ‘в очень большом количестве (букв. очень много) (пропасть)’, *пеш(ак) шагалын (кодаш)* ‘в очень малом количестве (букв. очень мало) (остаться)’, *пеш(ак) куанышын / куанышыла (кояш)* ‘очень радостным (букв. радостно) (выглядеть)’, *пеш(ак) азапланышыла (кояш)* ‘очень взволнованным (букв. взволнованно) (выглядеть)’, *пеш(ак) ажгынышын (тӧрштылаш)* ‘очень бешено (прыгать)’; *моткоч(ак) чак (кылдалташ)* ‘очень тесно (связываться)’, *моткоч(ак) шып (шинчаш)* ‘очень тихо (сидеть)’, *моткоч(ак) ласкан (малаш)* ‘очень спокойно (спать)’, *моткоч(ак) пычкемышын (чучаш)* ‘очень темно (казаться)’, *моткоч(ак) шукын (илаш)* ‘в очень большом количестве (букв. очень много) (жить)’, *моткоч(ак) келшышыла (чучаш)* ‘очень соответствующим (букв. соответствующе) (казаться)’, *моткоч(ак) ойгырышын (кояш)* ‘очень грустным (букв. грустно) (выглядеть)’, *моткоч(ак) палымын (кояш)* ‘очень знакомым (букв. знакомо) (казаться)’; *чот кугун (вожылаш)* ‘очень сильно (смущаться)’, *чот йӱштын (шкем кучаш)* ‘очень холодно (держать себя)’, *чот кыртмен (пижаш)* ‘очень крепко (цепляться)’, *чот малышыла (кояш)* ‘очень сонным (букв. спяще, спящим) (выглядеть)’; *кугун ваштaлтмыла (кояш)* ‘очень изменившимся (выглядеть)’, *кугун нойышыла (шӱлалташ)* ‘очень устало (вздохнуть)’, *кугун ойгырышыла (кояш)* ‘очень опечаленным (букв. опечаленно) (казаться)’, *кугун шонкалышын (кояш)* ‘очень задумчивым (букв. задумчиво) (выглядеть)’; *ятырлан куштылгын (пӧрдаш)* ‘значительно легче (вращаться)’ (слова *ятыр*, *ятырлан* ‘довольно, значительно, намного, гораздо’ определяют главным образом наречия места и времени; см. ниже); *беда сай(ын) (эртараш)* ‘очень хорошо (проводить)’, *дотово йӧсын (чучаш)* ‘очень тяжело (на душе), букв. очень тяжело (казаться)’, *ызыра ныk (мураш)* ‘очень громко (петь)’.

Как видно, интенсификаторы данной семантической подгруппы могут определять, наряду с немногочисленными немотивированными качественными наречиями, наречия: отадъективные – *оҥайын* ‘интересно’ < *оҥай* ‘интересный’, *веселан* ‘весело’ < *весела* ‘веселый’, *шергын* ‘дорого’ < *шерге* ‘дорогой’, *кугун* ‘сильно’ < *кугу* ‘большой, сильный’ и др.; отнумеральные – *шукын* ‘много, в большом количестве’ < *шуко* ‘много’, *шагалын* ‘мало, в малом количестве’ < *шагал* ‘мало’; отпричастные, образованные от действительных, страдательных и отрицательных причастий с помощью суффиксов *-ла, -н,* которые выступают чаще всего при предикативных глаголах *кояш* ‘казаться, выглядеть’ и *чучаш* ‘казаться, представляться’ – *куанышыла, куанышын* ‘радостно, радостным’ < *куаныше* ‘радующийся, радостный’, *ойгырышыла, ойгырышын* ‘грустно, грустным; печально, печальным’ < *ойгырышо* ‘грустящий, грустный; печалящийся, печальный’, *палымыла, палымын* ‘знакомо, знакомым’ < *палыме* ‘известный, знакомый’, *палыдымын, палыдымыла* ‘незнакомо, незнакомым’ < *палыдыме* ‘неизвестный, незнакомый’ и др.; в единичных случаях отдеепричастные – *кыртмен* ‘крепко’ < *кыртмаш* ‘напрягаться’ (в дальнейшем подобная информация о мотивированных ядерных наречиях не приводится).

Относительно редко интенсификаторы описываемой группы примыкают к пространственным и временным наречиям (что, возможно, объясняется, и некоторой их малочисленностью). При этом стержневые пространственные наречия могут быть обозначающими как различное направление (прежде всего *куда* и *откуда*), так и место (совершения действия: *где*): *пеш(ак) умбак(е) (каяш)* ‘очень далеко (уехать)’, *пеш(ак) лишне (шокташ)* ‘очень близко (слышаться)’, *пеш(ак) ӱлнӧ (эрташ)* ‘очень низко (проходить)’, *пеш(ак) шеҥгелан (кодаш)* ‘далеко (букв. очень) позади (оставаться)’, *пеш(ак) мӱндырч(ын) (толаш)* ‘очень издалека (приехать)’; *моткоч(ак) тораш(ке) (ончаш)* ‘очень далеко (смотреть)’, *моткоч(ак) мӱндыркӧ (кояш)* ‘очень далеко (виднеться)’, *моткоч(ак) тораште (илаш)* ‘очень далеко (жить)’, *моткоч(ак) мӱндырнӧ (улаш)* ‘очень далеко (быть)’, *моткоч(ак) шеҥгелан (кодаш)* ‘далеко (букв. очень) позади (оставаться)’, *моткоч(ак) кӱшыч(ын) (эрташ)* ‘очень высоко (проходить)’; *чот лиш(ке) (мияш)* ‘очень близко (подходить)’, *чот ончык(о) (тошкалаш)* ‘далеко (букв. очень) вперед (шагнуть)’ (в развитии), *чот кӱчыкын (кояш)* ‘очень коротким (букв. коротко) (казаться)’; *ятыр кӱш(кӧ) (кӱзаш)* ‘довольно высоко (подниматься)’, *ятыр ӧрдыжкӧ (торлаш)* ‘довольно далеко (букв. в сторону) (удалиться)’, *ятыр кӱшнӧ (кечаш)* ‘довольно высоко (висеть)’, (*корно деч*) *ятыр ӧрдыжтӧ (шогаш)* ‘довольно далеко (от дороги стоять)’, *ятыр кӱшыч(ын) (чоҥешташ)* ‘довольно высоко (лететь)’ (*ятырлан* фиксируется при наречиях реже, чем *ятыр*) *ятырлан ончык(о) (тошкалаш)* ‘значительно вперед (шагнуть)’ (в развитии), *ятырлан тораште (верланаш)* ‘значительно дальше (располагаться)’, *ятырлан шеҥгелан (кодаш)* ‘значительно позади (оставаться)’; *кугунак ончык(о) (каяш огыл)* ‘сильно вперед (не продвинуться)’ (здесь и в других моделях словосочетания типа последних могут функционировать в речи не только в прямом пространственном и временном значениях, но и в переносном). Необходимо заметить, что опорные наречия времени в таких словосочетаниях являются выражающими различную временную семантику (в целом: *когда? как долго? с каких пор?*): *пеш(ак) эр (кынелаш)* ‘очень рано (вставать)’, *пеш(ак) ожно (лияш)* ‘очень давно (случиться)’, *пеш(ак) ончыч (кутыраш)* ‘очень рано (говорить)’, *пеш(ак) шукертсек (вучаш)* ‘очень давно (ждать)’, *пеш(ак) чӱчкыдын (шарнаш)* ‘очень часто (вспоминать)’; *моткоч(ак) шукерте (лияш)* ‘очень давно (случиться)’, *моткоч(ак) ондак (пӧртылаш)* ‘очень рано (вернуться)’, *моткоч(ак) кужун (шуйнаш)* ‘очень долго (длиться)’; *чот кужун (кычкыраш)* ‘очень долго (кричать)’; *ятыр йӱдым (пыташ)* ‘довольно поздно ночью (кончиться)’, *ятыр кастене (толаш)* ‘довольно поздно вечером (прийти)’, *ятыр ондак (олаш куснаш)* ‘довольно рано (переехать в город)’, *ятыр вара (каяш)* ‘довольно поздно (уйти)’;

– чрезмерную, слишком (чересчур) большую степень: *путырак* (иногда с усилительной частицей *-ак: путыракак*) ‘очень, сильно, слишком, чересчур, чрезмерно’, (редко используемые при наречиях:) *утыжден(е)* ‘слишком, чересчур, чрезмерно, излишне’,

утыжым ‘слишком, чересчур, чрезмерно, излишне’, *тӱргоч(ак)* ‘очень, слишком, чересчур, чрезмерно, чрезвычайно, излишне’. Они определяют главным образом качественные наречия, по образованию немотивированные и мотивированные – в подавляющем большинстве случаев отадъективные и заметно реже отпричастные, произведенные от страдательных и действительных причастий при посредстве суффиксов *-ла, -н*: *путырак куштылгын (шукташ)* ‘очень легко (сделать)’, *путырак эркын (тарванылаш)* ‘слишком тихо (двигаться)’, *путырак тамлын (ӱпшалташ)* ‘очень приятно (пахнуть)’, *путырак палымыла (шокташ)* ‘очень знакомо (звучать)’, *путырак ылыжшыла (кояш)* ‘слишком оживленным (букв. оживленно) (выглядеть)’, *путырак нойышын (кояш)* ‘слишком уставшим (букв. устало) (выглядеть)’; *утыжден(е) кугун (нумалаш)* ‘слишком помногу (таскать)’, *утыжден(е) кугешнышыла (кояш)* ‘чрезмерно горделивым (букв. горделиво) (выглядеть)’, *утыжден(е) кычалтылшын (чучаш)* ‘чересчур придирчивым (букв. придирчиво) (казаться)’; *утыжым тыгыдын (шелышташ)* ‘слишком мелко (колоть)’, *утыжым ваштaлтмыла (кояш огыл)* ‘слишком изменившимся (не выглядеть)’; *тӱргоч кычалтылшыла (кояш)* ‘слишком придирчивым (букв. придирчиво) (выглядеть)’, *(шкем) тӱргоч пагалышыла (кояш)* ‘слишком уважающим (букв. уважающе) (себя выглядеть)’.

Иногда фиксируются примеры таких словосочетаний с наречиями места и (в единичных случаях) времени в определяемой части: *путырак шеҥгелан (кодаш)* ‘далеко (букв. слишком) позади (оставаться)’, *путырак кумдан (шарлаш)* ‘очень широко (распространяться)’; *утыжым ончык(о) (лекташ огыл)* ‘слишком вперед (не выдаваться)’, *утыжым шеҥгелан (кодаш огыл)* ‘далеко (букв. слишком) позади (не оставаться)’; *путырак вараш (кодаш)* ‘слишком опоздать (букв. очень поздно оставаться)’;

– степень, исключительно соответствующую названному признаку действия: *йӧршеш(ак)* ‘совсем, совершенно’, *йӧршын(ак)* ‘совсем, совершенно’, *чылт(ак)* ‘совсем, совершенно, полностью, в полной мере’, *ялт(ак)*, (иногда фонетический вариант) *йылт* ‘совсем, совершенно, полностью’, (очень редко используемые при наречиях) *тӱвыт* ‘совсем, совершенно’, *йыклык* ‘совсем, совершенно’. Они примыкают к наречиям определительным, немотивированным и мотивированным – более всего отпричастным, образованным от отрицательных, действительных и страдательных причастий при помощи суффиксов *-ла, -н,* отадъективным и отнаречным, единичным отместоименным – *шкет(ын)*, отнумеральным – *коктын*, отсубстантивным – на *-дымашын* и некоторым другим, а также к наречиям места, времени и даже причины и цели. Например: *йӧршеш посна (шинчаш)* ‘совсем отдельно (сидеть, садиться)’, *йӧршеш йоҥылыш (умылаш)* ‘совсем неправильно (понимать)’, *йӧршеш йӧндымын (чучаш)* ‘совсем неудобным (букв. неудобно) (казаться)’, *йӧршеш тупела (лекташ)* ‘совсем наоборот (получиться)’, *йӧршеш угыч (ышташ)* ‘совсем заново (делать)’, *йӧршеш шкет(ын) (илаш)* ‘совсем один (букв. одиноко) (жить)’, *йӧршеш ярнышыла (кояш)* ‘совсем уставшим (букв. устало) (выглядеть)’, *йӧршеш кӱлдымын (шонаш)* ‘совсем нехорошо (не так, как необходимо) (думать)’, *йӧршеш вучыдымын (почылташ)* ‘совсем неожиданно (открываться)’; *йӧршын яра (ышташ)* ‘совершенно бесплатно (делать)’, *йӧршын раш (кояш)* ‘совсем отчетливо (виднеться)’, *йӧршын йӱштын (ончаш)* ‘совершенно холодно (смотреть)’, *йӧршын вийдымын (йӱлаш)* ‘совсем бессильно (гореть)’, *йӧршын марла (ойлаш)* ‘совершенно по-марийски (говорить)’, *йӧршын тупела (савырнаш)* ‘совсем наоборот (обернуться)’, *йӧршын мӧҥгешла (каласаш)* ‘совсем иначе (сказать)’, *йӧршын шкет(ын) (кодаш)* ‘совсем один (букв. одиноко) (оставаться)’, *йӧршын ужды-машын (ойыраш)* ‘так, что совсем не видеться (разлучать)’, *йӧршын ваштaлтмыла (чучаш)* ‘совсем изменившимся (казаться)’, *йӧршын молеммыла (чучаш)* ‘совсем изменившимся (казаться)’, *йӧршын ажгынышыла (кояш)* ‘совершенно неистовым (букв. неистово) (выглядеть)’; *чылт раш (ойлаш)* ‘совершенно ясно (говорить)’, *чылт тыге (ужаш)* ‘совершенно так (видеть)’, *чылт шулдын (налаш)* ‘совсем дешево (брать)’, *чылт тупела (ышташ)* ‘совсем наоборот (делать)’, *чылт унчыли (лекташ)* ‘совсем наоборот (получаться)’, *чылт шкет(ын) (кодаш)* ‘совершенно один (букв. одиноко) (оставаться)’, *чылт коктынак (шин-*

чылташ) ‘совсем вдвоем (сидеть)’, *чылт ажгынышыла (кычкыраш)* ‘совсем неистово (кричать)’, *чылт лишеммыла (шокташ)* ‘совершенно так, как будто приближается (слышаться)’, *чылт койдарымыла (чучаш)* ‘совершенно насмешливым (букв. насмешливо) (казаться)’, *чылт вучыдымын (толаш)* ‘совсем неожиданно (прийти)’, *чылт шиждымын (увертараш)* ‘совсем внезапно (объявить)’; *ялт вийдымын (тайнышташ)* ‘совсем без силы (букв. бессильно) (шататься)’, *йылт тыге (ышташ)* ‘совершенно так (делать)’, *ялт угыч (шочыкташ)* ‘совершенно заново (возрождать)’, *ялт чарамогырын (куржаш)* ‘совсем голый (букв. голым телом) (бежать)’, *ялт шкет(ын) (шогаш)* ‘совершенно один (букв. одиноко) (стоять)’, *ялт тупуй (ыштылаш)* ‘совсем наоборот (делать)’, *ялт ваштaлтмыла (кояш)* ‘совершенно изменившимся (выглядеть)’, *йылт вучыдымын (кынелаш)* ‘совершенно неожиданно (подняться)’; *тӱвыт шкет(ын) (кодаш)* ‘совершенно один (букв. одиноко) оставаться’; *йыклык шкет(ын) (кодаш)* ‘совершенно один (букв. одиноко) оставаться’, *йыклык умылыдымашын (шокташ)* ‘совершенно непонятно (звучать)’.

Заметно реже эти лексические средства передачи меры и степени наблюдаются при пространственных наречиях, выражающих различное направление и место совершения действия: *йӧршеш ӧрдыжкӧ (каяш)* ‘совсем в сторону (уходить)’, *йӧршеш вокtенак (кушкаш)* ‘совсем рядом (расти)’, *йӧршеш ӧрдыжтӧ (кияш)* ‘совсем в стороне (лежать)’, *йӧршеш шеҥгелан (кодаш)* ‘совсем позади (оставаться)’; *йӧршын лишке (толаш)* ‘совсем близко (подходить)’, *йӧршын мӱндырнат огыл (кудалаш)* ‘совсем недалеко (ехать)’, *йӧршын шеҥгелан (кодаш)* ‘совсем позади (оставаться)’; *чылт лишкак (мияш)* ‘совсем близко (подходить)’, *чылт тембалнак (шергылташ)* ‘совсем близко (раздаваться)’; *ялт лишкак (толаш)* ‘совсем близко (подходить)’, *ялт вокtенак (йоҥгалташ)* ‘совсем рядом (прозвучать)’, *ялт тувелне огыл (верланаш)* ‘совсем не на той стороне (располагаться)’. Еще меньше примеров таких наречий меры и степени выявлено в сочетании с наречиями времени: *йӧршеш шукерте огыл (ошкылаш тӱҥалаш)* ‘совсем недавно (начать ходить)’, *йӧршын нигунам (ужаш огыл)* ‘совсем никогда (не видеть)’, *йӧршын шуэн (вашлиялташ)* ‘совсем редко (встречаться)’, *ялт йӱдым (ужаш)* ‘совсем ночью (видеть)’.

Отличительной особенностью наречий-интенсификаторов рассматриваемой семантической подгруппы является то, что они могут определять наречия причины и цели (их значения не всегда разграничиваются), т.е. обозначать исключительно соответствующую степень проявления признака причины и цели действия: *йӧршеш арам (ойлышташ)* ‘совсем зря (болтать)’, *йӧршеш арамеш (воштылаш)* ‘совсем напрасно (смеяться)’, *йӧршеш эпере (логалаш)* ‘совсем без причины (попасться)’; *чылт арам (шонаш)* ‘совершенно напрасно (думать)’, *чылт кӱлдымашланак (вуеш налаш)* ‘совсем напрасно (букв. из-за пустяка) (обижаться)’, *чылт оккӱлланак (каргашаш)* ‘совершенно беспричинно (спорить)’, *чылт эпере (илаш)* ‘совершенно бесполезно (жить)’, *чылт яралан (лӱйылташ)* ‘совершенно попусту (постреливать)’; *ялт арамлан (ойгыраш)* ‘совершенно зря (горевать)’, *ялт укелан (воштылаш)* ‘совершенно напрасно (смеяться)’;

– низкую (небольшую, некоторую, слабую) степень: *изиш(ак)* ‘немного, несколько, чуть’, *пырт(ак)* ‘немного, чуть’, разг. *чуч* ‘чуть, немного’. Они употребляются в основном при качественных наречиях, как немотивированных, так и мотивированных – отадъективных, отпричастных (более всего с суффиксом *-ла*), в единичных случаях – отсубстантивных. Главные наречия, немотивированные и отадъективные, могут иметь две формы – сравнительной и положительной степеней, т.е. используются с суффиксом *-рак* (при этом интенсификаторы выступают в основном без усилительной частицы *-ак*) и без такого сравнительного суффикса. Например: *изиш(ак) йоҥылыш (каласаш)* ‘немного неверно (сказать)’, *изиш(ак) аҥысырракын (кояш)* ‘немного узким (букв. уже) (казаться)’, *изиш(ак) куштылгын (чучаш)* ‘немного легче (букв. легко) (казаться)’, *изиш вестӱрлынрак (шонаш)* ‘немного иначе (думать)’, *изиш шӧрынрак (кучаш)* ‘немного косо (букв. косее) (держать)’ (*шӧрын* – отсубстантивное наречие, ср. *шӧр* ‘ребро, грань, край’), *изиш(ак) сырышыла (кояш)* ‘немного сердитым (букв. сердито) (выглядеть)’, *изиш(ак) тургыжланышын (ончаш)* ‘немного встревоженно

(смотреть)’, *изиш(ак) пӱгырналмыла (кояш)* ‘немного сутулым (букв. ссутулившимся) (выглядеть)’, *изиш(ак) кугеммыла (чучаш)* ‘немного большим (букв. увеличившимся) (казаться)’; *пырт(ак) шып (шинчаш)* ‘немного тише (букв. тихо) (сидеть)’, *пырт(ак) вудакан (палдырнаш)* ‘несколько мутно (виднеться)’, *пырт(ак) ласкан (шӱлалташ)* ‘чуть спокойнее (букв. спокойно) (вздохнуть)’, *пырт(ак) кӱчымын (лекташ)* ‘немного сырым (букв. сыро) (получиться)’, *пырт(ак) иралтмыла (пелешташ)* ‘чуть обиженно (сказать)’, *пырт(ак) айманымыла (кояш)* ‘немного смущенным (букв. смущенно) (выглядеть)’; *чуч титак (тошкалаш)* ‘чуть неверно (ступить)’, *чуч тореш (пелешташ)* ‘чуть против (сказать)’.

Наречия *изиш(ак)* и *пырт(ак)* могут определять со стороны интенсивности проявления также различные пространственные и (заметно реже) временные признаки действия: *изиш умбакырак (каяш)* ‘немного подальше (идти)’, *изиш ӧрдыжтырак (шинчаш)* ‘немного в стороне (сидеть)’, *изиш ончылнырак (шогаш)* ‘немного впереди (стоять)’, *изиш(ак) шеҥгелан (кодаш)* ‘немного позади (остаться)’, *изиш ончычрак (куржаш)* ‘немного впереди (бежать)’, *изиш почешрак (ошкылаш)* ‘немного сзади (идти)’; *пырт(ак) ӧрдыжыш (кораҥаш)* ‘чуть в сторону (отойти)’, *пырт(ак) ончык(о) (тошкалаш)* ‘чуть вперед (шагнуть)’, *пырт ӧрдыжтырак (шогаш)* ‘чуть в стороне (стоять)’, *пырт(ак) шеҥгелан (кодаш)* ‘чуть позади (остаться)’; *изиш вара(рак) (ӱдаш)* ‘немного позже (сеять)’, *изиш вараш(рак) (толаш)* ‘немного позже (прийти)’, *изиш(ак) почеш (кодаш)* ‘опоздать; букв. немного поздно (остаться)’, *изиш утларак (малаш)* ‘немного больше (спать)’, *изиш ончыч(рак) (толаш)* ‘немного раньше (прийти)’; *пырт ондак(рак) (шочаш)* ‘чуть раньше (родиться)’;

– бóльшую степень признака действия (в целом в сравнении с аналогичным признаком действия другого предмета или с признаком действия данного же предмета, проявляющимся в других обстоятельствах): *утларак* ‘более, еще, еще более’, *утыр* ‘всё, еще, всё (еще) более’, *эше* (с усилительной частицей *-ат*: *эшеат*) ‘еще, более, еще (всё) более’, (наречие времени *эре* ‘всегда, все время, постоянно’ иногда проявляет значение меры и степени) *эре* ‘всё, всё более’, (при наречиях очень редко) разг. *пушо* ‘пуще, больше, более, еще более’. Нужно заметить, что наречие *утларак* в современной марийской лингвистике принято рассматривать в качестве аналитической (сложной) формы сравнительной степени наречий, как и прилагательных [Учаев, 1985, с. 118; 1982, с. 114]; однако вышеназванные наречия и нижеследующие примеры говорят о том, что в марийском языке для передачи большей степени проявления признака действия (в сравнении с подобным признаком действия другого или этого же предмета) наличествуют и другие лексические средства, поэтому выделять слово *утларак* из этого ряда как грамматикализованную описательную форму сравнительной степени нет оснований, хотя, следует признать, оно более употребительно [см. также Сибатрова, 2005, с. 49–50].

Интенсификаторы излагаемой подгруппы используются при наречиях качественных, немотивированных и чаще всего мотивированных – отадъективных и отпричастных: *утларак раш (умылаш)* ‘более ясно (понимать)’, *утларак пайдалын (кучылташ)* ‘более эффективно (использовать)’, *утларак пеҥгыдын (кормыжташ)* ‘еще крепче (букв. крепко) (сжать кулак)’, *утларак кандын (кояш)* ‘более синим (букв. сине) (выглядеть)’, *утларак йокрокын (чучаш)* ‘более скучным (букв. скучно) (казаться)’, *утларак вичкыжеммыла (кояш)* ‘еще более осунувшимся (выглядеть)’, *утларак шукеммыла (чучаш)* ‘что еще более прибавилось (букв. более прибавившимся) (казаться)’, *утларак шупшышыла (кояш)* ‘что больше тянет (букв. более тянущим) (казаться)’, *утларак илалшын (кояш)* ‘более пожилым (выглядеть)’, *утларак келшышын (йӧнештараш)* ‘более подходяще (приспособить)’; (наречия с *утыр, эше, эре* могут употребляться и в форме сравнительной степени; в этом случае *эше* выступает преимущественно без усилительной частицы *-ат*): *утыр виян (каяш)* ‘все быстрее (букв. быстро) (двигаться)’, *утыр виянрак (рӱзаш)* ‘все сильнее (махать)’, *утыр писынрак (пӧрдаш)* ‘все быстрее (вращаться)’, *утыр ныжылгын (шокташ)* ‘все нежнее (звучать)’, *утыр оҥай(ын) (чучаш)* ‘еще интереснее (казаться)’, *утыр йӧсынрак (чучаш)* ‘еще тяжелее (казаться)’, *утыр волымыла (чучаш)* ‘еще

более опустившимся (казаться)’; *эше(ат) сылнын (мураш)* ‘еще красивее (букв. красиво) (петь)’, *эше ласканрак (пелешташ)* ‘еще спокойнее (сказать)’, *эше чаткатанрак (кояш)* ‘еще аккуратнее (выглядеть)’, *эше виянрак (кычкыралаш)* ‘еще громче (крикнуть)’, *эше(ат) кугешнышын (кояш)* ‘еще более горделивым (букв. горделиво) (выглядеть)’; *эре утларак (шижалташ)* ‘все больше (чувствоваться)’, *эре утларак активнын (ышташ)* ‘все более активно (делать)’, *эре виянрак (когарташ)* ‘все сильнее (обжигать)’.

Надо заметить, что при необходимости передачи постепенного нарастания (усиления) степени проявления признака действия при наречиях, как и при глаголах, используется конструкция *(эре) утларак да утларак* ‘все (еще) более и более, все больше и больше’: *утларак да утларак шыгырын (чучаш)* ‘все более и более тесным (букв. тесно) (казаться)’, *утларак да утларак сӧралын (кояш)* ‘все более и более красиво (смотреться)’, *эре утларак да утларак (авалташ)* ‘все более и более (охватывать)’ (при глаголах фиксируется также синонимичная конструкция *утыр да утыр*).

Слово *эше*, однако уже как усилительная частица, может сопровождать (и в препозиции, и в постпозиции) вопросительное наречие *кузе* ‘как’. В речи, в известной мере эмоционально окрашенной, конструкции *эше кузе* ‘еще как’ и *кузе эше* ‘как еще’ обычно выражают большую степень проявления самого действия: *эше кузе / кузе эше ракатланаш* ‘еще как / как еще наслаждаться’, *эше кузе / кузе эше кӱлаш* ‘еще как / как еще быть необходимым’, *эше кузе / кузе эше кутыраш* ‘еще как / как еще разговаривать’, *кузе эше / эше кузе керташ* ‘как еще / еще как мочь’.

Интенсификаторы данной подгруппы способны примыкать также к наречиям места, имеющим значение разного направления и места совершения действия: *утларак кӱшкӧ (кӱзаш)* ‘еще выше (букв. высоко) (подниматься)’, *утларак тораш(ке) (колташ)* ‘еще дальше (букв. более далеко) (отправлять)’, *утларак чак(рак) (мияш)* ‘еще ближе (подходить)’; *утыр умбак(е) (торлаш)* ‘все дальше (удаляться)’, *утыр ончык(о) (каяш)* ‘все вперед (идти)’, *утыр кӱшнырак (шинчаш)* ‘еще выше (сидеть)’, *утыр шеҥгелан (кодаш)* ‘все дальше позади (оставаться)’, *утыр кумдан (шарлаш)* ‘все шире (распространяться)’; *эре ӧрдыжкӧ (наҥгаяш)* ‘все в сторону (уводить)’, *эре ӱлык(ӧ) (волаш)* ‘все ниже (опускаться)’, *эре кӱшкӧ (да кӱшкӧ чоҥешташ)* ‘все выше (и выше лететь)’, *эре ончыко (да ончыко каяш)* ‘все вперед (и вперед идти)’ (такой повтор опорных наречий является одним из способов передачи нарастания, усиления признака действия); *эше умбак(е) (чымаш)* ‘еще дальше (мчаться)’, *эше ончыкырак (лекташ)* ‘еще больше вперед (выходить)’, *эше умбалнырак (кояш)* ‘еще дальше (виднеться)’, *эше лопкан (кояш)* ‘еще шире (выглядеть)’.

Рассматриваемые интенсификаторы изредка наблюдаются и в сочетании с наречиями времени. В источнике обнаружены отдельные словосочетания с наречиями количественно-временного значения в стержневой позиции: *эше кужунрак (вучаш)* ‘еще дольше (ждать)’, *пушо кужун (мотаяш)* ‘еще дольше (мешкать)’. Обращает внимание, что при наречиях времени слово *эше* выступает чаще всего не как средство выражения меры и степени, а во временных значениях ‘уже’ и ‘до сих пор, пока’, а также в значении ‘снова, опять’: *эше тунамак (шындаш)* ‘еще / уже тогда (сажать)’, *эше нигунамат (ышташ огыл)* ‘еще / пока (пока еще) никогда (не делать)’, *эше икана (вашлияш)* ‘еще / опять однажды (встретиться)’;

– особо большую степень в отличие от общих или прочих случаев, от признака действия кого-, чего-либо другого или этого же субъекта в других обстоятельствах: *поснак* ‘особенно, особо’, (реже) *ойыртемын(ак)* ‘особенно, особо’. Главный компонент представляют прежде всего качественные наречия, немотивированные и мотивированные – преимущественно отадъективные, а также отпричастные и в единичных случаях отсубстантивные: *поснак раш (шижалташ)* ‘особенно ясно (чувствоваться)’, *поснак вашке (рӱмбалгаш)* ‘особенно быстро (смеркаться)’, *поснак шергын (аклалташ)* ‘особенно дорого (цениться)’, *поснак тӱткын (ончаш)* ‘особенно внимательно (смотреть)’, *поснак ваштал тмыла (кояш)* ‘особенно изменившимся (выглядеть)’, *поснак аптыранымыла (чучаш)* ‘особенно смущенным (букв. смущенно) (казаться)’, *поснак ойыртемалтшын*

(мураш) ‘особенно необычно (букв. отличительно) (петь)’; *ойыртемынак раш (шокташ)* ‘особенно отчетливо (слышаться)’, *ойыртемын(ак) чаплын (чияш)* ‘особенно красиво (одеваться)’, *ойыртемын(ак) яндарын (кояш)* ‘особенно чисто (выглядеть)’, *ойыртемынак виян (кӱлткаш)* ‘особенно сильно (биться – о сердце)’.

Интенсификаторы *поснак, ойыртемын(ак)* фиксируются (правда, довольно редко) с наречиями места и времени различных семантических подразрядов, при этом служат для передачи особо очетливого проявления определяемых обстоятельств действия: *поснак тышке (погынаш)* ‘особенно сюда (собираться)’, *поснак тыште (келшаш)* ‘особенно здесь (нравиться)’, *поснак кӱшнӧ (кучаш)* ‘особенно высоко (держать)’, *поснак кумдан (шарлаш)* ‘особенно широко (распространяться)’, *ойыртемын(ак) кужун (кояш)* ‘особенно длинным (букв. длинно) (казаться)’; *поснак шошым (локтылалташ)* ‘особенно весной (портиться)’, *поснак йӱдым (оролаш)* ‘особенно ночью (охранять)’, *поснак эр (кынелаш)* ‘особенно рано (вставать)’, *поснак кужун (эрташ)* ‘особенно долго (проходить)’, *ойыртемын(ак) тений (саемдаш)* ‘особенно в этом году (улучшить)’, *ойыртемын(ак) чӱчкыдын (толаш)* ‘особенно часто (приходить)’;

– такую степень, что можно заметить, увидеть, что становится хорошо заметным, видимым: *койын* ‘заметно, явно’, *палынак* ‘заметно, значительно’ (они произошли от деепричастия *койын* < *кояш* ‘виднеться, показываться’ и прилагательного *пале* ‘заметный, значительный по своему проявлению’). Наблюдаются при наречиях исключительно редко: *койын чотрак (шокташ)* ‘заметно громче (звучать)’, *койын эркынрак (толаш)* ‘заметно медленнее (идти – сюда)’, *палынак ончык(о) (тошкалаш)* ‘заметно вперед (шагнуть)’ (в развитии);

– одинаковую, равную степень: *икгай* (с усилительной частицей *-ак*: *икгаяк*) ‘одинаково’. Названное наречие (*икгай* функционирует в языке и как имя прилагательное) в иных случаях примыкает к качественным наречиям, при этом выражает равную меру, равную степень проявления признака аналогичного действия двух или ряда субъектов: *икгаяк сайын) (тунемаш)* ‘одинаково хорошо (учиться)’, *икгай кужун (кечаш)* ‘одинаковой длины (букв. одинаково длинно) (висеть)’.

Помимо интенсификаторов вышерассмотренных подгрупп, известно, что для обозначения самой высокой (наивысшей) степени проявления признака действия, как и предмета, в марийском языке – луговом и восточном наречиях (соответственно в лугово-восточной литературной норме) – широко распространено слово *эн* ‘… всех, … всего, самый’: *эн устан (возаш)* ‘лучше всех (писать)’, *эн кугун (полшаш)* ‘больше всего (помогать)’, *эн лишне (шогаш)* ‘ближе всех (стоять)’, *эн ончыч (пытараш)* ‘раньше всех (кончить)’, *эн первый (колышт налаш)* ‘сначала (букв. с самого начала) (выслушать)’ (в северо-западном наречии – *ин*). В марийском языкознании оно традиционно рассматривается в качестве аналитической формы выражения превосходной степени наречий качественных, а также места и времени [Учаев, 1985, с. 117–118]. Следовательно, адвербиальные конструкции с предшествующим *эн* не являются словосочетаниями.

После изложения семантических подгрупп наречий меры и степени, примыкающих к другим наречиям различных лексико-грамматических разрядов, следует отдельно остановиться на том, что некоторые из интенсификаторов могут выступать в речи совместно (несколько примеров представлено и выше). В данном случае одно наречие меры и степени как бы определяет другое, подобное по семантике. Такие конструкции, как и отдельно взятые наречия меры и степени, могут употребляться непосредственно при глаголах, а также при прилагательных [см. Сибатрова, 2020, с. 232–233] и наречиях. Безусловно, они передают значительно бóльшую силу проявления действия и признака (предмета или действия), нежели одиночные наречия. Как показывают материалы, при этом в позиции «определяемого» второго компонента сравнительно часто выступает наречие *чот* ‘очень, весьма’, которое практически сочетается с рядом наречий, выражающих:

– высокую (большую, сильную) степень: *пеш чот (черланаш)* ‘очень сильно (заболеть)’, *пеш(ак) чот шонкалышыла (кояш)* ‘очень сильно задумчивым (букв. задумчиво) (выглядеть)’, *моткоч(ак) чот (нояш)* ‘очень сильно

(уставать)', *моткоч(ак) чот ончык(о) (тошкалаш)* 'очень далеко вперед (шагнуть)' (в развитии), *дотово чот (сыраш)* 'очень сильно (сердиться)', *ызыра чот куанышыла (пелешташ)* 'как бы очень сильно радуясь (сказать)';

– чрезмерную, слишком большую степень: *путырак чот (лӱдаш)* 'очень сильно (бояться)', *путырак чот йӱштын (шкем кучаш)* 'слишком очень холодно (вести себя)', *утыжден(е) чот (йӧраташ)* 'слишком сильно (любить)';

– бóльшую степень: *эшеат чот (лӱдаш)* 'еще больше (пугаться)', *эше чотрак (ӧраш)* 'еще больше (удивиться)', *эше чот сылнын (кояш)* 'еще (больше) красивее (выглядеть)'; *утларак чот (перкалаш)* 'еще сильнее (стучать)', *утларак чот (сыраш)* 'еще больше (сердиться)'; *утыр чот (шолдыртаташ)* 'еще громче (бренчать)', *утыр чот кужун (йӱкланаш)* 'все дольше (шуметь)';

– большую степень в отличие от общих или прочих случаев: *поснак чот (палдырнаш)* 'особенно сильно (проявляться)', *поснак чот (виняҥаш)* 'особенно быстро (развиваться)', *поснак чот шымлышыла (кояш)* 'особенно внимательно изучающим (букв. изучающе) (выглядеть)'.

Реже встречаются примеры адвербиальных конструкций меры и степени со следующими наречиями в «определяемой» части: *утларак* 'более, еще, еще более' – в сочетании с *эше(ат)* 'еще, более, еще (всё) более', *кугун* 'очень, сильно, значительно' – в сочетании с *пеш* 'очень, весьма' и иногда *моткоч(ак)* 'очень, чересчур, слишком'. Например: *эше утларак (возаш)* 'еще больше (писать)', *эше утларак чот (куанаш)* 'еще больше (радоваться)', *эше утларак кумдан (шараш)* 'еще более шире (распространять)', *эше утларак каньысырын (чучаш)* 'еще более тревожным (букв. тревожно) (казаться)', *эшеат утларак оваргышыла (кояш)* 'еще более вздутым (букв. вздуто) (выглядеть)'; *пеш кугун (полшаш)* 'очень сильно (помогать)', *пеш кугун шонышын (кояш)* 'очень сильно думающим (букв. думающе) (выглядеть)', *моткоч(ак) кугун ойгырышыла (кояш)* 'очень сильно опечаленным (букв. опечаленно) (выглядеть)'. Фиксируются отдельные случаи и других подобных конструкций с наречиями-компонентами меры и степени: *тӱргоч(ак)* 'очень, слишком, чересчур, чрезмерно, чрезвычайно, излишне' в сочетании с *утыжден(е)* 'слишком, чересчур, чрезмерно, излишне', *поснак* 'особенно, особо' в сочетании с *ойыртемын* 'особенно, особо' – *утыжден(е) тӱргоч (каяш)* 'слишком переходить границу (букв. слишком через край идти)', *(мутым) поснак ойыртемын (пелешташ)* 'особенно (букв. особенно особо) (сказать слово)'. В подобной валентности наречий меры и степени явно прослеживается та примечательная особенность, что адвербиальные конструкции с двумя интенсификаторами образуются, как правило, соединением наречий лексико-семантических подгрупп, близких по значению (см. примеры с наречием *чот* во второй части), или одной и той же подгруппы (см. остальные примеры).

Заключение

Итак, изучение и общий обзор адвербиальных словосочетаний с наречиями меры и степени показывают, что таких принаречных интенсификаторов в марийском языке достаточно много – около 30 единиц. Они определяют главным образом наречия качественные и количественные, реже места (различного – лативного, локативного, аблативного, пролативного направления и места совершения действия) и времени (также разной семантики); интенсификаторы, обозначающие степень, абсолютно соответствующую названному признаку действия, кроме того, могут выступать при отдельных наречиях причины и цели. Опорные компоненты определительного значения по своему образованию являются главным образом мотивированными – большей частью отадъективными (с суффиксами *-н/-ын* и изредка *-ла*) и отпричастными (образованными от страдательных, действительных и иногда отрицательных причастий посредством суффиксов *-ла, -н*), в иных и единичных случаях – отнаречными, отсубстантивными, отнумеральными, отместоименными и отдеепричастными. Безусловно, мотивированность преобладающей доли ядерных наречий именами прилагательными и глагольными формами в данном случае имеет принципиальное значение для их валентности. Ибо такие наречия в целом сохраняют характерные сочетаемостные свойства своих производящих слов. Нужно добавить, что при этом отпричастные

наречия в абсолютном большинстве случаев выступают в предложениях перед предикативными глаголами *кояш* ‘казаться, выглядеть’ и *чучаш* ‘казаться, представляться’. Стержневые наречия в описываемой модели могут быть и немотивированными. Главные компоненты в сочетании с интенсификаторами, обозначающими степень низкую, небольшую, слабую (*изишак, пыртак* ‘немного, несколько, чуть’) и бóльшую (*утыр, эшеат* ‘еще, всё, более, еще более, всё более’, *эре* ‘всё, всё более’), а также степень, что можно заметить, увидеть (*койын* ‘заметно, явно’), употребляются в двух формах степени сравнения – положительной и сравнительной (с суффиксом *-рак*). При этом суффикс *-рак* не используется с отпричастными наречиями, что обусловлено грамматическими особенностями производящих глаголов. В сочетании с остальными интенсификаторами определяемые наречия выступают только в форме положительной степени.

Понятно, что синтаксические (смысловые) отношения между компонентами рассмотренных словосочетаний в целом обстоятельственные меры и степени. Такие соединения передают широкий спектр грамматических значений, связанных с достаточно различной интенсивностью в проявлении признака действия. Они обозначают степень: высокую (большую, сильную) и значительную, чрезмерную (слишком, чересчур большую), исключительно соответствующую названному признаку, низкую (небольшую, слабую), бóльшую (в сравнении с аналогичным признаком действия другого предмета или данного же предмета, проявляющимся в иных обстоятельствах), особо большую (в отличие от общих или прочих случаев), заметную (очевидную), одинаковую (равную). Перечисленные значения передаются прежде всего семантикой зависимых наречий меры и степени. Наиболее многочисленными являются интенсификаторы, обозначающие степень высокую (большую, сильную), а также исключительно соответствующую названному признаку. При необходимости выражения весьма (очень) большой силы в проявлении признака действия, как и самого действия, возможно совместное употребление двух наречий меры и степени, причем и перед другим, третьим, наречием. Естественно, что интенсификаторы одной лексико-семантической подгруппы входят в общий синонимический ряд. Все изложенные зависимые наречия соединяются с главными связью примыкания, т.е. никак не изменяются; однако около половины из них могут выступать с усилительно-выделительной частицей *-ак,* а *эше* ‘еще, более, еще (всё) более’ – с частицей *-ат*. Таким образом, марийский язык обладает множеством (десятками) наречий меры и степени, способных вступать в связь с другими наречиями и передавать достаточно разную степень в проявлении признака действия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Васикова Л.П. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 144 с.

Васикова Л.П. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: пособие для учителя. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.

Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. 639 с.

Максимов В.Н. Послеложное управление в марийском языке: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.

Русская грамматика: в 2-х т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова и др.; редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. 784 с.

Сибатрова С.С. О формах степеней сравнения имен прилагательных в марийском языке и влиянии русского языка на их систему // Финно-угроведение. 2005. № 1. С. 47–57.

Сибатрова С.С. Марийские адъективные словосочетания с наречиями меры и степени // Этнокультурные традиции и культурно-образовательная деятельность (история и современность). Материалы VI Респ. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (п. Сернур, 11 апреля 2019 г.) / отв. ред. Н.С. Попов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 225–236.

Словарь марийского языка: в 10 т. / МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005.

Словарь марийского языка. Дополнительный том: А–Я. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 560 с.

Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Н.Т. Пенгитов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Тимофеева В.Т. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Учаев З.В. Марий йылме: Туныктышо-влаклан. 1-ше ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 184 с.

Учаев З.В. Марий йылме: Туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

Serafima Sibatrova

ADVERBIAL WORD COMBINATIONS WITH THE ADVERBS OF MEASURE AND DEGREE IN THE MARI LANGUAGE

Introduction. The article presents the results on the study of the Mari adverbial phrases containing the adverbs of measure and degree in the dependent position, which have not been the subject of special analysis and description yet. **The purpose** of the article is the most complete reflection of the adverbs of measure and degree and their lexico-semantic ranks within adverbial phrases. **Materials and methods**. The work is written on the basis of factual material in the Meadow-Eastern Mari literary norm, submitted in the electronic part of the MarNII dictionary card files. The necessary phrases were identified by searching within sentences for both modifying and modified adverbs. In the article, the adverbs of measure and degree are subject to semantic classification; in addition to that, phrases are subjected to the analysis by lexico-grammatical features of the main component, as well as syntactic relations. **Research results, discussion.** The study found around 30 adverbs of measure and degree in combination with other adverbs – modifying (most of all qualitative), less frequently – of places and time, and more rarely – of cause and purpose. Depending on the expression of the intensity level in the mode of action, they are divided into eight sub-groups. **Conclusion.** The sign of action in Mari adverbs of measure and degree is expressed quite differently: high (big, strong) and significant, excessive (too, too much), exclusively corresponding to the mentioned characteristic, low (small, weak), greater (in comparison), especially large (as opposed to general or other cases), noticeable (obvious), equal (the same). In their meaning, the phrases components are related to the adverbs of measure and degree; and grammatical connection is expressed by adjoining.

Keywords: Mari; adverbial word combinations; adverbs of measure and degree; lexico-semantic subgroups; grammatical meaning; grammatical connection.

REFERENCES

Vasikova L.P. Kyzytse marij jylme. Prostoj predlozhenij sintaksis: tunyktyshylan polish [The Modern Mari language. Simple sentence syntax: Teacher's book]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 144 p. (In Mari).

Vasikova L.P. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i marijskogo jazykov. Sintaksis: Posobie dlja uchitelja [Comparative grammar of the Russian and Mari Languages. Syntax: Teacher's book]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990, 152 p. (In Russian).

Kratkaja russkaja grammatika [Brief Russian Grammar] / V.N. Belousov, I.I. Kovtunova, I.N. Kruchinina, et al; ed. by N.Ju. Shvedova, V.V. Lopatin. Moscow, Russkii yazyk, 1989, 639 p. (In Russian).

Maksimov V.N. Poslelozhnoe upravlenie v marijskom jazyke: monografija [Postpositional governance in the Mari language]. Joshkar-Ola, Mari State University, 1999,160 p. (In Russian).

Russkaja grammatika: v 2-h t. T. 1: Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija [Russian grammar: in 2 vol. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology] / N.S. Avilova, A.V. Bondarko, E.A. Bryzgunova, et al; ed: N.Ju. Shvedova (ch. ed.), et al; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow, Nauka, 1980, 784 p. (In Russian).

Sibatrova S.S. O formah stepenej sravnenija imen prilagatel'nyh v marijskom jazyke i vlijanii russkogo jazyka na ih sistemu [Degrees of comparison of adjectives and their forms in the Mari language; influence of the Russian language on their system / *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric studies], 2005, no. 1, pp. 47-57. (In Russian).

Sibatrova S.S. Marijskie ad'ektivnye slovosochetanija s narechijami mery i stepeni. *Jetnokul'turnye tradicii i kul'turno-obrazovatel'naja dejatel'nost' (istorija i sovremennost'*). [Mari adjective phrases with adverbs of measure and degree / *Ethnocultural traditions, cultural and educational activities (History and Modernity*) Materialy VI Resp. nauch.-prakt.j konf. «Jyvan Kyrla ludmash» (Sernur, 11 April, 2019) / Ed. N.S. Popov. Joshkar-Ola, Mari Research Institute, 2020, pp. 225-236. (In Russian).

Slovar' marijskogo jazyka: v 10 t. [Dictionary of the Mari Language: in 10 vol.]. Ch. ed. I.S. Galkin. Joshkar-Ola, Mari Research Institute, 1990–2005. (In Mari. In Russian).

Slovar' marijskogo jazyka. Dopolnitel'nyj tom: A–Ja [Dictionary of the Mari Language: additional vol.]. Joshkar-Ola, Mari Research, 2019, 560 p. (In Mari. In Russian).

Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija [The Modern Mari language: Morphology]. Ed. N.T. Pengitov. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 324 p. (In Russian).

Timofeeva V.T. Kyzytse marij jylme. Prostoj predlozhenij sintaksis: tunyktyshylan polish [The Modern Mari language. Simple sentence syntax: Teacher's book]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 120 p. (In Mari).

Uchaev Z.V. Marij jylme: Tunyktysho-vlaklan. 1-she uzhash [Mari Language: for Teachers. P. 1]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, 184 p. (In Mari).

Uchaev Z.V. Marij jylme: Tunyktysho-vlaklan. 2-sho uzhash [Mari Language: for Teachers. P. 2]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985, 183 p. (In Mari).

Сибатрова Серафима Сергеевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Serafima Sibatrova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

УДК 811.511.131’36
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_07

ЧАСТЕРЕЧНЫЙ СТАТУС ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2021 г. А.А. Шибанов

Введение. В удмуртском языке широко представлены слова, которые служат для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей действительности или для передачи с помощью звуков зрительных восприятий движений, состояний, качеств и т.д. Несмотря на внешнюю простоту формы и элементарность звукового состава, дескриптивы (звукоподражательные слова) занимают не менее значимое место в лексике любого языка, чем знаменательные части речи. Однако однозначного выделения ономатопов на основе их категориального значения в отдельный класс слов нет. **Цель статьи** – на основе анализа точек зрения, представленных различными языковедами, попытаться определить место подражательных слов удмуртского языка в системе частей речи. **Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили научные труды по морфологии различных языков. В работе использованы описательный и сопоставительный методы. **Результаты исследования, обсуждения.** В отношении подражательных слов в учебной и специальной литературе высказываются различные мнения. Одни ученые не считают данную группу слов самостоятельными и не признают наличия в них лексического значения. Другие рассматривают звукоподражания как «коллективно осмысленные знаки», которые обладают специфическим лексическим значением, обусловленным их звучанием. По-разному трактуется частеречный статус звукоподражаний: в одних случаях они выделяются в самостоятельную часть речи, в других – включаются в разряд междометий или наречий. **Заключение.** Подражательные слова в удмуртском языке, как и в других языках, представляют собой самостоятельную часть речи, так как они имеют своеобразную фонетическую форму и морфологическую структуру, целостное семантическое значение, активно используются в образовании новых слов, выступают в роли членов предложений. Следовательно, вполне логично рассматривать подражательные слова как отдельную группу, отличную от междометий и наречий.

Ключевые слова: удмуртский язык; морфология; части речи; подражание; наречие; междометие; статус.

Введение

В удмуртском языке широко представлены слова, которые служат для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей действительности или для передачи с помощью звуков зрительных восприятий движений, состояний, качеств и т.д. Несмотря на внешнюю простоту формы и элементарность звукового состава, дескриптивы (звукоподражательные слова) занимают не менее значимое место в лексике любого языка, чем знаменательные части речи. Однако однозначного выделения ономатопов на основе их категориального значения в отдельный класс слов нет. В отношении подражательных слов в учебной и специальной литературе высказываются различные мнения. Одни ученые не считают данную группу слов самостоятельными и не признают наличия в них лексического значения. Другие рассматривают звукоподражания как «коллективно осмысленные знаки» [Междометия и звукоподражания, ЭР 1], которые обладают специфическим лексическим

значением, обусловленным их звучанием. По-разному оценивается частеречный статус звукоподражаний: в одних случаях они выделяются в самостоятельную часть речи, в других – включаются в разряд междометий или наречий.

Цель статьи – на основе анализа точек зрения, представленных различными языковедами, попытаться определить место подражательных слов удмуртского языка в системе частей речи.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили научные труды по морфологии различных языков. В работе использованы описательный и сопоставительный методы.

Результаты исследования, обсуждения

Важное значение для определения границ исследуемого явления имеет решение вопроса о связи междометий и звукоподражательных слов, с одной стороны, наречий и звукоподражательных слов – с другой. Многие лингвисты, как было отмечено выше, не выделяют звукоподражательные слова в отдельную часть речи. Так А.А. Потебня считал, что звукоподражательные междометия, означающие мгновенность действия, каковы, например, *бух! бац*! – стоят по употреблению в одном разряде с «предикативными частицами» или «междометными формами глагола» [Потебня, 1977, с. 190].

В качестве особого разряда междометий рассматривает звукоподражательные слова В.В. Виноградов: «К междометиям примыкает многочисленный и богатый разряд воспроизводящих или звукоподражательных восклицаний, например: «*Бац, бац! раздались выстрелы*». Этот разряд, по словам автора, занимает промежуточное положение между междометиями и звукоподражаниями, между междометиями и междометно-глагольными формами [Виноградов, 1972, с. 594]. Также о проблемах междометий и звукоподражаний высказывался Н.М. Шанский: «Особняком стоят в системе частей речи междометия и звукоподражания» [СРЯ, 1987, с. 89].

Этот актуальный вопрос до сих пор вызывает некоторые разногласия, однако значительное число ученых склоняется к мнению, что ономатопы составляют самостоятельную часть речи и включение их в состав междометий неправомерно.

Во многих трудах, посвященных исследованию различных языков, отмечаются отличия звукоподражательных слов от междометий. Так, в русском языке названные категории слов противопоставляются по следующим принципам: 1. Звукоподражания, воспроизводящие звуки живых существ, механизмов и окружающей среды в целом, и междометия, выражающие эмоции и волеизъявления, различны по семантическому признаку. Звукоподражательные слова не выражают ни эмоций, ни чувств, а являются подражаниями вполне конкретным естественным звучаниям. Междометия – это слова, которые непосредственно выражают чувства, переживания и волеизъявления, не называя их. 2. Звукоподражательные слова характеризуются звуковой мотивированностью лексического значения, отсутствующей у междометий. В отличие от междометий звукоподражания менее «привязаны» к интонации и контексту. Семантика ономатопов не находится в тесной зависимости от интонации, не требует жестового и мимического сопровождения, не вырастает из обстановки, контекста. Значение междометий может быть понято лишь благодаря сопутствующей интонации или из контекста, так как одни и те же междометия могут служить для выражения различных чувств. 3. Синтаксически междометия не являются членами предложения, а звукоподражательные слова могут нередко выполнять функции различных членов предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения и обстоятельства. Междометия, как правило, выделяются в грамматике как самостоятельная часть речи, а звукоподражательные слова таковой не являются. 4. В области аффиксации словообразовательный потенциал звукоподражательных лексем несравненно выше, чем у междометий. Продуктивность междометий в плане словообразования невелика.

Разграничивая междометия и звукоподражания удмуртского языка, С.Н. Широбокова отмечает: «<…> ключевым моментом, характеризующим междометия, является их использование в речи для выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность. В отношении

же звукоподражательных слов определяющим их сущность ключевым моментом является использование их в качестве слов, служащих для воспроизведения звуков живой и неживой природы» [2013, с. 199].

Отличия подражательных слов от междометий в татарском языке З.Г. Шарафетдинова видит в следующем: 1. Междометия выражают различные чувства, эмоции и волеизъявления, а происхождение подражательных слов связано с действительным подражанием звуковым явлениям в окружающем мире или представлением о световых, цветовых явлениях и о различных движениях и состояниях. 2. Подражательные слова могут служить базой для образования новых слов – глаголов и имен существительных. 3. Подражательные слова несут в предложении определенную синтаксическую нагрузку, т.е. могут выступать в роли обстоятельства образа действия, определения, подлежащего и сказуемого. В контексте такие слова характеризуют явления с ярко выраженной экспрессивностью, придавая эмоциональную окраску всему высказыванию. 4. Подражательные слова, благодаря однообразному звуковому строению, укладываются в определенные фонетические типы. Междометия структурно многообразны. С точки зрения морфологической структуры, подражательные слова представляют собой первичную основу: они не имеют форм словоизменения и в речи употребляются в простом и парно-повторном виде [Шарафетдинова, 2007, с. 11–12].

Данные заключения легко прослеживаются и в удмуртском языке. В первую очередь следует обратиться к синтаксической стороне междометий и подражаний. Междометия не обладают номинативной функцией и, как правило, не употребляются в роли членов предложения. В отличие от них подражательные слова, обозначая звуковые или зрительные признаки действия, выступают в роли члена предложения, определяющего глагол:

Резь-куаж! вазе *машина* (Кедра Митрей, 1989, с. 36) ‘Машина грохочет’.

Кыз борды урдэм пыӵалэз кутыса, Желобов затворен ***шильк-шальк каре*** (Гаврилов, 1989, с. 238) ‘Схватив ружье, прислоненное к ели, Желобов щелкает затвором’.

Корказьтӥзы пырыкуз буш ведра борды канжаськыса, ***дыбыр-колтыр кариз****, ӧс кутонэз шедьтыса, ас бордаз кыскиз* (Красильников, 1976, с. 40) ‘Входя через сени, запнувшись за пустое ведро, поднял грохот (букв. прогремел), найдя дверную ручку, потянул на себя’.

Подражательные коренные основы удмуртского языка служат для образования:

1) существительных (*таргетон* ‘тарахтение’ < *таргетыны* ‘тарахтеть’, *жильыртон* ‘журчание’ < *жильыртыны* ‘журчать’, *дамбыртон* ‘грохот, стук’ < *дамбыртыны* ‘грохотать, стучать, греметь’, *жургетэм* ‘журчание, гудение’ < *жургетыны* ‘журчать, гудеть’, *жиетэм* ‘визг’ < *жиетыны* ‘визжать’, *гудыръям* ‘грохот’ < *гудыръяны* ‘грохотать’; *ургетэм* ‘ор, шум’ < *ургетыны* ‘урчать, шуметь’, *викышъян* ‘всхлипывание’ < *викышъ-я-ны* ‘всхлипывать’ и др.);

2) прилагательных (*губыр-губыр* ‘сгорбившийся’, *ӵуштыр-ӵуштыр* ‘шероховатый’, *лаплап* ‘развесистый’, *быльыр-быльыр* ‘обильный’, *шим-шим* ‘опустевший’, *жин-жин* ‘звонкий’, *ньыс-ньыс* ‘сладкий’ и др.). В разряд прилагательных переходят подражательные слова, которые остаются в своей начальной форме, т.е. не принимают никаких суффиксов; определяющим моментом при этом является контекст предложения;

3) образо- и звукоподражательных слов (*чирак* ‘звукоподр. пронзительному крику’ < *чир* ‘тж’, *чулькак* ‘вдруг, внезапно, неожиданно’ < *чульк* ‘вдруг, моментально’, *шатырак* ‘с шумом, грохоча’ < *шатыр* ‘тж’, *ӵажак* ‘с треском’ < *ӵаж* ‘тж’, *чоркак* ‘вдруг’ < *чорк* ‘тж’, *йыгак* ‘звукоподр. одиночному стуку, удару о твердый предмет’ < *йыг* ‘тж’, *куажырак* ‘звукоподр. скрипу, хрусту’ < *куажыр* ‘тж’, *бугырак* ‘изобр. сл., выражающее густые клубы дыма, пара, туч, идущих с перебоями’ < *бугыр* ‘тж’ и др.);

4) глаголов (*вӧлыны* ‘разостлать, расстилать’, *ӟурыны* ‘ворчать; скрипеть’, *ӝимыны* ‘попасться, наскочить’, *путыны* ‘дать трещину, треснуть, лопнуть’, *викыны* ‘икнуть, икать’, *пальккыны* ‘выплеснуть, плеснуть; разбить вдребезги’, *куальккыны* ‘лакать, вылакать; визжать, скулить; пустословить, болтать; пить, выпивать’, *бызгыны* ‘жужжать; ворчать’ и др.);

5) причастий (*дымбыртйсь* ‘грохочущий’, *жильыртэм* ‘журчащий’, *супырзоно* ‘развристый’, *гудыръямон* ‘гремящий’ и др.);

6) деепричастий (*йыгаса* ‘стуча’, *куаньгетытэк* ‘без писка’, *дамбыртыку* ‘во время стука’, *сачырмытозь* ‘до мокрого состояния’ и др.).

В некоторых случаях трудно провести грань между междометиями и подражательными словами, поскольку особых дифференцирующих форм в них нет. Одно и то же слово может выступать и как междометие, и как звукоподражание. В этих случаях определяющим моментом является его позиция в предложении. Например:

Ойдолэ мыноме бусые,
Ойдолэ мыноме бусые…
***Жин-жин!** Мусо нылъёс!*
***Жин-жин!** Чебер нылъёс!*
‘Давайте пойдемте на поле,
Давайте пойдемте на поле…
Жин-жин! Милые девушки!
Жин-жин! Красивые девушки!’

В данном тексте слово *жин-жин* является междометием.

***Жин-жин!** … жингыртэ укно пияла.* ‘Жин-жин! звенит оконное стекло’. В этом случае слово жин-жин является подражательным словом.

Вторая часть речи, к которым обычно относят подражательные слова, является класс наречий. В большинстве финно-угорских, тюркских и других языков некоторые звукоподражательные и образоподражательные слова отнесены к наречиям образа действия по принципу их синтаксической роли в предложении сходных с ними. Чем же отличаются подражательные слова и наречия? В частности, в удмуртском языке можно проследить следующее.

Наречия

Принципы выделения наречия в самостоятельную часть речи в удмуртском языке соотносительны с особенностями этого языка. Они складываются из общности и единства трех измерений: 1) лексического значения слова, что предполагает лексическую самостоятельность наречий как слов со смысловым значением, указывающим на время, место, причину, цель и образ действия; 2) морфологической структуры наречий, которая складывается из: а) отсутствия форм словоизменения; б) наличия собственной системы словообразовательных средств; 3) синтаксической функции обстоятельственного слова в предложении [Шибанов, 2012, с. 14].

Признаки наречий не только взаимосвязаны, но главное в том, что каждый из них играет особую роль в формировании этой части речи: при общности семантического критерия значение признака действия в разных грамматических ситуациях проявляется по-разному.

1. Часть наречий, которые с точки зрения современного языка считаются первообразными или имеют в своем составе какие-то ныне непродуктивные архаические компоненты (*азьлань* ‘вперед’, *берлань* ‘назад’, *кымин* ‘ничком, навзничь’, *мышкин* ‘спиной’, *лашкинэн* ‘галопом’, *кыдёкын* ‘далеко, вдали’, *матын* ‘близко, вблизи’, *отын* ‘там’ и др.), выделяются в особую группу в контексте и вне контекста, любой ситуации только своим лексико-семантическим признаком. В данном случае все другие признаки становятся второстепенными, т.е. сам приоритет семантики порождает такие качества слов, как неизменяемость и функцию обстоятельства в предложении.

2. Часть производных наречий закрепляет за собой значение выразителей качества действий в результате сочетания вещественного значения основы и значений различных словообразовательных средств. Такими средствами в удмуртском языке являются суффиксы *-ак* (*-як*), *-быт*, *-скын*, *-ой* (*-ёй*), *-ойскын* (*-ёйскын*) [ГСУЯ, 1962, с. 294]. Присоединяясь к различным основам, эти аффиксы образуют наречия (*шонерак* ‘прямо, напрямик’, *шорияк* ‘пополам’, *арбыт* ‘весь год’, *гужембыт* ‘все лето’, *арняскын* ‘за неделю’, *минутскын* ‘за минуту’, *дасой* ‘около десяти дней, в десять дней’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней, за пять дней’ и др.). В сфере наречий это тот случай, когда словообразовательные приметы обычно являются и категориальными приметами, т.е. позволяют определить принадлежность слова к той или иной части речи.

3. Большая группа наречий (таких как *кужмысь* ‘насильно’ < *кужым* ‘сила’, *сюлмысь* ‘сердечно, старательно’ < *сюлэм* ‘сердце’, *бечолоен* ‘цугом’ < *бечоло* ‘цуг’, *пыдын* ‘пешком’

< *пыд* ‘нога’ и др.), будучи формально связана со словоизменительными категориями различных частей речи, приобрела наречное значение только благодаря своей способности постоянно употребляться в синтаксической функции обстоятельств. Как видно из примеров, эти слова внешне представляют собой падежные формы имен существительных. Главным отличительным их признаком является то, что их значение раскрывается только в контексте. Именно в составе предложения обнаруживается, что эти слова не имеют конкретного вещественного значения, а выражают различные обстоятельственные отношения и изолируются из системы словоизменения. По словам Н.К. Дмитриева [1948, с. 17], при каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого существительного. В силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова, и этим самым отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В конечном итоге появляется новое слово, только этимологически связанное с основным существительным. Таким образом, в результате постоянного употребления в синтаксической функции обстоятельств целый ряд слов утрачивает грамматические признаки имен и развивает в себе признаки новой грамматической категории – наречий.

В анализируемом языке перед нами оказывается два основных разряда наречий (в число которых никаким образом не следует относить подражательные слова): качественные и обстоятельственные.

Обстоятельственные наречия обозначают признаки, внешние по отношению к его носителю. Они распределяются на группы по семантическим признакам. В удмуртском языке к основным семантическим группам относятся:

1) наречия времени: ***Азьло*** *вераме кызьы гожтэмын*, ***али*** *но озьы ик луоз – ша! – ваньзэ озьы валэктэм мактал, пыдлось шокчиз но пыдес вылаз гырпумъяськиз*, *мыкырскиз со* [Самсонов, 1989, с. 196] ‘Как и были записаны мои прежние показания, и **сейчас** так же будет! – ша! – так все попытался объяснить, глубоко вздохнул и облокотился, наклонился он’;

2) наречия места: *Ваньзэ адӟыса вылысь синъёстэ кынёно ке*, *малы кулэ* ***татын*** *инспектор*, *ма понна тыныд диплом но мултэс кизили* [Самсонов, 1989, с. 176] ‘Если, видя все, заново закрыть на это глаза, для чего нужен **здесь** инспектор, ради чего тебе диплом и лишние звезды’;

3) наречия причины и цели (причинно-целевые): *Кулӥзы шуыса эн куректы* ***токма***: *нуныосыдлэн ик лулзылы сояз дуннеын секыт луоз*... [Кедра Митрей, 1973, с. 65] ‘Не грусти **зря** о их смерти: душам твоих же младенцев на том свете тяжелее будет…’.

Определительные наречия выражают качество действия или состояния, различные их свойства или признак признака с качественной стороны. Они уточняют подчиняющие слова, внося в их значение новые добавочные признаки или же выражают качественную характеристику различных оттенков действия.

К определительным наречиям в удмуртском языке относятся:

1) наречия образа или способа действия: *Лыстэмлы со палэнтӥ кошке*, *матысь станциысен районной центрозь куинь иськемзэ* ***пыдын*** *яке автобуслэн мыноно* [Самсонов, 1989, с. 216] ‘Деревню Лыстэм она (дорога) стороной проходит, от ближайшей станции до районного центра надо добираться три километра **пешком** или на автобусе’;

2) наречия степени: *Асьтэос ик вуоды ай*, *лыктоды али*, *тэльмыроды*: *берт вал тон*, *Кирла*, *асьме гуртэ ик*, *тонтэк туж секыт*, *уг тырмо быгатӥсь адямиосмы*, *ми вылэ вождэ вайыса эн ул*, *ми асьмеос янгыш лэсьтӥмы*, *тонэ* ***укыр*** *вӧсь каримы*... [Красильников, 1991, с. 8] ‘Сами же придете, попросите: возвратился бы ты, Кирла, в нашу же деревню, без тебя очень тяжело, не хватает умелых людей, на нас не злись, мы сами виноваты, тебя **очень** больно обидели…’;

3) наречия меры и количества: *Эй*, *Пилька! – сьӧраз кеське кузё*, *– сюрес вылысен ачид эн юы*, *шельмец*, *ӟузид ке но*, ***ӧжытак*** *гинэ шӧмъя*… [Кедра Митрей, 1973, с. 22] ‘Эй, Пилька! – вслед кричит хозяин, – по дороге сам не пей, шельмец, если и хлебнешь, **немного** только попробуй…’.

Итак, наречия в удмуртском языке представляют собой самостоятельный разряд слов,

выделяемых на основе специальных лексико-семантических, морфологических и синтаксических признаков. С лексико-семантической точки зрения они служат для качественной характеристики действия или состояния и выражают временные, пространственные, причинно-целевые и другие отношения. Морфологически они неизменяемы, имеют ряд специфических словообразовательных формантов и этимологически соотносительны с другими частями речи. Синтаксически наречия выполняют обстоятельственную функцию и определяют глагол.

Подражательные слова

Как выразительные средства языка подражательные слова входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики, в которой они занимают особое место. Их эмоционально-экспрессивное своеобразие вытекает из самой их природы. Образность и выразительность обусловлены звуковым строением подражательных слов. В отличие от фонетической структуры обычных слов в них используется определенный фонемный состав, сочетаемость звуков и порядок их следования, в какой-то мере напоминающий обозначаемое звучание, движение и т.п. Здесь, однако, не менее важную роль играет установившаяся в языке традиция осмысления определенных типов звукосочетаний для выражения соответствующих явлений. Поэтому, несмотря на преимущественное употребление в составе подражательных слов строго определенных фонем и их сочетаний, эти слова не доходят до уровня полной имитации, часто по-разному оформляются и заметно отличаются в языках не только различных семей, но и одной семьи.

Особенностью семантики образо- и звукоподражательных слов является образное выражение соответствующих понятий о звучании или способе действия с помощью специализированного фонемного строения лексической единицы. Конкретность их значения обусловлена весьма малой обобщающей силой подражаний, но зато им всегда сопутствует связанная с их природой большая экспрессивность.

Богатство звуковых комбинаций подражательных корней удмуртского языка вмещается в следующие структурные типы (в структурных моделях Г обозначает гласный, С – согласный). Наиболее часто встречающимися структурными типами являются комбинации СГС, СГСГС, СГСС, СГССГС.

1) ГГ: ***уа***-*уа* ‘звукоподр. плачу, крику младенца’ и др.;

2) ГСС: ***орсь***-*орсь парсьпи каре* ‘поросенок хрюкает’ и др.;

3) СГ: ***жи-жи***-*жи пила вазе* ‘вжи-вжи визжит пила’; ***пи***-*пи машина каре* ‘пибип сигналит машина’, ***ме*** *ыж бӧксэ* ‘бе блеет овца’ и др.;

4) СГС: ***боз***-*боз* ‘басистый’; ***буль***-*буль карыны* ‘булькать’; ***быг***-*быг луыны* ‘стать пухлым и др.;

5) ССГС: ***вжик***-*вжик,* ***вжич***-*вжич пу вандыны* ‘вжикая, пилить дрова’; ***крок***-*крок карыны* ‘каркать’; ***кром***-*кром сиськыны* ‘есть с хрустом’и др.;

6) СГГС: ***куаж***-*куаж сиськыны* ‘есть с хрустом’; ***куань***-*куань карыны* ‘скулить’ и др.;

7) СГСС: ***бульк*** *вуэ усьыны* ‘бульк упасть в воду’; ***быльк***-*быльк учкыны* ‘смотреть, вытаращив глаза’; ***бырк***-*бырк сюлэм тэтча* ‘тук-тук стучит сердце’ и др.;

8) СГСГС: ***бӧтьыр***-*бӧтьыр вераськыны* ‘лепетать’; ***бугыль***-*бугыль карыны* ‘сделать пухлым’; ***бугыр***-*бугыр* ‘мягкий, пушистый’и др.;

9) СГССГ: ***нюжжы*** ‘еле-еле, кое-как’ и др.;

10) СГССГС: ***булькак*** ‘болтыхнувшись’; ***бурсак***-*бурсак мыныны* ‘идти проваливаясь’; ***гультыр***-*гультыр* ‘звукоподр. голубям’ и др.;

11) СГСГСГС: ***бугырак*** *ӵын лэзьыны* ‘выпустить (периодически) густые клубы дыма’; ***дыбырак*** ‘с грохотом’; ***жангырак*** ‘со звоном’ и др.;

12) СГССГСГС: ***дамбырак*** *усыны* ‘упасть с грохотом’; ***дымбырак*** ‘с грохотом’ и др.;

13) СГСССГС: ***вальтрак*** *лымы усиз* ‘повсюду выпал снег’; ***шальтрак*** *потыны* ‘дружно вылупиться’; ***быдтрык***-*быдтрык вырыны* ‘суетиться’ и др.;

14) СГГССГСГС: ***куалтырак*** ‘с шумом, с треском’ и др.;

15) СГГССГС: ***куаштыр*** ‘с шорохом’ и др.

Основным типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их синтаксической функцией в составе предложения преимущественно считается функция обстоятельства образа действия. В то же время

подражательные слова могут выступать и в роли других членов предложения, например: *Залын пукись нылкышноос* ***огыр-бугыр кариськизы****, соиз но таиз ас кылзэ вера* [Красильников, 1976, с. 75] ‘Сидящие в зале женщины оживились, и та, и другая начали высказываться’; *Олексан но пӧсекъяны кутскиз, йылсо вӧлэм карандашезлэн пумыз* ***тэрс! чигиз*** [Красильников, 1976, с. 101] ‘И Александр начал злиться, кончик остро заточенного карандаша с треском обломился’; *Озьы сылон куспазы бакча ыбес* ***ӟукрак! кариз****, азбаре ачиз Гирой пыриз* [Красильников, 1976, с. 104] ‘Пока так стояли, калитка в огород заскрипела, во двор вошел сам Гирой’.

Подражательных слов, образованных в результате постоянного употребления в синтаксической функции обстоятельства имен и выпадения их из падежной системы с приобретением признаков наречий, нет.

Хусаинов К.Ш. дополнительно выделяет следующие отличия подражательных слов от наречий: 1) в плане происхождения подражательные слова имеют совершенно иную мотивационную основу, потому что генетически связаны с определенным подражательным комплексом звуков; 2) в предложении они несут более широкие функции, чем наречия, при этом чаще всего они семантически связаны с обозначением различных звуков окружающей действительности [1988, с. 90].

«В отличие от наречий, – пишет З.Г. Шарафетдинова, – в этимологическом отношении они имеют совершенно иную мотивационную основу» [2007, с. 11]. По своему значению они более конкретны, чем наречия. Например: *Елга* ***чылтыр-чылтыр*** *ага.* – Река течет с журчанием воды. Здесь звукоподражательное слово *чылтыр-чылтыр* связано с конкретным подражанием звукам шума реки, журчания родника, воды. В предложении *Карганың канатлары* ***елык-елык*** *килэ* ‘Крылья грача блестят переливаясь’ образоподражательное слово *елык-елык* выражает сверкание, блеск оперения птицы. Слово *елык-елык* отражает конкретно тот цвет, который присущ оперению именно этой птицы, что невозможно передать с помощью наречий. В предложениях подражательные слова несут более широкие, конкретные функции, чем наречия.

Заключение

Сходства междометий и звукоподражательных слов (отсутствие у обоих номинативной функции, способность переходить в разряды других частей речи – легко вербализуются), на первый взгляд, дают основание рассматривать их как одну большую группу слов, но если обратиться к функции данных групп слов в речи, то налицо их явное функциональное отличие. В свою очередь, и наречная сущность подражательных слов маловероятна.

На основе вышеперечисленных доводов можно заявить следующее предположение, что подражательные слова в удмуртском языке, как и в других языках, представляют собой самостоятельную часть речи, так как они имеют своеобразную фонетическую форму и морфологическую структуру, целостное семантическое значение, активно используются в образовании новых слов, выступают в роли членов предложений. Следовательно, вполне логично рассматривать подражательные слова как отдельную группу, отличную от междометий и наречий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Гаврилов И.Г. Йыромон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 220–238.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / УдмНИИ истории, экономики, лит. и яз.; редкол.: П.Н. Перевощиков (отв. ред.), В.М. Вахрушев, В.И. Алатырев и др. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 275 с.

Кедра Митрей. Секыт зӈбет. Ижевск: Удмуртия, 1973. 148 с.

Кедра Митрей. Вожмин // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 29–38.

Красильников Г.Д. Вуж юрт: дилогия. Ижевск: Удмуртия, 1976. 412 с.

Красильников Г.Д. Кошкисез мед кошкоз // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 5–22.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2. М.: Просвещение, 1977. 405 с.

Самсонов С.А. Вужер: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1989. 360 с.

СРЯ – Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. 256 с.

Хусаинов К.Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1988. 232 с.

Шарафетдинова З.Г. Классификация звукоподражательных слов в татарском языке // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 204–209.

Шарафетдинова З.Г. Подражательные слова в современном татарском литературном языке: автореф. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1276771/ (дата обращения: 12.03.2017).

Шибанов А.А. Наречия в удмуртском языке. Екатеринбург – Ижевск: УрО РАН, 2012. 192 с.

Широбокова С.Н. Грамматический статус междометий и звукоподражательных слов в удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: ООО «Издательство «Грамота», 2013. № 9-1 (27). С. 198–200.

ЭР 1 – Междометия и звукоподражания. [Электронный ресурс]. URL: http://surl.li/aliry (дата обращения: 01.06.2021).

ЭР 2 – Звукоподражательная лексика в английском языке в сопоставлении с русским. [Электронный ресурс]. URL: http://surl.li/alisc (дата обращения: 12.03.2021).

Shibanov Aleksej

PARTIAL STATUS OF IMITATIVE WORDS IN UDMURT

Introduction. In the Udmurt language, words are widely represented that serve to conventionally depict various kinds of sounds that accompany the actions or states of objects of the surrounding reality or to convey movements, states, qualities, etc., using sounds of visual perceptions. Despite the external simplicity of the form and the elementary composition of the sound composition, descriptives (sound-reflecting words) occupy no less significant place in the vocabulary of any language than significant parts of speech. However, there is no unambiguous isolation of onomatopes based on their categorical meaning in a separate class of words. **The objective of the article** is to try to determine the place of imitative words of the Udmurt language in the system of parts of speech based on the analysis of points of view presented by various linguists. **Materials and methods.** The material for the study was scientific works on the morphology of various languages. The work uses descriptive and comparative methods. **Research results, discussions.** Different views are expressed on imitative words in educational and special literature. Some scientists do not consider this group of words to be independent and do not recognize the presence of lexical meaning in them. Others consider sound images as "collectively meaningful signs" that have a specific lexical meaning due to their sound. The status of sound images is considered differently: in some cases they are distinguished as an independent part of speech, in others they are included in the category of interjections or adverbs. **Conclusion.** Imitative words in the Udmurt language, as in other languages, are an independent part of speech, since they have a peculiar phonetic form and morphological structure, a holistic semantic meaning; they are actively used in the formation of new words, and act as members of sentences. Therefore, it is quite logical to consider imitative words to be a separate group, different from interjections and adverbs.

Keywords: the Udmurt language; morphology; parts of speech; imitation; adverb; interjection; status.

REFERENCES

Vinogradov V.V. Russkij jazyk (grammaticheskoje uchenije o slove) [Russian language (grammatical teaching of the word)]. Moscow, Vysshaja shkola, 1972, 614 p. (In Russ).

Gavrilov I.G. Yyromon [Delusion] // Izhevsk, Udmurtija, 1989. Pp. 220-238.

GSUJA – Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka: Fonetika i morfologija [Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology] / Udmurtskij NII istorii, ekonomiki, literatury i jazyka; redkollegija.:

P.N. Perevoschikov (otvetstvennyj redaktor), V.M. Vahrushev, V.I. Alatyrev i drugije. Izhevsk, Udmurtskoje knizhnoje izdatel'stvo, 1962. 376 p. (In Russ).

Dmitriev N.K. Grammatika bashkirskogo jazyka [Grammar of the Bashkir language]. Moskva–Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nayk SSSR, 1948. 275 p. (In Russ).

Kedra Mitrej. Sekyt zibet [Heavy yoke]. Izhevsk, Udmurtija, 1973. 148 p.

Kedra Mitrej. Vozhmin [Intersection]. Izhevsk, Udmurtiya, 1989. Pp. 29-38.

Krasil'nikov G.D. Vuzh yurt [Old house]. Izhevsk. 1976. 412 p.

Krasil'nikov G.D. Koshkisez med koshkoz [Leave let him leave]. Izhevsk: Udmurtiya, 1991. Pp. 5-22.

Potebn'a A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From notes on Russian grammar]. Moscow, Prosveschenie, 1977, iss. 2. 405 p. (In Russ).

SRJa – Shanskij N.M., Tihonov A.N. Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanije. Morfologija [Modern Russian. Word formation. Morphology]. Moscow, Prosveschenije, 1987. 256 p. (In Russ).

Husainov K. Sh. Zvukoizobrazitel'nost' v kazahskom jazyke [Soundproofing in Kazakh]. Alma-Ata, Nauka, 1988. 232 p. (In Russ).

Sharafetdinova Z. G. Klassifikacija zvukopodrazhatel'nyh slov v tatarskom jazyke [Classification of sound-reflecting words in the Tatar language] // Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnyje nauki. 2007. № 3. Pp. 204-209. (In Russ).

Sharafetdinova Z.G. Podrazhatel'nyje slova v sovremennom tatarskom literaturnom jazyke [Imitative words in the modern Tatar literary language]. Kazan, 2007. 24 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1276771 / (accessed 12 March 2017). (In Russ).

Shibanov A.A. Narechija v udmurtskom jazyke [Adverb in Udmurt]. Ekaterinburg–Izhevsk: UrO RAN, 2012. 192 p. (In Russ).

Shirobokova S.N. Grammaticheskij status mezhdometij i zvukopodrazhatel'nyh slov v udmurtskom jazyke [Grammatical status of interjections and sound-reflecting words in Udmurt] // Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: OOO 'Publishing house 'Gramota', 2013. № 9-1 (27). Pp. 198-200. (In Russ).

ER 1 – Mezhdometija i zvukopodrazhanija [Interjection and sound reflections]. Available at: http://elib.bspu.by/bitstream/doc/9614/1/Mezhdometi%20i%zvukopodrazhaniya%20.pdf (accessed 01 June 2021). (In Russ).

ER 2 – Zvukopodrazhatelnaya leksika v angliyskom yazyke v sopostavlenii s russkim [Sound-reflecting vocabulary in English in comparison with Russian]. Available at: https://knowledge.allbest.ru/languages/2c0b65625b2bc78a5c53b88521206c27_0.html (accessed 12 March 2021). (In Russ).

Шибанов Алексей Александрович
кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск
e-mail: jarik7979@mail.ru

Aleksey Shibanov
Candidate of Philological Sciences,
Research Associate,
The Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
e-mail: jarik7979@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.1.0
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_08

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В РАССКАЗАХ Х. ТИХЛЯ 1909–1911 ГОДОВ

© 2021 г. М.В. Казакова, С.Н. Неклюдова

Введение. В статье анализируются христианские мотивы в раннем творчестве финляндско-карельской писательницы Хильды Карловны Тихля, формирование художественной картины мира которой проходило под влиянием христианской традиции и идей социалистического устройства общества. **Целью статьи** является анализ репрезентации христианских мотивов в ранних рассказах Х. Тихля. Исследование христианской проблематики в раннем творчестве писательницы в дальнейшем позволит проследить трансформацию христианской картины мира в ее творчестве. **Материалы и методы.** В статье использовались биографический, сравнительно-сопоставительный, герменевтический методы исследования. Практическую базу исследования составили сборники рассказов Хильды Тихля 1909–1911 годов, теоретическую – труды зарубежных и отечественных исследователей. **Результаты исследования, обсуждения.** В ранних рассказах Хильда Тихля исследует процесс развития идей христианского вероучения в народном сознании. Актуальность заявленной темы обусловлена интересом к репрезентации христианских мотивов в творчестве европейских писателей, а также фрагментарной изученностью ее в творчестве писателей Карелии. **Заключение**. Уже в раннем творчестве Х. Тихля представляет идеи христианской этики как духовного базиса для формирования равноправного, толерантного общества, поэтому ее герои проходят путь духовного познания себя, сталкиваясь с попытками осмыслить значение христианского вероучения с идеей праведной жизни во Христе и с Христом во имя будущей жизни после смерти и языческого культа, служащего надежной опорой простым людям в повседневной жизни. Герой Х. Тихля – человек, находящийся в поиске ответов на вопросы о своем предназначении в жизни, исследующий основополагающие критерии праведности, добра и зла, веры и безверия.

Ключевые слова: христианские мотивы; Х. Тихля; литература Финляндии; литература Карелии.

Введение

Хильда Карловна Тихля родилась в 1870 году в местечке Йоукслахти (Финляндия), после окончания средней школы переехала в Хельсинки, где продолжила обучение в университете. Первые литературные опыты Тихля относятся к началу XX века, в общей сложности в период с 1907 по 1916 год были опубликованы шесть ее книг: сборники рассказов “Metsäkyliltä” [Tihlä, 1909] («Из лесных деревень»), “Kuopus ja muita kertomuksia” [Tihlä, 1910] («Младший ребенок») и “Jumalan lapsia” [Tihlä, 1911] («Дети господни»), а также романы “Leeni” [Tihlä, 1907] («Лээни»), “Hilma: elämän satua” [Tihlä, 1913] («Хильма, рассказ о жизни») и “Ihmisiä” [Tihlä, 1916] («Люди»). Творчество автора получило положительные отзывы многих известных финских литературных деятелей, таких как Юхани Ахо, Хелла Вуолийоки и Йоэль Лехтонен [Алто, 1997, с. 97]. Из-за поддержки идей рабочего движения в разразившейся в Финляндии гражданской войне Хильда Тихля оказалась в тюрьме, бежав из которой, была вынуждена скрываться, а в 1924 году и вовсе покинуть страну. Проведя некоторое время в Швеции, Тихля направилась

в Советский Союз, где следующие 20 лет продолжала творческую деятельность, став ярким представителем финноязычной литературы Карелии: она выпускала статьи, сочиняла рассказы и работала над романом “Lehti kääntyy’’ [Tihlä, 1934] («Лист переворачивается»).

Имея крестьянское происхождение, Хильда Тихля воспитывалась в религиозном ключе, что повлияло на ее жизненные взгляды и политические убеждения. В этот период активно дискутировали вопрос о возможных вариантах отношений рабочего класса с религией. Высказывались радикальные идеи устранения христианской идеологии из жизни народа как ненужного элемента трудовой жизни. Наиболее близкими для Тихля оказались идеи христианского социализма. Это идеологическое течение появилось в XIX веке во Франции и предполагало положительное соотношение между христианством и социализмом, рисовало модель общества, в котором религия – духовная основа, а социализм «является средством для выполнения велений христианской любви», «исполняет правду христианства в хозяйственной жизни» [Булгаков, 1990, с. 126].

Помимо христианского социализма особое влияние на творчество Хильды Тихля оказали идеи известного русского классика Льва Николаевича Толстого. В основе философии писателя лежал экзистенциальный вопрос: как может человек жить счастливо, зная, однако, что его жизнь неминуемо окончится смертью? По мнению Толстого, размышлявшего о двойственности человеческой натуры, любовь – это закон счастья, а разум – закон, на основании которого людям необходимо жить. Основываясь на Нагорной проповеди, Л.Н. Толстой вывел учение о непротивлении злу или пассивном сопротивлении, а убеждения классика также содержали резкую критику западной цивилизации и образа жизни русского дворянства, анархистское отношение к государству и общественному устройству. В Финляндии идеи Толстого, наряду с другими неорелигиозными течениями, такими как теософия, были хорошо известны в литературных кругах, поддерживались и развивались, например, Арвидом Ярнефельтом [Ripatti, 2002, с. 68; Nokkala, 1958, с. 76] и Пеккой Эрвастом [Turtiainen, 2010, с. 225].

Целью статьи является анализ репрезентации христианских мотивов в ранних рассказах Х. Тихля, что позволит в дальнейшем представить модификацию христианской картины мира писательницы, вынужденной следовать в художественном творчестве общепринятым тенденциям «новой родины», сохраняя тем не менее, верность гуманистическим идеалам.

Материалы и методы

В статье использовались биографический, сравнительно-сопоставительный, герменевтический методы исследования. Практическую базу исследования составили сборники рассказов Хильды Тихля 1909–1911 годов.

Результаты исследования, обсуждения

Творчество Хильды Тихля как представительницы пролетарской литературы было предметом изучения зарубежных (К. Лайтинен [Laitinen, 1981], Р. Палмгрен [Palmgren, 1966]) и отечественных (Э.Л. Алто [1997], Э.Г. Карху [1966, 1990], Е.И. Маркова [100 лет литературе Карелии: время, поиски, портреты, 2020], Р.Р. Койвисто [2013]) ученых, которые обратили внимание на умение автора показать вариативность внутренней борьбы героев, которым часто не хватает душевных и духовных сил в борьбе против медленно меняющегося социального пространства. Х. Тихля демонстрировала также прекрасное знание души народа, которая гармонично сочетает в себе языческую и христианскую мудрость. В том числе отмечалось, что для Х. Тихля «христианский социализм – не утопия, а христианский идеал, по сути – заповедь Христова об устроении социальной сферы, которая в своей существенной части по плечу даже падшему человечеству» [Койвисто, 2013]. Трансформация мотива «блудного сына» в творчестве Х. Тихля на примере рассказа “Kulkuri’’ [Tihlä, 1909, с. 1–70] («Бродяжка») была рассмотрена в работе О.А. Колоколовой, по словам которой, «произведение вписывается в общий христианский контекст творчества Х. Тихля, так как в рассказе исследуются проблемы нравственности, социальной обусловленности человеческого поведения, становления характера человека, гуманизма, милосердия и смирения» [Колоколова, 2017, с. 71]. Но дальнейшего изучения христианские мотивы в творчестве писательницы не получили.

В творчестве Хильды Тихля нашли отражение современные ей идеи и веяния, но писательница осталась верной реалистическому направлению и в произведениях затрагивала хорошо известные читателю темы человеческих отношений, семьи и детства, описывая внутренний мир персонажей с присущим ее стилю глубоким психологизмом. Другим вопросом, пронизывающим ранние рассказы автора, был вопрос смены поколений, эпох и связанное с ним столкновение убеждений и религиозных взглядов.

Мотив столкновения старой, народной, неразрывно связанной с языческими традициями, веры и современных автору взглядов на христианство хорошо прослеживается во всех трех сборниках рассказов, опубликованных в Финляндии в 1909–1911 годах.

По сюжету рассказа “Noidan neuvo’’ [Tihlä, 1909, с. 71–93] («Совет колдуна»), входящего в сборник “Metsäkyliltä’’ («Из лесных деревень») 1909 года, хозяйка фермы умирает, но ее душа наведывается в дом, беспокоя его обитателей. Благословение священника не помогает успокоить дух, и хозяин Патала обращается к местному колдуну за помощью. В рассказе Хильда Тихля описывает сосуществование христианства и языческой веры в повседневной жизни крестьян, а образ колдуна Меллы олицетворяет угасание традиционных народных верований на фоне распространения христианской религии: *noita kuolee pian ja hänen kanssaan entisyys ja pakanuus. Uusi aika peittää hänet unhon multaan* [Tihlä, 1909, с. 82] ‘колдун скоро умрет и вместе с ним прошлое и язычество. Новое время покроет его землей забвения’. И даже внешний облик колдуна Меллы – слепого, глухого старика, говорит о скором забвении язычества. Но и священник чувствует себя одиноким среди *henkisesti raaistuneessa joukossa* [Tihlä, 1909, с. 78] ‘духовно незрелого народа’, который, несмотря даже на распространение христианского вероучения со стремлением к благочестию и праведности во имя будущей жизни после смерти, по-прежнему использует элементы языческой веры как более практичной, способной удовлетворить их нужды в обычной жизни. Согласно утверждению М. Кемппайнена, в этой истории языческая вера является подлинной, оригинальной, естественной, в то время как церковная – лишь подделкой, искусственным заменителем [Kemppainen, 2011, с. 46]. *Ei siunaukset, eikä muut höpinät haamuja ja kummituksia vastaan auta. Turha on aina turhaa!* [Tihlä, 1909, с. 77] ‘Ни благословления, ни другой вздор от призраков и привидений не помогут’ – говорят жители деревни, не доверяя христианской религии до конца и не надеясь на помощь Бога. Даже священник с горечью признает, что колдуну удается совершить больше чудес и больше оказать помощи. В растерянности он уходит, а с ним *katosi hartauden painostus pirtissä olijoista* [Tihlä, 1909, с. 79] ‘исчезла и набожность с присутствующих в избе’. Христианство временно отступает на второй план, поскольку людей интересует больше предметный мир, нежели духовный.

Хильда Тихля показывает, что в жизни простого народа соседствуют два полярных мира – языческий и христианский, которые он подстраивает под свой повседневный быт, когда истинная вера должна идти от чистого сердца, а благословение не может быть получено при помощи «купленной молитвы». На наш взгляд, в данном рассказе автор хочет подчеркнуть не противостояние двух религиозных миров, а духовную неразвитость народа, который стремится занять наиболее выгодную сторону, забывая о чистоте помыслов и искренности деяний.

В одноименной истории сборника “Kuopus ja muita kertomuksia’’ [Tihlä, 1910, с. 3–50] («Младший ребенок и другие рассказы»), изданного в 1910 году, трое братьев потеряли отца, и воспитанием мальчиков теперь занимается дядя, становясь опорой для семьи. Дядя Моисей – человек старых взглядов, для которого развитие мира не несет ничего хорошего, кажется проклятием. В образе нового главы семьи воплотились и устаревающие убеждения, и крестьянские традиции, и привязанность к языческим народным верованиям: *Hän eli muinaisuuden hengessä ja vanhojen tapojen jälkeen, teki taikoja ja uskoi niihin enemmän kuin taivaalliseen isäänsä. Tämän olemassa-oloa hän kyllä ei kieltänyt, mutta käytännöllisistä syistä laupeuden Jumala ei voinut saada sijaa eno Mooseksen ankarien luonnonjumalten joukossa. Ketä jumalaa hän tarvitsi, sen puoleen hän kääntyi…* [Tihlä, 1910, с. 13] ‘Он жил в духе древности и по

старым обычаям, занимался магией и верил в нее больше, чем в своего небесного отца. Его существования он не отрицал, но по практическим причинам Бог милосердия не мог занять место среди суровых богов природы дяди Моисея. Какой бог ему требовался, к такому он и обращался’.

Главный герой рассказа, младший сын Херманни, стремится понять дядю, хотя это и представляется весьма сложным из-за преклонного возраста Моисея и крайнего неодобрения им школьного образования. Херманни учится в городе, но народная мудрость, основанная на языческих верованиях и традициях, для него более понятна и ценна, чем книжные знания, однако в родных местах он все равно остается чужим, поскольку уже был оторван от земли, простого крестьянского труда. Настоящая, праведная жизнь в гармонии с собой и окружающими заключается, по мнению дяди Моисея, в простой истине: *Mullassa piilee suuria viisauden aarteita, samoin ilmassa ja tuulessa. Kaikkialla toimii Jumalan viisaus, ja joka taitavasti elämänsä elää, se sitä viisautta imee itseensä omasta työstänsä…* [Tihlä, 1910, c. 17] ‘В земле спрятаны великие клады мудрости, а также в воздухе и в ветре. Повсюду действует мудрость Божья, и тот, кто умело свою жизнь проживает, тот ту мудрость впитывает в себя из своей работы’. Именно о такой жизни размышляет и мечтает Херманни, который все время пытается найти правду жизни в книгах, понимая, что выбрал не тот путь и что настоящей жизни он совсем не знает, а книжная наука, оторванная от реальности бытия, ведет лишь к духовному обеднению.

Тему религии Хильда Тихля продолжила развивать и в следующем сборнике “Jumalan lapsia’’ («Дети господни»). Рассказ “Saarnaja’’ («Проповедник») [Tihlä, 1911, c. 7–106] знакомит с мальчиком Юхо, который переживает религиозное виде́ние, потерявшись с лесу и блуждая без еды в течение нескольких дней. Рассказывая о произошедшем, главный герой видит разную реакцию на свои слова: мужчины не воспринимают сказанное всерьез, и даже дедушка старается найти рациональное объяснение случившемуся, в то время как женщины с готовностью слушают о виде́нии и верят в него: *mutta vaimoväki, varsinkin vanhat, kuuntelivat tarkoin ja kätkivät joka sanan visusti sydämeensä. He alkoivat kohdella poikaa ihmelapsena, jonka kautta Jumala heille, syntisille, tahtoi osoittaa minkälainen se otus oli, joka sielujen vaiheilla vaanii etsien kenet hän nielisi. Naiset alkoivat viljellä sanaa, joka tähän asti oli tupannut unhossa pysymään* [Tihlä, 1911, c. 76] ‘но жены, особенно пожилые, слушали внимательно и сохраняли каждое слово в своих сердцах. Они начали относиться к мальчику как чудо-ребенку, через которого Бог им, грешникам, надеялся показать, что за существо рыщет в поисках душ, чтобы поглотить их. Женщины начали взращивать слово, которое до того было предано забвению’.

Юхо начинает читать проповеди жителям деревни, но христианство в его речах превращается в пугающее учение, в котором Бог не милосердно любящий, а осуждающий и мстящий, поскольку именно в такого Бога желали верить люди, очерствевшие душой. В рассказе «Проповедник» Хильда Тихля изображает уже не столкновение языческой и христианской традиции, а устоявшийся и новый взгляд на религию в целом и Библию в частности: *vaikka vaari ja Juho yhdessä lukivat ja tutkivat Jumalan sanaa, alkoivat heidän mielipiteensä vähitellen erota. Vaari kulki hiljaista, tyyntä latua. Hän ei vaatinut itseltään eikä muilta mitään suurta kieltäytymistä eikä valtaavia ponnisteluita. Hän neuvoi ihmisiä tarkoin täyttämään velvollisuutensa, elämään siveästi, ei tekemään kenellekään vääryyttä. Jumala on lempeä, hän vanhuuden värähtelevällä äänellä puhui, armahtavainen ja anteeksiantavainen…* [Tihlä, 1911, c. 76] ‘хотя дедушка и Юхо вместе читали и изучали Слово Божие, их мнения постепенно стали различаться. Дедушка двигался по тихому, спокойному пути. Он не требовал ни от себя, ни от других значительных лишений и огромных усилий. Он советовал людям старательно выполнять свои обязанности, жить целомудренно и никому не причинять зла. «Бог терпимый, – говорил он дрожащим голосом старости, – милосердный и всепрощающий»’.

Для простого народа веры во всепрощающего Бога, готового принять в Царстве Божием каждого праведно живущего или даже раскаявшегося грешника, было недостаточно. Социум, порождающий неравенство между

богатыми и бедными, сильными и слабыми, требовал такой же превосходящей силы и от Бога. Поэтому людям было проще поверить в грозного Бога, который призовет каждого к ответу за то, что тот совершил на земле: *toista oli Juhon kaunopuheinen esitys. Hänen Jumalansa oli ankara olento, joka katui, että oli ihmisen luonut. Siinä ei ollut mitään lihalle mieluista, ei pienintäkään puolinaisuuden vikaa. Kaikki tai ei mitään, taivas tai helvetti* [Tihlä, 1911, c. 90] ‘другим было красноречивое выступление Юхо. Его Бог был суровым существом, раскаявшимся в создании человека. Там не было ничего приятного для плоти, ни малейшего половинчатого порока. Все или ничего, рай или ад’.

Такая вера в Бога приводит к онемению сердца, обнищанию души, человек становится неспособным увидеть красоту бытия. Дедушка пытается донести до Юхо простую истину, что *me elämme itsessään Jumalassa, mutta tieto siitä tuo tullessaan sanomatonta onnea ja rauhaa, autuaallista varmuutta* [Tihlä, 1911, c. 54] ‘мы живем по сути своей в Боге, но знание об этом приносит с собой несказанное счастье и покой, блаженную уверенность’. Следуя за Богом, человек прибывает в Нем, действует соизмеримо с Его желанием любить ближнего своего как самого себя [Иоанна 17: 24–26]. Именно этого не может понять Юхо, поскольку даже в детстве он был обделен материнской лаской. Любовь как мера жизни во Христе и с Христом оказывается слишком сложной категорией для молодого человека, привыкшего к враждебному окружению. Благословленный старцем, он вынужден оставить этот мир, чтобы найти Бога в себе и донести истину слова Божьего до людей.

Заключение

Рассматривая ранее творчество Хильды Тихля, можно заметить изменения в отношении изображаемых ею персонажей к вере и религии. В рассказе «Совет колдуна», из первого сборника рассказов автора, народные верования по-прежнему удерживают свои позиции, хотя христианство уже хорошо известно и широко распространено, кроме прочего как главные, так и второстепенные и эпизодические герои больше полагаются на языческие ритуалы, чем на силу молитвы. Крестьянские традиции и христианская религия в заглавном произведении второго сборника «Младший ребенок» еще сосуществуют, но церковная вера становится уделом молодых, образованных людей, исповедуется жителями городов, и лишь отдельные персонажи придерживаются старых взглядов. Сюжет рассказа «Проповедник», входящего в следующую книгу Хильды Тихля, сосредоточен уже на христианстве, иллюстрирует разные подходы к вере и разное отношение к Библии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алто Э.Л. Финноязычная литература Карелии. СПб.: Наука, 1997. 245 с.

Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Социологические исследования. М., 1990. № 4. С. 111–131. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/823/792/1219/002_Bulgakov_111-131.pdf (дата обращения: 05.07.2021)

Карху Э.Г. История литературы Финляндии, XX век / Акад. наук СССР, Карел. ф-ал, Ин-т яз., лит. и истории. Л.: Наука, 1990. 607 с.

Карху Э.Г. Хильда Тихля // Тихля Х. Избранное. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1966. С. 3–11.

Койвисто Р.Р. Этические критерии и художественная правда новеллистики Хильды Тихля и ее романов «Хилма» («Hilma», 1913) и «Люди» («Ihmisiä», 1916) // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель : [сб., посвящ. 90-летию со дня рожд. ученого]. Карел. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2013. С. 81–99.

Колоколова О.А. Мотив «блудного сына» в финноязычной литературе Карелии XX века: дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук: специальность 10.01.02 Литература народов Российской Федерации (литература народов Карелии). М., 2017. 180 с.

100 лет литературе Карелии: время, поиски, портреты / Е.И. Маркова, Н.В. Чикина, О.А. Колоколова, М.В. Казакова; Федер. исслед. центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Инс-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН. Петрозаводск: Периодика, 2020. 429 с.

Kemppainen M. Elämän Satuja. Maailmaankuvan rakentuminen Hilda Tihlän tuotannossa 1907–1916: suomen historian pro-gradu tutkielma. Tampere, 2011. 115 s.

Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava, 1981. 676 S.

Nokkala A. Tolstoilaisuus Suomessa: aatehistoriallinen tutkimus. Helsinki: Tammi: Suomen kirkkohistoriallinen seuratoimituksia, 1958. 431 S.

Palmgren R. Joukkosydän: Vanhan työväenliikkeemme kaunokirjallisuus Osa 1. Porvoo: Helsinki, 1966. 566 S.
Ripatti M. Arvid Järnefelt kasvatusajattelijana. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2002. 246 S.
Tihlä H. Hilma; Elämän satua: Kertoelmia. Porvoo: WSOY, 1913. 178 S.
Tihlä H. Ihmisiä: Romaani. Hämeenlinna: Arvi A. Karisto, 1916. 286 S.
Tihlä H. Jumalan lapsia: Kolme kertomuksia. Porvoo: WSOY, 1911. 154 S.
Tihlä H. Kuopus ja muita kertomuksia. Helsinki: Suomalainen Kustannus Oy Kansa, 1910. 167 S.
Tihlä H. Leeni: Kertomus. Helsinki: Yrjö Weilin, 1907. 177 S.
Tihlä H. Lehti kääntyy. I osa: Fedosei. Petroskoi: Kirja, 1934. 117 S.
Tihlä H. Metsäkyliltä: Kertomuksia. Porvoo: WSOY, 1909. 119 S.
Turtiainen M., Wahlroos T. Maaemon lapset: tolstoilaisuus kulttuurihistoriallisena ilmiönä Suomessa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia. Helsinki, 2010. S. 223–227.

Maria Kazakova, Sofia Nekliudova

CHRISTIAN MOTIFS IN THE STORIES OF KH. TIKHLYA 1909–1911

Introduction. The article analyzes Christian motifs in the early work of the Finnish-Karelian writer Khilda Karlovna Tikhlya, whose artistic picture of the world was formed under the influence of the Christian tradition and socialist attitude to the structure of society. **The purpose of the article** is to analyze the representation of Christian motifs in the early stories of Kh. Tikhlya. The scrutiny of Christian issues in the writer's early work will further allow us to trace the transformation of the Christian picture of the world in her work. **Materials and methods.** The article uses biographical, comparative and hermeneutic research methods. The practical basis of the research are the collections of stories by Khilda Tikhlya from 1909–1911, the theoretical basis are the works of foreign and domestic researchers. **Research results, discussions.** In early stories Kh. Tikhlya explores the process of the development of the ideas of the Christian doctrine in the folk consciousness. The stated topic's relevance is due to the interest in the representation of Christian motifs in the works of European writers, as well as its fragmentary study in the works of Karelian writers. **Conclusion.** The early work of Kh. Tikhlya is proved to present the ideas of Christian ethics as a spiritual basis for building an equal, tolerant society; therefore, her characters go through the path of spiritual self-knowledge.

Keywords: Christian motifs; Tikhlya; literature of Finland; literature of Karelia.

REFERENCES

Alto Je. L. Finnojazychnaja literatura Karelii [*Finnish-language literature of Karelia*]. Saint Petersburg, Nauka, 1997, 245 p. (In Russian).

Bulgakov S.N. Hristianstvo i socialism [*Christianity and socialism*]. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research, Moscow, 1990, № 4, pp. 111-131, available at: https://ecsocman.hse.ru/data/823/792/1219/002_Bulgakov_111-131.pdf (accessed 05.07.2021) (In Russian).

Karhu Je. G. Istorija literatury Finljandii, XX vek [*The history of literature in Finland, the twentieth century*]. Akademija nauk SSSR, Karel'skij filial, Institut jazyka, literatury i istorii. Leningrad, Nauka, 1990, 607 p. (In Russian).

Karhu Je. G. Hil'da Tihlja [*Hil'da Tikhlya*]. Tikhlya H. Izbrannoe. Petrozavodsk. Karel'skoe knizhnoe izdatelstvo, 1966, pp. 3-11. (In Russian).

Kojvisto R.R. Jeticheskie kriterii i hudozhestvennaja pravda novellistiki Hil'dy Tihlja i ee romanov "Hilma" ("Hilma", 1913) i "Ljudi" ("Ihmisiä", 1916) [*Ethical criteria and the artistic truth of Hilda Tikhya's short stories and her novels "Hilma" ("Hilma", 1913) and "People" ("Ihmisiä", 1916)*]. Jejno Karhu – chelovek, filolog, myslitel': [sbornik, posvjashhennyj 90-letiju so dnja rozhdenija uchenogo]. Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, Institut jazyka, literatury i istorii. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj Akademii Nauk, 2013, pp. 81-99. (In Russian).

Kolokolova O.A. Motiv "bludnogo syna" v finnojazychnoj literature Karelii XX veka [*The motif of the prodigal son in the literature of Karelia of the twentieth century*]. Ph. D. thesis: special'nost' 10.01.02 Literatura narodov Rossijskoj Federacii (literatura narodov Karelii). Moscow, 2017, 180 p. (In Russian).

Markova E.I, Chikina N.V., Kolokolova O.A., Kazakova M.V. 100 let literature Karelii: vremja, poiski, portrety [100 years of Karelian literature: time, search, portraits]. Federal'nyj issledovatel'skij centr "Karel'skij nauchnyj centr

Rossijskoj akademii nauk", Institut jazyka, literatury i istorii Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj Akademii nauk. Petrozavodsk, Periodika, 2020, 429 p. (In Russian).

Kemppainen M. Elämän Satuja. Maailmaankuvan rakentuminen Hilda Tihlän tuotannossa 1907–1916. Tampere, 2011, 115 p. (In Finnish).

Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki, Otava, 1981, 676 p. (In Finnish).

Nokkala A. Tolstoilaisuus Suomessa: aatehistoriallinen tutkimus. Helsinki, Tammi, Suomen kirkkohistoriallinen seuratoimituksia, 1958, 431 p. (In Finnish).

Palmgren R. Joukkosydän: Vanhan työväenliikkeemme kaunokirjallisuus. 1. Porvoo, Helsinki, 1966, 566 p. (In Finnish).

Ripatti M. Arvid Järnefelt kasvatusajattelijana. Jyväskylä, Jyväskylän yliopisto, 2002, 246 p. (In Finnish).

Tihlä H. Hilma; Elämän satua: Kertoelmia. Porvoo, WSOY, 1913, 178 p. (In Finnish).

Tihlä H. Ihmisiä: Romaani. Hämeenlinna, Arvi A. Karisto, 1916, 286 p. (In Finnish).

Tihlä H. Jumalan lapsia: Kolme kertomuksia. Porvoo, WSOY, 1911, 154 p. (In Finnish).

Tihlä H. Kuopus ja muita kertomuksia. Helsinki, Suomalainen Kustannus Oy Kansa, 1910, 167 p. (In Finnish).

Tihlä H. Leeni: Kertomus. Helsinki, Yrjö Weilin, 1907, 177 p. (In Finnish).

Tihlä H. Lehti kääntyy. I osa: Fedosei. Petroskoi, Kirja, 1934, 117 p. (In Finnish).

Tihlä H. Metsäkyliltä: Kertomuksia. Porvoo, WSOY, 1909, 119 p. (In Finnish).

Turtiainen M., Wahlroos T. Maaemon lapset: tolstoilaisuus kulttuurihistoriallisena ilmiönä Suomessa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, Helsinki, 2010, pp. 223-227. (In Finnish).

Казакова Мария Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
Институт филологии, кафедра
прибалтийско-финской филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск
mvk-2013@bk.ru

Maria Kazakova
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Institute of Philology, Department
of Baltic and Finnish Philology,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk
mvk-2013@bk.ru

Неклюдова Софья Николаевна
студент,
Институт филологии, кафедра
прибалтийско-финской филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск
kharitonovasn@rambler.ru

Sofia Nekliudova
Student,
Institute of Philology, Department
of Baltic and Finnish Philology,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk
kharitonovasn@rambler.ru

ИСТОРИЯ

УДК 902/904(470.343)
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_09

65 ЛЕТ МАРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

© 2021 г. В.В. Никитин, Е.П. Кузьмин

Введение. В 1956 году была создана Марийская археологическая экспедиция с целью изучения вопросов этногенеза марийского народа, древней и средневековой истории народов, населяющих территорию Марийского края. За 65-летний период проведены многочисленные экспедиции, результаты которых отражены в 32 монографиях, 5 справочниках, 7 сборниках статей по полевым семинарам и в 30 сборниках «Археология, этнография Марийского края». **Цель статьи** – подвести итог проведенным исследованиям и наметить основные направления работы экспедиции с учетом современных задач, стоящих перед институтом. **Результаты исследования.** Накопленные многолетними полевыми исследованиями комплексы материальной и духовной культуры племен и народов позволили осветить историю Марийского края с периода верхнего палеолита (примерно 12–10 тыс. лет назад) до позднего средневековья и составить историческую картину освоения территории лесного Поволжья и культурно-этническую ситуацию в Вятско-Ветлужском междуречье. Высказанные научные точки зрения и гипотезы были обсуждены и получили признание на многочисленных конференциях республиканского, регионального, российского и международного уровня. **Заключение.** Намечены основные направления научно-практической деятельности экспедиции, связанные с подготовкой научных кадров, выполнением прикладных исследований, направленных на сохранение археологического наследия Республики Марий Эл, изданием научных работ обобщающего характера.

Ключевые слова: археологическая экспедиция; мезолит; неолит; эпоха бронзы; средневековье; погребальный комплекс; могильник; городище.

В этом году исполнилось 65 лет Марийской археологической экспедиции (МарАЭ). Начав поисковые работы в Ветлужско-Вятском междуречье с 1956 года, экспедиция в новом тысячелетии целенаправленно продолжала поиски археологических объектов и по традиции исследование отдельных древнейших и средневековых памятников.

За период с 1956 по 2000 год было выявлено около 1000 объектов археологического наследия, часть из них изучена широкими раскопками, материалы проанализированы и частично опубликованы в монографиях по древнейшим периодам каменного века [Халиков, 1960, 1969; Никитин, 1991, 1996], истории населения бронзового и железного веков [Халиков, Архипов, 1962; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966], истории древних марийцев [Архипов, 1973, 1976, 1986], марийцев XVI–XVIII веков [Никитина, 1992]. По результатам разведок созданы справочники по археологическим памятникам Марийского края [Архипов, Халиков, 1960; Никитин, Старостин, 1978; Никитин, Патрушев, 1982; Никитин, Соловьев, 1990; Архипов, Никитина, 1993]. За период 1976–2020 годов по материалам Марийского края и смежных территорий издано около 30 сборников серии «Археология и этнография Марийского края» (АЭМК). Кроме того, собраны и опубликованы результаты археологических открытий в Волго-Уральском регионе [Новые археологические…, 1994].

Традиционно в отделе археологии МарНИИЯЛИ разрабатывались следующие направ-

ления: 1 – население Волго-Вятского региона в каменном и медно-каменном веке (В.В. Никитин), 2 – бронзовый век в Марийском крае и на сопредельных территориях (Б.С. Соловьёв, С.В. Большов), 3 – Марийский край в эпоху железного века (Г.А. Архипов, А.В. Михеев) и раннего средневековья (Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина, А.В. Михеев), 4 – происхождение древнемарийской культуры (Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина), 5 – марийская культура XV–XVIII веков (Т.Б. Никитина), 6 – духовная культура марийцев (Д.Ю. Ефремова), 7 – кузнечное ремесло и производство орудий из черного металла (А.И. Шадрин, С.Я. Алибеков, Е.В. Алибекова), 8 – оборонительные укрепления марийских городищ (А.В. Михеев). К сожалению, не все исследования были завершены. Тема «Кузнечное ремесло» после ухода из института А.И. Шадрина продолжения не получила. Исследование Д.Ю. Ефремовой по культовым памятникам марийцев было завершено и оформлено в монографию, но в связи с переходом автора на другую работу к публикации не представлено. С ликвидацией отдела экспериментальных исследований и сокращением сотрудников данного отдела работы по изучению производства орудий труда и украшений из металла прекратились.

Началось новое тысячелетие, новые задачи, планы, успехи и недочеты. Подробный обзор результатов исследований в XX веке был сделан одним из авторов данной статьи к очередной юбилейной дате МарАЭ [Никитин, 2017 а, с. 8–14].

Как и в предыдущем столетии, перед экспедицией стояла первоочередная задача по выявлению памятников для создания справочника по археологическим объектам Республики Марий Эл. С 1996 года началась работа по сплошному обследованию территории республики, тема проекта была поддержана в 2002 году Российским гуманитарным научным фондом (02-01-2002а – В). Были созданы отдельные разведочные отряды, в которых принимали участие В.В. Никитин (руководитель проекта), Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьёв, С.В. Большов, А.В. Михеев, Д.Ю. Ефремова. Дополнительными разведочными маршрутами пройдены притоки р. Волги, мелкие речки северо-восточных районов республики, часть озер и овражных систем. За период с 2005 по 2020 год на территории республики выявлено около 100 объектов (в том числе и находок четвертичной фауны). По результатам работ подготовлена «Карта археологических памятников Республики Марий Эл». Справочник содержит сведения о памятнике с привязкой его к административной единице отдельного района [Никитин, 2009]. В рамках проведенных плановых научно-исследовательских работ МарНИИЯЛИ были накоплены обширные коллекции по всем периодам истории населения Марийского края от первых поселенцев XII–X веков до н.э. до XVIII века н.э.

В области изучения каменного века были систематизированы материалы среднекаменного века (мезолита), обобщены материалы раскопок и разведок 1958–2004 годов из 15 поселений с остатками построек и более 20 стоянок с сохранившимся культурным слоем. Общим картографическим обзором памятников установлена территория распространения мезолитической культуры, система расселения и принципы устройства поселков. Были изучены остатки 25 построек, сохранившихся полностью в границах котлованов. Кроме этого, по 13 постройкам (частично разрушенным) выявлены отдельные детали конструкции. Получены многочисленные коллекции каменного инвентаря. Специфика набора и технологических приемов позволила автору выделить оригинальную русско-луговскую мезолитическую культуру [Никитин, 2018].

Одновременно продолжалась работа по изучению неолитических древностей: ранненеолитических культур с накольчатой и гребенчатой посудой и культуры периода развитого неолита – носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом. Раскопками изучено более 10 памятников, на которых выявлены остатки 37 построек с крупными комплексами материальной культуры, 790 сосудов и несколько тысяч каменных предметов, характеризующих население как пришлое из районов лесостепи, влившееся в среду местных мезолитических племен, в процессе взаимодействия с которыми создавших культуру раннего неолита в лесной части Среднего Поволжья [Никитин, 2011]. Установлено, что одновременно с лесостепным

населением сюда с востока проникают группы бродячих охотников, изготавливавших сосуды с характерным для прикамских племен гребенчатым рисунком на посуде. На основе аналитических, статистических и радиоуглеродных данных выявлены особенности культуры, определена хронология развития, установлено место носителей посуды гребенчатого комплекса в системе неолитических образований Поволжья и Прикамья [Никитин, 2020].

Еще одна неолитическая культура представлена носителями посуды с гребенчато-ямочным орнаментом, пришедшими в Марийскую низину с запада Волго-Окского междуречья. Памятники этой культуры выявлены МарАЭ в 1956–1980-е годы. Материальная культура представлена деталями конструкций жилых построек (8 штук), глиняной посудой, каменными орудиями труда. Постройки, как и в предшествующее время, полуземляночного типа четырехугольной формы (при наличии овальных). Особенностью кремневого инвентаря обитателей поселков и стоянок этой культуры является изготовление орудий скобле-режущего назначения, в основном на отщеповой заготовке. Доля пластинчатого комплекса составляет 6–12 %. В наборе каменного инвентаря выделяются крупные режущие изделия выдержанных (геометрических) форм на пластинах: скребки, иволистные, листовидные и ромбические наконечники, шлифованные тесла и стамески. Можно отметить и отдельные сходные черты в кремневых комплексах с каменной индустрией камских племен. Глиняная посуда почти полностью повторяет технологические приемы посуды на ее исконной территории. В культуре носителей гребенчато-ямочной посуды появляются мелкие кремневые фигурки и характерные для волго-окского неолита кремневые ножи-кинжалы и деревообрабатывающие орудия с желобком. Абсолютные даты по радиоуглеродному датированию керамики указывают на время бытования культуры в пределах 6000 лет назад [Никитин, 2015].

Продолжаются исследования памятников переходного периода от неолита к эпохе раннего металла. Данный период связан с населением волосовской культурно-исторической общности, занимающей огромную территорию Волго-Камского междуречья. Работами МарАЭ установлено, что в пределах Марийской низины обитала особая группа населения (один из вариантов этой общности), занимая территорию между реками Сура на западе и Илеть на востоке, доходя на севере до правобережных притоков реки Вятки. Многолетние исследования проблематики, начатые еще в 1956 году А.Х. Халиковым на памятниках Марийского Поволжья, практически не прекращались вплоть до 2007 года (последние раскопки проведены В.В. Никитиным на Сутырских V и VII стоянках). За эти годы раскопками исследованы 36 памятников с остатками конструкций от 71 постройки с обширным набором материальной культуры. По радиоуглеродному датированию культура существовала в пределах 5 тысяч лет назад. Оригинальность материальных комплексов, ограниченная территория и ряд существенных различий в технологии и орнаментике посуды, отсутствие традиций погребений на площади поселения в землю, некоторые особенности в технокомплексе орудий труда, отсутствие (за исключением двух подвесок) янтарных украшений позволяют обозначить отдельный средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности, и по более мощному кусту памятников у д. Майдан и ее окресностях в приустьевой части Ветлуги определить эти комплексы отдельной таксономической единицей (равнозначной средневолжскому варианту) с названием «майданская культура» [Никитин, 2017 б].

Следующий хронологический период (эпоху бронзы) после работ 1950–1960-х годов А.Х. Халикова, разрабатывали Б.С. Соловьёв и С.В. Большов. Широкомасштабные работы проводились на поселениях ранней бронзовой поры (Юринское, Галанкина Гора, Удельношумецкое, Нижняя Стрелка IV и др.). Раскопками на семи поселениях изучены остатки 33 построек с богатым набором предметов материальной культуры и остатков фауны, среди которой встречены кости домашних животных. Эти работы позволили определить генезис чирковской культуры на основе местного населения поздневолосовской поры и пришлых племен (балановская культура) с элементами производящего хозяйства. Удалось выявить свидетельства придомного скотоводства, значительное увеличение производства медных

изделий. Выявлены разного характера связи с уральскими племенами, что в известной степени усложнило культурно-исторические процессы внутри чирковских племен. Ярким проявлением таких связей является так называемый «сейминско-турбинский феномен». Б.С. Соловьёв в системе памятников эпохи бронзы выделил, кроме чирковской, балановскую и приказанскую культуры и дал им краткую характеристику [2000]. В 2000 году в устье р. Ветлуги был обнаружен (Е.Г. Шалахов) могильник сейминско-турбинского типа. С 2001 по 2006 год на памятнике производились раскопки (Б.С. Соловьёв), в результате исследованы «остатки» 18 могил, в семи были найдены металлические и каменные изделия: бронзовые топоры-кельты, копья, ножи-кинжалы, браслеты, шилья, каменные предметы, наконечники стрел, нефритовые кольца. Кроме того, обнаружены фрагменты кожи (одежда, чехол ножа, ремешок), дерева (рукоятки топоров и копий, ножей, конструкции могил). По заключению Б.С. Соловьёва, Юринский могильник отражает фазу стабильного обитания на юге лесной зоны Среднего Поволжья сейминско-трубинских групп, включавших значительный «евразийский» субстрат. Большой территориальный отрыв от ближайших памятников Прикамья и Поочья предполагает выделение средневолжской группировки.

Культуры поздней бронзовой поры представлены (в основном) памятниками приказанской культуры. Раскопками исследовано семь поселений с остатками более 10 построек и богатыми коллекциями материальной культуры, отражающей период внедрения производящих видов хозяйственных занятий в среду местного населения. Материалы данных культур опубликованы в монографии, в которой автор дает краткую характеристику атликасинской, балановской, абашевской культур на фоне подобных образований Волго-Уральского региона [Соловьёв, 2016].

С середины 1990-х годов возобновляются исследования по истории абашевского населения эпохи бронзы (С.В. Большов). Разрабатываются теоретические основы, связанные с культурогенезом, этапами развития, связями абашевской культуры и выяснением места средневолжского очага абашевской культуры в системе абашевской культурно-исторической общности. Исследуются отдельные курганы на Виловатовской и Мало-Кугунурской группах, полностью раскапывается Пеленгерская группа (С.В. Большов). После раскопок этих памятников стал возможным полноценный сравнительный анализ могильников Средневолжского и Волго-Сурского регионов, принципиально важный для решения хронологического соотношения этих территориальных групп единокультурного населения. К этому времени в Волго-Сурском междуречье были раскопаны 98 из 361 кургана (изучено 216 погребений), а в Волго-Вятском из 204 курганов раскопано 93 (изучено 133 погребения), что вполне сопоставимо для различных статистических и аналитических выводов. Анализ погребального обряда, вещевого комплекса, устройство курганных насыпей и конструкций могильных ям показал, что между этими группами абашевской культуры нет большого хронологического разрыва, а формирование средневолжской абашевской группы происходило за пределами Среднего Поволжья и не на основе фатьяновско-балановских комплексов. Появление абашевского населения в Среднем Поволжье связано с периодом существования на данной территории поздневолосовского и балановского населений [Большов, 2003]. Развернутая характеристика этнокультурных процессов в Средневолжском бассейне в период развитого бронзового века дана в монографии С.В. Большова [2006].

По эпохе раннего железного века экспедиция планомерных исследований не проводила.

По истории народов в эпоху великого переселения (I–II вв. н.э.) сведений очень мало. Раскопки проводились на курганном некрополе в д. Климкино на правом берегу р. Малая Юнга (пр. притока р. Волги). Раскопано две курганные насыпи, под которыми исследовано 28 погребений. 19 погребений в 1991, 1993 годы изучили Г.А. Архипов и А.И. Шадрин, 9 погребений в 2003–2004 годах – А.В. Михеев. Материал курганов содержал различные украшения, предметы быта и вооружения [Архипов, Шадрин, 1995]. К глубокому сожалению, эта тема больше не разрабатывалась.

Немногочисленные погребальные и поселенческие памятники начального этапа

формирования марийской народности исследовались в основном в прошлом тысячелетии. Данный этап представлен некрополями середины I тыс. н.э. (6 памятников): три в левобережной пойме р. Волги (Младший Ахмыловский, Мари-Луговской и Уржумкинский); один в приустьевой части р. Малой Кокшаги (Арзебелякский); один в устье р. Юшут (Лушморский) и последний на р. Шора у д. Шоруньжа. Все они практически полностью изучены. Изучение началось со сборов и раскопок могильника у д. Мари-Луговая (Звениговский район) местным помещиком в 1914 году. В 1925, 1926, 1928 годах проведены любительские раскопки учениками Помарской школы, но вещевые комплексы не сохранились. В 1929 году Е.Г. Горюнова провела первые научные раскопки могильника, а в 1956 году раскопки продолжил А.Х. Халиков, 45 погребений им были отнесены к I тыс. н.э. В 1962 году Г.А. Архипов начал изучение Младшего Ахмыловского могильника, продолжавшегося вплоть до 1968 года. В общей сложности получены материалы по 71 погребению. В 1974 году В.С. Патрушев завершил работы на памятнике, выявив еще четыре погребения.

В 1968, 1970, 1973 годах Г.А. Архипов исследовал Уржумкинский могильник, на котором выявил 35 погребенных. В 1985 году при работах на мезолитическом поселении у д. Арзебеляк В.В. Никитин изучил семь погребений I тыс. н.э. В 1990 году на могильнике проводит работы Т.Б. Никитина, исследовано еще 23 погребения. В 1990 году в устье р. Юшут экспедиция МарГУ (руководитель В.В. Ставицкий) провела работы на месте бывшего лесоучастка Лушморский, где в 1950-е годы находили человеческие кости. В раскопе обнаружено три погребения. В 1995 году памятник обследован Б.С. Соловьевым, изучены остатки трех погребений.

Могильник у д. Шоруньжа практически полностью уничтожен карьером. В 1963 году Г.А. Архипов собрал отдельные находки и исследовал два погребения. В 1988 году А.И. Шадрин вскрыл еще четыре захоронения с богатым инвентарем. Местное население рассказывало, что отдельные вещи встречались на широкой площади. Все материалы из ранее исследованных могильников до конца 1990-х годов не были опубликованы. В научный оборот были включены отдельные элементы погребального обряда, украшений, вооружения и бытового инвентаря, сопровождающих умерших в потусторонний мир. В 1999 году Т.Б. Никитина обобщила все материалы из 250 погребальных комплексов всех известных некрополей, проанализировав сложный погребальный обряд (полная и частичная ингумация, кремация, частичное трупосожжение, погребения с конем); детально рассмотрела категории и типы вещевых и жертвенных комплексов. В монографии приводятся дневники раскопок, содержащие полную информацию по каждому погребению (чертежи, рисунки вещей, погребальное устройство и способ захоронения). Автор сделала вывод, что население, оставившее памятники древних марийцев типа Младшего Ахмыловского могильника, родственно волжско-финским народам [Никитина, 1999].

Особое внимание было уделено проблемам этнической истории в эпоху средневековья. Масштабные раскопки ведутся на памятниках древних марийцев IX–XI веков. Исследования по этому периоду, начатые еще в конце пятидесятых годов прошлого века Г.А. Архиповым, были продолжены Т.Б. Никитиной. На рубеже тысячелетий под ее руководством исследуются городища и селища по р. Волге и ее притокам, на которых получены богатые коллекции материальной культуры: детали конструкций построек, укрепленных сооружений, предметов труда и быта, украшений и т.п. Комплексный анализ изученных экспедицией погребальных и поселенческих памятников позволил конкретизировать современные научные представления о процессе формирования марийского народа и привести в соответствие взгляды археологов с лингвистическими, этнографическими и фольклорными материалами. Материальные коллекции средневековых городищ (Кубашевское, Юльяльское, Ернурское, Большая Гора, Верхне-Регежское) свидетельствуют о контактах местного населения с пермоязычным, отчего происходит проникновение прикамских традиций в марийскую культуру. Наблюдается и обратный процесс – проникновение марийских традиций в культуру прикамского населения, что создает ситуацию совместного чересполостного проживания двух

этносов на одной территории. По материалам археологических исследований издан альбом отдельных сюжетов древнего искусства [Никитин, Никитина, 2004].

В IX–XI веках в Ветлужско-Вятском междуречье начался процесс этнической консолидации марийского народа. Особое внимание было сосредоточено на изучении марийских некрополей этого периода. Изучаются могильники на р. Волге (Дубовский) и на р. Ветлуге (Русенихинский и «Затон Михеева») в Нижегородской области. В 2013 году был открыт могильник «Кузинские хутора» недалеко от г. Шарьи Костромской области в верховьях р. Ветлуги, который начала исследовать Т.Б. Никитина, а в настоящее время работы продолжаются под руководством А.В. Акилбаева. В экстренном порядке приходилось проводить спасательные работы на могильнике, расположенном на одном из притоков р. Ветлуги на р. Выжум. Памятник находился под угрозой полного уничтожения кладоискателями. При участии Т.Б. Никитиной частично исследован Анаткасинский могильник в правобережье Волги на территории Чувашской республики. Кроме того, был открыт могильник на р. Илеть у ПГТ Красногорский, исследованный в 2019–2020 годах Т.Б. Никитиной.

Результатом исследований памятников этого времени стала монография Т.Б. Никитиной, в которой впервые в полном объеме опубликованы материалы погребальных памятников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI веков, исследованных МарАЭ. В научный оборот введена фундаментальная база источников, позволяющих на более высоком уровне осветить этнокультурные процессы в регионе и решить ряд спорных проблем средневековой истории марийцев. В монографии собраны и обобщены погребальные комплексы хорошо исследованных некрополей (Веселовский, Юмский, Дубовский, Черемисское кладбище, Нижняя Стрелка). Представлены вещевые комплексы 195 погребений с характерными специфическими чертами марийской культуры, отличающейся от культур соседних народов – мордвы, муромы и удмуртов. Бесценный материал для реконструкции духовной культуры, одежды, предметов культа, технологии тканей и т.п. дали жертвенные комплексы (дар умершим предкам), хорошо сохранившие ткани, меха, шерстяные изделия, кожаные сумочки, поясные наборы и массу металлических украшений, монеты и их подражания, позволившие установить хронологию развития народа в период X–XII веков. Богатый вещевой материал выявил вектор связей с Русским государством и Волжской Булгарией, торговля с которыми обогатила марийское общество предметами азиатско-кочевнического происхождения [Никитина, 2012]. В 2009–2013 годах исследован полностью Русенихинский могильник древнемарийской культуры IX–XI веков, содержавший многостороннюю информацию по материальной и духовной культуре. На могильнике вскрыта площадь около 1000 кв. м., на которой выявлены 18 погребений и 15 жертвенных комплексов. Полученные материалы легли в основу реконструкции погребального обряда, костюма, верований, отдельных процессов в технологии производства предметов быта и украшений. Получены материалы для антропологических, биологических, металловедческих и других анализов с применением современных естественнонаучных методов [Никитина, 2018].

По материалам исследований последних двух десятилетий работы МарАЭ подготовлена монография А.В. Михеева, в которой рассматриваются принципы сооружения оборонительных систем на городищах Марийского края. А.В. Акилбаев защитил кандидатскую диссертацию и подготовил монографию по торговым связям марийцев с населением Волжской Булгарии и Древнерусского государства.

Продолжена разработка тематики по истории марийского населения в эпоху позднего средневековья – нового времени (XIV–XVIII вв.). Этот период до сих пор является самым проблемным по изучению этнокультурных, социально-экономических, торговых связей. Крупномасштабные раскопки проводились на Важнангерском городище «Аламнер» и на селищах вокруг него (Носельское, Важнангерское, Сауткинское, Шартнейское, Шунангерское и др). Результаты раскопок опубликованы в монографиях [Никитина, 2002; Никитина, Михеева, 2006]. Полученные в результате многолетних исследований

материалы городища «Аламнер» и его сельской округи дали уникальный материал для изучения системы жизнеобеспечения марийского населения Важнангерской округи (городище «Аламнер», селища, культовые места), которая составляла единый демографический регион и социальную единицу с развитой экономикой, основанной на комплексном хозяйстве с преобладающей ролью пашенного земледелия и животноводства. Ядром этой округи являлось городище «Аламнер», выполняющее функцию административно-военного, религиозного и торгового центра. Материалы этого памятника позволяют говорить о высоком уровне социального развития марийского общества в XIV–XV веках.

Основные направления изучения марийской культуры в XVI–XVII веках изложены в монографии Т.Б. Никитиной [Никитина, 1992], где на материалах раскопанных кладбищ (около 20) и анализа погребальных комплексов (530 погребений) представлена схема исторического развития марийской культуры в этот период.

С конца прошлого столетия сильно участились браконьерские раскопки на марийских средневековых памятниках (Выжумский, Отарский, Помарский могильники и др.), многие объекты застраиваются дачами или уходят под мосты, дороги, путепроводы и т.п. (Арзебеляк, Троицкий Выселок, Уржумка, Шоядур, Алексеевское и т.д.), происходят эрозионные процессы в результате развития оврагов и воздействия Чебоксарской ГЭС и т.д. Становится тревожно за судьбу археологических памятников, являющихся единственными источниками для изучения древней культуры народа. Поэтому в настоящее время планируется обследовать все имеющиеся объекты археологического наследия, уточнить их привязку к местности с определением топографических координат и создать базу данных для подготовки «Атласа археологических памятников». Основой для реализации такого проекта служит «Археологическая карта Республики Марий Эл», подготовленная В.В. Никитиным и изданная в 2010 году. Археологическая карта включает 573 объекта археологического наследия, а также информацию по 394 археологическим памятникам, уже разрушенным по различным причинам, сведения о 344 местонахождениях древних предметов и о 113 палеонтологических находках, известных Марийской археологической экспедиции до 2005 года. Новое издание предполагает полный учет сведений и результатов работ по археологическому изучению края, объекты будут систематизированы по расположению по бассейнам рек, что более точно будет соответствовать процессу освоения территории в разные периоды древней истории населения края. Работа по созданию «Атласа археологических памятников» отвечает не только научным направлениям экспедиции, но и соответствует практическим задачам, поставленным перед институтом. В новом тысячелетии по поручению Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл экспедиция проводит целевые систематические работы по мониторингу объектов археологии в целях проверки их наличия и современного состояния. Такие работы проведены в пределах Звениговского, Юринского, Куженерского, Сернурского районов и в настоящее время проводятся в Килемарском, Волжском районах.

К сожалению, мы по ряду объективных причин не сумели регулярно издавать очередные сборники серии «Археология и этнография Марийского края». За 20 лет изданы чисто археологические сборники (АЭМК № 25, 27, 30, 31). Кроме того, по материалам экспедиции издан сборник совместно с НПЦ по охране памятников археологии [Новые археологические…, 2000] и материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. В 1977, 1989, 2000, 2002, 2006, 2016 годах на базе Марийской археологической экспедиции проводились межрегиональные конференции по проблемам этнокультурных процессов населения Волго-Уральского региона, в которых принимали участие ученые из разных научных учреждений и вузов из Екатеринбурга, Иванова, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Кирова, Костромы, Москвы, Нижнего Новгорода, Нижнего Тагила, Пензы, Перми, Петрозаводска, Плеса, Риги, Ростова, Рязани, Самары, Саранска, Санкт-Петербурга, Симферополя, Сыктывкара, Ульяновска, Уфы, Чебоксар [Лесная…, 1978; Поздний энеолит…,1991; Проблемы средневековой

археологии, 1994; Взаимодействие культур…, 2004; Влияние природной среды…, 2007].

Несмотря на существенное сокращение бюджетных средств на полевые исследования и научные командировки, сотрудники МарАЭ по-прежнему ждут улучшения бюджетной ситуации, надеясь не утерять наработанный профессиональный имидж как в поисках и полевых исследованиях, так и в научном обобщении полученных материалов.

К сожалению, в этом тысячелетии по разным причинам ушли из института А.И. Шадрин, д-р ист. наук С.В. Большов, д-р техн. наук С.Я Алибеков, канд. ист. наук С. Соловьев, канд. ист. наук Д.Ю. Ефремова, канд. хим. наук Е.В. Алибекова, канд. ист. наук А.В. Михеев – ученые с многолетним опытом полевой и научно-исследовательской работы, прошедшие археологическую школу МарНИИ и отдавшие не один десяток лет служению науке.

К настоящему времени в археологической среде МарНИИЯЛИ вырос и защитил диссертацию нынешний руководитель направления «Археология» канд. ист. наук А.В. Акилбаев, набираются опыта полевой работы Д.О. Кутузова и вновь принятые сотрудники Н.А. Сергеев и Д.Р. Скулкин. В связи с этим мы с оптимизмом смотрим в будущее и надеемся, что традиции МарАЭ сохранятся. Очень надеемся, что достижения прежних лет приумножатся стараниями нового поколения молодых исследователей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв: к вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 200 с.

Архипов Г.А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1976. 168 с.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII веков (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 162 с.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Ранний железный век и средневековье. Вып. 2. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1993. 148 с.

Археологические открытия Урала и Поволжья. Сб. ст. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1994. 184 с.

Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.) Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 132 с.

Архипов Г.А., Шадрин А.И. Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1995. Вып. 24. С. 110–129.

Большов С.В. Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников) // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2003. Т. VIII. 184 с.

Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 232 с.

Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье: материалы конференции // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. Вып. 27. 160 с.

Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию Мар. археол. экспед. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. 372 с.

Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. Вып. 3. 210 с.

Никитин В.В., Старостин П.Н. Материалы к археологической карте Марийской АССР (каталог памятников). Вып. II. Йошкар-Ола, 1978. 104 с.

Никитин В.В., Патрушев В.С. Материалы к археологической карте Марийской АССР (каталог памятников). Вып. III. Йошкар-Ола, 1982. 112 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Эпоха камня и бронзы. Вып. 2. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 244 с.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991.152 с.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996. Т. IV. 178 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2002. Т. VII. 162 с.

Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 416 с.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2011. Т. IX. 470 с.

Никитин В.В. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье // Археология Поволжья и Урала. Казань, 2015. Вып. 3. 364 с.

Никитин В.В. На стыке двух тысячелетий (Марийской археологической экспедиции 60 лет) // Поволжская археология. Казань: «ФЭН», 2017 а. № 1 (19). С. 8–15.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности // Археология Поволжья и Урала. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017 б. Вып. 10. 765 с.

Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья (русско-луговская мезолитическая культура VIII–VI тыс. до н.э.) // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2018. Т. X. 264 с.

Никитин В.В. Культура носителей керамики камского стиля в левобережье Марийско-Казанского Поволжья // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2020. Т. XI. 138 с.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII в. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1999. Т. V. 166 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность: Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ: РГУК НПЦ по охране памятников, 2006. 196 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. Вып. 14. 408 с.

Никитина Т.Б. Русенихинский могильник //Археология Евразийских степей. 2018, № 3. 356 с.

Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000. 93 с.

Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 19. 170 с.

Проблемы средневековой археологии волжских финнов // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1994. Вып. 23. 220 с.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 2000. Т. VI. 264 с.

Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесостепного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола, 2016. 412 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. Т. I. 188 с.

Халиков А.Х., Архипов Г.А. Железный век Марийского края // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. Т. II. 268 с.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (Абашевский человек) // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. Т. III. 72 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Valery Nikitin, Evgenij Kuzmin

65 YEARS OF MARI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION: SEARCH AND DISCOVERIES ARE GOING ON

Introduction. Mari archeological expedition was founded in 1956 with the purpose of studying the issues of the Mari people's ethnogenesis, ancient and medieval history of the peoples living on its territory. During the 65-year period numerous expeditions were carried out, the results of which have been published in 32 monographs, 5 reference books, 7 collections of articles on field seminars and in 30 journals «Archaeology and Ethnography of Mari Territory». **The purpose** of the article is to summarize the research having been conducted and to outline the main directions of the expedition, taking into account the current challenges facing the Institute. **Results of the study**. The complex of material and spiritual culture of tribes and peoples, accumulated over many years of field research, made it possible to reveal the history of the Mari Territory since the Upper Paleolithic period (about 12,000-10,000 years ago) to the late Middle Ages and to draw up a historical picture of the forest Volga region territory

development and the cultural-ethnic situation in the Vyatka-Vetluzh interurban region. Scientific views and hypotheses were discussed and recognized at numerous conferences at the republican, regional, Russian and international levels. **Conclusion**. The main trends in scientific and practical activities of the expedition, related to scientific personnel training, carrying out applied research, aimed at preserving the Republic of Mari El archaeological heritage, and publishing research results of a general nature have been planned.

Keywords: archaeological expedition; Mesolithic; Neolithic; bronze; medieval; burial complex; burial ground; hilltop.

REFERENCES

Arhipov G.A. Marijcy IX-XI vv: k voprosu o proiskhozhdenii naroda. Joshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo, 1973, 200 p.

Arhipov G.A. Marijskij kraj v pamyatnikah arheologii. Joshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo, 1976, 168 p.

Arhipov G.A. Marijcy XI-XIII vekov (k etnokul'turnoj istorii Povetluzh'ya). Joshkar-Ola, 1986, 162 p.

Arhipov G.A., Nikitina T.B. Atlas arheologicheskih pamyatnikov Respubliki Marij El. Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e, vol. 2. Joshkar-Ola, 1993. 148 p.

Arheologicheskie otkrytiya Urala i Povolzh'ya. Joshkar-Ola, 1994, 184 p.

Arhipov G.A., Halikov A.H. Materialy k arheologicheskoj karte Marijskoj ASSR (po dannym Marijskoj arheologicheskoj ekspedicii 1956-1959 gg.). Joshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo, 1960. 132 p.

Arhipov G.A., Shadrin A.I. Issledovanie rannesrednevekovyh kurganov u s. Klimkino. Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Joshkar-Ola, 1995, vol. 24, pp. 110-129.

Bol'shov S.V. Srednevolzhskaya abashevskaya kul'tura (po materialam mogil'nikov). Trudy MarAE. Joshkar-Ola, 2003. vol. VIII, 184 p.

Bol'shov S.V. Lesnaya polosa Srednego Povolzh'ya v epohu srednej bronzy (problemy kul'turogeneza pervoj poloviny II tys. do n.e.). Joshkar-Ola, 2006, 323 p.

Vzaimodejstvie kul'tur v Srednem Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e: materialy konferencii. Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Joshkar-Ola, 2004, vol. 27, 160 p.

Vliyanie prirodnoj sredy na razvitie drevnih soobshchestv (IV Halikovskie chteniya): Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu Marijskoj arheologicheskoj ekspedicii. Joshkar-Ola, 2007, 372 p.

Lesnaya polosa Vostochnoj Evropy v volosovsko-turbinskoe vremya. Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Joshkar-Ola, 1978, vol. 3, 210 p.

Nikitin V.V., Starostin P.N. Materialy k arheologicheskoj karte Marijskoj ASSR (katalog pamyatnikov). vol. II. Joshkar-Ola, 1978, 104 p.

Nikitin V.V., Patrushev V.S. Materialy k arheologicheskoj karte Marijskoj ASSR (katalog pamyatnikov), vol. III. Joshkar-Ola, 1982, 112 p.

Nikitin V.V., Solov'ev B.S. Atlas arheologicheskih pamyatnikov Marijskoj SSR. Epoha kamnya i bronzy. vol. 2. Joshkar-Ola, 1990, 242 p.

Nikitin V.V. Medno-kamennyj vek Marijskogo kraya (sredina III– nachalo II tys. do n.e.). Joshkar-Ola, 1991, 152 p.

Nikitin V.V. Kamennyj vek Marijskogo kraya. Trudy MarAE. Joshkar-Ola: MarNII, 1996, vol. IV, 178 p.

Nikitin V.V., Solov'ev B.S. Poseleniya i postrojki Marijskogo Povolzh'ya (epoha kamnya i bronzy). Trudy MarAE. Joshkar-Ola, 2002, vol. VII, 162 p.

Nikitin V.V., Nikitina T.B. K istokam marijskogo iskusstva. Joshkar-Ola, 2004, 152 p.

Nikitin V.V. Arheologicheskaya karta Respubliki Marij El. Joshkar-Ola, Izdatel'stvo OAO «MPIK», 2009, 416 p.

Nikitin V.V. Rannij neolit Marijskogo Povolzh'ya. Trudy MarAE. Joshkar-Ola: MarNII, 2011, vol. IX, 470 p.

Nikitin V.V. Kul'tura nositelej posudy s grebenchato-yamochnym ornamentom v Marijsko-Kazanskom Povolzh'e. Arheologiya Povolzh'ya i Urala. Kazan', 201, vol. 3, 364 p.

Nikitin V.V. Na styke dvuh tysyacheletij (Marijskoj arheologicheskoj ekspedicii 60 let). Povolzhskaya arheologiya. Kazan': «FEN», 2017 a. no (19), pp. 8-15.

Nikitin V.V. Na grani epohi kamnya i metalla. Srednevolzhskij variant volosovskoj kul'turno-istoricheskoj obshchnosti. Arheologiya Povolzh'ya i Urala. Joshkar-Ola: MarGU, 2017 b, vol. 10, 765 p.

Nikitin V.V. Mezolit Marijskogo Poles'ya (russko-lugovskaya mezoliticheskaya kul'tura VIII–VI tys. do n.e.). Trudy MarAE. Joshkar-Ola: MarNII, 2018, vol. X. 264 p.

Nikitin V.V. Kul'tura nositelej keramiki kamskogo stilya v levoberezh'e Marijsko-Kazanskogo Povolzh'ya. Trudy MarAE. Joshkar-Ola, 2020, vol. XI, 138 p.

Nikitina T.B. Marijcy (konec XVI – nachalo XVIII vv. (po materialam mogil'nikov). Joshkar-Ola, 1992, 160 p.

Nikitina T.B. Istoriya naseleniya Marijskogo kraya v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov). Trudy MarAE. Joshkar-Ola, 1999, vol. V, 166 p.

Nikitina T.B. Marijcy v epohu srednevekov'ya (po arheologicheskim materialam). Joshkar-Ola, 2002, 432 p.

Nikitina T.B., Miheeva A.I. Alamner: mif i real'nost': Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga. Joshkar-Ola, 2006, 196 p.

Nikitina T.B. Pogrebal'nye pamyatniki IX-XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya. Arheologiya Evrazijskih stepej. Kazan': Institut istorii AN RT, 2012, vol. 14, 408 p.

Nikitina T.B. Rusenihinskij mogil'nik // Arheologiya Evrazijskih stepej. 2018, no 3, 356 p.

Novye arheologicheskie otkrytiya v Srednem Povolzh'e. Joshkar-Ola, 2000. 93 p.

Pozdnij eneolit i kul'tury rannej bronzy lesnoj polosy Evropejskoj chasti SSSR. Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Joshkar-Ola, 1991, vol. 19. 170 p.

Problemy srednevekovoj arheologii volzhskih finnov. Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Joshkar-Ola, 1994. vol. 23. 220 p.

Solov'ev B.S. Bronzovyj vek Marijskogo Povolzh'ya. Trudy MarAE, Joshkar-Ola, 2000, vol. VI. 264 p.

Solov'ev B.S. Arheologicheskie kul'tury yuga lesostepnogo Povolzh'ya na rubezhe srednego i pozdnego bronzovogo veka. Joshkar-Ola, 2016. 412 p.

Halikov A.H. Materialy k izucheniyu istorii naseleniya Srednego Povolzh'ya i Nizhnego Prikam'ya v epohu neolita i bronzy. Trudy MarAE. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1960, vol. I. 188 p.

Halikov A.H., Arhipov G.A. ZHeleznyj vek Marijskogo kraya. Trudy MarAE. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1962, vol. II. 268 p.

Halikov A.H., Lebedinskaya G.V., Gerasimova M.M. Pepkinskij kurgan (Abashevskij chelovek). Trudy MarAE. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1966, vol. III. 72 p.

Halikov A.H. Drevnyaya istoriya Srednego Povolzh'ya. M: Nauka, 1969. 396 p.

Никитин Валерий Валентинович
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола

Кузьмин Евгений Петрович
кандидат исторических наук,
директор МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: yurt77@yandex.ru

Valery Nikitin
Doctor of History,
Chief Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History
Yoshkar-Ola

Evgenij Kuzmin
Candidate of Historical Sciences,
Director of the
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: yurt77@yandex.ru

УДК 94(470.4)
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_10

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ МИРНОГО ХАРАКТЕРА МЕЖДУ МАРИ И РУССКИМИ В КАЗАНСКОХАНСКИЙ ПЕРИОД

© 2021 г. С.К. Свечников

Введение. Вопрос о мирных взаимоотношениях мари и русских в казанскоханский период ранее не становился отдельным предметом исследования. **Цель статьи** – выявить и проанализировать факты мирных этнических контактов между мари и русскими в период Казанского ханства. **Материалы и методы.** Статья написана на основе широкого круга письменных источников, материалов фольклора, результатов археологических и лингвистических исследований. Методы исследования: конкретно-исторический, сравнительно-исторический, ретроспективный. **Результаты исследования, обсуждение.** Наиболее тесные связи с русскими поддерживали мари Окско-Сурского междуречья, входившие в состав Русского государства. В результате этих контактов местное марийское население было почти полностью ассимилировано. Горные мари Сурско-Свияжского междуречья входили в состав Казанского ханства, однако принимали активное участие в мирных хозяйственных взаимоотношениях с русским населением даже в период наибольшего обострения конфликта между Москвой и Казанью в 1520–1540-х годах, а с середины 1540-х годов горные мари в политическом отношении стали склоняться на русскую сторону. Достаточно комплиментарные отношения складывались также между русским населением Лесного Заволжья и ветлужскими мари, вопреки устоявшемуся мнению о чрезвычайной воинственности последних. Наиболее ожесточенный характер носило противостояние между мари и русскими на Вятке, однако и там имелись примеры мирных марийско-русских отношений. Мирные этнические контакты развивались также в рамках института рабства и практики депортации. **Заключение.** На основе комплексного использования широкого круга источников удалось выяснить, что, несмотря на постоянные войны, этнические контакты мирного характера между мари и русскими с разной степенью интенсивности развивались на всем протяжении истории Казанского ханства (1430–40-е – 1552 годы).

Ключевые слова: мари; черемисы; русские; этнические контакты; мирные взаимоотношения; «казанская украина»; фронтир.

Введение. В период Казанского ханства (середина XV – середина XVI веков) между мари и русскими преобладали конфликтные отношения, обусловленные острым военно-политическим противостоянием между Московским государством и Казанским ханством. Мари в основной своей массе являлись подданными казанского хана, они, согласно многочисленным свидетельствам дошедших до нас источников, принимали активное участие в походах на русские земли и в сражениях с русскими войсками. Неудивительно, что взоры исследователей были прикованы именно к вооруженным столкновениям между этими народами, находившимися в составе двух противоборствующих государств. Исключение составляют исследования, где рассматриваются мирные взаимоотношения русских с горными мари либо в контексте выявления предпосылок мирного (или добровольного) характера вхождения народов Горной стороны Казанского ханства в состав Русского государства [Бахтин, 2012, с. 173–175; Димитриев, 1986, с. 30–32; Димитриев, 2001, с, 40–41; История ... , 1986, с. 54–56], либо в рамках изучения этнокультурных и политических контактов на

«казанской украине» [Бахтин, 2004, с. 155–156]. Мирные взаимоотношения русских с другими группами марийского населения не входили в сферу внимания исследователей. Было также высказано мнение, что о начале развития русско-марийских этнических контактов можно говорить только в свете полного разгрома казанского владычества в Среднем Поволжье [Козлова, 1971, с. 214].

Факты мирных взаимоотношений между мари и русскими в период Казанского ханства получили слабое отражение в письменных источниках в силу того, что в них, как правило, фиксировались неординарные события (войны, конфликты, политические изменения, стихийные бедствия и т.п.), которые были лишь яркими, заметными, но, как правило, кратковременными вспышками. Промежутки между ними были заполнены долгими годами размеренной будничной жизни, включавшими не только враждебные, но и мирные, добрососедские взаимоотношения между народами соседних государств. В целом, проживая на буферной территории («казанской украине», «фронтире»), мари вступали в сложные, противоречивые контакты с сопредельным русским населением.

Цель статьи – выявить и проанализировать факты мирных этнических контактов между мари и русскими в период Казанского ханства (1430–40-е – 1552 годы).

Материалы и методы: в работе использован широкий круг опубликованных источников, в первую очередь русские летописи, сочинения иностранцев, произведения оригинальной древнерусской литературы, актовая документация, результаты археологических, лингвистических исследований, фольклорные сведения. Применены методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический для выяснения исторической последовательности, генетической связи явлений и синхронизации фактов, ретроспективный в целях восполнения недостающей информации в имеющихся источниках.

Результаты исследования, обсуждения

Наиболее тесные этнические контакты между мари и русскими в XV–XVI веках развивались в междуречье Оки и Суры. Эта территория еще с XIV века входила в состав Нижегородско-Суздальского княжества, а затем Московского государства. Черемисы наряду с мордвой упоминаются в качестве жителей Окско-Сурского междуречья (окрестностей Нижнего Новгорода, Мурома, Васильгорода, Курмыша, Алатыря и Арзамаса) в актовых источниках XVI века. В частности, в духовной грамоте 1504 года великий князь Иван III Васильевич завещал своему сыну Василию: «Новгород Нижнеи с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Новугороду потягло… Да ему ж даю город Муром с волостьми и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Мурому потягло» [Духовные ... , 1950, с. 356]. Также царь Иван IV Васильевич в своей духовной грамоте 1572 года указал: «Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Нижегородским, даю ему Новгород Нижний с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисами…, да город Василь на Суре, и с мордвами, и с черемисами, и со всеми пошлинами… Да ему жь даю город Муром с волостми, и с путми, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисами, и что к Мурому потягло… Да ему жь даю город Курмыш, да город Алатор на Алаторе, с волостми и со всеми пошлинами, и князи мордовския с их вотчинами, и с черемисами, и со всеми уезды, и угожьи, и что к тем городам потягло… Да город Арзамас с мордвами и с черемисою, со всем, по тому, как было при мне» [Духовные ... , 1950, с. 437].

Марийское население Окско-Сурского междуречья в XV–XVI веках было немногочисленным, оно почти полностью растворилось среди русских, но память о своем черемисском происхождении еще сохраняло. В документах Нижегородского уезда конца XVI века имеются упоминания об обрусевших потомках мари, например: «деревни Березников Кирсанов крестьянин Злобина сына Черемисинова Степан Григорьев», «деревни Томожникова… Митя Иванов сын Черемисинова» [Анпилогов, 1977, с. 241, 242]. Имели место межэтнические браки. Например, из марийско-русской семьи происходил и родившийся в этих местах патриарх Никон. Знаменитый земляк и оппонент Никона протопоп Аввакум в своем об-

ширном Послании «отцу» Ионе писал: «Я Никона знаю: недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а мати русалка, Минка да Манька» [Русская ... , стб. 894]. Аналогичные сведения Аввакум дает в другом своем сочинении: «…в моей родине, за Нижним, около Курмыша, мордва и черемиса. Мы с Никоном патриаръхом ис тех мест, знаем там. Я от попа родился, а Никона черемисин Минька добыл в деревнишке… Никон зачатся от християнки черемисином» [Демкова, 1965, с. 230].

Глубоко зашедшие ассимиляционные процессы в Окско-Сурском междуречье свидетельствуют о том, что между мари и русскими в этой местности в XV−XVI веках развивались тесные этнические связи, основанные на мирных хозяйственно-культурных и личных взаимоотношениях. Правда, считать идиллическими эти отношения нельзя, поскольку значительная часть мари под давлением русской колонизации мигрировала из Окско-Сурского междуречья за Суру и Волгу на основную этническую территорию. Зафиксировано огромное количество преданий о проживании в прошлом марийского населения на территории Нижегородского Правобережья и о переселении мари на территорию современного Горномарийского района Республики Марий Эл «со стороны Москвы», из-за Суры, из окрестностей Нижнего Новгорода, Арзамаса, Лыскова, Мурома [Акцорин, 2000, с. 48–59; Марий ... , 1991, с. 165, 167–168, 246–247, 251–252; Нижегородские ... , 1994, с. 23–26; Янтемир, 1926, с. 17–18].

Определенный интерес представляют также документы конца XVI – XVII веков, связанные со сбором оброка с бортных владений («ухожаев») на территории Нижегородского уезда. Согласно этим документам, черемисы Козьмодемьянского, Чебоксарского, Ядринского и Курмышского уездов владели бортными ухожаями в Нижегородском уезде в десятках и более километров от мест постоянного жительства, платили за них в Нижнем Новгороде «медвяной оброк». При этом на бортных деревьях были нанесены их «знамена» (мар. *тамга, тисте*) − семейно-родовые знаки собственности. Основная же часть бортных ухожаев в Нижегородском уезде принадлежала местным русским бортникам и мордве [Документы ... , 1940, с. 222–225, 233, 258–260, 268–279; Книга ... , 2012, с. 5–11, 117, 126–129; Нижегородские ... , 1910, с. 38, 43, 45–51, 54, 67, 189–190, 194–195, 197–203, 207, 221; Юридические ... , 1871, с 65–73]. Скорее всего, предки черемис указанных четырех уездов ранее (в XV−XVI веках) жили в лесах между Окой и Сурой, но впоследствии переселились на правобережье Суры, сохранив за собой бортные угодья на правах вотчинного владения.

Горные мари междуречья Суры и Свияги входили в состав Казанского ханства, они принимали регулярное участие в войнах с Русским государством, по их территории многократно огнем и мечом проходили русские войска, двигавшиеся на Казань. В силу этого отношения между горными мари и русскими были весьма напряженные. Однако в период до образования Казанского ханства (во второй половине XIV – начале XV века) в Сурско-Свияжском междуречье начинали разворачиваться такие же этнические процессы, как и в Нижегородском Правобережье. В 1372 году нижегородский князь Борис Константинович основал на левом берегу Суры крепость Курмыш, установив тем самым контроль над местным населением – мордвой и горными мари [ПСРЛ, т. XXV, с. 187]. В летописях имеются сообщения о том, что некоторые русские князья (Даниил и Иван Борисовичи, Иван Васильевич (сын Василия Кирдяпы), Василий Семенович, Юрий Дмитриевич Звенигородский) в ходе своего участия в междоусобных войнах в начале XV века скрывались от своих преследователей в Засурье, то есть на правом берегу Суры [ПСРЛ, т. XV, стб. 486; 39, с. 246]. Нижегородскому Спасо-Благовещенскому монастырю в начале XV века принадлежали села, рыбные заводи, бобровые гоны на реках Суре и Волге, включая левобережное село Разнежье [Акты социально-экономической ... , 1964, с. 320–326]. Недалеко от Разнежья близ устья Керженца на берегу озера Желтые воды в 1430-е годы Макарий основал обитель. Согласно житию, к нему приходили «поганые» (горные мари-язычники), «пищу приношаху ко святому на потребу з братиею, овии пшеницу, а овии же меду» [Житие ... , 2005, с. 271–272]. В соответствии с выводами, сделанными на основе археологических исследований, немногочисленную часть

населения горномарийского городища Аламнер XIV−XV веках составляли русские [Никитина, 2006, с. 137, 170]. Аналогичные выводы сделаны и по поселению конца XIII – начала XVI века, существовавшего в черте города Чебоксары [Краснов, 1978, с. 166].

Образование Казанского ханства в середине XV века прервало поступательный рост русского влияния в Сурско-Свияжском междуречье. Но все же до воцарения в Казани династии Гиреев в 1521 году между Казанским ханством и Русским государством поддерживались в целом добрососедские отношения, изредка прерывавшиеся непродолжительными вооруженными конфликтами (25 лет войн (1438–1446, 1461–1462, 1467–1469, 1477–1478, 1482–1487, 1505–1507 годы) против 68 лет мира с 1438 по 1520 годы); в 1487−1505 годах Казанское ханство даже находилось в вассальной зависимости от Русского государства. В этот период горные мари и чуваши, согласно преданиям, принимали активное участие в торговле с русскими, обычным был отход горномарийских и чувашских крестьян на заработок за Суру [Димитриев, 1993, с. 81–82]. Дороги между Москвой и Казанью проходили по правобережью Волги через горномарийские и чувашские селения. Их жителям регулярно приходилось контактировать с русскими купцами, послами, гонцами, служилыми людьми и другими проезжающими. Правда, далеко не всегда эти встречи ограничивались лишь традиционным хлебосольным приемом гостей. Было необходимо нести постойную повинность − одну из самых тяжких повинностей тех времен. Иногда такие проезды оборачивались настоящим грабежом. Так, в 1490 году сборщик пошлин Федор Киселев на Цивили «изымав вязал, давил силою» местных жителей, собрал «лишних пошлин»: 6 кадей меда, 4 коней, корову, овцу, 700 белок, 9 куниц, 6 лисиц, 4 бобра [Сборник ... , 1884, с. 92].

Период с 1521 по 1552 год был временем бесконечных войн между Казанским ханством и Русским государством, из 31 года относительно мирными были лишь 5 лет (1525–1528, 1531, 1546 годы). Но даже при таких обстоятельствах контакты между горными мари и русскими не сводились только к вооруженным конфликтам, они включали в себя также мирные хозяйственные и даже политические взаимоотношения. Большое значение имела возведенная в 1523 году в устье Суры русская крепость Васильгород, в сферу влияния которой попало окрестное горномарийское население. Примечательно, что в источниках нет никаких упоминаний о попытках осады или штурма татаро-марийскими войсками этого города-крепости, построенного во владениях казанского хана. Вместе с тем в описях Царского архива Ивана IV Грозного среди документов 1520-х годов имеется указание на функционирование Сурского торга [Государственный ... , 1978, с. 43], который, очевидно, посещали и горные мари. Ездили горные мари со своим товаром, скорее всего, и на Макарьевскую ярмарку, действовавшую с 1525 года на месте бывшей обители, основанной Макарием Желтоводским [Илюшин, 2021, с. 262]. В свою очередь, русские купцы приезжали на Торговицкую ярмарку, которая, согласно преданиям горных мари, проходила в устье реки Сундырки возле бывшего городища Аламнер [Иванов, 1994, с. 214–221].

С середины 1540-х годов более чем кто-либо страдавшие от русско-казанских войн горные мари и чуваши стали склоняться на русскую сторону. Надежды на наступление мира они связывали с воцарением в Казани хана Шах-Али, верного вассала Ивана IV. 8 июня 1546 года горные мари с радостью встретили возле Васильгорода хана Шах-Али, следовавшего в Казань для занятия освободившегося престола [ПСРЛ, т. XXXIV, с. 27]. Но уже через месяц Шах-Али лишился власти и бежал за пределы Казанского ханства. В конце осени того же года горные мари отправили посольство в Москву для заключения военного союза против правившего хана Сафа-Гирея с целью повторного возведения на престол хана Шах-Али. Однако русские войска, прибывшие в феврале 1547 года «по челобитью черемисы горныя стороны», были без Шах-Али, поэтому горные мари отказались присоединиться к походу. Недоверие друг к другу было взаимным: русские по пути обратно увели в Москву большую группу заложников (аманатов) [ПСРЛ, т. XXII, с. 526].

Возведением Свияжской крепости в мае − июне 1551 года формально руководил

Шах-Али; горные мари, чуваши и местное татарское население не только не препятствовали строительству русскими города-крепости в устье Свияги, но и оказывали помощь: «град делати помогаху, хлеб же и мед и скот и всякую потребу во град привожаху» [ПСРЛ, т. XXII, с. 641]. Горная сторона была присоединена к Русскому государству, при этом давшие присягу Ивану IV горные мари и чуваши получили освобождение от ясака на 3 года, местная знать была переманена на сторону русского царя щедрыми подарками. Тем не менее гарнизонам Васильгорода и Свияжска не удалось обеспечить надежный контроль над всей Горной стороной, где в марте 1552 года сразу же после отъезда Шах-Али из Свияжска вспыхнуло мощное восстание за воссоединение с Казанским ханством, с трудом подавленное к середине лета. Иван IV, выступивший со своей многочисленной армией в поход на Казань, 4 августа 1552 года переправился на правый берег Суры. Стремясь восстановить лояльность горных мари и чувашей, он отказался от возобновления карательной операции и запретил безвозмездно забирать у местного населения продовольствие и прочие припасы. Горные люди, в свою очередь, помогали прокладывать дороги и строить мосты, вступали в ряды царских войск [Свечников, 2014, с. 186–212].

Немаловажное значение для усиления взаимных симпатий между представителями ранее враждовавших друг с другом народов имела такая традиция, как взаимное угощение, совместная трапеза. Участник Казанского похода князь Андрей Курбский вспоминал, как во время длительного перехода через безлюдную лесостепь русские воины испытывали сильный голод и жажду, но когда добрались до горномарийских и чувашских земель, смогли восстановить свои силы благодаря помощи местного населения: «…по странам ездя, добывано купити хлеба и скотов, аще и зело драго плачено, но нам было, яко изнемоглым от гладу благодарно; а малмазии и любимых трунков з марцыпаны тамо не воспоминай, черемиский же хлеб сладостнейший паче драгоценных колацеии обретеся» [Курбский, 2015, с. 32, 34]. В преданиях народов Горной стороны говорится, что их предки русских воинов снабжали продовольствием бесплатно [Димитриев, 1993, с. 98, 101]. В свою очередь, Иван IV каждый раз при приеме делегаций горных людей (на Суре, Цильне (Чивле) приглашал их за стол «удовлять ествою». Позднее на Свияге по распоряжению Ивана IV прошла совместная трапеза русских, горномарийских, мордовских, чувашских, татарских воинов: «И горних людей такоже привечает, ести зовет, и множество у государя ядяху в шатрех и по полем, дети боярские и горние люди» [ПСРЛ, т. XIII, с. 200–201].

Еще одной территорией оживленных марийско-русских контактов на «казанской украине» было Поветлужье. Здесь, согласно «Ветлужскому летописцу», «Летописцу Солигаличского Воскресенского монастыря», «Кажировскому летописцу» и другим местным нарративным источникам летописного характера, в XII – начале XV века существовало Ветлужское кугузство – протогосударственное образование ветлужских мари. Ветлужские кугузы (Коджа-Ералтем, Кай, Бай-Борода, Кельдибек) находились под сильным политическим влиянием соседних русских князей (галичских и костромских), а также Вятской Земли и Золотой Орды. В частности, русские князья применяли традиционные методы воздействия с целью подчинения местной знати – матримониальные союзы, подручничество, приглашение отрядов марийских воинов для участия в междоусобных феодальных войнах. Многие представители местной марийской знати обращались в православную веру, допускали строительство церквей на подконтрольных им землях. Не обходилось и без войн между русскими князьями и марийскими кугузами [Бахтин, 2012, с. 130–132, 134–136; Свечников, 2014, с. 62–63, 66–68]. Согласно археологическим исследованиям, русское население активно проникало в Поветлужье в XIII–XIV веках [Четвертаков, 2012, с. 94–106].

Находясь в составе Казанского ханства, ветлужские мари были слабо втянуты в орбиту ханской власти из-за удаленности от центра, лесистости, малонаселенности. У русских они имели репутацию дикого лесного народа, жившего за счет охоты и разбойничьих набегов. В «Казанской истории» указано: «В той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных, ни сеют,

ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиною питаются и живут аки дики» [Казанская ... , 1954, с. 86]. Схожую характеристику (очевидно, со слов русских информаторов) дает Сигизмунд Герберштейн: «…между Галичем и Вяткой, там повсюду бродит и разбойничает народ черемисов» [Герберштейн, 1988, с. 162].

Действительно, русские письменные источники XV–XVI веков пестрят многочисленными сообщениями о нападении татаро-марийских отрядов на русские селения Лесного Заволжья – Кострому, Галич Мерский, Соль Галицкую, Унжу, Парфеньев, Коряково и др. Вместе с тем на Поветлужье русские войска не совершали походов, что было бы логично для активной наступательной стратегии, которой придерживалось русское командование в войнах с Казанским ханством. Исключение составляет единственный поход, совершенный зимой 1467/68 года со стороны Галича, но и тот был направлен в глубинные районы Луговой стороны вплоть до предместий Казани [ПСРЛ, т. XXV, с. 279–280]. Еще один примечательный факт: в районе среднего течения Ветлуги в 1530–50-е годы – в период наибольшего обострения казанско-московских отношений – благополучно функционировал Варнавинский мужской монастырь, владевший расположенными поблизости семью русскими починками [Ивина, 1985, с. 152].

По всей видимости, военные действия в заволжском направлении вели отряды, сформированные в основной части Казанского ханства, в то время как между русским населением Лесного Заволжья и собственно ветлужскими мари сложились достаточно комплиментарные отношения. Косвенным тому подтверждением служат местные гидронимы смешанного русско-марийского происхождения, такие как озера Светлояр, Нестияр, Кузьмияр и т.п., а также широко распространенный в Нижегородском Заволжье топоним Содомово, этимологию которого принято связывать с греховным смешением («содомом») православных русских с язычниками-мари [Комарович, 1936, с. 12–14]. В эту же пользу говорит бытование в прошлом на территории Верхнего Поветлужья жгонского условного языка, в лексике которого были смешаны элементы русского и марийского языков [Громов, 2000].

Правда, далеко не всеми ветлужскими мари благосклонно воспринималось бесцеремонное вторжение иноплеменников на их земли. Приходилось отступать. В середине XX века записано предание со слов жителей русской деревни Мундоро Костромской области, согласно которому основатели селения пришли в эти места вслед за быком; им пришлось войти в конфликт с жителями находившегося здесь марийского поселения (Одоевского городища), после чего последние покинули городище и ушли за Ветлугу, в леса, на Быково озеро [Бадер, 1951, с. 40].

Несколько иная ситуация сложилась на Вятке. Здесь противостояние между мари и русскими носило наиболее ожесточенный характер. В период образования Казанского ханства в результате татаро-марийских набегов исчезли русские поселения в бассейне Пижмы [Макаров, 1994, с. 155–175]. В дальнейшем, согласно «Повести о стране Вятской», «наипаче же с Пижмы реки, что ныне в Яранском уезде, черемиса для разорения христиан часто набегающе в волости Котелнича города» [Мусихин, 2019, с. 648, 656, 662]. В свою очередь, русские войска, двигаясь по Вятке на Казань, неоднократно опустошали местные марийские поселения.

Однако и здесь обстановка была далеко не однозначной. Согласно преданию, записанному в XIX веке в Яранском уезде Вятской губернии, первые русские люди в Санчурском крае (в верховьях Большой Кокшаги) появились «задолго до покорения Казани и жили на военную ногу, как казаки. Они умели обороняться от татар, ладили с черемисами и, живя среди инородцев, могли быть не вполне безукоризненны по отношению к Руси» [Попов, 2005, с. 131]. Известно, что в первой половине XVI века немало русских беглых людей скрывалось на «казанской украине», где было опасно, но куда не дотягивались руки боярско-дворянского сыска [Бахтин, 2004, с. 152]. В 1550 году вопрос о беглых, укрывающихся на «рубежах татарских», даже выносился Иваном IV на обсуждение Стоглавого собора [Сочинения ... , 1904, с. 181]. Более того, Сигизмунд Герберштейн прямо указывает, что Вятка «служит своеобразным убежищем для беглых рабов» [Герберштейн, 1988, с. 162]. Поэтому можно

согласиться, что в первой половине XVI века в Санчурском крае (скорее всего, также в Поветлужье и других местах) действительно жили беглые русские люди, которые находились в добрососедских отношениях с местным марийским населением.

Относительно постоянное лично свободное русское население на территории Казанского ханства проживало в столице (посольская служба, купцы, воинский гарнизон во время вассальной зависимости ханства от Москвы и т.п.). В период московского протектората (1487−1505 годы) отдельные группы русских селились и вне Казани. Это следует из того факта, что казанцы в ходе антимосковского восстания 1505 года «присече всю Русь в Казани и во всех улусах, и з женами, и з детми» [Казанская ... , 1954, с. 59].

В то же время в Казанском ханстве на всем протяжении его существования имелось много русских рабов. Русские невольники были и у представителей марийского населения: захват пленников и их продажа или использование в хозяйстве были логичным следствием военных действий. При этом рабство у народов Казанского ханства не было пожизненным. В сельской местности невольники проживали в деревнях вместе с остальным населением края. Длительная жизнь рабов среди крестьян вела к сближению их с другими зависимыми категориями из числа свободных общинников. Это приводило к усилению кровнородственных связей русских полоняников с остальными членами общины, что нередко завершалось их этнической ассимиляцией [Бахтин, 2013, с. 151–157].

В свою очередь, и русские воины массово уводили в полон черемис, татар, чуваш и других подданных Казанского ханства. Вопрос о пополнении рабочей силы за счет пленников был актуальным и для Русского государства [Шмидт, 1954, с. 250–251]. Выживших в русском рабстве и их потомков ожидало обращение в православную веру и ассимиляция. Марийские холопы даже принимали участие в походах на Казань. Герберштейн приводит весьма любопытное на этот счет сообщение. В 1524 году русская флотилия князя И.Ф. Палецкого в походе на Казань пристала на ночлег к берегу. Тут «немедленно прибежали черемисы и, громко крича, стали выпытывать, кто это проплывает». На кораблях не поняли, с кем они имеют дело, приняли тех за рабов с прочих кораблей (иначе говоря, за своих марийских холопов), «осыпали их бранью и пригрозили высечь их плетьми на следующий день, если те несносными воплями будут тревожить сон и покой их господина. Черемисы ответили на это: «Завтра у нас с вами будет другой разговор, ибо мы всех вас отведем связанными в Казань». Рано утром флотилия Палецкого была полностью разгромлена в результате внезапной и решительной атаки марийских воинов [Герберштейн, 1988, с. 177–178].

Практиковалась также массовая депортация марийского населения в западные и центральные районы Русского государства. Самый известный такой факт − перемещение в середине 1520-х годов заподозренных «в преступной измене» черемисов на литовскую границу, сбежавших впоследствии в Подолию и трансформировавшихся затем в украинскую этническую группу «чемерисов» [Бахтин, 2012, с. 223–226; Дашкевич, 2016, с. 435–444]. Не известна судьба 100 горномарийских перемещенных лиц, приведенных в Москву в результате похода князя А.Б. Горбатого в феврале 1547 года [ПСРЛ, т. XIII, с. 149–150]. В актах Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря за 1565 год упоминается починок Поярков на речке Мостовке «за новокрещены, что была луговая черемиса», в Березополье (на правом берегу Оки около города Горбатов, в 60 километрах западнее Нижнего Новгорода). Починок состоял из трех дворов − Савки Ядикова, Левки Хозикова и Кирилки Хозикова [Акты Суздальского, 1998, с. 257–258, 261–264]. Очевидно, черемисы были переселены из Луговой стороны Казанского ханства на новое место жительства на берег Оки принудительно после обращения их в православие в целях выведения их из-под влияния некрещеных сородичей и ассимиляции. Процесс ассимиляции березопольских мари занял довольно длительное время, судя по тому, что около города Горбатов вплоть до XX века сохранились урочища под названиями «Черемис» «Черемиска», «Большой Черемис», «Малый Черемис» [Материалы ... , л. 11, 14]. Скорее всего, таких депортаций в XVI веке было больше, чем это известно по сохранившимся письменным источникам:

топонимы с названием «черемис» на территории европейской части России (в относительно гомогенных русских областях, на значительном удалении от основной марийской этнической территории) встречаются довольно часто.

Заключение

На основе комплексного использования широкого круга источников удалось выяснить, что, несмотря на постоянные войны, этнические контакты мирного характера между мари и русскими с разной степенью интенсивности развивались на всем протяжении истории Казанского ханства (1430–40-е – 1552 годы). Наиболее тесные связи с русскими поддерживали мари Окско-Сурского междуречья, входившие в состав Русского государства. В результате этих контактов местное марийское население было почти полностью ассимилировано. Горные мари Сурско-Свияжского междуречья входили в состав Казанского ханства, однако принимали активное участие в мирных хозяйственных взаимоотношениях с русским населением даже в период наибольшего обострения конфликта между Москвой и Казанью в 1520–1540-х годах, а с середины 1540-х годов горные мари в политическом отношении стали склоняться на русскую сторону. Достаточно комплиментарные отношения складывались также между русским населением Лесного Заволжья и ветлужскими мари, вопреки устоявшемуся мнению о чрезвычайной воинственности последних. Наиболее ожесточенный характер носило противостояние между мари и русскими на Вятке, однако и там имелись примеры мирных марийско-русских отношений. Мирные этнические контакты развивались также в рамках института рабства и практики депортации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV − начала XV в. Т. III. М.: Наука, 1964. 688 с.

Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506−1608 гг. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 640 с.

Акцорин В.А. Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров: Альфа, 2000. 88 с.

Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588−1600 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 462 с.

Бадер О.Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // Советская этнография. 1951. № 2. С. 15−41.

Бахтин А.Г. Марийский край в XIII−XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 660 с.

Бахтин А.Г. Этнокультурные и политические контакты на «Казанской Украине» Русского государства в XV – первой половине XVI вв. // Археология и этнография Марийского края. Вып. 27: Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 151–157.

Бахтин А.Г., Кудрявцев А.Н. Рабство в Казанском ханстве // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2013. С. 154−162.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Вып. 1. М., 1978. 212 с.

Громов А.В. Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. М.: Энциклопедия российских деревень, 2000. 126 с.

Дашкевич Я. Україна і Схід. Львів, 2016. 960 с.

Демкова Н.С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXI: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1965. С. 211–239.

Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Русскому государству. Чебоксары: Нац. акад. наук и искусств Чув. Респ., 2001. 120 с.

Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI − начало XIX вв.). Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1986. 456 с.

Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1993. 446 с.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 1. Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. 432 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV−XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.

Житие Макария Желтоводского и Унженского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб.: Наука, 2005. С. 262−303.

Иванов А.Г. «Торгоца» − страница средневековой ярмарочной торговли Марийского Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 214−221.

Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л.: Наука, 1985. 272 с.

Илюшин Б.А. Казанские войны Василия III. Казань: Логос-Пресс, 2021. 428 с.

История Марийской АССР. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 304 с.

Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 196 с.

Книга деньгам оброчным Нижегородского уезда 1666 года. Нижний Новгород: Мининское братство, 2012. 140 с.

Козлова К.И. Марийско-русские этнические границы и связи в XVII−XVIII вв. // Труды МарНИИ. Вып. XXIII: Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1971. С. 213−236.

Комарович В.Л. Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 184 с.

Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары: Материалы Чебоксарской экспедиции 1969−1973 гг. М.: Наука, 1978. 192 с.

Курбский А. История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015. 944 с.

Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 155–175.

Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 288 с.

Материалы экспедиции 1981 года В.А. Акцорина в Павловский, Кстовский районы Горьковской области // НРФ МарНИИ. МФЭ-81. Д. 123.

Мусихин А.Л. Вятка: символы и смыслы. Н. Новгород: Кварц, 2019. 800 с.

Нижегородские марийцы: Сб. материалов для изучения этнической культуры марийцев. Йошкар-Ола, 1994. 250 с.

Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910. V, 284 с.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.

ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: В тип. И.Н. Скороходова, 1904. V, 302 с.

ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки рус. культуры, 2000. XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.

ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2: Книга степенная царского родословия. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. С. 343−708.

ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. VII, 568 с.

ПСРЛ. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

ПСРЛ. Т. XXXIV: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.

Попов Н.С. Межконфессиональные отношения и этнокультурные процессы в марийских приходах Яранского уезда Вятской губернии в XVII − первой половине XIX века // Археология и этнография Марийского края. Вып. 28: Вопросы этносоциальной истории марийского народа. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2005. С. 126−152.

Русская историческая библиотека, издаваемая постоянной историко-археографической комиссией. Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII в. Л.: Изд-е АН СССР, 1927. 965 стб.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. XXII, 558 с., 82 стб., IV с.

Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань: ЯЗ, 2014. 268 с.

Сочинения И.Н. Жданова. Т. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1904. V, 870 с.

Четвертаков Е.В. Русское население бассейна реки Ветлуги на территории Нижегородской области в эпоху Средневековья (по данным археологии) // Культурный слой. Вып. 1. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2012. С. 94–106.

Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545−1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Вып. 6. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. С. 187−257.

Юридические акты, относящиеся до поземельных владений всероссийских митрополитов и патриархов Иова и Филарета // О земельных владениях всероссийских митрополитов и патриархов и св. синода (988−1738 гг.). СПб.: В тип. А. Траншеля, 1871. Приложение I, 252 с.

Янтемир М.Н. Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон. Краснококшайск: Издание У.М.С. Маробоно, 1926. 113 с.

Sergey Svechnikov

PEACEFUL ETHNIC CONTACTS BETWEEN MARI AND RUSSIANS IN THE KAZAN KHANATE PERIOD

Introduction. The issue of peaceful relations between the Mari and the Russians in the Kazan Khanate period has previously not become a separate subject of research.

The purpose of the article is to identify and analyze the facts of peaceful ethnic contacts between the Mari and Russians during the period of the Kazan Khanate.

Materials and methods. The article is written on the basis of a wide range of written sources, folklore materials, and the results of archaeological and linguistic research. The research is based on concrete-historical, comparative-historical, retrospective methods.

Research results, discussion. The closest ties with the Russians were supported by the Mari of the Oka-Sur interfluve, which were part of the Russian state. As a result of these contacts, the local Mari population was almost completely assimilated. The hill Mari of the Sura-Sviyaga interfluve were part of the Kazan Khanate, but they took an active part in economic relations with the Russian population, even during the period of the greatest aggravation of the conflict between Moscow and Kazan in the 1520–1540s, and from the mid-1540s the hill Mari began to lean towards the Russian side politically. Sufficiently complimentary relations also developed between the Russian population of the Forest Trans-Volga region and the Vetluga Mari, contrary to the well-established opinion about the extreme militancy of the latter. The fiercest confrontation between the Mari and the Russians was in Vyatka, however, there were examples of peaceful Mari-Russian relations there. Peaceful ethnic contacts also developed within the framework of the institution of slavery and the practice of deportation.

Conclusion. Based on the complex use of a wide range of sources, it was possible to find out that, despite constant wars, peaceful ethnic contacts between the Mari and the Russians developed with varying degrees of intensity throughout the history of the Kazan Khanate (1430-40s – 1552).

Keywords: Mari; Cheremis; Russians; ethnic contacts; peaceful relations; “Kazan Outskirts”; frontier.

REFERENCES

Akty social’no-ekonomicheskoj istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca 14 − nachala 15 v. T. 3. [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia of the late 14th − early 15th centuries. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 688 p. (In Russian).

Akty Suzdal’skogo Spaso-Efim’eva monastyrya 1506−1608 gg. [Acts of the Suzdal Spaso-Efimiev Monastery 1506−1608]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoj mysli, 1998, 640 p. (In Russian).

Akcorin V.A. Proshloe marijskogo naroda v ego epose [The past of the Mari people in their epic]. Sarov, Al’fa, 2000, 88 p. (In Russian).

Anpilogov G.N. Nizhegorodskie dokumenty 16 veka (1588−1600 gg.) [Nizhny Novgorod documents of the 16th century (1588−1600)]. Moscow, Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, 1977, 462 p. (In Russian).

Bader O.N. Drevnee Povetluzh’e v svyazi s voprosami etnogeneza mari i rannej istorii Povolzh’ya [Ancient Vetluga region in connection with the ethnogenesis of the Mari and the early history of the Volga region]. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography,* 1951, no. 2, pp. 15-41. (In Russian).

Bakhtin A.G. Mariyskiy kray v 13-16 vekakh: ocherki po istorii [Mari Territory in the XIII–XVI centuries: essays on history]. Yoshkar-Ola, 2012, 660 p. (In Russ).

Bakhtin A.G. Etnokul’turnye i politicheskie kontakty na «Kazanskoj Ukraine» Russkogo gosudarstva v 15 - pervoj polovine 16 vv. [Ethnocultural and political contacts in the “Kazan Outskirts” of the Russian state in the 15th - first half of the 16th centuries.] *Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Vyp. 27. Vzaimodejstvie kul’tur v Srednem Povolzh’e v drevnosti i srednevekov’e = Archeology and Ethnography of the Mari Territory. Iss. 27. Interaction of cultures in the Middle Volga region in antiquity and the Middle Ages.* Joshkar-Ola, 2004, pp. 151-157. (In Russian).

Bakhtin A.G., Kudryavcev A.N. Rabstvo v Kazanskom hanstve [Slavery in the Kazan Khanate]. *Marijskij arhivnyj ezhegodnik = Mari Archive Yearbook*. Joshkar-Ola, 2013. pp. 154-162. (In Russian).

Herberstein S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. Moscow, Moscow State University Publ., 1988, 430 p. (In Russ).

Gosudarstvennyj arhiv Rossii 16 stoletiya: Opyt rekonstrukcii. Vyp. 1 [The State Archive of Russia of the 16th century: The experience of reconstruction. Iss. 1]. Moscow, 1978, 212 p. (In Russian).

Gromov A.V. Zhgonskij yazyk: Slovar' leksiki pimokatov Makar'evskogo, Manturovskogo i Nejskogo rajonov Kostromskoj oblasti [Zhgon language: Dictionary of vocabulary of pimokats of Makaryevsky, Manturovsky and Neisky districts of the Kostroma region]. Moscow, Enciklopediya rossijskih dereven', 2000, 126 p. (In Russian).

Dashkevich Ya. Ukraïna i Skhid [Ukraine and the East]. Lviv, 2016, 960 p. (In Russian and in Ukrainian).

Demkova N.S. Neizvestnye i neizdannye teksty iz sochinenij protopopa Avvakuma [Unknown and unpublished texts from the works of Archpriest Avvakum] *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 21. Novonajdennye i neopublikovannye proizvedeniya drevnerusskoj literatury = Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature Vol. 21. Newly discovered and unpublished works of ancient Russian literature*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 211-239. (In Russian).

Dimitriyev V.D. Mirnoe prisoedinenie Chuvashii k Russkomu gosudarstvu [Peaceful annexation of Chuvashia to the Russian state]. Cheboksary, 2001, 120 p. (In Russian).

Dimitriyev V.D. Chuvashiya v epohu feodalizma (16 − nachalo 19 vv.) [Chuvashia in the era of feudalism (16th – early 19th centuries)]. Cheboksary, Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1986, 456 p. (In Russian).

Dimitriyev V.D. Chuvashskiye istoricheskiye predaniya [Chuvash historical legends]. Cheboksary, Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1983, 112 p. (In Russ).

Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoj ASSR. T. 1. Ch. 1. [Documents and materials on the history of the Mordovian ASSR. Vol.1 Part 1]. Saransk, Mordovian Research Institute of Language, Literature and History, 1940, 432 p. (In Russian).

Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej 14−16 vv. [Spiritual and contractual charters of the great and appanage princes of the 14th - 16th centuries]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1950, 585 p. (In Russian).

Zhitie Makariya Zheltovodskogo i Unzhenskogo [The life of Makarii Zheltovodsky and Unzhensky]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 13. = Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 13.* Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 262−303. (In Russian).

Ivanov A.G. «Torgotsa» - stranica srednevekovoj yarmarochnoj torgovli Marijskogo Povolzh'ya ["Torgotsa" - a page of the medieval fair trade of the Mari Volga region]. *Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Vyp. 23. Problemy srednevekovoj arheologii volzhskih finnov = Archeology and Ethnography of the Mari Territory. Iss. 23. Problems of medieval archeology of the Volga Finns.* Joshkar-Ola, 1994, pp. 214-221. (In Russian).

Ivina L.I. Vnutrennee osvoenie zemel' Rossii v 16 v.: Istoriko-geograficheskoe issledovanie po materialam monastyrej [Internal development of Russian lands in the 16th century: Historical and geographical research based on the materials of monasteries]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 272 p. (In Russian).

Ilyushin B.A. Kazanskie vojny Vasiliya III [Kazan wars of Vasily III]. Kazan, Logos-Press Publ., 2021, 428 p. (In Russian).

Istoriya Marijskoj ASSR. T. 1. S drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii [History of the Mari ASSR. Vol. 1. From ancient times to the Great October Socialist Revolution]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986, 304 p. (In Russian).

Kazanskaya istoriya [Kazan history]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1954, 194 p. (In Russ).

Kniga den'gam obrochnym Nizhegorodskogo uezda 1666 goda [Book of quitrent money of the Nizhny Novgorod uezd of 1666]. Nizhny Novgorod, Mininskoe bratstvo Publ., 2012, 140 p. (In Russian).

Kozlova K.I. Marijsko-russkie etnicheskie granicy i svyazi v 17-18 vv. [Mari-Russian ethnic boundaries and ties in the 17th−18th centuries.] *Trudy MarNII. Vyp. 23. Novye stranicy v istorii Marijskogo kraya = Proceedings of the MarNII. Iss. 23. New pages in the history of the Mari Territory*. Joshkar-Ola, 1971, pp. 213-236. (In Russian).

Komarovich V.L. Kitezhskaya legenda: Opyt izucheniya mestnyh legend [Kitezh legend: An experience of learning local legends]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1936, 184 p. (In Russian).

Krasnov Yu.A., Kahovskij V.F. Srednevekovye Cheboksary: Materialy Cheboksarskoj ekspedicii 1969−1973 gg. [Medieval Cheboksary: Materials of the Cheboksary expedition 1969−1973]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 192 p. (In Russian).

Kurbskiy A. Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo [History of the affairs of the Grand Duke of Moscow]. Moscow, Nauka Publ., 2015, 944 p. (In Russ).

Makarov L.D. Drevnerusskie pamyatniki srednego techeniya reki Pizhmy [Ancient Russian monuments of the middle reaches of the Pizhma Rive] *Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Vyp. 23. Problemy srednevekovoj*

arheologii volzhskih finnov = Archeology and Ethnography of the Mari Territory. Iss. 23. Problems of medieval archeology of the Volga Finns. Joshkar-Ola, 1994, Joshkar-Ola, 1994. pp. 155–175. (In Russian).

Marij kalyk ojpogo. Marijskij fol'klor: Mify, legendy, predaniya [Mari folklore: Myths, legends, traditions]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 288 p. (In Mari and in Russian).

Materialy ekspedicii 1981 goda V.A. Akcorina v Pavlovskij, Kstovskij rajony Gor'kovskoj oblasti [Materials of the 1981 V.A. Aktsorin expedition in Pavlovsky, Kstovsky districts of the Gorky region]. *NRF MarNII, MFE-81 = Scientific and manuscript Fund of the Mari Research Institute*, *1981 Mari folklore expedition,* cas. 123.

Musihin A.L. Vyatka: simvoly i smysly [Vyatka: symbols and meanings]. Nizhny Novgorod, Kvarc, 2019, 800 p. (In Russian).

Nizhegorodskie marijcy. Sbornik materialov dlya izucheniya etnicheskoj kul'tury marijcev [Nizhny Novgorod Mari. Collection of materials for studying the ethnic culture of the Mari]. Joshkar-Ola, 1994, 250 p. (In Russian).

Nizhegorodskie platezhnicy 7116 i 7120 gg. [Nizhny Novgorod payers 7116 and 7120]. Moscow, 1910, V, 284 p. (In Russian).

Nikitina T.B., Miheeva A.I. Alamner: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga) [Alamner: myth and reality (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) settlement and its districts)]. Joshkar-Ola, MarNIIYALI, 2006, 196 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 13. Pervaya polovina. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoj letopis'yu. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. First half. The chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's chronicle]. St. Petersburg, 1904, V, 302 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 15. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15. Rogozhsky chronicler. Tver collection]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000, XII p., 186 col., 29 p.; V p., 504 col., 35 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 21. Ch. 2. Kniga stepennaya carskogo rodosloviya. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 21. Part 2. The degree book of the royal genealogy]. Saint Petersburg, 1913, pp. 343-708. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 22. Ch. 2. Hronograf redakcii 1512 goda. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 22. Part 2. Chronograph 1512 edition]. Saint Petersburg, 1911, VII, 568 p. (In Russian)

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 25. Moscow chronicle collection of the late 15th century]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 464 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 34. Postnikovskij, Piskarevskij, Moskovskij i Bel'skij letopiscy [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34. Postnikovsky, Piskarevsky, Moscow and Belsky chroniclers]. Moscow, Nauka, 1978. 304 p. (In Russian).

Popov N.S. Mezhkonfessional'nye otnosheniya i etnokul'turnye processy v marijskih prihodah Yaranskogo uezda Vyatskoj gubernii v 17 - pervoj polovine 19 veka [Interfaith relations and ethnocultural processes in the Mari parishes of the Yaransky uesz of the Vyatka province in the 17th - first half of the 19th centuries]. *Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Vyp. 28. Voprosy etnosocial'noj istorii marijskogo naroda = Archeology and Ethnography of the Mari Territory. Iss. 28. Issues of the ethnosocial history of the Mari people*. Joshkar-Ola, 2005, pp. 126-152. (In Russian).

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya postoyannoj istoriko-arheograficheskoj komissiej. T. 39. Pamyatniki istorii staroobryadchestva 17 v. [Russian Historical Library, published by the Permanent Historical and Archaeographic Commission. Vol. 39. Monuments of the history of the Old Believers of the 17th century]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1927, 965 col. (In Russian).

Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 41. [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41]. Saint Petersburg, 1884, XXII, 558 p., 82 col., IV p. (In Russian).

Svechnikov S.K. Prisoedinenie Marijskogo kraya k Russkomu gosudarstvu [Annexation of the Mari Territory to the Russian state]. Kazan, YAZ Publ., 2014, 268 p. (In Russian).

Sochineniya I.N. Zhdanova. T. 1. [The works of I.N. Zhdanov. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1904, V, 870 p. (In Russian).

Chetvertakov E.V. Russkoe naselenie bassejna reki Vetlugi na territorii Nizhegorodskoj oblasti v epohu Srednevekov'ya (po dannym arheologii) [Russian population of the Vetluga river basin in the Nizhny Novgorod region during the Middle Ages (according to archeology)]. *Kul'turnyj sloj. Vyp. 1= Cultural layer. Iss. 1.* Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod University Publ., 2012, pp. 94-106.

Shmidt S.O. Predposylki i pervye gody «Kazanskoj vojny» (1545−1549) [Preconditions and the first years of the "Kazan War" (1545−1549)]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arhivnogo instituta. Vyp. 6.= Proceedings of the Moscow State Historical and Archival Institute. Iss. 6.* Moscow, Moscow University Publ., 1954, pp. 187-257. (In Russian).

Yuridicheskie akty, otnosyashchiesya do pozemel'nyh vladenij vserossijskih mitropolitov i patriarhov Iova i Filareta [Legal acts relating to the land holdings of the All-Russian metropolitans and patriarchs Job and Filaret]. *O zemel'nyh vladeniyah vserossijskih mitropolitov i patriarhov i sv. sinoda (988−1738 gg.) = On the land holdings of the All-Russian metropolitans and patriarchs and St. synod (988-1738).* Saint Petersburg, 1871, annex I, 252 p. (In Russian).

Yantemir M.N. Opisanie Maroblasti. Koz'modem'yanskij kanton [Description of Maroblast. Kozmodemyansky canton]. Krasnokokshajsk, U.M.S. Marobono Publ., 1926, 113 p. (In Russian).

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov
Candidate of Historical Sciences,
Chief Research Associate
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 398.8+784.4
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_11

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ ЛУГОВЫХ И ВОСТОЧНЫХ МАРИ В ЗАПИСЯХ Я.А. ЭШПАЯ

© 2021 г. Н.В. Мушкина

Введение. Композитор, фольклорист, музыковед, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств МАССР, кавалер орденов Красной Звезды и «Знак Почета», активный пропагандист марийской музыки Я.А. Эшпай внес огромный вклад в развитие марийской музыкальной культуры. **Цель статьи** – представить обзор и анализ деятельности Эшпая в области сбора и изучения обрядового песенного фольклора луговых и восточных мари. **Материалы и методы.** В статье использованы рукописные и опубликованные материалы, включающие записи народных песен Я. Эшпая, а также его музыковедческие труды. В работе применены музыкально-этнографический, музыкально-аналитический, музыкально-исторический методы исследования. **Результаты исследования, обсуждение.** Записи Эшпая датируются периодом 1905–1950 годов и включают около 500 образцов марийских народных песен и инструментальных наигрышей. В календарных обрядах особенно развита инструментальная музыка. Наибольшим разнообразием отличаются песни семейно-обрядовых жанров – празднично-гостевые, свадебные, рекрутские. **Заключение.** Обрядовые песни из коллекции Я. Эшпая являются жемчужинами марийского народно-песенного искусства, представляют большую культурно-историческую ценность, демонстрируют богатство и своеобразие обрядовой культуры марийского народа.

Ключевые слова: Яков Эшпай; обрядовые песни; праздники; свадьба; инструментальная музыка.

Введение

В истории марийской музыкальной культуры значительное место занимает имя Якова Андреевича Эшпая (1890–1963), композитора, фольклориста, музыковеда, кандидата искусствоведения, заслуженного деятеля искусств МАССР, кавалера орденов Красной Звезды и «Знак Почета». Он внес огромной вклад в дело становления и развития марийской музыкальной культуры. Был первым из мари, получившим высшее музыкальное образование. Я. Эшпай продолжил дело своего двоюродного брата И.С. Ключникова-Палантая, первого марийского композитора. Благодаря Я. Эшпаю о марийской музыке узнали не только в нашей стране, но и за рубежом: его произведения исполнялись во Франции, Чехословакии, Америке; в иностранных газетах печатались его статьи.

Цель статьи – представить обзор и анализ деятельности Я. Эшпая в области сбора и изучения обрядового песенного фольклора луговых и восточных мари.

Материалы и методы

В статье использованы рукописные и опубликованные записи народных песен, записанных Я. Эшпаем, а также его музыковедческие труды. В работе применены музыкально-этнографический, музыкально-аналитический, музыкально-исторический методы исследования.

Результаты исследования, обсуждение

Я. Эшпай страстно любил народные песни, посвятив всю свою творческую деятельность их сбору, записи и обработке, основывал на них свои композиторские сочинения. Учился Эшпай

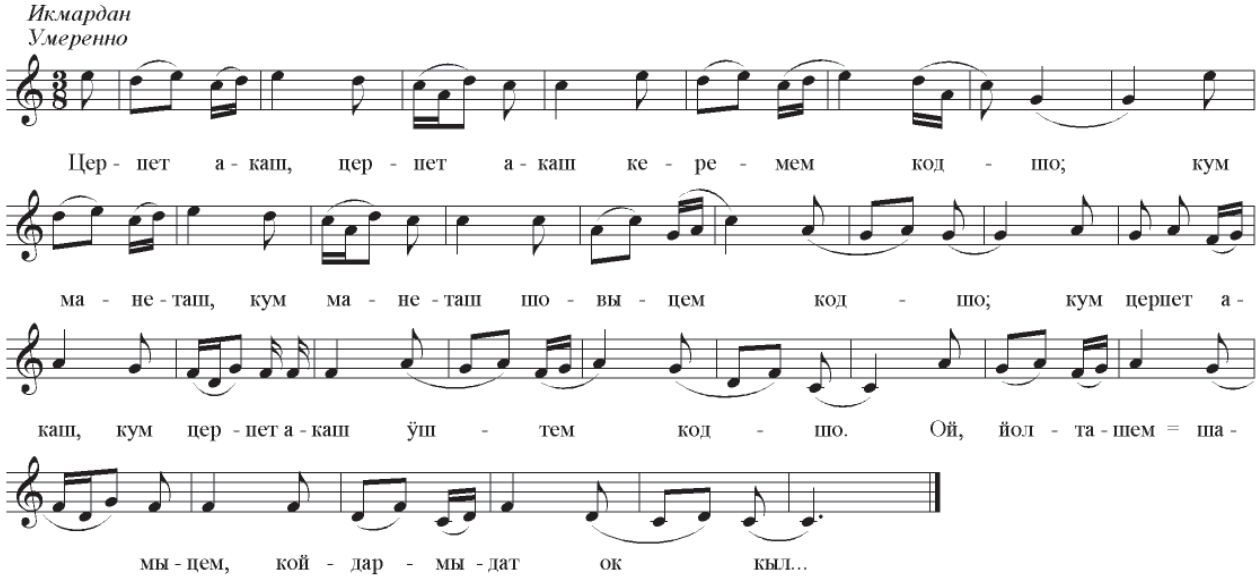
в Казанском музыкальном училище (1910–1913), Московской консерватории и аспирантуре при ней (1927–1933). В 1946 году защитил кандидатскую диссертацию. Долгое время был единственным музыковедом в нашей республике, ему принадлежат многочисленные работы по изучению марийской музыкальной культуры.

Всего в период с 1905 по 1950 год в различных регионах проживания мари (Марийской АССР, Удмуртии, Башкирии, Кировской, Нижегородской, Пермской областях) им было записано около 500 народных песен и инструментальных наигрышей различных жанров, представляющих золотой фонд марийской музыкальной культуры. Они не опубликованы полностью и хранятся в рукописном фонде МарНИИЯЛИ [Эшпай, 1955; Эшпай, 1957]. 80 песен из этой коллекции вошли в сборник «Марий калык муро. Марийские народные песни», изданный в 1957 году в Москве (редактор В.М. Беляев) [Марий калык муро, 1957].

Кроме марийских, он собирал песни других народов Поволжья – удмуртов, чувашей.

Первые записи Я. Эшпаем были сделаны от матери Устинии Михайловны, уроженки деревни Аксаево Козьмодемьянского уезда, которая пела сыну старинные песни, от бабушки Прасковьи Петровны, знавшей много сказок и песен в этих сказках, и от отца Андрея Яковлевича Ишпайкина, мастера игры на гуслях. Отметим, что из всего записанного Эшпаем материала около 70 % составляют песни горных мари, остальные относятся к песенной традиции луговых и восточных мари.

Впервые песни Я. Эшпая опубликовал в своих сборниках народных песен В.М. Васильев, патриарх марийской гуманитарной науки. Так, 14 образцов песен медведевских мари вошли в сборник 1920 года «Мари муро». Их исполняла учительница Анна Прокопьевна Шумелёва. Из обрядовых песен здесь представлены старинные свадебные, рекрутские, одна праздничная. Приведем пример прощальной песни невесты (Здесь и далее перевод текстов на русский язык осуществлен автором статьи):

Церпыт акаш, церпыт акаш керемем кодшо;
Кум манеташ, кум манеташ шовыцем кодшо;
Кум церпыт акаш, кум церпыт акаш ӱштем кодшо.
Ой, йолташем-шамыцем, койдармыдат ок кыл,
Воштылмыдат ок кыл,
Кырлян Йогор Василдат кодшо.

Ценой в четверть вина веревка моя путь остается;
За три монеты платок мой пусть остается;
За три четверти вина пояс мой путь остается.
Ой, друзья мои, не надо дразнить,
Не надо насмехаться,
И Василий, сын Егора Кирилловича, пусть остается.

[Мари муро, 1920, с. 91. Царевококшайский у., д. Большая Ноля. Исп. Прокопи Ана].

Квадратность формы, вопросо-ответная форма напева, нисходящий контур развертывания мелодической линии, ангемитонная (бестерцовая) ладовая основа – всё это стилевые черты,
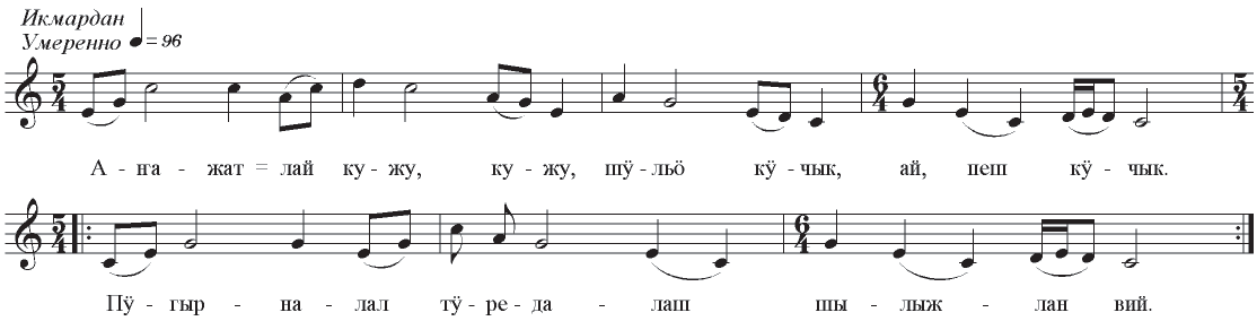
характерные для песен медведевской группы луговых мари. Однако использование трехдольного метра весьма нетипично для медведевских песен, но близко мелодиям моркинско-волжской группы, где вальсообразность и трехдольность являются одними из показательных признаков музыкального стиля.

Обрядовые песни, по словам Я. Эшпая, получили наибольшее распространение в быту народа: «Самый распространенный вид музыки и песен – обрядовые со всеми разновидностями, сохранились в марийском устном народном творчестве. Если трудовые песни связаны с трудом, охотничья и пастушья музыка с жизнью в лесах, то обрядовые песенные жанры связаны с укладом быта, с сельскохозяйственным, земледельческим обрядами, с производством» [Эшпай, д. 36, л. 36].

Обрядовые песни Эшпай относит к старинной традиции, характерной для дореволюционного периода истории народа: «Среди старых, дореволюционных песен, относящихся к области марийского национального песенного исторического наследия, можно упомянуть песни: исторические, обрядовые, свадебные, лирические (любовные), бытовые, рекрутские, бедняцкие и др.» [Эшпай, 1940, с. 4].

Из всего собранного Я. Эшпаем материала жанр обрядовых песен луговых и восточных мари представлен примерно 60 образцами.

Календарно-обрядовые песни со словами в записях Эшпая представлены единичными образцами. Рассмотрим пример лирической (о семье) песни восточных мари, исполненной В.М. Васильевым. У Я. Эшпая она фигурирует как трудовая (жатвенная):

Анҥажат-лай кужу, кужу,
Шӱльӧ кӱчык, ай, пеш кӱчык.
Пӱгырналал тӱредалаш шылыжлан вий. – 2
Мыйынат-лай шочшем мӱндыр,
Пешак мӱндыр, ай, пеш мӱндыр.
Сагыналын илалаш, ай, шӱмлан вий. – 2
Сар чомалан сар чокым,
Ай, колтена.
Сагынал илаш саламжым,
Ай, колтена.
Шочшеемат ужмем шулдале,
Ай, шулдале.
Пазарышке миенат,
Ай, кычальым.
Пазарыште кычалын,
Ыжымат муылдал,
Ай, ыжым муылдал.
Улак вереш шинчылден шорыктым,
Ай, шорыктым.

И полоса длинна,
И овес, ой, короток.
Согнувшись, жать – пояснице тяжело. – 2
Мои дети далеко,
Очень далеко, ой, очень далеко.
Скучая, жить, ой, сердцу тяжело. – 2
Буланого жеребца желтыми кисточками,
Ай, украсим.
Жить, вспоминая, приветы
Ой, посылаем.
Детей своих увидеть захотелось,
Ой, захотелось.
Сходила на базар,
Ой, поискала.
На базаре, поискав,
Не нашла,
Ой, не нашла.
Села в укромное место и заплакала,
Ой, заплакала.

[Эшпай, 1957, тетр. 4. Песни дореволюционного периода, л. 1. Исп. В.М. Васильев. 1941].

Именно в труде, рабочих процессах, по мнению Я. Эшпая, берет свои истоки музыкальное искусство. Придерживаясь распространенной в его время трудовой теории происхождения

музыки, Эшпай писал: «Народное музыкальное творчество есть творчество трудового народа, возникшее в седой древности в процессе труда, она служила для координации сил в тяжелом труде. Благодаря песне достигалась ритмичность в действии, которая служила объединением индивидуальных сил в коллективную. Одни организованные стройные ритмические удары (стуки) уже объединяли действия в труде, облегчали труд. Например, у марийских женщин при обработке кудели в ступе участвуют 2–3 человека, ритм 2/4 – 3/4, а при молотьбе цепами 5 и 6 человек – ритм 5/8 и 6/8, особенно в шесть человек молотьба происходит легче всего. Все эти простые ритмы в избытке встречаются в песнях народа мари – они наиболее распространены, особенно в обрядовой песне. При ритмических ударах в более тяжелом труде появлялись и выкрики, отсюда зародились односложные песни-выкрики, а потом и с членораздельными словами. Эти песни-выкрики из односложных звуков и слов составляли неотъемлемую часть трудового процесса. Марийский народ в основном лесной житель, и его труд главным образом происходил в лесу – рубка леса, сплав по рекам в Волгу, связка и погрузка на ней в плоты. Возможно, существовали и другие виды трудовых песен, но в памяти народа не сохранились и не зафиксированы, имеются лишь песни о труде, которые создаются и в настоящее время» [Эшпай, д. 36, л. 35].

Из трудовых песен Я. Эшпаем были записаны бурлацкие, песни плотовщиков, грузчиков волжских судов.

Большой вклад Я. Эшпай внес в дело изучения марийских музыкальных инструментов, чему посвящена его кандидатская диссертация «Музыкальные инструменты марийского народа», а также книга «Национальные музыкальные инструменты марийцев» [Эшпай, 1940].

Наиболее древний пласт инструментальной культуры – это охотничья и пастушеская музыка. Среди инструментов особое место здесь занимают идиофоны и флейтовые аэрофоны. Так, при ловле птиц охотники пользовались различными манками *шӱшпык* ‘свисток’. В качестве сигнальных использовали *тӱкӧ* ‘рога’, *пуч* ‘трубы’, ударные идиофоны (например, *пу тӱмыр* или *кӱтӱ анҥа*). Колокольчики *(онҕыр)* и бубенчики *(колдырма)* подвешивали на шею животным, они оказывали на них успокаивающее воздействие. Принадлежностью пастуха издревле считался *шиялтыш* ‘флейта’.

Большую роль инструментальная музыка выполняла при проведении религиозных обрядов и календарных праздников. Так, на молениях в священных рощах как сакральный инструмент использовали *кӱсле* ‘гусли’, выступавший посредником между богом и людьми; в *Сӱрем*, летний праздник с крупными жертвоприношениями, с помощью урожайной трубы *Сӱремвуч* изгоняли злых духов. Обязательными участниками семейных обрядов являлся ансамбль волынщика *шӱвырзӧ* и барабанщика *тӱмырзӧ*. Музыканты пользовались большим уважением в народе, им приписывалась магическая сила.
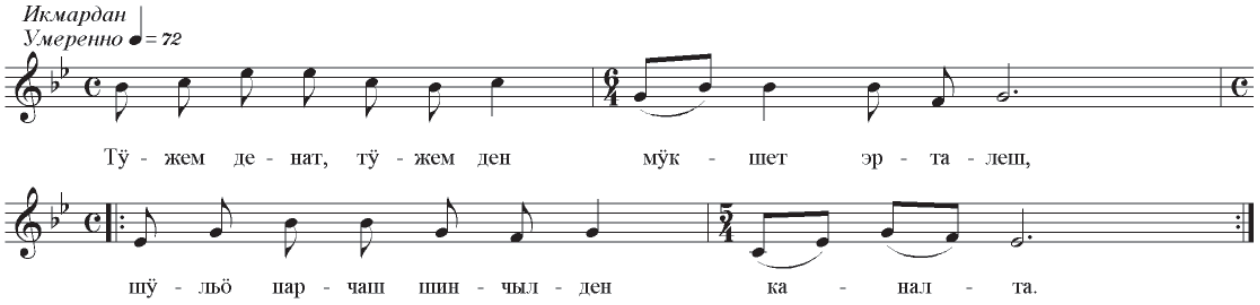
Все же главным музыкальным инструментом Я. Эшпай называет человеческий голос: *«Марий музыкышто – муро, йылме дене, умша дене мурымо муро тӱҥ верым налын шога… Калык творчествыште йылме дене мурымо муро ончылно шоген, а варажым тудым музык ӱзгар дене шоктеныт… Вес шотшо – музык кеч-момат шокта гын, эре «муро» маналтеш. Чын, музык ӱзгар виянгме мурыжымат ваштальташ полшен… Муро – музыкын негызше. Эн первой музык ӱзгар – айдемын шке йӱкшӧ улмаш»* [Эшпай, 1935, с. 71–72] ‘В марийской музыке – песня, вокальное звучание занимают главное место… В народном творчестве сначала появились песни, исполняемые языком, затем их исполняли на музыкальных инструментах… С другой стороны – всё, что играет музыкант, называют «песней». Действительно, развитие музыкальных инструментов влияло и на строй песенных мелодий… Песня – основа музыки. Самый первый музыкальный инструмент – человеческий голос’.

Однако песни не всегда звучали со словами. Большое распространение в народе получила традиция пения без слов: *«Марий музыкышто тугай шот уло – мут деч поснат муро шочеш. Йошкар-Ола районышто мурым мурат гын, ик мутымат от кол, но туге гынат муро (мелодий) тыште уло. Тыжеч пеш раш, мурым (мелодийым) марий тӱҥ верыш шында, а мутын кӱлешыже уке, але тунарак огыл, манын шона. Тыгай койышым путыракше сӱан мурышто*

ужаш лиеш» [Эшпай, 1935, с. 72–73]. ‘В марийской музыке есть такое явление – песни рождаются и без слов. Так, в Йошкар-Олинском районе поют песни, в которых не услышишь ни слова, однако песня (мелодия) здесь есть. Отсюда ясно, что мелодию мариец ставит на первое место, а необходимости в словах нет, или она не так важна’.

Как музыкант-этнограф и опытный фольклорист Я. Эшпай пользовался большим авторитетом и уважением, поэтому его часто командируют в различные экспедиции по сбору музыкально-песенного фольклора. В 1932 году Нижегородским крайисполкомом он вместе с чувашем С.М. Максимовым был командирован в Марийскую, Чувашскую и Удмуртскую республики. В 1931, 1933–35 годах работал в МарНИИ в качестве младшего научного сотрудника секции языка, литературы и искусств, занимаясь сбором и изучением марийской музыки. В 1947–1954 годах был старшим научным сотрудником и заведующим сектором искусств МарНИИ.

В 1937 г. Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде командировал Я. Эшпая в экспедицию в Удмуртскую и Марийскую республики, в которой участвовал и удмуртский писатель М.П. Петров. Оригиналы фонозаписей хранятся в фонограмм-архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР в Санкт-Петербурге. 30 номеров песен и инструментальных наигрышей из собранной Я. Эшпаем коллекции вошли в книгу «Марийские народные песни», изданную в 1951 году в Ленинграде под грифом МарНИИ (составитель и автор комментариев ленинградский музыковед Вера Францевна Коукаль, редактор и автор вступительной статьи К.А. Четкарев) [Марий калык муро, 1951]. В ней из обрядовых представлены несколько праздничных, свадебных и рекрутских песен. Образец праздничной песни восточных мари:

Тӱжем денат, тӱжем ден мӱкшет эрталеш,
Шӱльӧ парчаш шинчылден каналта.
Мемнан декшат тыгакак уна толдалеш,
Мӱкшаваже олмешак ужына.

Тысячами, тысячами пчелы пролетают,
Садясь на колосья овса, отдыхают.
Если и к нам гости приедут,
Станем ухаживать за ними, как за пчеломаткой.

[Марий калык муро, 1951, с. 246. 1937. Медведевский р., д. Поланур. Исп. Н.Н. Сумельтинова (17 лет)].
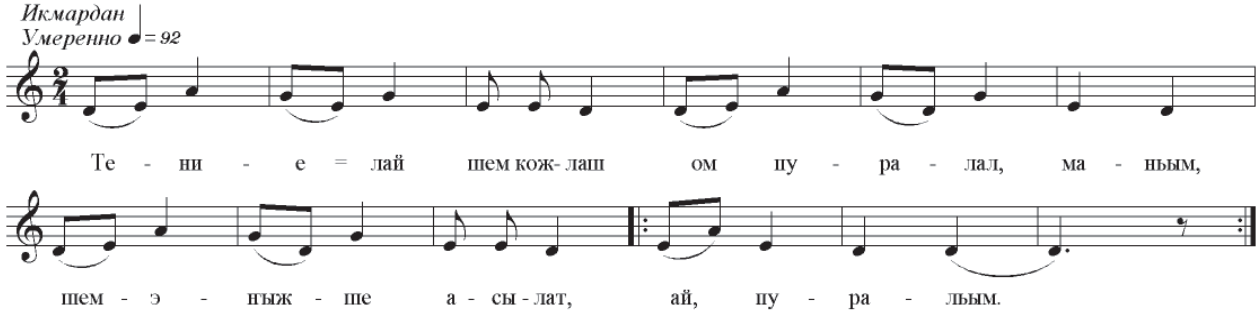
В комментарии к песне указано: «Старинная песня традиционного праздничного обихода. Пелась при отъезде гостей. Упоминаемые в тексте пчелиные рои – символ семьи или рода, члены которых связаны между собою крепкими узами» [Марий калык муро, 1951, с. 325]. Впервые эта песня была записана В.М. Васильевым в д. Камеево (Кемей) Бирского уезда от Михаила Никитича (Микыт Микале) и опубликована в сборнике 1920 года [Мари муро, № 67].

В праздничных песнях *пайрем муро*, по мнению Я. Эшпая, сохранились пережитки древних языческих представлений: «В силу сохранения в дореволюционную эпоху в марийских крестьянских массах пережиточных поверий и представлений, восходящих ко временам язычества, эти поверья и представления накладывают свой сильный отпечаток на ритуал и содержание обрядов, в некоторой своей части соприкасающихся с ритуалом древних жертвоприношений земледельческого культа, отдаленные связи с которыми можно отметить в застольных бытовых песнях» [Эшпай, 1957, тетр. 2, л. 2].

Жанр гостевых и праздничных песен Я. Эшпай относит к разделу бытовых, отмечая, что они «особенно распространены у луговых мари» [Эшпай, д. 36, л. 39]. В предисловии же к сборнику

1957 года праздничные песни включает в раздел лирических, наряду с любовными, семейными, шуточными, песнями о природе и др. [Марий калык муро, 1957, с. 3]. Можно заключить, что Я. Эшпаем еще не были выработаны четкие критерии для определения жанровой принадлежности песенного материала. Во время праздников, действительно, могли звучать и лирические, и шуточные песни, песни о семье, о природе. Однако выделялся особый жанр гостевых песен *уна муро*, звучавших в разные моменты обряда гостевания. В свое время Ф. Васильев в «Черемисской грамматике» назвал их песнями «черемисского этикета» [Васильев Ф., 1887. Приложение, с. 26].

Эшпаем записано около 10 номеров праздничных песен луговых и восточных мари. Наиболее древние образцы относятся к восточномарийской традиции. Так, несколько песен были записаны в 1920-е годы от Василия Ивановича Медведева, учителя из Можгинского района Удмуртии, например:
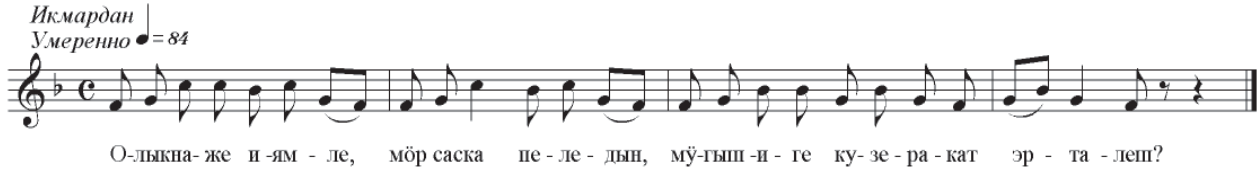

Тение-лай шем кожлаш ом пуралал, маньым,
Шемэҥыжше асылат, ай, пуральым, ай, пуральым.
Тение-лай таҥем дек ом толдал, маньым,
Изи шӱмем йӱлалеш, ай, толдальым, ай, толдальым.
Шем кожлажын покшелныже шемэҥыжше
Чӱчалташат-лай, чӱчалташат тӧчышӧ урва гай.
Тыгына-лай ялыште ик мотор уло,
Мускалешат-лай, мускалешат висалме порсын гай.

В темный лес нынче не хотел я заходить,
Но ежевика хороша, потому, ай, зашел я, ай, зашел.
К подруге своей нынче не пойду, думал,
Но сердечко волнуется, поэтому, ай, сходил я, ай, сходил.
Посреди темного леса ежевика –
Словно вспенившаяся медовая сыта.
В деревне Тыгына есть одна красавица –
Словно шелк, взвешенный золотником.

[Эшпай, 1957, тетр. 4. Песни дореволюционного периода. Л. 128. 1926. Исп. В.И. Медведев, учитель из Можгинского р. Удмутской АССР].

Из песен, исполняемых во время проводов гостей *(уна ужатыме муро),* представим следующую:

Олыкнаже иямле, мӧр саска пеледын,
Мӱгышиге кузеракат эрталеш?
Аулнаже иямле, калыкна поро,
Кузеракат кудалтенат, ой, каеда?

Луга наши красивы, клубника расцветает,
Как же пролетает пчелиный рой?
И деревня наша красива, и народ добрый,
Как же, оставив нас, уйдете?

Вуешетат пидалме шем ялукет,
Чуриетлан келша гын, адак нал.
Мемнанат-лай элна пешат ямле,
Кумылетлан келша гын, адак тол.

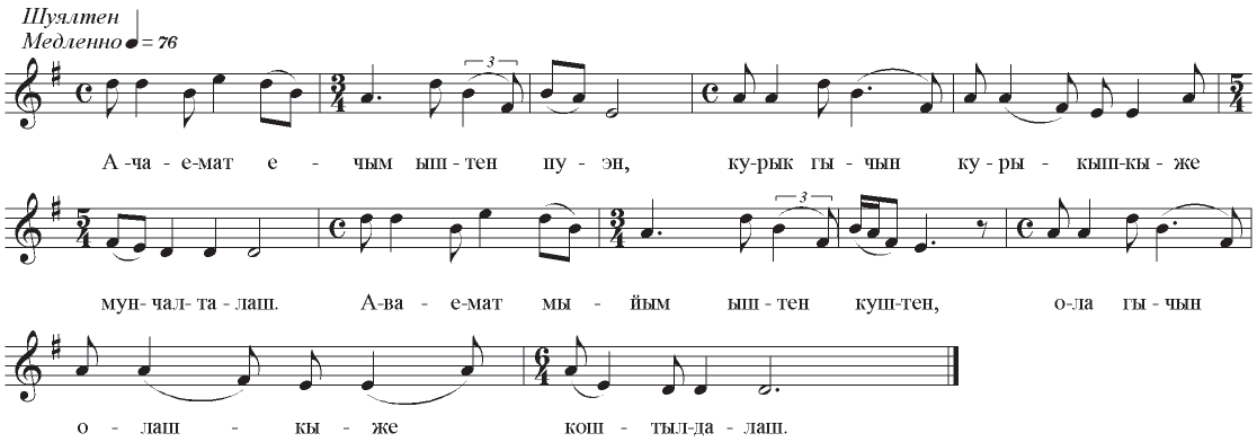
Повязанный на твоей голове черный платок,
Если к лицу тебе, купи еще.
Наш край прекрасен,
Если по душе тебе, приезжай еще.

[Эшпай, 1955, тетр. 1, л. 119; Марий калык муро, 1957, с. 58. 1926. Исп. В.И. Медведев, учитель из Можгинского р. Удмуртской АССР].

Судя по характеру текста и мелодии, обе песни довольно архаичны. Такие музыкальные черты, как многократное повторение одной короткой фразы, узкий амбитус – чистая квинта (ч. 5),

четырехзвучный звукоряд, ладовая основа – ангемитонная пентатоника придают песне заклинательный, магический характер, что соответствует смыслу обряда.

На праздниках исполняли и песни о семье, родственниках. Как «старинная» Я. Эшпаем отмечена песня «Ачаемат ечым ыштен пуэн», записанная от уральских мари. Она «сохранила свой старинный лад и имеет довольно сложную ритмику»:
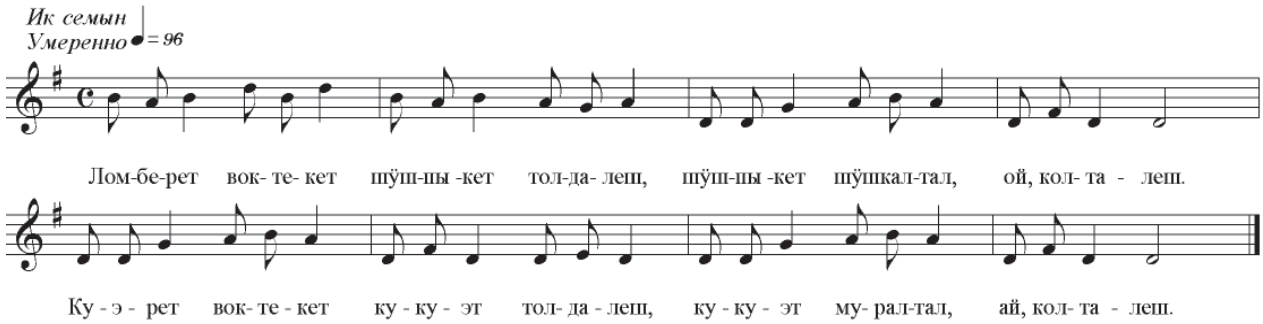

Ачаемат ечым ыштен пуэн,
Курык гычын курыкышкыже мунчалталаш.
Аваемат мыйым ыштен куштен,
Ола гычын олашкыже коштылдалаш.

Отец сделал мне лыжи,
Чтобы по горам кататься.
Мать меня родила и вырастила,
Чтобы по городам ездить.

[Эшпай, 1955, тетр. 2, л. 128. 1949. Исп. Илья Иванович Васильев из д. Энертӱҥ Суксунского р. Молотовской обл. *Поют эту песню в гостях на праздниках и на свадьбах по настоящее время*].

Самым крупным праздником в марийской деревне считалась свадьба *сӱан*. Судя по информации Я. Эшпая, существовали «универсальные» праздничные песни, которые могли исполняться во время разных праздников. Например, песню «Ломберет воктекет шӱшпыкет толдалеш» сопровождает комментарий: «Исполняется во время свадьбы или на пиру»:

Ломберет воктекет шӱшпыкет толдалеш,
Шӱшпыкет шӱшкалтал, ай, колталеш.
Куэрет воктекет кукуэт толдалеш,
Кукуэт муралтал, ай, колталеш.
Тыйынат воктекет йолташет толдалеш,
Йолташет ончалал, ой, колталеш.
Мыйынат воктекем пелашем толдалеш,
Пелашем воштылал, ай, колталеш.
Тыйынат, мыйынат йолташна лиеш гын,
Ончалаш, воштылаш, ой, йӧсӧ огыл.
Тыйынат, мыйынат пелашна ок лий гын,
Мемнажынат чонжылан, ой, пеш йӧсӧ.

К черемушнику твоему соловей прилетает,
Соловей, ай, начинает свистеть.
К березняку твоему кукушка прилетает,
Кукушка начинает, ай, куковать.
И к тебе подруга твоя приходит,
Подруга твоя, ой, смотрит на тебя.
И ко мне супруга моя приходит,
Жена моя, ой, смеется.
Если и твоя, и моя подруги будут с нами,
Смотреть и смеяться, ой, не трудно будет.
Если и твоя, и моя оставят нас,
Тяжело будет у нас на душе.
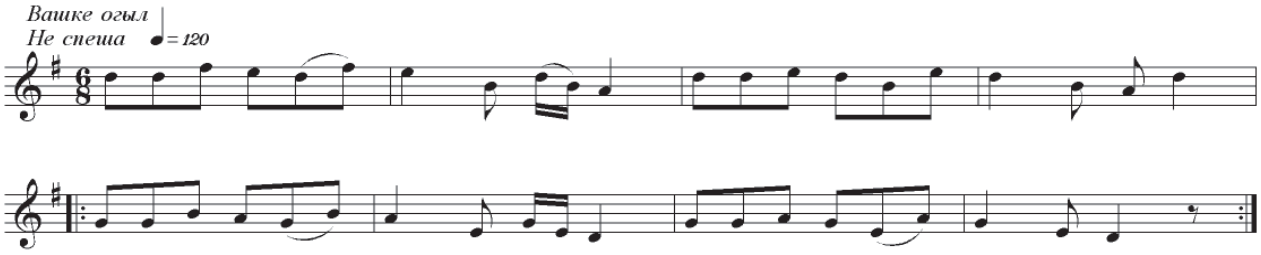
[Эшпай, 1957, тетр. 2, с. 99; Марий калык муро, с. 61; Свод, 2011, № 608. Сернурский р., д. Лапка. 1949. Исп. Никандр Алексеев].

Яков Эшпай изучал этнографические и музыкальные особенности марийского свадебного обряда. В жизни марийца свадьба – это крупное музыкальное представление, которое начинается вечером и длится до утра: *«Марий калык илышыште сӱан – кугу музыкальный представлений шотышто шога; тиде представлений кастене тӱҥалын, эр марке эрта»* [Эшпай, 1944, с. 75]. В традиционной марийской свадьбе сохранились черты старой патриархальной жизни: *«Сӱанжат, мурыжат – озанлык шот гыч лектын шогат. Патриархальне быт гыч сӱан эртарымыжат кодын. Каче оръеҥжым кум гана пера. «Тый мыйын кидыштем улат» манын, тудо кум гана перымыж дене ончыкта»* [Эшпай, 1935, с. 75]. ‘И свадьба, и свадебные песни связаны с хозяйственным укладом. Многое в проведении свадьбы сохранилось от патриархального быта. Жених, трижды ударяя невесту плеткой, как бы говорит: «Теперь ты полностью в моих руках»’.

Так как в прошлом замуж часто выдавали без любви, свадебные песни, как отмечает Я. Эшпай, носили печальный, жалобный характер: «До Великой Октябрьской революции у марийцев слышались больше заунывные, полные тоски и жалобы напевы, чем бодрые и радостные. Это были песни нужды и подавленности, выражавшие тяжелый вековой гнет… Если мы возьмем свадебные, плясовые или любовные песни, которые как будто бы должны были выражать радостные чувства и веселье, то и в них мы услышим это же преобладающее настроение глубокой грусти. Свадьба редко совершалась по любви и сулила молодому парню и девушке, вступающим в брак, лишь долгие годы подневольной и полной лишений жизни. Можно привести ряд песен девушек и парней, в которых высказывается жалоба на родителей: «Меня вскормили, вырастили, а потом ввели в середину пламени и оставили», – поет девушка, насильно выданная замуж» [Эшпай, 1936, с. 28–29].

Наиболее устойчивой была музыкальная часть свадьбы, слова же сочинялись непосредственно во время обряда, носили импровизационный характер: «В самих свадебных песнях в большинстве случаев нет определенных к каждой мелодии текстов, они импровизируются, а мелодии же к каждому отдельному моменту свадьбы имеются определенные мотивы, которые веками сохраняются, как и сами обряды. Приезд жениха к невесте, проводы невесты, песня провожатых и т.д. Все эти действия сопровождались различными мелодиями и ритмами на музыкальных инструментах – волынке и барабане: 1) музыка для участниц свадьбы, 2) подготовка выезда за невестой, 3) перед въездом невесты во двор жениха (у ворот), 4) просят угостить водкой гостей, 5) подготовка выезда поезжан, 6) приехали к жениху и т.д.» [Эшпай, д. 36, л. 37–38].

Яковом Эшпаем зафиксировано около 30 образцов свадебных песен луговых и восточных мари, в их числе и свадебные без слов. «У марийцев бытовали и до сих пор бытуют песни без слов, главным образом обрядовые. Например, многие свадебные песни до сих пор поются без слов. Есть и рекрутские песни без слов. Эти мелодии хранятся веками» [Марий калык муро, 1957, с. 5]. Пример свадебной песенной мелодии, которую «исполняют голосом без слов; иногда импровизируют слова, но чаще поют без слов или исполняют на гармошке»:
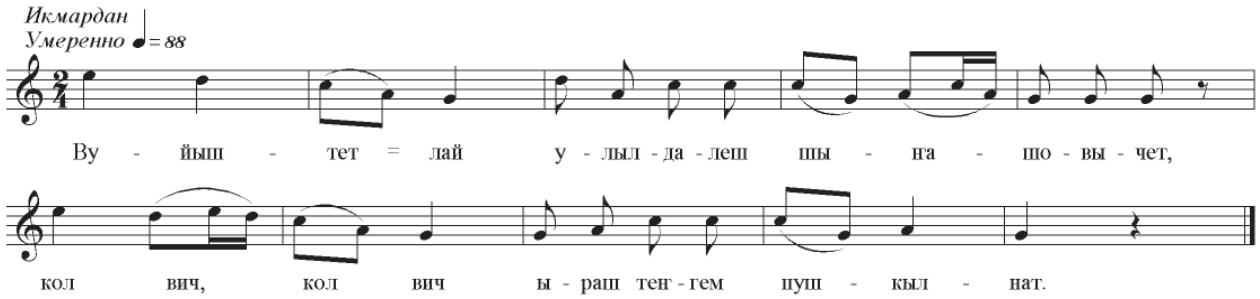

[Эшпай, 1957, тетр.1. Инструментальные мелодии. Л. 66. Записана в 1915 году в д. Кокшамары Зениговского р. на свадьбе. *Исполняется женщинами «поштек вате» – «провожатые невесты»*].

Говоря о музыкальных характеристиках свадебных песен, Я. Эшпай замечает следующее: *«Сӱан годым мурымо, шоктымо мелодий-шамыч шукыжо годым тыгай улыт: 2/4, я 6/8. Южгунам мурымо почешак куштат, южгунам кужун шуялтен мурымашат лиеш»* [Эшпай,

1944, с. 75]. ‘Свадебные песенные и инструментальные мелодии имеют в основном размеры 2/4 или 6/8. Иногда под песни пляшут, иногда поют и протяжные свадебные’.

Более древние по стилю – свадебные восточных мари. Образец песни удмуртских мари:
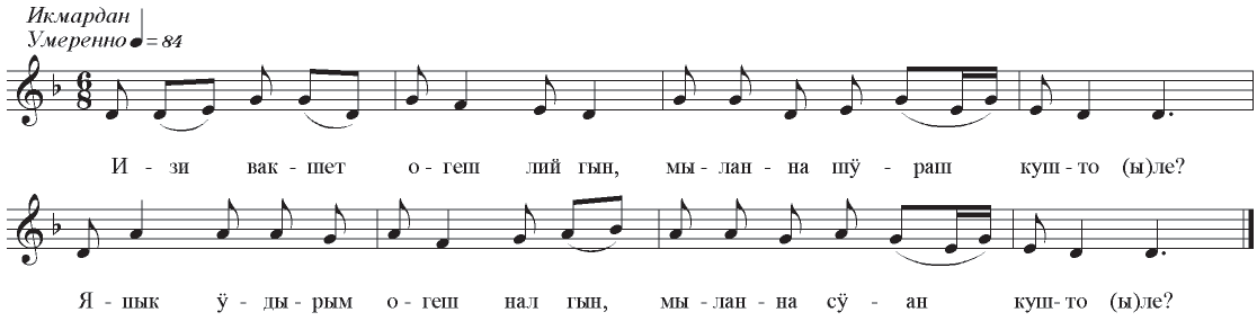

Вуйыштет-лай улылдалеш шынашовычет,
Кол вич, кол вич ыраш тенгем пушкылнат,
Кол вич, кол вич ыраш тенгем,
Кол вич ияш ышке улат, шочшеем, ӱмыраш.

На голове твоей платок,
Приколола ты двадцатипятикопеечную монету,
Двадцатипятикопеечную монету,
А сама ты двадцати пяти лет, родная.

[Эшпай, 1955, тетр. 2, л. 97. 1928. Исп. Медведев В.И., учитель из Можгинского р. Удмуртской АССР].

Свадебная песня елабужских мари:
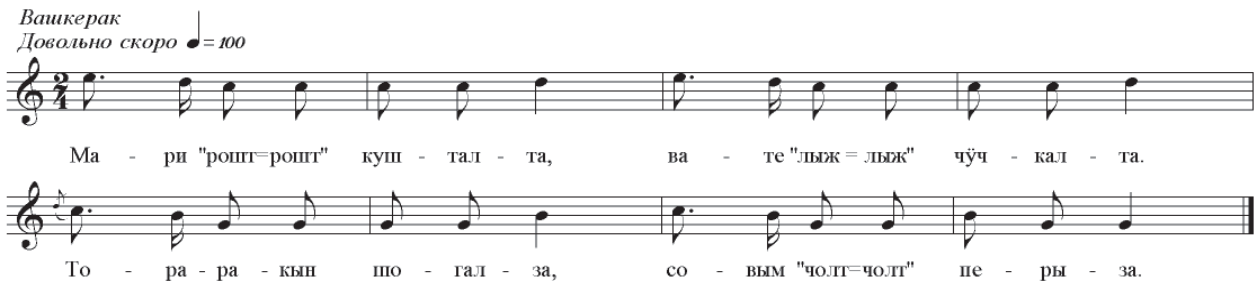

Изи вакшет огеш лий гын,
Мыланна шӱраш кушто ыле?
Япык ӱдырым огеш нал гын,
Мыланна сӱан кушто ыле?

Если бы не было крупорушки,
Где взяли бы мы крупу?
Если бы Яков не женился,
Где бы мы погуляли на свадьбе?

[Марий калык муро, 1957, с. 68. 1930. Записана от Шамакаева, восточного марийца, в г. Москва].

Как и праздничные, восточномарийские свадебные отличаются простотой выразительных средств: в основе поэтического текста лежит 4-стишная строфа; мелодия строится на повторении (точном или варьированном) одной фразы; ладозвукорядная основа – узкообъемная (кварта–секста) ангемитоника или диатоника.

Близки к восточномарийской традиции свадебные песни северо-восточной группы луговых мари – сернурских, торъяльских, мари-турекских (т.н. *шымакшан мари*), вероятно, потому, что переселение на земли Башкирии и Урала происходило именно с этих территорий. Их песни также просты по структуре, ритму и мелодии, имеют плясовой характер:
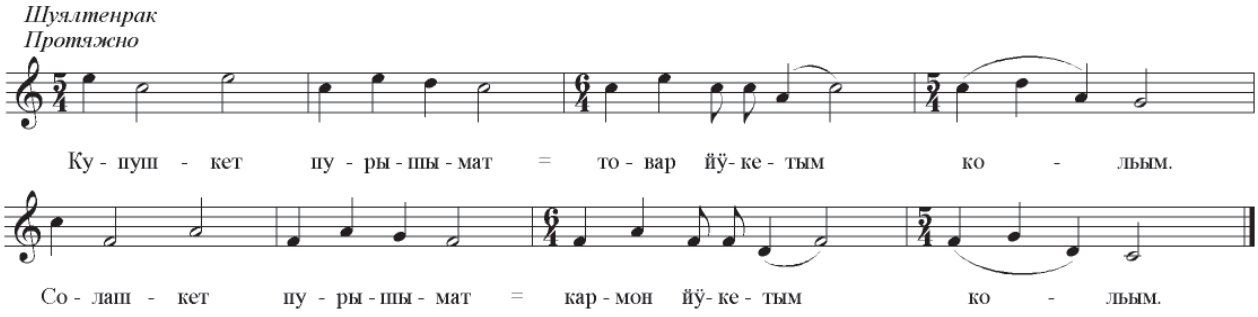

Мари рошт-рошт кушталта,
Вате лыж-лыж чӱчкалта.
Тораракын шогалза,
Совым чолт-чолт перыза!
Те шӱвырым шоктыза,
Ме кушталтен колтена.
Тӱмырдамат пералтыза,
Семже ден тавалтена.
Ӱдыр лийже, сай лийже,
Качылан йӧршӧ лийже!
Сӱан лийже, сай лийже,
Муралтен колташ лийже.

Мужчина чеканно пляшет,
Женщина плавно приплясывает.
Встаньте пошире,
В ладоши четко хлопайте!
Вы на волынке играйте,
А мы будем плясать.
И в барабан ударьте,
В ритм ему подробим.
Свадьба будет, пусть хорошей будет,
Чтобы можно было попеть.
Невеста пусть хорошей будет,
Подходящей для жениха будет!

[Марий калык муро, 1957, с. 72; Эшпай, 1955, тетр. 2, л. 92; Свод, 2011, № 351. Мари-Турекский р., д. Нижний Турек. 1927. Исп. Вшивцева Анна Степановна].

Более сложными по структуре являются свадебные песни медведевских и моркинских мари. У медведевских мари они представляют собой длинные эпические повествования, например:
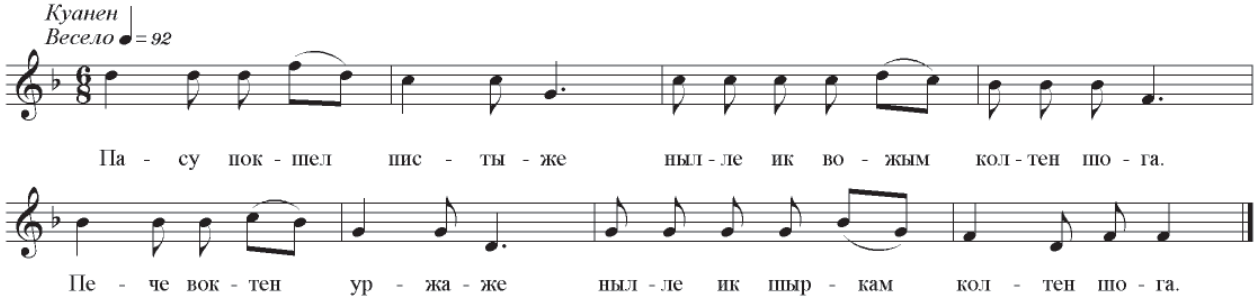

Купышкет пурышымат –
Товар йӱкетым кольым.
Солашкет пурышымат –
Гармонь йӱкетым кольым.
Кугу пийже опталтышат –
Оптӱкшӧ налаш лекте.
Йырањышкыже кайышнат –
Кугу мокыжо пеледын.
Кугу моко пеленже
Шкеат пеледынам ыле.
Пулдырышкыжо пурышнат,
Сондыкшым поцо.
Сондыкшым поцо да
Ош шовыцшым луктын пуыш.
Тудо шовыц поштекше
Шкеат мием манын ойлыш.
Ший шергашыжым луктын пуыш.
Тудо шергаш поштекше
Шкеат мием манын ойлыш.
Ӧптӱк тӧрцынжӧ лектымат –
Нунын сола ырве-шамыцышт
Кумажник тугырем ден порсын тугырем
Шовырым ыштен колтеве.
Ӧптӱкшым налмешкыже
Курымеш налде илем маньым.

Спустился я к болоту –
Услышал звук топора.
Заехал в село –
Услышал звук гармони.
Большая собака залаяла –
Оптюк вышла встречать.
Пошли на грядки –
Большой мак расцвел.
Вместе с большим маком
И сама я расцвела.
В чулан ее зашли,
Сундук она открыла.
Сундук открыла и
Достала белый платок.
Вслед за тем платком
И сама я приеду, сказала.
Достала серебряное кольцо свое.
Вслед за тем кольцом
И сама я приеду, сказала.
Вышел я от Оптюк –
Парни из их деревни
Мою хлопчатобумажную и шелковую рубашку
Превратили в шовыр (порвали).
Если не женюсь на Оптюк,
Всю жизнь буду неженатым жить.

[Мари муро, 1920, № 37, с. 11. Царевококшайский у., д. Большая Ноля. Исп. Прокопи Ана].

Музыкальные черты также отличаются усложненностью: применяются смешанные метры, ритмическая неровность; звуковой диапазон расширен, форма мелодии построена по вопросо-ответному принципу (2-е предложение является «реальным ответом» по отношению к 1-му).

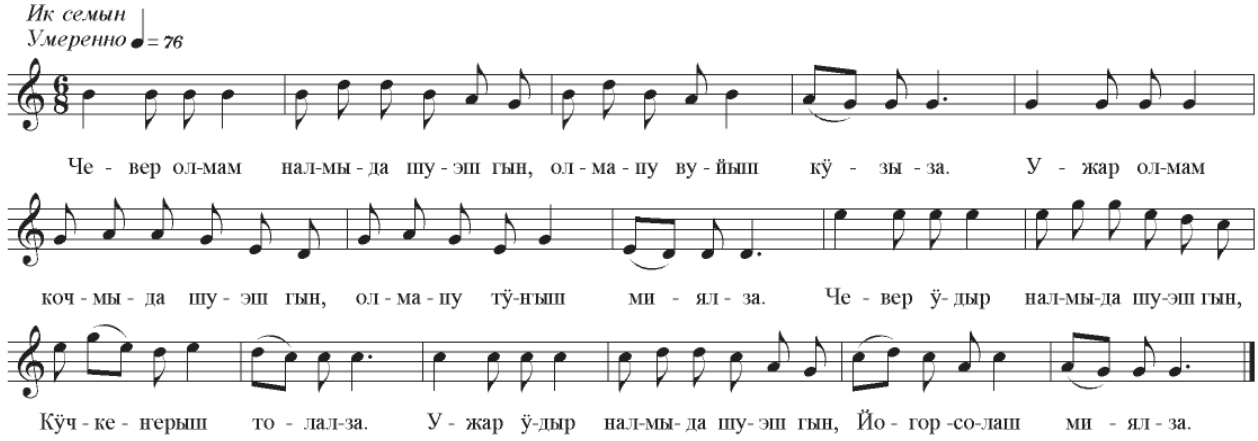
Своеобразны свадебные песни моркинско-волжской группы луговых мари, по стилю они более близки светлым, жизнерадостным песням соседей-чувашей. Например:

Пасу покшел пистыже
Нылле ик вожым колтен шога.
Пече воктен уржаже
Нылле ик шыркам колтен шога.
Луаткок пӱнчет, тӧр пӱнчет,
Иктыже веле менгылык.
Мемнан танна латкоктыт,
Иктыже веле ватылык.

Посреди поля липа
Сорок один корень распускает.
Около ограды рожь
Сорок один колос распускает.
Двенадцать сосен, ровных сосен,
Лишь одна из них годна для столба.
У нас подруг двенадцать,
Лишь одна годится в жены.

[Марий калык муро, 1957, с. 69. 1932. Исп. С.Г. Чавайн из д. Малый Карамас Моркинского р.].

Чевер олмам налмыда шуэш гын,
Олмапу вуйыш кӱзыза.
Ужар олмам кочмыда шуэш гын,
Олмапу тӱҥыш миялза.
Чевер ӱдыр налмыда шуэш гын,
Кӱчыкэҥерыш толалза.
Ужар ӱдыр налмыда шуэш гын,
Йогорсолаш миялза.

Если вы хотите взять румяное яблоко,
Залезайте на верхушку яблони.
Если хотите покушать зеленое яблоко,
Подходите к комлю (основанию) яблони.
Если хотите жениться на зрелой девушке,
Приезжайте в Кучукенер.
Если хотите жениться на молоденькой,
Приезжайте в Егоркино.

[Марий калык муро, 1957, с. 66. Свод, 2011, № 410. Волжский р., д. Чодраял. 1949. Исп. Николай Иванович Казаков].
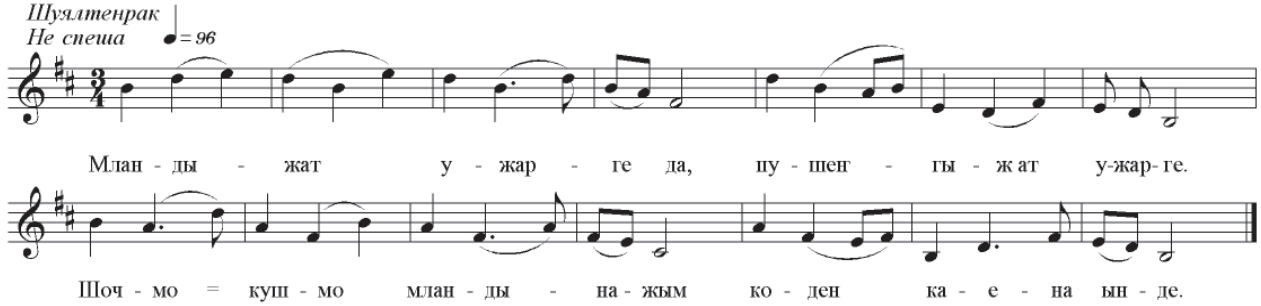
Образцы свадебных и других обрядовых песен луговых мари, записанных Я. Эшпаем, можно найти в «Своде марийского фольклора. Песни луговых мари», куда вошли 10 образцов песен данной группы [Свод, 2011].

Следующий жанр, относящийся к семейно-обрядовой группе, это рекрутские – *рекрут, некрут, лекрут муро.* В записях Эшпая представлено около 10 рекрутских песен луговых и восточных мари.

Об условиях бытования рекрутских песен Эшпай пишет: *«Рекрут-шамыч шке шонен лукмо мурыштым рекрут ужатыме кастене мурат. Кӧн мурыжо утларак келша гын, кӧн мурыжым утларак йӧратен, шукырак ең мураш тӱҥалеш гын, тугай еңлан премий шотеш вуй шовыч я шӱргӧ шовыч пуалтеш. Тыгай муро калык коклаште мурым шонен лукшын лӱмжӧ дене кужу жапышкен ок мондалт»* [Эшпай, 1944, с. 75]. ‘Свои сочиненные песни рекруты исполняют вечером в день проводов. Чья песня понравится больше, чью песню будет петь большее количество людей, тому дают премию в виде платка или полотенца. Такая песня под именем ее исполнителя долгое время не забывается’.

Рекрутские песни Я. Эшпай относит к песням с социальным содержанием, наряду с бедняцкими, сиротскими, о тяжелом положении женщины. «В большинстве рекрутских песен выражается протест против существующего помещичье-капиталистического строя, когда богачи остаются, а бедных угоняют на царскую службу, часто и на войну, где приходится погибать во цвете лет… Рекрутские песни наиболее мелодически развиты и содержательны» [Эшпай, д. 36, л. 39].

Рекрутские песни можно отнести к жанру обрядовой лирики, они часто носят философский характер, отличаются образно-поэтическим богатством, мелодической выразительностью и красотой.

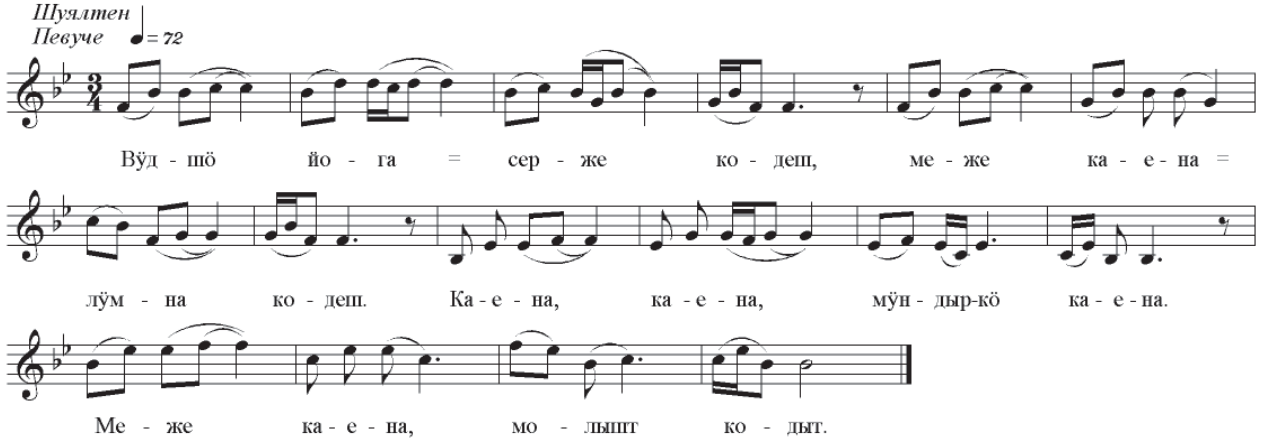

Мландыжат ужарге,
Пушенгыжат ужарге.
Шочмо-кушмо мландынажым
Коден каена ынде.
Ме каена пеш мӱндыркӧ –
Ленин илме олашке.
Шарналтеда, ужмыда шуэш –
Ме лийына тораште.
Ик кидыштем ик шовыч,
Вес кидыштем вес шовыч.
Рӱзалтем гын, киен кодеш,
Каена гын, эл кодеш.

И земля зеленая,
И деревья зеленые.
Свою родную землю
Оставляя, уходим теперь.
Мы уезжаем очень далеко –
В город, где живет Ленин.
Вспомните, захотите увидеть,
Но мы будем далеко.
В одной руке у меня один платок,
В другой руке – другой платок.
Если взмахну, останется,
Если уйдем, страна останется.

[Эшпай, 1957, л. 45. Пел эту песню Н.П. Ишпайкин в 1895 году, уходя на военную службу. С тех пор она стала рекрутской песней в д. Кокшамарах Звениговского р. МАССР. В настоящее время новые слова поют. Записана в 1943].

Один из распространенных зачинов рекрутских песен – «Вӱдшӧ йога – серже кодеш»:

Вӱдшӧ йога – серже кодеш,
Меже каена – лӱмна кодеш.
Каена, каена, мӱндыркӧ каена.
Меже каена, молышт кодыт.
Шоналтеда, ужмыда шуэш,
Ме она кой тыланда.
Кунам ынде ужына уэш,
Тыге пырля лийына?

Воды текут – берега остаются,
Мы уходим – имена наши остаются.
Уходим, уходим, далеко уходим.
Мы уходим – другие остаются.
Вспомните, захотите увидеть,
Но не увидите нас.
Когда же теперь увидимся вновь,
Будем так же вместе?

[Марий калык муро, 1957, с. 95. Кировская обл., Малмыжский р., с. Большой Китяк. 1932. Исп. В.И. Медведев].

Из похоронно-поминальных песен в записях Я. Эшпая представлен текст одной восточно-марийской поминальной, записанной в 1917 г. В.М. Васильевым, а также одна горномарийская поминальная об отце [Эшпай, 1957, тетр. 4, л. 65].

Поминальная восточных мари:

Ужаргынай-лай лепеньын пыстыл дене
Пуш ышталалын коштшо-лай уло гын?
Ти тӱнчажымат кудалтен каялменге,
Угыч толылден илалше уло гын?

Из крыла зеленой бабочки
Сделав лодку, есть ли кто плывущий на ней?
Покинувший этот мир
И вновь вернувшийся к жизни, есть ли кто?

[Эшпай, д. 36, л. 38. Запись В.М. Васильева в Мишкинском р-не БАССР].

Заключение

Деятельность Якова Эшпая в области собирания и изучения марийского песенного фольклора была очень насыщенной и плодотворной. Обрядовые песни из его коллекции – трудовые, праздничные, свадебные, рекрутские – являются жемчужинами марийского народно-песенного искусства и представляют большую культурно-историческую ценность, демонстрируют богатство и своеобразие обрядовой культуры марийского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Ф. Грамматика черемисского языка. Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии. Казань: Издание Православного миссионерского общества, 1887. 197 с.

Мари муро. Песни народа мари, собранные В.М. Васильевым. Казань: Издание Центрального отдела мари Наркома национальностей, 1920. 98 с.

Марий калык муро. Марийские народные песни / сост. и коммент. В. Коукаль. Л.-М.: Государственное музыкальное издательство, 1951. 340 с.

Марий калык муро. Марийские народные песни / сост. и запись Я. Эшпая, общ. ред. В. Беляева. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1957. 108 с.

Свод марийского фольклора. Песни луговых мари. Ч. 1. Обрядовые песни / сост. Мушкина Н.В. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 592 с.

Эшпай Я.А. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 36.

Эшпай Я.А. Марий калык муро. Марийские народные песни и инструментальные мелодии // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 35. В 2-х тетр. 1955.

Эшпай Я.А. Марий калык муро. Марийские народные песни // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 53. В 4-х тетр. 1957.

Эшпай Я.А. Национальные музыкальные инструменты марийцев. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1940. 40 с.

Эшпай Я. Марий музык нерген // У вий. 1935. № 6. С. 68–77.

Эшпай Я. Марий калыкын музыкальный культурыжо // Родина верч. 1944. № 5. С. 70–81.

Эшпай Я. Музыка мари // Колхозный театр. Журнал по театру и музыке в деревне. 1936. № 6. С. 28–33.

Natalia Mushkina

RITUAL SONGS OF MEADOW AND EASTERN MARI IN THE RECORDS OF Y.A. ESHPAI

Introduction. Y.A. Eshpai was a composer, folklorist, musicologist, Candidate of Art History, Honored Artist of the MASSR, holder of the Orders of the Red Star and the Badge of Honor, and an active promoter of Mari music. He contributed greatly to the development of Mari musical culture. **The purpose of the article** is to provide an overview and analysis of Y.A. Eshpai's activities in the field of collecting and studying the ritual song folklore of the Meadow and Eastern Mari. **Materials and methods.** The article uses handwritten and published materials, including folk songs recorded by Y.A. Eshpai, as well as his musicological works. The research is based on musical-ethnographic, musical-analytical, musical-historical methods. **Research results, discussion.** Y.A. Eshpay's recordings date back to the period of 1905–1950 and include about 500 samples of Mari folk songs and instrumental tunes. Instrumental music is especially developed in calendar rituals. The songs of family and ritual genres are the most diverse – festive-guest, wedding, and recruiting. **Conclusion.** Ritual songs from Y.A. Eshpai's collection are the "pearls" of the Mari folk song art; they are of a great cultural and historical value, and demonstrate the richness and originality of the ritual culture of the Mari people.

Keywords: Yakov Eshpai; ritual songs; holidays; wedding; instrumental music.

REFERENCES

Vasiljev F. Grammatika cheremisskogo jazyka. Posobie k isucheniju cheremisskogo jazyka na lugovom narechii [Grammar of the Cheremis language. A guide to the study of the Cheremis language in the meadow dialect]. Kazan, Izdanie Pravoslavnogo missionerskogo obshestva, 1887, 197 p. (In Mari and Russ.).

Mari muro. Pesni naroda mari, sobrannye V.M. Vasiljevym [Songs of the Mari people, collected by V.M. Vasiljev]. Kazan, Isdanije Central'nogo otdela mari Narkoma nacional'nostey, 1920, 98 p. (In Mari).

Mari kalyk muro. Mariyskije narodnyje pesni [Mari folk songs] / Drafting and comments W. Koukal. Leningrad-Moskow, Musgis, 1951, 340 p. (In Mari and Russ.).

Mari kalyk muro [Mari folk songs] / Compilation and recording by Y. Eshpay. General edition of V. Belyaev. Moskow, Musgis, 1957, 108 p. (In Mari and Russ.).

Pesni lugowyh mari [Meadow mari songs]. Part I. Obrjadovyje pesni / Svod marijskogo phol'klora / sost. N.V. Mushkina. Joshkar-Ola, Mari Research Institute, 2011, 592 p. (In Mari and Russ.).

Eshpai Y.A. // Scientific and manuscript Fund of the Mari Research Institute, inv. 4, cas. 36. (In Mari and Russ.).

Eshpai Y.A. Mari kalyk muro [Mari folk songs] // Scientific and manuscript Fund of the Mari research Institute, inv. 4, cas. 35, in 2 notebooks, 1955. (In Mari and Russ.).

Eshpai Y.A. Mari kalyk muro [Mari folk songs] // Scientific and manuscript Fund of the Mari research Institute, inv. 4, cas. 53, in 4 notebooks, 1957. (In Mari and Russ.).

Eshpai Y.A. Nacional'nyje musykal'nyje instrumenty marijcev [National musical instruments of the Mari people]. Yoshkar-Ola, Mariiskoje gosudarstvennoje izdatel'stvo, 1940, 40 p. (In Russ.).

Eshpai Y. Mari musik nergen [About mari music] // U viy, 1935, no. 6, pp. 68-77. (In Mari).

Eshpai Y. Mari kalykyn musical'nyi kulturyzho [Musical culture of the Mari people] // Rodina verch, 1944, no. 5, pp. 70-81. (In Mari).

Eshpai Y. Musyka mari [Music of mari] // Kolkhoznyi teatr. Zhurnal po teatru i musyke v derevne. 1936, no. 6, pp. 28-33. (In Russ.)

Мушкина Наталья Валерьевна
научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: mushkinanatalya@mail.ru

Natalia Mushkina
Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: mushkinanatalya@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 323.1:061.1 (470.34+470.51)
DOI 10.51254/2312-0312_2021_62_12

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ И ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ (РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, УДМУРТИЯ)*

© 2021 г. В.С. Воронцов, Д.А. Черниенко

Введение. В современной России на региональном уровне важно изучение восприятия в общественном сознании институтов гражданского общества, вовлеченных в реализацию государственной национальной политики. **Цель статьи** – анализ общественного мнения и оценок экспертов в отношении общественно-политической значимости национально-культурных объединений, их роли в региональных этнополитических процессах, социокультурной жизни республик. **Материалы и методы.** В статье рассмотрены результаты социологического исследования 2020 года, посвященного изучению этнического фактора в общественно-политической жизни регионов Приволжского федерального округа на примере Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Удмуртской Республики. Методом анкетирования проведен опрос населения (по 300 человек) и экспертов (по 30 человек) в каждом регионе. **Результаты исследования, обсуждение.** Анализ мнения населения и оценок экспертов показал, что общественные организации этнокультурной направленности признаются важными институтами гражданского общества. **Заключение.** Обращено внимание на то, что разноплановая деятельность национально-культурных объединений слабо известна населению, организации недостаточно активно проявляют себя в общественно-политической жизни и информационно-медийном пространстве, что затрудняет раскрытие их социального потенциала, который заключается не только в проведении массовых этнокультурных мероприятий, но также участии в просветительской, экспертно-консультативной работе, взаимодействии с мигрантами, разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: государственная национальная политика; гражданское общество; межнациональные отношения; национально-культурные объединения; общественное мнение; этнический фактор; этнополитические процессы.

Введение

В 2020 году в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 годы) проводилось исследование по теме «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)».

Проект реализовывался осенью 2020 года в пяти субъектах ПФО – республиках Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия. Исследование было направлено на изучение

* Работа выполнена по программе фундаментальных и прикладных научных исследований Минобрнауки России во исполнение Поручения Президента РФ от 16.01.2020 г. Пр-71. «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 годы.

характера, интенсивности, тенденций современных этнополитических процессов, межэтнических отношений, установок, мнений, уровня доверия между представителями разных национальностей, гражданской, этнической, региональной идентичностей. В том числе ставился вопрос о восприятии в общественном сознании институтов гражданского общества, вовлеченных в реализацию государственной национальной политики. По мнению В.Ю. Зорина, «Практика показала, что национально-культурные объединения и некоммерческие организации являются активным сектором гражданского общества. При правильной постановке взаимоотношений с органами власти и управления они становятся реальными помощниками и партнерами в реализации целей и задач этнополитики государства» [Зорин, 2018, с. 12]. Деятельность НКО как важных субъектов региональной социальной политики имеет уже определенную историографическую и эмпирическую базу на федеральном [Материалы ... , 2007; Ерофеев, 2010; Гражданские инициативы ... , 2013; Якимова, 2013; Институты ... , 2014; Солодухина, 2019] и региональном уровнях [Воронцов, 2008; Черниенко, 2020], однако остается актуальным исследовательским направлением в условиях динамичных общественных процессов.

Цель статьи – анализ общественного мнения и оценок экспертов в отношении общественно-политической значимости национально-культурных объединений, их роли в региональных этнополитических процессах, социокультурной жизни республик.

Материалы и методы

В ходе проведения исследования методом анкетирования был проведен социологический опрос двух групп респондентов: 1) население (выборка составила по 300 человек из каждого субъекта), 2) эксперты (по 30 человек из каждого субъекта). Для опроса населения и экспертов были разработаны соответствующие анкеты, часть вопросов повторялась для возможности сравнить полученные ответы. Распределение респондентов по месту проживания, полу и возрасту соответствовало техническому заданию и отражало демографическую структуру населения республик. В выборочную совокупность вошли жители столичных городов и «пристоличных» населенных пунктов. В Марий Эл – город Йошкар-Ола и пос. Медведево (региональный координатор исследования по Республике Марий Эл кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник О.В. Орлова), в Мордовии – город Саранск и пос. Атемар (региональный координатор исследования по Республике Мордовия доктор исторических наук, проф. А.В. Мартыненко), в Удмуртии – город Ижевск и с. Завьялово. В состав экспертов были включены три категории: 1) представители политических элит республик (управленцы, госслужащие), 2) научные работники и преподаватели вузов, 3) лидеры и активисты национально-культурных и религиозных организаций.

Вопросы анкеты были посвящены различным актуальным этнополитическим проблемам на региональном уровне, и в том числе небольшой блок затрагивал особенности восприятия НКО в общественном мнении, социальной репрезентации их деятельности, значению и роли в текущих этнополитических процессах.

Респондентам из числа населения были заданы два вопроса: 1) слышали ли они о деятельности национально-культурных объединений в своих регионах; 2) должны ли национально-культурные объединения активно участвовать в общественно-политической жизни региона, в том числе в выборных кампаниях?

Экспертам были заданы следующие вопросы: 1) какие управленческие меры могут наиболее эффективно предупреждать этнополитические и межэтнические конфликты и способствовать социальной стабильности российского общества; 2) какие позиции следует учитывать при проведении мониторинга этнополитической сферы и межнациональных отношений; 3) чем могут быть полезны национально-культурные объединения для органов власти в процессе реализации государственной национальной политики в регионе; 4) насколько осведомлены жители республики о деятельности ряда НКО; 5) какие формы популяризации знаний о позитивном опыте межнациональных отношений наиболее эффективны?

В анкете предлагались по три региональных НКО, представляющие интересы русских и наиболее крупных титульных народов. В Республике Марий Эл – Центр русской культуры,

Центр марийской культуры, Центр татарской культуры. В Мордовии – Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, Фонд спасения эрзянского языка, Национально-культурная автономия татар Республики Мордовия «Якташлар» («Земляки»). В Удмуртской Республике – Общество русской культуры, Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш», Татарский общественный центр.

Результаты исследования, обсуждение

В Удмуртской Республике о работе Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» слышали 54 % опрошенных, не слышали 32 %, затруднились с ответом 14 %; об Обществе русской культуры (ОРК) слышали 33 %, нет – 47 %, затруднились с ответом 20 %; о Татарском общественном центре (ТОЦ) слышали 30 %, нет – 48 %, затруднились с ответом 21 % (табл. 1).

Таблица 1

Слышали ли Вы о деятельности республиканских национально-культурных объединений? (Удмуртия)

Вариант ответа	Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш»	Общество русской культуры	Татарский общественный центр
Да	54 %	33 %	30 %
Нет	32 %	47 %	48 %
Затрудняюсь ответить	14 %	20 %	21 %

В разрезе отдельных групп респондентов можно отметить, что по полу нет существенных отличий в ответах, а вот по возрасту очень заметна слабая осведомленность молодежи, которая, очевидно, вообще вопросами этнокультурного развития не интересуется. И, наоборот – чем старше респонденты, тем они более осведомлены о существовании и деятельности НКО, среди респондентов старше 60 лет большинство знает о работе указанных организаций. Среди респондентов-удмуртов степень осведомленности выше, чем среди русских, о деятельности «Удмурт кенеш» знают 78 %. Следует обратить внимание, что даже среди русских об «Удмурт кенеш» знает больше опрошенных (49 %), чем об Обществе русской культуры (32 %). Также степень осведомленности об Обществе русской культуры выше среди респондентов-удмуртов (40 %), чем русских (32 %). Это говорит о том, что «Удмурт кенеш» имеет определенную общественную репутацию в республике, а русское и татарское общества в социальном и информационном пространствах представлены более слабо.

Подавляющее большинство экспертов уверены в том, что республиканские общественные организации этнокультурной направленности, даже самые крупные и представительные, недостаточно известны жителям Удмуртии. Так, три четверти опрошенных уверены, что жители республики, скорее, не осведомлены или совсем не осведомлены о деятельности Всеудмуртской ассоциации «Удмурт Кенеш», и лишь около четверти полагают, что достаточно осведомлены или, скорее, осведомлены. Примерно та же пропорция ответов наблюдается и в отношении Общества русской культуры и Татарского общественного центра.

Как было отмечено выше, степень осведомленности населения о деятельности «Удмурт кенеш» составляла 54 %, а значит, мнения жителей и экспертов почти полностью совпали. Чего нельзя сказать в отношении русского и татарского обществ. Здесь ожидания экспертов явно завышены (почти каждый второй эксперт), а в реальности лишь около трети респондентов знают о деятельности этих организаций. Очевидно, что эксперты, как специалисты в данных вопросах, сами больше знают о работе НКО и невольно проецируют свои взгляды на общественное мнение. Такая ситуация характерна для всех регионов, участвовавших в исследовании.

В Марий Эл ответы населения показывают, что о деятельности национальных организаций в республике не все осведомлены. Более других респонденты знают о работе Центра марийской культуры (60 %), в том числе марийцы – 78 %; женщины – 62 %, 30–59 лет – 63 %, 60 лет и старше – 67 %. Достаточно осведом-

лены респонденты о Центре татарской культуры (48 %), в том числе марийцы – 51 %, 60 лет и старше – 58 %, женщины – 51 %. Наименее осведомлены жители о Центре русской культуры (36 %), в том числе марийцы – 39 %, 60 лет и старше – 67 %. Хуже всех осведомлены о деятельности этих организаций респонденты в возрасте 18–29 лет (не слышали о Центре русской культуры – 71 %, Центре марийской культуры – 59 %, Центре татарской культуры – 65 %) и русские (о Центре русской культуры – 61 %, Центре марийской культуры – 48 %, Центре татарской культуры – 57 %) (табл. 2).

Таблица 2

Слышали ли Вы о деятельности республиканских национально-культурных объединений? (Марий Эл)

Вариант ответа	Центр марийской культуры	Центр русской культуры	Центр татарской культуры
Да	60 %	36 %	48 %
Нет	37 %	57 %	50 %
Затрудняюсь ответить	3 %	7 %	2 %

Большинство экспертов в разной степени уверены, что жители республики достаточно осведомлены о деятельности Центра марийской культуры, но пятая часть экспертов сомневается в этом. О деятельности Центра русской культуры более половины экспертов считают, что население осведомлено в меньшей степени. Треть экспертов уверены, что население не осведомлено о работе Центра русской культуры, но только более трети жителей знают о Центре русской культуры, то есть менее, чем предполагают эксперты. Не совпадает мнение экспертов и жителей и по оценкам осведомленности о деятельности Центра татарской культуры. Более половины экспертов отметили, что жители достаточно осведомлены или, скорее, осведомлены о работе Центра татарской культуры, а треть экспертов сомневаются в осведомленности населения.

В Мордовии также был выявлен довольно низкий уровень осведомленности жителей республики о республиканских национально-культурных объединениях. Так, о Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа слышали или знают 30 % участников опроса; о НКА татар Республики Мордовия «Якташлар» («Земляки») – 25 % (но при этом все респонденты-татары осведомлены об этой организации), Фонд спасения эрзянского языка – 19 % (табл. 3).

Таблица 3

Слышали ли Вы о деятельности республиканских национально-культурных объединений? (Мордовия)

Вариант ответа	Межрегиональная ОО мордовского народа	НКА татар Республики Мордовия	Фонд спасения эрзянского языка
Да	30 %	25 %	19 %
Нет	59 %	61 %	69 %
Затрудняюсь ответить	12 %	14 %	13 %

Очевидно, что эксперты, многие из которых сами представляют интересы тех или иных этнокультурных организаций, несколько переоценили их известность и влияние. Так, более двух третей экспертов указали, что жители республики знают о Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (около половины экспертов указали, что «скорее, осведомлены», и чуть менее трети экспертов – что «достаточно осведомлены»). Противоположной точки зрения придерживаются менее трети экспертов (7 экспертов выбрали вариант «скорее, не осведомлены», и один эксперт выбрал вариант «не осведомлены»).

Также фактически две трети экспертов считают, что населению Мордовии знакома известная своей радикальной до недавнего времени риторикой общественная организация Фонд спасения эрзянского языка (чуть более трети экспертов выбрали по этой организации вариант «скорее, осведомлены», и чуть менее трети экспертов выбрали вариант «осведомлены»). Соответственно, треть экспертов считают, что население республики, скорее, не осведомлено о Фонде.

Наконец, что касается НКА татар Мордовии, то более двух третей экспертов придерживаются мнения, что данная организация известна жителям республики (около половины экспертов выбрали вариант «скорее, осведомлены», и чуть более одной пятой экспертов выбрали вариант «осведомлены»). Противоположной точки зрения придерживается менее трети экспертов (и один участник опроса затруднился с ответом).

Но при не очень высокой общей степени осведомленности, тем не менее большинство респондентов полагают, что национально-культурные объединения должны в той или иной мере участвовать в общественно-политической жизни региона, в том числе в выборных кампаниях. В ответах на данный вопрос есть отличия между рассматриваемыми регионами – идею активной деятельности НКО в большей степени поддерживают в Марий Эл (63 %) и Удмуртии (62 %), в меньшей – в Мордовии (52 %) (табл. 4).

Таблица 4

Должны ли национально-культурные объединения активно участвовать в общественно-политической жизни региона, в том числе в выборных кампаниях?

Варианты ответов	Марий Эл	Мордовия	Удмуртия
Да, должны	33 %	19 %	35 %
Да, в некоторых случаях	30 %	33 %	27 %
Нет, не должны	29 %	22 %	17 %
Другой ответ	0 %	1 %	1 %
Затрудняюсь ответить	8 %	25 %	20 %

В разрезе отдельных групп можно заметить, что в Удмуртии с необходимостью активной деятельности НКО согласны чаще женщины (65 %), чем мужчины (57 %), представители старшего возраста (72 %, молодежь и средний возраст – 56–59 %), респонденты-удмурты (77 %, русские – 64%).

В Марий Эл мнение населения о необходимости участия НКО в общественно-политической жизни республики почти в равных долях разделилось. Треть респондентов (33 %) ответили, что эти организации должны принимать активное участие в общественно-политической жизни республики (более других женщины – 37 %, марийцы – 45 %, 60 лет и старше – 40 %). Около трети (30 %) респондентов отмечает, что в некоторых случаях участие этих организаций возможно (более других мужчины – 31 %, 60 лет и старше – 31 %). Чуть менее трети (29 %) категорически против участия этих организаций в общественно-политической жизни республики (более других мужчины – 34 %, русские – 33 %, 30–59 лет – 33 %). 8 % респондентов затруднились дать ответ (в основном 18–29 лет). Таким образом, большинство респондентов не против участия НКО в общественно-политической жизни республики и выборных кампаниях. По мнению каждого пятого (19 %) респондента в Мордовии, НКО должны участвовать в общественно-политической жизни республики, в том числе в выборных кампаниях, и еще треть (33 %) считает, что, скорее, должны. Отрицают необходимость такого участия 22 %, и затруднились с ответом 25 %.

Некоторые респонденты давали свой вариант ответа, среди которых как положительные: «*исходя из принципа политического плюрализма, да, но на добровольной основе, а не на принудительной», «в общественно-политической жизни должны участвовать те, кто стремится создать благо для своего народа, независимо от того, в каком объединении состоит», «все граждане должны участвовать*

в жизни региона», «в общественной – должны, политизировать – нет», «имеют право», «все граждане должны участвовать в жизни региона», так и отрицательные: *«это только приведет к национализму в долгосрочной перспективе», «в выборных кампаниях нет», «они не нужны».*

Большинство экспертов также уверены, что НКО должны активно участвовать в общественно-политической жизни региона, около трети считают, что только в некоторых случаях, и лишь в отдельных случаях эксперты высказывались против такого участия. Показательно, что в данном вопросе затруднившихся с ответом почти не было.

В анкете для экспертов в отношении НКО присутствовали и несколько уточняющих вопросов. Так, среди управленческих мер, которые могут наиболее эффективно предупреждать этнополитические и межэтнические конфликты и способствовать социальной стабильности российского общества, большинство экспертов выделили на 1–2 позициях с наиболее высокой долей ответов поддержку национально-культурных объединений (Мордовия – 80 %, Марий Эл – 60 %, Удмуртия – 57 %). Также среди таких мер были названы деятельность консультативных и экспертных советов при органах власти различного уровня (Мордовия – 73 %, Удмуртия – 40 %, Марий Эл – 33 %); межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики, включая профилактику экстремизма и раннее предупреждение конфликтных ситуаций (Мордовия – 77 %, Удмуртия – 63 %, Марий Эл – 53 %); совершенствование механизмов адаптации и интеграции мигрантов (Мордовия – 70 %, Удмуртия – 40 %, Марий Эл – 37 %); постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений (Мордовия – 83 %, Удмуртия – 53 %, Марий Эл – 47 %); затруднились с ответом 3–7 % экспертов.

По мнению экспертов, количество действующих национально-культурных объединений нужно обязательно учитывать при проведении мониторинга этнополитической сферы и межнациональных отношений. Так считают 90 % экспертов в Мордовии, 30 % и 28 % в Удмуртии и Марий Эл. Среди других критериев были названы: факты этнических конфликтов (Мордовия – 100 %, Удмуртия – 70 %, Марий Эл – 67 %); соотношение представителей разных этносов в органах власти (Мордовия – 87 %, Удмуртия – 50 %, Марий Эл – 33 %); состояние нормативно-правового обеспечения этнокультурного развития и межэтнических отношений (Мордовия – 90 %, Удмуртия – 60 %, Марий Эл – 30 %); интенсивность этнокультурных мероприятий отношений в регионе (Мордовия – 87 %, Удмуртия – 27 %, Марий Эл – 23 %); затруднились с ответом 7–13 % экспертов.

Кроме того, эксперты указали, чем именно НКО могут быть полезны для органов власти в процессе реализации государственной национальной политики в регионе. На первое место поставили такое направление деятельности, как организация и проведение массовых этнокультурных мероприятий (Мордовия – 100 %, Удмуртия – 77 %, Марий Эл – 73 %). Далее в порядке значимости участие в разного рода экспертных структурах (Удмуртия – 77 %, Мордовия – 70 %, Марий Эл – 70 %), взаимодействие с мигрантами, их обучение правилам поведения в местном социуме (Мордовия – 73 %, Удмуртия – 63 %, Марий Эл – 50 %); внесение предложений по совершенствованию законодательства (Мордовия – 63 %, Удмуртия – 57 %, Марий Эл – 40 %); выдвижение кандидатур в органы власти (Мордовия – 57 %, Марий Эл – 37 %, Удмуртия – 33 %).

Среди наиболее эффективных форм популяризации знаний о позитивном опыте межнациональных отношений экспертами была определена деятельность национально-культурных объединений (Мордовия – 87 %, Марий Эл – 67 %, Удмуртия – 60 %); внедрение этнокультурных предметов в образовательный процесс (Мордовия – 93 %, Удмуртия – 67 %, Марий Эл – 47 %); специальные радио и телепрограммы (Марий Эл – 73 %, Удмуртия – 63 %, Мордовия – 40 %); деятельность Домов дружбы народов (Марий Эл – 50 %, Удмуртия – 47 %, Мордовия – 30 %); затруднились ответить 3 % экспертов.

Заключение

Результаты исследования показали, что НКО в общественном сознании и оценках экспертов признаются значимым институтом

гражданского общества, полезным для популяризации позитивного опыта межнациональных отношений. Но данные опроса выявили довольно слабую осведомленность граждан об их деятельности и недостаточную вовлеченность организаций в процесс реализации государственной национальной политики. НКО недостаточно активно проявляют себя в общественно-политической жизни, степень их узнаваемости мала, потенциал не раскрыт, сотрудничество с органами власти на республиканском и местном уровнях может быть более эффективным по целому ряду актуальных социальных вопросов.

Поддержка НКО на государственном уровне признается одной из наиболее эффективных управленческих мер по предупреждению этнополитических и межэтнических конфликтов, сохранению социальной стабильности российского общества. Для укрепления своего авторитета и общественно-политического влияния НКО следует продумывать стратегии популяризации своей деятельности. Большинство респондентов не против более активного участия НКО в общественно-политической жизни республик и даже выборных кампаниях. Тем более большинство респондентов считают, что политические партии России не уделяют должного внимания национальным проблемам. Накануне переписи населения 2021 года возможна активизация деятельности НКО с предложениями о необходимости сохранения этнокультурных традиций, идентичности, статуса региона и др. Также опрос показал, что в общественном сознании присутствует определенный запрос на авторитетных лидеров национального движения. Потенциал НКО реализуется в этом отношении не в полной мере. Возможности НКО заключаются не только в проведении массовых этнокультурных мероприятий, но также в участии в общественных и экспертных советах, взаимодействии с мигрантами, разработке предложений по совершенствованию законодательства и т.д.

Материалы исследования позволяют сделать вывод, что НКО для укрепления авторитета и общественно-политического влияния в своей работе следует больше внимания уделять развитию социальных коммуникаций, активизации информационной работы, развитию партнерских отношений с другими институтами гражданского общества, продумывать действенные механизмы популяризации своей деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Воронцов В.С. Национально-культурная автономия // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 138. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 55–58.

Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов / ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В. М.: ИЭА РАН, 2013. 215 с.

Ерофеев Ю.И. Национально-культурные автономии и объединения: статистика и комментарии. М.: ИЭА РАН, 2010. 146 с.

Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: новые перспективы // Государственная национальная политика: экспертное мнение / ред. Степанов В.В., Черных А.В. М.: ИЭА РАН, 2018. 380 с.

Институты гражданского общества в межнациональных отношениях / под ред. В.А. Тишкова. М.: ИАЭ РАН, 2014. 190 с.

Материалы научно-практической конференции «Роль общественных организаций в становлении гражданского общества в России» в рамках мероприятий к 60-летию Общества «Знание» России и Удмуртской Республики / под ред. К.А. Пономарева, Е.В. Шудегова. Ижевск, 2007. 134 с.

Солодухина Т.К., Солодухин В.И. Вклад этнокультурных объединений в гармонизацию межнациональных отношений в России // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 114–116.

Черниенко Д.А. Региональные национально-культурные объединения как форма гражданского активизма (на примере Удмуртской Республики) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы IV Всерос. науч.-практ. онлайн конф., посвящ. 100-летию ТАССР, г. Казань, 7–8 окт. 2020 г. / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 188–191.

Якимова Т.Б. Некоммерческие организации как основной институт гражданского общества // Вестник ТГПУ. 2013. № 12 (140). С. 116–119.

Vladimir Vorontsov, Denis Chernienko

ACTIVITIES OF ETHNO-CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE REGIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT IN PUBLIC OPINION AND EXPERT ASSESSMENT (THE REPUBLIC OF MARI EL, THE REPUBLIC OF MORDOVIA, AND THE UDMURT REPUBLIC)

Introduction. It is important to study how public consciousness views civil society institutions being involved in the state national policy realization at regional levels in modern Russia. **The purpose of the article** is to analyze public opinion and experts' assessments of the socio-political significance of ethno-cultural associations, their role in regional ethno-political processes, and the socio-cultural life of the republics. **Materials and methods.** The article deals with the results of the 2020 sociological survey devoted to the study of the ethnic factor in socio-political life of the regions of the Volga Federal District using as an example the Republic of Mari El, the Republic of Mordovia, and the Udmurt Republic. A questionnaire survey of the population (300 respondents) and experts (30 respondents) in each region has been conducted. **Research results, discussion.** The research results show that public organizations involved in ethno-cultural activities are recognized as important institutions of civil society. **Conclusion.** It has been concluded, however, that their multifaceted activities are poorly known to the population. The organizations are not active enough in public and political life and in the media space, which makes it difficult to reveal their social potential, consisting not only in organizing ethno-cultural events, but also in participating in the educational, expert advisory activities, interacting with migrants, and in developing proposals for improving legislation.

Keywords: state national policy; civil society; interethnic relations; ethno-cultural associations; public opinion; ethnic factor; ethno-political processes.

REFERENCES

Vorontsov V.S. Natsional'no-kul'turnaia avtonomiia [National cultural autonomy]. *Biulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov*. Moscow, Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, 2008, no. 138, pp. 55-58. (In Russ).

Grazhdanskie initsiativy v sfere etnicheskoi politiki. Vozmozhnosti posrednichestva grazhdanskikh struktur v dele preduprezhdeniia i uregulirovaniia etnicheskikh konfliktov [Civic initiatives in the sphere of ethnic policy. Opportunities for civic mediation in the prevention and resolution of ethnic conflicts]. Ed. Zorin V.Iu., Stepanov V.V. Moscow, Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, 2013, 215 p. (In Russ).

Erofeev Iu.I. Natsional'no-kul'turnye avtonomii i ob"edineniia: statistika i kommentarii [National cultural autonomies and associations: statistics and comments]. Moscow, Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, 2010, 146 p. (In Russ).

Zorin V.Iu. Strategiia gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: novye perspektivy [Strategy for state national policy of the Russian Federation: New Perspectives]. *Gosudarstvennaia natsional'naia politika: ekspertnoe mnenie*. Ed. Stepanov V.V., Chernykh A.V. Moscow, Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, 2018, 380 p. (In Russ).

Instituty grazhdanskogo obshchestva v mezhnatsional'nykh otnosheniiakh [Civil society institutions in inter-ethnic relations]. Ed. V.A. Tishkov. Moscow, Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, 2014, 190 p. (In Russ).

Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rol' obshchestvennykh organizatsii v stanovlenii grazhdanskogo obshchestva v Rossii» v ramkakh meropriiatii k 60-letiiu Obshchestva «Znanie» Rossii i Udmurtskoi Respubliki [Materials of the scientific and practical conference «The Role of Public Organisations in the Development of Civil Society in Russia» as part of the events for the 60th anniversary of the Znanie Society of Russia and the Udmurt Republic]. Ed. K.A. Ponomarev, E.V. Shudegov, Izhevsk, 2007, 134 p. (In Russ).

Solodukhina T.K., Solodukhin V.I. Vklad etnokul'turnykh ob"edinenii v garmonizatsiiu mezhnatsional'nykh otnoshenii v Rossii [Contribution of ethno-cultural associations to the harmonisation of inter-ethnic relations in Russia]. *The world of science, culture and education,* 2019, no. 1 (74), pp. 114-116. (In Russ).

Chernienko D.A. Regional'nye natsional'no-kul'turnye ob"edineniia kak forma grazhdanskogo aktivizma (na primere Udmurtskoi Respubliki) [Regional national-cultural associations as a form of civic activism (case study of the Udmurt Republic)]. *Pozitivnyi opyt regulirovaniia etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi onlain konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu TASSR, g. Kazan', 7–8 oktiabria 2020 g.* / Ed. G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2020, pp. 188-191. (In Russ).

Iakimova T.B. Nekommercheskie organizatsii kak osnovnoi institut grazhdanskogo obshchestva [Non-profit organisations as the main institution of civil society]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 12 (140), pp. 116-119. (In Russ).

Воронцов Владимир Степанович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
УдГУ, г. Ижевск
e-mail: vvorontsov@rambler.ru

Черниенко Денис Аркадьвич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
УдГУ, г. Ижевск
e-mail: denis_chernienko@mail.ru

Vladimir Vorontsov
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher,
Udmurt State University, Izhevsk
e-mail: vvorontsov@rambler.ru

Denis Chernienko
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher,
Udmurt State University, Izhevsk
e-mail: denis_chernienko@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 811.511.151

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА О.А. СЕРГЕЕВА (К 60-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

© 2021 г. М.Т. Ипакова

В сентябре 2021 года исполнилось 60 лет известному марийскому ученому-лингвисту Олегу Арсентьевичу Сергееву. Он является одним из талантливых деятелей науки Республики Марий Эл. Его имя широко известно не только среди финно-угроведов России, но и среди ученых-лингвистов зарубежных стран. Велика его заслуга в развитии культурных связей между Республикой Марий Эл и Финляндией. Исследователь внес весомый вклад в развитие марийского языкознания, опубликовал более 300 научных работ, в том числе 12 книг, монографий, учебников и учебных пособий. Основные направления научной деятельности ученого – изучение памятников письменности марийского языка и их стилистических особенностей, проблемы лексикологии, лексикографии, литературного языка, своеобразие языка художественной литературы, словообразования и стилистики марийского языка.

Олег Арсентьевич родился 9 сентября 1961 года в деревне Малый Кулеял (*мар*. Энгерӱмбал) Моркинского района Марийской АССР. Родители – Пелагия Николаевна и Арсений Андриянович Сергеевы – колхозники.

В 1968–1971 годах учился в Большекулеяльской начальной школе, затем – в Азъяльской средней школе (1971–1978). После школы поступил в Марийский государственный университет. Окончил отделение марийского языка и литературы, русского языка и литературы историко-филологического факультета с присвоением квалификации «Филолог. Преподаватель марийского языка и литературы. Преподаватель русского языка и литературы» (1983).

Педагогическую деятельность О.А. Сергеев начал в 1983 году в качестве учителя родного языка и литературы Азъяльской средней школы Моркинского района Марийской АССР. В 1986 году будущий ученый поступил в очную целевую аспирантуру при кафедре финно-угорских языков Тартуского государственного университета (Эстония). 17 декабря 1990 года на заседании Специализированного совета Тартуского университета молодой аспирант защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рукописные словари марийского языка XVIII–XIX веков», в 1991 году ему присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

После защиты кандидатской диссертации у О.А. Сергеева начинается научная и преподавательская деятельность. В 1989–2010 годах работал преподавателем Марийского государ-

ственного университета: с 1989 по 1992 год являлся ассистентом кафедры марийского языка и литературы, в 1993 году переведен на должность доцента этой же кафедры, в 1995 году ему присвоено звание доцента по кафедре марийской и финно-угорской филологии, с 2000 по 2007 год – доцент кафедры марийского языка историко-филологического факультета, с 2007 по 2010 год – заведующий кафедрой общего и финно-угорского языкознания института финно-угроведения. С 1995 по 2007 год был заместителем декана историко-филологического факультета по учебной, воспитательной и научной работе, руководил методическим семинаром.

Научные интересы его весьма многогранны. Значительный вклад языковед внес в изучение марийского словообразования. В 1995 году опубликовано его учебное пособие для углубленного изучения марийского языка «Марий йылме. Мут ышталтмаш» («Марийский язык. Словообразование»). В этом пособии исследовано словообразование имен существительных, имен прилагательных, глаголов и наречий. Автором описаны морфологический, лексико-синтаксический и морфолого-синтаксический способы образования слов в марийском языке. Это учебное пособие предназначено как для специалистов-филологов, так и для студентов и школьников старших классов.

В последующие годы О.А. Сергеев занимается изучением памятников письменности марийского языка прошлых веков. По этой теме к настоящему времени ученый опубликовал более 200 работ, в том числе по вопросам письменности издал четыре монографии: 1) Тошто марий мутер-влак: XVIII–XIX курымласе кид дене возымо марий мутер-влакын йылмышт («Рукописные марийские словари: Язык неопубликованных марийских словарей XVIII–XIX вв.») (2000); 2) Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков (2002); 3) Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом (2003); 4) Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря) (2020).

В 2000 году впервые увидела свет его книга о рукописных марийских словарях, языке неопубликованных марийских словарей XVIII–XIX веков «Тошто марий мутер-влак: XVIII–XIX курымласе кид дене возымо мутер-влакын йылмышт». Этот труд подготовлен на основе написанной автором кандидатской диссертации «Рукописные словари марийского языка XVIII–XIX вв.». Монография издана на средства Общества М.А. Кастрена (Финляндия).

В 2002 году юбиляр издал книгу под названием «Истоки марийской письменности». В монографии дается подробное и целостное описание, а также имеются историко-лингвистические и палеографические интерпретации рукописных словарей марийского языка предшествующих двух столетий. Автором выявлены в меру возможностей существующие рукописные лексикографические труды по марийскому языку; установлено время создания первичных двуязычных словарей и внесены коррективы в их хронологию; определены их диалектные основы; создана классификация рукописей по охвату материала словарей, словариков, тематических словников, «речений», определены типы словарей; установлены первичные и вторичные варианты словарей; определены объемы словарей с использованием элементов статистического анализа; освещены основные стороны лексикографической практики в сравнительно-историческом плане. Основная часть анализируемого материала извлечена из разных печатных и рукописных источников. Однако главным объектом исследования автора были марийские переводные рукописные памятники XVIII–XIX веков. Кроме того, им использованы материалы, хранящиеся в научном рукописном фонде библиотеки МарНИИЯЛИ. Источниками исследования явились рукописные словари по марийскому языку, имеющиеся в фондах архивов и библиотек России. В Архиве Санкт-Петербургского отделения Российской АН изучены 17 рукописных глоссарий, в Архиве Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения АН России – два, в рукописном отделе Российской национальной библиотеки – четыре, в Государственном архиве Нижегородской области – один, в Государственном архиве

Кировской области – три, в отделе рукописей и редких книг библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета – семь и в научном рукописном фонде библиотеки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева – один.

Следующая не менее значимая работа марийского исследователя – «Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом» (2003). История создания рукописных словарей марийского языка имеет двухвековую давность, однако до сих пор они не были опубликованы и поэтому не были доступны широкому кругу исследователей. Автором сделан подробный анализ истории изучения рукописных словарей марийского языка XVIII–XIX веков, а также «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис…». Дается сравнительная характеристика обоих вариантов «Словаря…» нижегородского и санкт-петербургского. Текст «словаря Дамаскина» написан скорописью и занимает в данной книге основное место. При издании для лингвистической интерпретации О.А. Сергеевым заказан микрофильм, затем отпечатаны фотографии.

Олег Арсентьевич внес большой вклад в развитие лексикографии. Он является составителем терминологических словарей: 1) Марий анатомий мутер. Марийско-русский, русско-марийский анатомический словарь (2004); 2) Словарь терминов по биологии на марийском языке для общеобразовательных школ (2011). Юбиляр активно участвовал также в подготовке следующих словарей, изданных в Финляндии: 1) Reverse Dictionary of Mari (Cheremis). Обратный словарь марийского языка (*соавторы: Й. Луутонен, С. Сааринен, А. Мойсио, Л.С. Матросова*) (2002); 2) Electronic Word Lists: Mari, Mordvin and Udmurt including Jorma Luutonen, Sirkka Saarinen, Arto Moisio, Oleg Sergeyev, Lidiya Matrosova, Kazuto Matsumura: An Electronic Word List of Mari … and a special user interface program // SFOu Word List Tool 1.3 with introductory texts by Jorma Luutonen. (Электронные списки слов: марийский, мордовские и удмуртский языки) (Helsinki, 2007).

В 2010 году опубликовано учебное пособие О.А. Сергеева «Марий йылме. Стилистика. I ужаш» («Марийский язык. Стилистика. Часть I»). В нем автор на богатом иллюстративном материале, извлеченном из художественных произведений, публицистических текстов, источников устного народного творчества, раскрыл стилистическое богатство, выразительность имени существительного, имени прилагательного, имени числительного, местоимения и наречия современного марийского литературного языка. Своим исследованием юбиляр восполнил существующий пробел в марийском языкознании. Автором стилистическому анализу подвергнуты все грамматические категории имени существительного (число, падеж, притяжательность) и другие образные средства, богатыми иллюстративными материалами раскрыты стилистические возможности имени прилагательного. Особое внимание уделено как количественным, так и порядковым и дробным числительным. Отмечена их стилистическая роль в художественных, публицистических произведениях и фольклорных текстах. Особый интерес представляют имена числительные в таких фольклорных жанрах, как загадки, пословицы и сказки. Учебное пособие адресовано широкому кругу читателей: студентам, учителям, работникам газет и журналов, радио и телевидения, а также тем, кто интересуется выразительными средствами родного языка. В 2010 году монография участвовала на республиканском конкурсе «Книга года – 2010», где была отмечена Почетной грамотой Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, стала победителем международного конкурса в области науки (языкознание) среди представителей родственных народов, относящихся к уральской языковой семье (Тарту, Эстония, 2012).

С октября 2009 года О.А. Сергеев свою научную деятельность осуществляет в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ). Сначала он работал старшим научным сотрудником отдела языка. Восемь лет руководил этим отделом, с 2018 года – научным направлением «Лингвистика». В настоящее время работает в должности старшего научного сотрудника.

На основе исследования плановой темы О.А. Сергеевым подготовлена к изданию монография «Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.)». Одновременно работал по внеплановой теме, результатом которой является книга: «В. Крекнин, И. Платунов «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря)» (2020). Монография адресована широкому кругу читателей, интересующихся вопросами истории языка, письменности и литературного языка. Выбор потенциальной аудитории представленной работы обусловлен характером поставленных задач, которые предусматривают обзор истории изучения ранних письменных памятников марийского языка, а именно рукописного памятника 1785 года, составителями которого являются священнослужители Кукарской слободы В. Крекнин и И. Платунов.

Ценным в монографии является то, что ученый детально анализирует диалектную принадлежность рукописного источника. По его замечанию, в основе памятника лежат особенности не только лугового наречия, но и четко заметны фонетические и лексические особенности восточного наречия марийского языка. Определенное место в книге уделено такому разделу лексикографического произведения, как «Построение словарной статьи». Работа отличается глубоким и всесторонним анализом. Лексические единицы в словарных статьях представлены в оригинальном виде, через косую черту приводятся слова в современном написании. В конце монографии дан «Реестр русских слов и сочетаний».

Следующая книга – “Marin kirjakielten termistön kehitys 1920- ja 1930-luvulla. Elollista luontoa tutkivat tieteet” («Развитие терминов в марийских литературных языках в 1920–1930-е годы») – результат совместной научной деятельности марийских и финских ученых. Книга издана на финском языке. Авторами являются доктор философии (по уральским языкам) Йорма Луутонен, магистр Арто Мойсио (Туркуский университет), кандидаты филологических наук О.А. Сергеев (МарНИИЯЛИ) и Н.М. Краснова (МарГУ). Данный проект финансировался Фондом Коне с 2013 по 2016 год.

В монографии представлен подробный ономасиологический анализ лексики по биологии, зоологии, анатомии и ботанике, показаны особенности словообразования терминов, используемых в этих областях науки. Авторы и переводчики школьных учебников 1920–1930-х годов для создания новых слов использовали морфологические способы и семантические средства. По результатам исследования авторов монографии, при образовании терминов применялись суффиксация, словосложение и лексико-семантический способ, ср.: *тупрӱдыдымӧ илыше* ‘беспозвоночное животное’, *мланде пӱкш* ‘арахис’, *мӱйшудо* ‘клевер’ и др. Эта книга является очень значимой в марийском языкознании. Она представляет большую научную ценность для исследователей, научных работников, аспирантов, а также для составителей современных словарей.

В настоящее время О.А. Сергеев работает над темой «Язык православной литературы XIX – начала XX века на марийском языке».

Он выступал с докладами на более чем 170 научных конференциях, симпозиумах различного уровня, был участником VIII (Ювяскюля, Финляндия), IX (Тарту, Эстония), X (Йошкар-Ола, Россия), XI (Пилишчаба, Венгрия) и XII (Оулу, Финляндия) Международных конгрессов финно-угроведов.

Олег Арсентьевич является зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, 2008), председателем Марийского регионального комитета финно-угроведов (2009), членом Всероссийского комитета финно-угроведов (Ханты-Мансийск, 2009), Международного комитета финно-угроведов (Пилишчаба, 2010), Международного исполнительного комитета конгрессов финно-угроведов (Пилишчаба, 2010, переизбран – Оулу 2015), Международного оргкомитета «Языковые контакты народов Поволжья» (Турку, 2005), Правительственной комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл, Союза журналистов России (2014), редакционного совета научного журнала «Финно-угроведение» (2018), заместителем председателя Всероссийского комитета финно-угроведов (Ижевск, 2019), автором и ведущим радиопередачи «Ныжыл шочмо йылме» (с 2010 г.), лауреатом республиканского журнала «Ончыко» (2007), победите-

лем международного конкурса в области науки (языкознание) среди представителей родственных народов, относящихся к уральской языковой семье (Тарту, Эстония, 2012). До 2021 года был членом Комиссии при Главе Республики Марий Эл по Государственным премиям Республики Марий Эл в области литературы, искусства, архитектуры, науки и техники.

Олег Арсентьевич активно занимается редактированием, рецензированием рукописей. Им написано более 60 отзывов на рукописи монографий, учебно-методических пособий и словарей. Является редактором «Словаря марийских говоров Татарстана и Удмуртии» В.И. Вершинина (2011), дополнительного тома «Словаря марийского языка» (2019), сборников «Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения» (2011), «Государственная культурная политика и творческая деятельность на современном этапе. Материалы IV Республиканской научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (2015), «Актуальные проблемы современной компаративистики» (2019). Участвовал в редактировании материалов VIII Международного симпозиума по исследованию волжско-финских языков (2011), книги «На пути национального самоопределения. 100-летию I съезда народа мари посвящается: документы и материалы» (2017), научного электронного сборника по этнографии (2017), сборника «Эрвелмарий калыкын тӱвыра поянлыкше: ожнысо тӱсшӧ да тачысе сынже» (2020). Принимал участие в работе редакционной коллегии пяти научных сборников. Как научный консультант, большую помощь оказывает в подготовке к изданию монографий (по марийской части) авторам соседних регионов.

Активно выступает в СМИ (по радио, телевидению, в периодической печати) с научно-информационными сообщениями, дает интервью по актуальным проблемам марийского языка (более 60 выступлений и интервью). Подготовил и вел более 70 радиопередач «Ныжыл шочмо йылме» («Мой родной язык») и несколько телепередач. Автор радиопередач показывает себя как прекрасный знаток марийского языка, тонкий наблюдатель, хорошо знающий и чувствующий свою родную речь и мельчайшие оттенки семантики слова.

Ученый тесно сотрудничает с Министерством образования и науки Республики Марий Эл, Марийским институтом образования. Участвовал в подготовке вопросов и ответов по марийскому языку для районных, республиканских и межрегиональных олимпиад, контрольных работ по языку для аттестации школ Республики Марий Эл и Республики Татарстан. Являлся председателем комиссии по составлению контрольно-измерительных материалов (КИМ) для единого государственного экзамена (ЕГЭ) и непосредственно сам принимал в нем активное участие. О.А. Сергеевым в соавторстве с В.Н. Васильевым и Л.С. Матросовой было издано учебно-методическое пособие для ЕГЭ «Иктешлыше кугыжаныш экзаменын ышталтме ойыртемже да содержанийже: Марий йылме» («Особенности и содержание единого государственного экзамена: Марийский язык») (2003).

Юбиляр неоднократно принимал участие в составе жюри на республиканских и межрегиональных олимпиадах по марийскому языку и литературе, был членом жюри республиканской олимпиады по родному языку и литературе в Республике Татарстан, участвовал в аттестации марийских школ Удмуртской Республики. Читал лекции по стилистике, истории письменности, лексикологии и словообразованию марийского языка в Марийском институте образования для учителей-курсантов на курсах повышения квалификации.

По его инициативе и под его руководством с 2002 года при кафедре марийского языка Марийского государственного университета открыт курс марийского языка и культуры для иностранцев, который функционирует и в настоящее время. С 2013 года является председателем ГАК института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета.

Активно участвовал в международных проектах: «Язык и культурные традиции в процессе национальной идентификации у волжско-финских народов (в особенности у марийцев)» (Гамбург, Германия, 2002–2003), «Исследования российских народов учеными нерусского происхождения (1800–1855)» (Хельсинки, Финляндия – Лондон, Англия, 2005–2006), «Дореволюционные книги и рукописные словари

марийского языка XVIII – начала XX вв.» (Турку, Финляндия, 2007–2008), «Развитие лексики марийского языка в 20–30-х гг. XX века» (Турку, Финляндия, 2013–2016); в российском проекте: «Волжские земли в истории и культуре России» (Йошкар-Ола, 2011; 2012).

По приглашению Министерства просвещения Финляндии летом 1993 года О.А. Сергеев выезжал в г. Раума (Финляндия) на летние курсы финского языка. В 1995 году также по приглашению Шведского института он проходил научную стажировку в университете г. Уппсала. В 1994/1995, 1998/1999 учебных годах стажировался, проходил курсы повышения квалификации на кафедре финно-угорских языков университета г. Турку (Финляндия).

В 1998–1999 годах преподавал марийский язык в университетах гг. Турку и Хельсинки. Изучал эстонский, финский и турецкий языки. С 2000 по 2016 год ежегодно ездил в научные командировки в Туркуский университет, где продолжал работу над совместными проектами.

Юбиляр уделяет большое внимание подготовке молодых специалистов. Был руководителем одной кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук и одной докторской диссертации на соискание ученой степени доктора философии (по уральским языкам), оппонентом восьми кандидатских диссертаций соискателей из Саранска и Ижевска, двух диссертаций на соискание ученой степени доктора философии (по уральским языкам) (Тарту, Эстония).

Заслуги О.А. Сергеева в научной деятельности отмечены благодарственными письмами Министерства народного образования и науки Марийской АССР и обкома профсоюза работников народного образования и науки МАССР (1993), Министерства образования Республики Марий Эл (2001), почетными грамотами Министерства образования Республики Марий Эл (2001), Правительства Республики Марий Эл (2001), Государственного Собрания Республики Марий Эл (2011), Юбилейной почетной грамотой Государственного Собрания Республики Марий Эл, посвященной 90-летию образования Марийской автономной области (2011), Благодарностью Всемарийского Совета (2015), Благодарностью и Благодарственным письмом МарНИИЯЛИ (2017, 2020), Почетным званием «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл» (2006). Награжден памятной медалью «Служение народу. 125 лет Сергею Чавайну» (2013) и знаком «В.А. Абукаев-Эмгак» (2018).

В дни работы VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (г. Ижевск, 4–7 июля 2019 года) за большой вклад в развитие фундаментальной науки в области финно-угроведения ему вручено Благодарственное письмо (*Таукарон*) Государственного Совета Удмуртской Республики.

От всей души желаем уважаемому Олегу Арсентьевичу крепкого здоровья, благополучия и новых успехов!

Таза-эсен, кужу ӱмыран лийза, пагалыме Олег Арсентьевич!

МОНОГРАФИИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ, СЛОВАРИ О.А. СЕРГЕЕВА

Марий йылме. Мут ышталтмаш / Йылмым келгынрак тунемше-влаклан (Марийский язык. Словообразование). Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1995. 144 с.

Тошто марий мутер-влак: XVIII–XIX курымласе кид дене возымо марий мутер-влакын йылмышт (Рукописные марийские словари: Язык неопубликованных марийских словарей XVIII–XIX веков). Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2000. 152 с.

Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 192 с.

Reverse Dictionary of Mari (Cheremis). Обратный словарь марийского языка / Lexica societatis Fenno-Ugricae XXVIII. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2002. 446 p. (*соавторы: Й. Луутонен, С. Сааринен, А. Мойсио, Л.С. Матросова*).

Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. 536 с.

Иктешлыше кугыжаныш экзаменын ышталтме ойыртемже да содержанийже: Марий йылме. Учебно-методический полыш (*соавторы: В.Н. Васильев, Л.С. Матросова*). Йошкар-Ола, 2003. 78 с.

Марий анатомий мутер. Марийско-русский, русско-марийский анатомический словарь. Йошкар-Ола: Изд-во «Марево», 2004. 56 с.

Electronic Word Lists: Mari, Mordvin and Udmurt including Jorma Luutonen, Sirkka Saarinen, Arto Moisio, Oleg Sergeyev, Lidiya Matrosova, Kazuto Matsumura: An Electronic Word List of Mari … and a special user interface program // SFOu Word List Tool 1.3 with introductory texts by Jorma Luutonen. (Электронные списки слов: марийский, мордовские и удмуртский языки). Finno-Ugrian Society, Helsinki, 2007.

Марий йылме. Стилистика. I ужаш / Мар. гос. ун-т; О.А. Сергеев. Йошкар-Ола: Марий кугыжаныш ун-т, 2010. 208 с.

Словарь терминов по биологии на марийском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 47 с.

Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря) / О.А. Сергеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. 348 с.: ил. (Из истории отечественной лексикографии. Серия II).

Arto Moisio, Oleg Sergejev, Nadežda Krasnova, Jorma Luutonen. Marin kirjakielten termistön kehitys 1920-ja 1930-luvulla. Elollista luontoa tutkivat tieteet (monografia). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2020. 445 S.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сабанцев Г.Л. Тыршымыж дене тӱнямбал кӱкшытышкат шуэш // Ончыко. 2011. № 8. С. 122–127.

Максимов В.Н. К юбилею О.А. Сергеева // Финно-угроведение. 2011. № 2. С. 80–82.

Сабанцев Г.Л. Финн-угор йылме пеледышын тӱзланымыж верч // Ончыко. 2015. № 9. С. 9–10.

Сергеев Олег Арсентьевич // Марийская биографическая энциклопедия. 4905 имен в истории культуры и марийского народа / Изд. второе, доп. и перераб. Авт. проекта В. Мочаев. Йошкар-Ола: Мар. биогр. центр, 2017. С. 392.

Сергеев Олег Арсентьевич // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): биобиблиогр. сб. Йошкар-Ола, 2020. С. 228.

Ипакова Марина Тимерьяновна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: marinaipakova@rambler.ru

Marina Ipakova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: marinaipakova@rambler.ru

УДК 811.511.132

85 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.И. ТУРКИНА

© 2021 г. Е.А. Цыпанов

В этом году исполнилось 85 лет со дня рождения известного исследователя коми языка, финно-угроведа, доктора филологических наук, крупного специалиста в области изучения лексики и топонимии, истории коми-зырянских диалектов, переводчика на коми язык, поэта, популяризатора филологических наук А.И. Туркина.

Адольф Иванович Туркин родился 1 января 1936 года в дер. Ероздино (по-коми Йӧрӧзьдін) Усть-Вымского района Коми АССР. После окончания в 1955 году Айкинской средней школы он служил в военно-морском флоте на Дальнем Востоке, после чего два года проработал корреспондентом районной газеты. Уже тогда молодой человек увлекся языкознанием, вопросами изучения коми языка, что привело его к поступлению в один из столичных университетов (в Коми АССР тогда был лишь один вуз – Коми педагогический институт, где научная составляющая была в примитивном виде, так как вся подготовка студентов сводилась к обучению методике преподавания коми языка и литературы в средней школе). В 1959–1964 годах молодой человек учится на филологическом факультете Ленинградского государственного университета имени А. Жданова по направлению «Финский язык и литература, русский язык и литература». Во время учебы коми студент женился на эстонской девушке Элле-Май и прожил с ней всю жизнь в Таллине, в семье родились два сына. После окончания вуза А.И. Туркин в течение года работал переводчиком в Финляндии на строительстве промышленного объекта, затем преподавателем русского языка в Тартуском государственном университете. С 1968 года молодой человек учился в аспирантуре Коми филиала АН СССР с прикомандированием в Москву в Институт языкознания АН СССР. Научным руководителем аспиранта был доктор филологических наук профессор В.И. Лыткин (Илля Вась). В 1966–1968, 1971–1973 годах Туркин работал младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. В 1972 году в Москве, в Институте языкознания АН СССР, он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Топонимия нижней Вычегды». В дальнейшем его жизнь была связана с Эстонией. С 1973 по 1996 годы А.И. Туркин работал лаборантом, младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником в секторе финно-угорских языков Института эстонского языка АН Эстонии (Таллин). В 1989 году в Москве в Институте языкознания он защитил докторскую диссертацию на тему «Топонимия Коми АССР (лингвистический анализ)». Однако доктором наук он был недолго: Адольф Иванович скоропостижно скончался 18 июня 1996 года в Таллине, в следующем году его прах был перезахоронен на родине на кладбище с. Айкино рядом с могилой матери.

Сам я познакомился с А.И. Туркиным в 1979 году во время учебы в Сыктывкарском государственном университете имени 50-летия СССР на диалектологической практике в с. Ношуль Прилузского района. Затем ученый читал нам спецкурсы по коми топонимии и финскому языку. Позднее встречались в Сыктывкаре и в других городах во время проведения конгрессов и конференций финно-угроведов. Уже тогда меня поразила широта его научных интересов, познания в разных сферах, видно было, что он Филолог с большой буквы.

Основным направлением научного творчества А.И. Туркина была коми топонимия и шире – ономастика. Сбору и систематизации разнообразного материала он посвятил более тридцати лет. Начиная с 1966 года Адольф

Иванович собирал топонимический материал в экспедициях на территориях бассейнов рек Вычегды (1966–1969 годы), Выми и Сысолы (1973 год), Вашки и Мезени (1978 год), Лузы и Летки (1979 год), Ижмы (1980 год), Печоры (1981 год). В его работах были разработаны основы научного исследования коми топонимов, критически рассмотрены предыдущие работы по теме, установлены закономерности адаптации коми названий в русской топонимической системе, определены лексико-семантические типы коми топонимов, выявлена исчезнувшая и архаическая лексика коми языка, сохранившаяся только в топонимии, выделены этнолингвистические пласты. Помимо топонимики исследователь занимался и другими проблемами коми языкознания. Одно из направлений его исследований – выявление и описание памятников письменности коми языка XVI и XIX веков. С большим интересом работал он в архивах и библиотеках, посвящая этому все свое свободное время. Ученый известен и как исследователь контактов коми языка с ненецким и саамским языками. Кроме того, А.И. Туркин активно рецензировал почти все крупные работы по коми языкознанию на страницах журнала «Советское финно-угроведение», который с 1989 года издается под названием «Linguistica Uralica». Им написано и опубликовано более 200 научных работ.

Адольф Иванович занимался и другими актуальными филологическими проблемами. Одним из первых ученый обратился к исследованию творчества коми ученого и русского писателя серебряного века К.Ф. Жакова (1866–1926), гораздо раньше литературоведов подготовил и издал сборник его рассказов, очерков, сказок и преданий под названием «Под шум северного ветра» (Сыктывкар, 1990) с обширным предисловием и комментариями. Он открыл для научной и литературной общественности малоизвестного писателя и ученого И.Н. Мошегова (Игнатий Мӧсшег), по национальности коми-пермяка (1880–1965), который с 1920 года жил в Финляндии и свои исторические труды писал по-фински. А.И. Туркин широко известен как переводчик финской и эстонской литературы на коми язык. Он перевел часть карело-финского эпоса «Калевала», произведения финских писателей Мартти Ларни и Эльви Синерво, эстонских авторов Оскара Лутса, Антона Хансена Таммсааре и Аугуста Якобсона. Исследователь также перевел пьесу «Куллерво», поставленную на сцене Коми драмтеатра в конце 1980-х годов. В те времена А.И. Туркин был единственным специалистом, способным сделать такие переводы на коми язык с оригинальных текстов, имеющим специальное образование.

Живя на чужбине много лет, Адольф Иванович всегда тосковал по родине, что хорошо видно из его опубликованного в 1992 году стихотворения (далее перевод дословный):

И вӧлі горт
И Чужан му.
Юдорса сёрд —
Бать-мамлӧн гу.
Но муні ылӧ,
Эновті горт,
Йӧз пӧвстас сылі —
Ни вок, ни ёрт.
Оз сулав ставыс
Морт олӧм дон,
Но киссьӧм ватӧ
Он курав, он!
И коркӧ, гашкӧ,
Ас муӧ воа,
Но кодӧн сэки
Ме сэні лоа?

И было родное гнездо
И Родная земля.
Прибрежный низинный ельник –
Могилы родителей.
Но уехал далеко,
Покинул родину,
Среди людей растворился –
Ни брата, ни друга.
Не стоит всё
Цены жизни человека,
Но пролитую воду
Не соберешь, нет!
И, может быть, когда-то
Возвращусь на свою землю,
Но кем тогда
Я там буду?

90-е годы прошлого века были особенно продуктивными для А.И. Туркина: в Сыктывкарском университете открылись новые возможности для привлечения ученого в качестве преподавателя и руководителя работами коми аспирантов, за что Адольф Иванович взялся

с воодушевлением. Его часто приглашали для чтения докладов в Финляндию, Германию, Венгрию, родную Россию. Свой вклад он внес и в работу по переводу Библии на коми язык, осуществляемую Институтом перевода Библии (Стокгольм–Хельсинки). Открылась для него также возможность основать собственную научную школу по коми топонимии. К сожалению, лишь два его аспиранта успели защитить свои кандидатские диссертации (А.Г. Мусанов по топонимике Прилузского района Республики Коми и О.П. Аксенова о коми-пермяцких географических терминах).

Всевышний отмерил для Адольфа Ивановича всего 60 лет жизни. В принципе, он всегда творил для своего народа, все книги его были изданы в Коми Республике в Сыктывкаре, в Эстонии вышел лишь один его небольшой препринт. Благодаря бывшему директору Музея просвещения Коми края Сыктывкарского госуниверситета М.И. Бурлыкиной два его крупных труда были опубликованы (словарь топонимов и текст его докторской диссертации) уже после кончины ученого.

Адольф Иванович являлся действительным членом Общества родного языка (Таллин, 1977), зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, 1983), зарубежным членом общества «Калевала» (Хельсинки, 1985), членом-корреспондентом Финского литературного общества (Хельсинки, 1990), действительным членом Урало-алтайского общества (Гёттинген, 1990). В 1987 году ученый был награжден юбилейной медалью общества «Калевала» (Хельсинки), в 1997 году посмертно удостоен Государственной премии Республики Коми в области науки.

Коми войтыр оз вунӧд ассьыс енбиа писӧ!

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ А.И. ТУРКИНА

Топонимия нижней Вычегды: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1972. 45 с.

Топонимия Коми АССР (лингвистический анализ): автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 1989. 45 с.

Кӧні тэ олан (места нимъяс йылысь висьтъяс). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. 130 с.

Краткий коми топонимический словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 112 с.

Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 140 с.

Топонимия Республики Коми (лингвистический анализ). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 498 с.

Туркин А.И. Топонимический словарь Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. 362 с.

Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики: Препринт ИЯЛ АН Эстонской ССР. Вып. 31. Таллин, 1985. 38 с.

Архаическая лексика коми языка в топонимике Вычегды // Советское финно-угроведение. 1972. № 4. С. 227–283.

Русско-зырянский словарь Н.П. Попова // Советское финно-угроведение. 1976. № 4. С. 294–299.

О втором варианте русско-зырянского словаря Н.П. Попова // Советское финно-угроведение. 1977. № 4. С. 293–296.

Коми-ненецкие языковые контакты // Советское финно-угроведение. 1985. № 3. С. 190–203.

Материалы по коми языкам в архиве А.М. Шёгрена // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 3. Л., 1977. С. 86–93.

Об одном малоизвестном памятнике древнепермской письменности // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993 / Hrsg. von U.M. Kulonen. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1993. С. 277–281. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 215).

О взаимоотношениях коми и саамского языков // Linguistica Uralica. 1994. № 1. С. 19–27.

Цыпанов Евгений Александрович
доктор филологических наук,
заведующий отделом языка, литературы
и фольклора Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

Evgeniy Tsypanov
Doctor of Philology,
Head of the Department of Language, Literature and Folklore, The Institute of Language, Literature and History of The Komi Research Centre,
The Ural Branch of The Russian Academy of Sciences,
Federal Research Centre «Komi Research Centre of The Ural Branch of The Russian Academy of Sciences»,
Syktyvkar,
e-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.511.151

Рец.: Сибатрова С.С. Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 426 с.

© 2021 г. Э.И. Пекшеева

Марийско-русские языковые контакты имеют почти тысячелетнюю историю, и вполне естественно, что марийский язык испытал со стороны русского языка значительное влияние. Изучение влияния русского языка на марийский было и остается одним из актуальных направлений марийской лингистической науки. В марийском языкознании представлено немало работ, посвященных марийско-русским языковым контактам, прежде всего разностороннему влиянию русского языка на марийский. Имеются многочисленные статьи по проблемам марийско-русского двуязычия, истории контактов марийского и русского народов и их языков, воздействия русского языка на все стороны марийского – на фонетику, лексику и семантику слов, фразеологию, морфологию, словообразование, синтаксис, возникновение и развитие литературного языка, на его диалекты. При этом ученые чаще всего интересовались различными аспектами лексических заимствований. Однако влияние русского языка на морфологическую систему марийского языка оставалось вне поля зрения специалистов. В связи с этим исследование, посвященное последовательному изложению вопросов марийско-русских языковых контактов на морфологическом уровне языковой системы марийского языка, является вполне своевременным. Необходимо отметить, что нет такой работы и в отечественном финно-угроведении. Актуальность рецензируемой монографии продиктована как неоспоримой значимостью самой темы, так и крайне недостаточной разработанностью ее в марийском языкознании.

Монография представляет собой первый системный труд, разносторонне освещающий воздействие русского языка на марийские части речи – на их лексический состав и некоторые грамматические формы и свойства.

Источниковой базой этого комплексного исследования стали языковые данные, извлеченные автором из марийских словарей (орфографических обеих литературных норм, десятитомного толкового и русских заимствований, этимологических, диалектных, терминологических, тюркских заимствований), также из современных научных грамматик, в т.ч. диалектных, и из других работ теоретического характера по марийскому языку. Привлекалась лексическая картотека МарНИИЯЛИ, насчитывающая более двух миллионов карточек с иллюстрациями словоупотреблений в предложениях, которые были взяты из произведений марийских писателей, периодической печати, диалектологических материалов и др. Исследование проведено главным образом на фактическом материале литературных норм – лугово-восточной и горномарийской, однако отрадно, что в нем нашли отражение и диалектные особенности языка.

Настоящая работа состоит из введения, одиннадцати разделов с подразделами и последующими выводами в них, заключения, списка условных сокращений, списка литературы и источников. В разделах и подразделах впервые подробно рассматриваются проблемы, в полной мере отвечающие заявленной теме: история изучения рассматриваемого вопроса; пополнение лексического состава частей речи

и по необходимости их отдельных групп за счет заимствований и собственных производных, образованных от основ русизмов и при помощи морфем русского происхождения, а также за счет калек и полукалек; фонетическое и морфологическое освоение заимствований (имен существительных и глаголов); грамматические формы и средства русского происхождения и модели формообразования; основные изменения в синтаксическом функционировании отдельных частей речи. При этом, как правило, отмечены и учтены достижения предыдущих марийских и финно-угорских лингвистов в изучении освещаемых проблем. На основе достоверных материалов подвергнуты тщательному анализу в рамках частей речи заимствования из русского языка, собственные производные слова, образованные на базе и с участием различных единиц (основ, префиксов, суффиксов) русского происхождения, а также созданные по моделям, типичным для русского языка. Автор доказывает свое мнение значительным иллюстративным материалом с применением статистических данных. Успешному достижению цели и решению поставленных задач способствовало применение автором таких методов, как описательно-аналитический, сопоставительный, сравнительно-исторический, а также приемов лексикографического (этимологического) описания.

Новаторство работы состоит не только в постановке и изложении вышеназванных вопросов и проблем, но и в том, что автором уточнены особенности морфологического освоения в луговом наречии и лугово-восточной литературной норме марийского языка глаголов типа *жаритлаш* ‘жарить’, *заниматлаш* ‘заниматься’ (форма на *-лаш*, т.е. с суффиксом *-л*), в горном наречии и горномарийской литературной норме – *служаш* ‘служить’, *мешаяш* ‘мешать’ (бессуфиксальная форма) (с. 377). Наряду с этим получило новое объяснение происхождение отдельных диалектных морфологических форм превосходной степени сравнения: при участии русских заимствований и по моделям языка-источника превосходная степень в горном наречии и горномарийской литературной норме (*сек яжо* ‘лучше всех’, *самый*/*самой цевер* ‘самый красивый’), а также в северо-западном наречии (*запсек* ‘самый, наи-’) и в отдельных говорах лугового наречия (*сек*, *самый*) (с. 376). Кроме того, в ходе исследования автором предложены новые версии этимологий ряда слов, например, обращение л. *чӹгӓ* (с. 344), форма превосходной степени *запсек* (с. 126), возгласы г. *кӹш*, *ӹш*, с-з. *кӱ$^{ӧ̈}$ш*, л., в. *кӱш* (с. 370); выработаны общие и частные научные подходы, которые позволили в целом правильно выявить, систематизировать и проанализировать изменения в морфологической системе марийского языка, произошедшие под воздействием русского. В результате скрупулезной работы над источниками С.С. Сибатровой выявлено около 90 единиц для подзыва и отгона домашних животных. Результаты изучения происхождения подобных слов подтверждают вывод о том, что «междометия этой группы в основном булгаро-чувашского, татарского и русского происхождения» (с. 356).

На основе проведенного исследования С.С. Сибатрова заключает, что преимущественная доля явлений в морфологии, возникших и получивших развитие вследствие воздействия русского языка, относится к категории существительных, которые являются свидетельством тесных многовековых марийско-русских контактов в самых разных областях общества, непрерывных изменений, происходящих в них (с. 373, 374). В заключении исследования автор отмечает, что влияние русского языка на марийскую морфологию проявляется в заимствовании многочисленных слов разных частей речи и в морфологическом, и лексико-синтаксическом словообразовании знаменательных частей речи. Однако заимствования в полной мере подчиняются грамматическим нормам марийского языка и почти не нарушают его морфологической – формообразовательной и словоизменительной – специфики (с. 383).

Вместе с тем следует отметить отдельные недочеты, которые, на наш взгляд, имеются в работе. В монографии недостаточное отражение нашли достижения финно-угорских лингвистов и сравнительные материалы из финно-угорских языков. В некоторых местах не достает органичности включения в текст сравнительных и иных данных из родственных языков. Однако, несмотря на данные недоработки, монография С.С. Сибатровой является цельным трудом, имеющим

теоретическую и практическую значимость. Безусловно, полученные результаты, представленные в монографии, как и выводы, не вызывают сомнений. Они имеют значительную ценность как для разработки теоретических вопросов марийской морфологии в аспекте влияния на нее русского языка, так для практики: окажут немалую помощь в педагогической деятельности, в преподавании лингвистических курсов для студентов; могут найти применение в разработке отдельных разделов лекций и практических занятий, учебных пособий и сборников упражнений по марийской морфологии, лексикологии, словообразованию и истории языка. Работа может стать одним из факторов начала подобного изучения морфологии других финно-угорских языков. Исследование будет полезно не только марийским лингвистам, но и специалистам по другим финно-угорским языкам и языковым контактам, преподавателям вузов, учителям школ, студентам, учащимся старших классов и всем интересующимся вопросами марийско-русских языковых контактов, марийской морфологии.

В целом монография С.С. Сибатровой «Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка» является серьезным научным вкладом в изучение морфологических проблем не только марийского языкознания, но и всего финно-угроведения.

Пекшеева Эльвира Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола,
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Elvira Peksheeva
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

УДК 391(470.343)

Рец.: Молотова Т.Л. Марийский костюм. Йошкар-Ола, 2020. 383 с.

© 2021 г. Е.В. Попова

Народный костюм создает этнически узнаваемый облик региона, востребован в туристических проектах, разработке сувениров, выступает ярким этническим маркером, наряду с марийской народной кухней, музыкальной и хореографической культурой. Его изучение находится в числе классических тем этнографии, однако с постоянным изменением народной одежды в разных социальных, культурных и экономических условиях, появлением новых методик исследования эта тема каждый раз приобретает особое звучание. В последние два десятилетия также отмечается всплеск интереса к народному костюму.

Вышедшая книга «Марийский костюм» (Йошкар-Ола, 2020) Т.Л. Молотовой – результат обобщения и анализа большой группы источников, итогов научных исследований – представлена в формате альбома для широкого круга читателей.

Автор книги этнограф, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Т.Л. Молотова является известным исследователем культуры марийцев и народного костюма. Новая книга обобщает самые современные данные о марийской народной одежде, ее изменении в XXI веке.

Книга состоит из логично выстроенных пяти глав с разделами, списка литературы и заключения на русском, марийском и английском языках (переводы Э.И. Пекшеевой). Разделы книги дают комплексную характеристику костюмных комплексов этнографических групп марийцев, проживающих в Республике Марий Эл и за ее пределами.

Вводная часть знакомит с материалами (лен, конопля, шерсть, дерево, лыко и др.), инструментами, технологиями изготовления одежды (прядение, ткачество, вязание, валяние, вышивка, шитье), приемами орнаментации. Специальный раздел посвящен традиционной и современной вышивке – самобытному способу декорирования одежды. В нем приведены образцы вышивки, основные орнаментальные мотивы (геометрический, растительный, зооморфный, антропоморфный) марийского костюма. В разделе по истории речь идет о марийском национальном костюме как художественном ансамбле, его формировании, характеристике основных элементов, комплектов мужской и женской одежды, социальных, возрастных различиях, обрядовом и ритуальном назначении, использовании разных типов головных уборов, украшений и обуви.

Отдельные главы знакомят с костюмными комплексами этнографических групп марийцев: костюмом горных, луговых (уржумско-сернурских, звениговско-моркинских, северо-западных марийцев, йошкар-олинский костюмный комплексы) и восточных марийцев (костюмный подкомплекс прикамско-прибельских, икско-сюньских, уральских марийцев). В разделе представлены этапы эволюции народного костюма, украшений и головных уборов в ходе социально-экономических, культурных и даже политических изменений, межэтнического и межкультурного взаимодействий, также информация о бытовании костюма и его устойчивости в культуре.

В книге приведены сведения об обрядах, верованиях, связанных с одеждой в свадебных ритуалах, детском цикле, похоронно-поминальных традициях, во время молений, а также об использовании одежды как предмета дарения.

Глава «Роль народных студий и мастеров в сохранении и развитии марийского костюма» показывает динамично развивающееся культурное явление современности – изготовление марийского костюма, его востребованность, знаковую, этномаркирующую и символическую роль народного костюма в наши дни. В разделе речь идет о работе мастеров, студий

и творческих мастерских, занимающихся ремеслами, вышивкой и созданием одежды в этническом стиле. Это признанные в республике и за ее пределами мастера (Л.В. Веткина, Н.Е. Майкова, А.А. Орлова, И.А. Степанова, Г.В. Федорова, Л.И. Хлебникова, Ф.Н. Шестакова и др.), центры ремесел в районах и городах. Большое внимание в разделе уделяется анализу воссоздания традиционной марийской вышивки. Книга свидетельствует об актуальности этнографического изучения современного марийского костюма и его общекультурном значении, вкладе мастеров в формирование имиджа и облика региона.

Динамика изменения марийского народного костюма показана с привлечением разных видов источников – фотографий из архивных собраний, музейных коллекций, лингвистических данных, письменных свидетельств, материалов этнографических экспедиций, образцов современной одежды, анализа места костюма в культурных событиях. Это позволило проследить историю формирования костюма марийцев разных территорий в широком географическом и хронологическом ракурсе. Описание костюмных комплексов, приведенные образцы одежды и ее элементы актуальны для исследования этнокультурного взаимодействия в регионе, решения вопросов этнической истории.

Представленные в книге предметы из фондов Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева показывают историю комплектования коллекций, результаты работы экспедиций музея среди этнографических групп марийцев, богатство и разнообразие коллекций. Костюмные комплексы даны во всей полноте в соответствии с концепцией издания, они позволяют познакомиться с составными частями, способами декора, кроя, технологиями и материалами. В книге даны сведения о социальных, возрастных, ритуальных, обрядовых и сезонных видах одежды, изменении костюма в разные периоды. Издание знакомит с редкими и вышедшими из бытования предметами, способами изготовления одежды и ее элементов. Подбор предметов из фондов музея и подготовка фотосессий для такого типа изданий – отдельная научная, музейная и творческая работа.

Большим достоинством книги является разнообразный иллюстративный материал, дополняющий описание костюмных комплексов, сырья, технологий и кроя. Это полевые этнографические съемки, фотографии музейных предметов, изображения современной авторской одежды и ее использования в повседневной жизни и на праздниках, локальные особенности (фотографии В.В. Тумбаева, Т.Л. Молотовой, Д.И. Речкина). Специальные фотосессии, постановочная и репортажная съемка, экспедиционная и архивная фотография знакомят с костюмом во всей его полноте и в различные периоды истории.

Отдельного внимания заслуживает полиграфическое решение и оформление издания (дизайн и верстка В.В. Безденежных), где деликатное визуальное видение и подача материала придают книге изысканность, презентуют на высоком уровне исследование и народный костюм.

Книга «Марийский костюм» (Йошкар-Ола, 2020) вышла в рамках празднования 100-летия Марий Эл и является прекрасным подарком для читателей, исследователей финно-угорских народов, специалистов разных научных направлений, практиков и мастеров, всех интересующихся этнографией народов края и культурой марийцев. Представленные в ней материалы востребованы среди специалистов, разрабатывающих современные варианты костюма или реплики (копии) ранних традиционных образцов. Результаты исследования и фактический материал книги важны для решения фундаментальных научных вопросов, сравнительно-сопоставительного анализа региональных костюмных комплексов, изучения этнической истории народов Урало-Поволжья.

Знакомство с книгой дает новые научные сведения, творческое вдохновение и эстетическое наслаждение.

Попова Елена Васильевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
elvpopova@yandex.ru

Elena Popova
Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature,
The Udmurt Federal Research Centre,
The Ural Brunch of The Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
elvpopova@yandex.ru

ХРОНИКА

УДК 902(470.343)

АРХИПОВ ГЕННАДИЙ АНДРЕЕВИЧ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

© 2021 г. Т.Б. Никитина, А.В. Акилбаев

11 января 2022 года исполняется 90 лет со дня рождения известного российского археолога Г.А. Архипова, вся научная творческая жизнь которого связана с МарНИИЯЛИ. Он проработал в институте около сорока лет, из которых семь был его директором.

Окончив историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, Геннадий Андреевич непродолжительное время работал инспектором школ Хлебниковского района Марийской республики, а в 1956 году был принят в институт на должность младшего научного сотрудника сектора истории. В этом же году создается Марийская археологическая экспедиция под руководством казанского археолога А.Х. Халикова, а Г.А. Архипов становится его заместителем и начинает активные археологические полевые работы.

В период становления экспедиции с 1956 по 1959 год были развернуты археологические работы во всех районах республики, выявлены многочисленные памятники археологии на территориях Марийской АССР и сопредельных районов Кировской, Нижегородской областей, Татарстана, которые были обобщены в специальном издании [Архипов, Халиков, 1960]. Тогда еще очень молодой исследователь, даже не окончивший аспирантуру, Г.А. Архипов начал не только проводить самостоятельные работы разведочного характера, но им были изучены ананьинское городище «Ройский Шихан» на Вятке, древнемарийский Веселовский могильник на Ветлуге и др.

С 1960 года Г.А. Архипов уже возглавил Марийскую археологическую экспедицию, руководителем которой был до последних дней своей жизни. В 1960 году он проводит раскопки на городище и селище Иванова Гора, Пайгусовском городище в Горномарийском районе Марийской республики. В 1961 году им раскопано Ижевское городище VIII–X веков (540 кв. м) в Свечинском районе Кировской области [Архипов, 1962 б].

Материалы городищ частично введены в научный оборот во втором томе трудов Марийской археологической экспедиции [Архипов, 1962 а], а затем исследователь к ним обращался неоднократно при построении схемы этногенеза марийского народа.

Для постановки и решения проблемы происхождения мари большое значение имело изучение Младшего Ахмыловского могильника, расположенного на северном берегу Ахмыловского озера, известном у местных жителей под названием «Сорокина Гора» в Горно-

марийском районе Марийской АССР. Изучение памятника началось в 1960 году; первоначальный раскоп площадью 668 кв. м был заложен на краю террасы и показал, что могильник содержит разновременные комплексы: погребения и объекты раннего железного века получили название Старшего Ахмыловского могильника, а средневековые комплексы связаны с Младшим Ахмыловским могильником. Из вскрытых в этом году 108 погребений 36 отнесены к эпохе раннего средневековья. В последующем 1963 году раскопки на Ахмыловском археологическом комплексе были продолжены; всего вскрыто 216 кв. м, 10 погребений отнесены к Младшему Ахмыловскому могильнику [Архипов, 1964 а]. Дальнейшее изучение памятника увеличило фонд преимущественно Старшего Ахмыловского могильника, а могил раннего средневековья обнаружено немного: в 1965 году – 2 погребения, в 1966 году – 5 погребений, в 1967 году – 8 погребений, в 1968 году – 2 погребения, в 1969 году – 3 погребения. Среди материалов Ахмыловского археологического комплекса к Младшему Ахмыловскому могильнику отнесено 75 захоронений [Архипов, 1964; 1967; 1991].

В 1964–1967 годах Г.А. Архипов проходит обучение в аспирантуре Института археологии АН СССР под руководством известного советского археолога, доктора исторических наук, профессора Алексея Петровича Смирнова. Являясь последовательным учеником А.П. Смирнова, Г.А. Архипов на протяжении всей жизни продолжал развивать взгляды своего учителя по проблемам этногенеза марийского народа.

В 1965 году на сессии по происхождению марийского народа Г.А Архипов впервые озвучил свою концепцию по этногенезу мари: в V–VII веках ядро древних мари формируется в Ветлужско-Вятском междуречье на основе городецко-азелинского субстрата, доказательством чего являются Мари-Луговской, Младший Ахмыловский могильники и Кубашевское городище. Этот тезис впоследствии неоднократно аргументировался и дополнялся в многочисленных статьях и монографических исследованиях [Архипов, 1967; 1973; 1976; 1982; 1985 а].

Но последовательно концепция о происхождении марийского народа изложена в кандидатской диссертации «Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа», которую

1965 год. Научная сессия по происхождению марийского народа

он успешно защитил в 1967 году в Москве, а затем на ее основе подготовил монографию с аналогичным названием (1973). Это издание стало настольной книгой многих археологов, занимающихся раннесредневековой историей. В работе сформулированы основные положения по этнической истории марийского народа и впервые в полном объеме дана характеристика духовной и материальной культуры древних мари. На обширном полевом материале автору удалось выделить этнические признаки марийской культуры в погребальном обряде, украшениях и инвентаре, а на основе сравнительного анализа всех древнемарийских могильников наметить локальные особенности средневековых памятников. Конкретизируя тезис о происхождении марийцев на базе азелинского и городецкого компонентов, он писал, что городецкая культура явилась основой формирования горных марийцев. Формирование же луговых марийцев произошло в результате взаимоассимиляции городецких и азелинских племен. На основе выделенных характерных черт марийской культуры автор сделал верное заключение о том, что марийская культура эпохи средневековья занимает промежуточное положение в среде пермских и волжских финнов.

В 1969 году по инициативе Геннадия Андреевича создается сектор археологии и этнографии, который начинает свою работу под его руководством. С 1976 года усилиями Г.А. Архипова начинает выходить серийное издание «Археология и этнография Марийского края», которое продолжается по сегодняшний день. Первое издание посвящено проблеме этнокультурных контактов, которыми Г.А. Архипов заинтересовался с первых лет творческой деятельности.

Тему истории и культуры марийцев в IX–XI веков Г.А. Архипов не забывал на протяжении всей жизни. Начатые в 1962 году раскопки Дубовского могильника были им продолжены в 1980–1981 годах и впоследствии материалы опубликованы на страницах издания «Археология и этнография Марийского края» [1964 б, 1984].

Но основное внимание в последующие годы исследователь уделил периоду XII–XIII веков, о котором до 70-х годов XX века не было никаких сведений. С 1969 по 1971 год Марийской археологической экспедицией под руководством Г.А. Архипова были выявлены новые памятники и начаты работы на марийских некрополях этого периода, преимущественно в Юринском, а также Горномарийском районах. Так на Выжумском II могильнике раскопано 6 погребений, на Выжумском III могильнике вскрыто 24 захоронения, на Руткинском – 49, а на Починковском – 15. В результате получен богатый материал, характеризующий погребальный обряд и материальную культуру марийцев XII–XIII веков, опубликованный в монографии «Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поветлужья» [1986]. Данная монография стала логическим продолжением первой работы и позволила доказать преемственность памятников XII–XIII веков с древнемарийскими могильниками IX–XI веков, что послужило основанием связать их с марийским этносом [Архипов, 1986]. Отмечая близость погребального инвентаря марийских могильников XII–XIII веков с памятниками Костромского Поволжья, к сожалению, автор уделил недостаточно внимания этим фактам, упрощенно объясняя их многовековыми контактами населения междуречья рек Костромы, Унжи и Поветлужья, а появление славянских вещей в могильниках XII–XIII веков, по его мнению, указывает пути и характер продвижения славян в сторону Поветлужья.

Продолжая тему происхождения и этнического развития марийского народа Г.А. Архипов вновь возвращается к раскопкам поселенческих памятников. В 1978, 1979, 1983, 1985 годы организовано изучение Ардинского [Архипов, Патрушев, 1975, с. 157; Архипов, Патрушев, 1982; Архипов, Соловьев, 1989], Сомовского II (224 кв. м) [Архипов, 1979 а; 1979 б, с. 154–155], Пайгусовского [Архипов, 1990] городищ I тысячелетия нашей эры и продолжены раскопки Важнангерского (Мало-Сундырского) городища [Архипов, 1985 а, с. 136–137].

Развивая теорию этногенеза марийцев, в 1985 году Г.А. Архипов высказал гипотезу о том, что с III–IV вв. н.э. в тесный контакт с азелинцами вошли не городецкие племена, а потомки ахмыловского населения [Архипов, 1985 б, с. 21]. Концепция формирования

и исторического развития марийского этноса в эпоху средневековья наиболее полно изложена в научном докладе Г.А. Архипова «Этногенез и раннесредневековая этническая история марийцев», представленном на соискание ученой степени доктора исторических наук [Архипов, 1991]. Защита прошла в 1991 году в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Включение новых источников в орбиту научного исследования данной проблемы позволило ему углубить и развить ряд положений. В частности, к марийскому населению, говорящему на северо-западном наречии, он отнес Худяковский могильник [Архипов, 1991, с. 16], тем самым значительно удревнил разделение марийцев на этнографические группы. Автор обратил более пристальное внимание на определение места марийцев на карте этнического расселения финно-угорских народов и на характер взаимоотношений не только с финно-уграми, но также с тюркскими и славянскими этносами.

Комплексное использование различных категорий источников позволило ему поднять и частично осветить вопросы хозяйства, культурные связи, ремесленные традиции и проблемы социального развития средневекового марийского общества в многочисленных статьях и заметках. Им опубликовано более 120 научных работ, в том числе 5 монографий.

Геннадий Андреевич активную научную работу совмещал с административной работой и общественной деятельностью. В 1970 году Г.А. Архипов становится заместителем директора, а в 1989 году – директором нашего института. За это время под организационным руководством и при непосредственном участии Геннадия Андреевича проведены полевые археологические симпозиумы (1977, 1989, 1992), изданы коллективные труды «Атлас археологических памятников Марийской АССР» [Архипов, 1990] и «Атлас археологических памятников Республики Марий Эл» [Архипов, Никитина 1993]. Развивая научные связи института Г.А. Архипов принял активное участие в многочисленных международных (Будапешт, Киев, Оулу, Петрозаводск, Тбилиси и др.), всесоюзных, всероссийских и региональных конференциях (Москва, Ленинград, Сыктывкар, Саранск, Свердловск, Ижевск, Йошкар-Ола, Казань и др.). Под его руководством в 1990-е годы была разработана межрегиональная программы «Финно-угры Поволжья и Приуралья», которая объединяла ведущих ученых Волго-Уральского региона.

В 1970–1980-е годы Г.А. Архипов проводит и преподавательскую работу: читает лекции, ведет семинары и спецкурсы в Марийском государственном университете и Марийском государственном педагогическом институте. Г.А. Архипов способствовал подготовке научных кадров. Его ученики и последователи ныне работают в МарНИИЯЛИ, высших учебных заведениях и музеях Республики Марий Эл.

В разные годы он был председателем Марийского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, членом Марийского комитета защиты мира, членом Ученого Совета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, председателем Государственной экзаменационной комиссии в Марийском государственном университете и Марийском государственном педагогическом институте, членом редколлегии «Марийского археографического вестника», активно участвовал в пропаганде исторических знаний среди населения.

Плодотворная научная и общественная деятельность исследователя была отмечена государственными наградами: действительный член Российской народной академии наук; медали «За трудовую доблесть. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина» и «Ветеран труда»; «Заслуженный деятель науки Марийской АССР» (1980); Почетная грамота Марийского обкома КПСС и Совета Министров Марийской АССР (1987).

Научные работы, гипотезы и собранные материалы Г.А. Архипова живут и сегодня. На страницах научной литературы часто цитируются его высказывания, молодые и уже состоявшиеся исследователи вновь и вновь обращаются к его мыслям и материалам, а значит, ученый продолжает жить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Йошкар-Ола, 1960. Вып. 1. 132 с.

Архипов Г.А. Городища первой половины I тысячелетия н.э. в Марийской АССР // Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962 а. Т. II. С. 206–229.

Архипов Г.А. Ижевское городище // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1962 б. Вып. XVII. С. 141–159.

Архипов Г.А. Марийская археологическая экспедиция 1963 года // Тезисы докл. на науч. сес. по итогам исслед-их работ ин-та за 1963 год. Йошкар-Ола, 1964 а. С. 10–12.

Архипов Г.А. Дубовский могильник (раскопки 1963 г.) // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1964 б. Вып. XIX. С. 173–189.

Архипов Г.А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (I тысячелетие н. э.) // Происхождение марийского народа. Материалы науч. сес., проведенной Мар. науч.-исслед. ин-том яз., лит. и ист. (23–25 дек. 1965 года). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 36–51.

Архипов Г.А. 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 113 с.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Археологические открытия 1975. М.: Наука, 1975. С. 157.

Архипов Г.А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 167 с.

Архипов Г.А. Археологические свидетельства о ремесле древних марийцев // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1979 а. Вып. 4. С. 43–50.

Архипов Г.А. Работы Марийской экспедиции //Археологические экспедиции 1978 года. М.: Наука, 1979 б. С. 154–155.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1982. Вып. 6. С. 52–82.

Архипов Г.А. Дубовский могильник // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1984. Вып. 8. С. 113–159.

Архипов Г.А. Основные этапы этногенеза марийцев // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1985 а. Вып. 9. С. 5–23.

Архипов Г.А. Раскопки Мало-Сундырского городища // Археологические открытия 1983. М.: Наука, 1985 б. С. 13–137.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 115 с.

Архипов Г.А., Соловьев Б.С. Сомовское поселение эпохи бронзы // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1989. Вып. 15. С. 95–102.

Архипов Г.А. Пайгусовское городище (раскопки 1987 г.) // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 17. С. 119–133.

Архипов Г.А. Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история) // Доклад на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. М. 1991. 52 с.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола, 1993. 152 с.

Никитина Татьяна Багишевна
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tshikaeva@yandex.ru

Акилбаев Александр Владимирович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

Tatyana Nikitina
Doctor of History,
Chief Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tshikaeva@yandex.ru

Aleksandr Akilbaev
Candidate of Historical Sciences,
Chief Research Associate
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

УДК 39(470.343)

ПАМЯТИ Г.А. СЕПЕЕВА (05.02.1932 – 26.07.2021)

© 2021 г. Т.Л. Молотова

26 июля 2021 года ушел из жизни известный в России и за рубежом этнограф Геннадий Андреевич Сепеев. Он внес значительный вклад в исследование традиционной и современной культуры марийского народа. Г.А. Сепеев родился 5 февраля 1932 года в семье учителей в селе Куженер Сернурского района (ныне Куженерский район). В 1939 году он пошел в первый класс Конганурской начальной школы. Детство его прошло в д. Дубники Сернурского района – родине отца, который в 1942 году ушел на фронт и вскоре погиб. Мать с тремя детьми, Геннадий Андреевич среди них был старшим, в 1942 году переехала к родственникам мужа.

Поколение Г.А. Сепеева испытало в своей судьбе много лишений, трудностей, приходилось много работать, начиная с малых лет. Детство и юность этого поколения пришлись на сложные военные и послевоенные годы. Но они дали закалку, воспитали трудолюбие, уважение к окружающим их людям, терпение, стремление получить образование и принести своему народу и обществу пользу.

В 1946 году Г.А. Сепеев становится студентом Сернурского педучилища, которое оканчивает в 1950 году. В 1951 году он успешно сдает экзамены на отделение истории историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. Марпединститут Геннадий Андреевич оканчивает с отличием в 1955 году. Затем работает в сельских школах МАССР. В 1961 году он поступает в очную аспирантуру при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР по специальности «Этнография», где обучается до 1964 года под руководством известного этнолога, профессора Н.И. Воробьева. Перед Г.А. Сепеевым была поставлена сложная задача: исследование материальной культуры восточных марийцев. Эта тема была малоизученной областью в этнографии. В годы учебы он получил хорошую академическую научно-исследовательскую подготовку, впоследствии став одним из ярких представителей Казанской этнографической школы.

В 1973 году Г.А. Сепеев успешно защитил кандидатскую диссертацию на специализированном Совете Казанского университета. На основе исследовательской работы он подготовил монографию «Восточные марийцы», которая была опубликована в 1975 году Марийским книжным издательством. Много лет это исследование пользуется заслуженным признанием ученых. В книге на основе широкого круга источников и опубликованной литературы исследованы вопросы миграции марийцев из Поволжья в Прикамье и Приуралье, рассмотрено формирование восточных марийцев со своеобразными чертами хозяйственного быта и материальной культуры. Автор подробно рассмотрел время и масшта-

бы миграций, причины, вызвавшие переселение, топонимы и родовые названия восточных марийцев как следы первоначальной родины. В монографии подробно характеризуется хозяйство, социально-экономическое положение во второй половине XIX – начале XX века, занятия и промыслы данной группы марийцев. Исследование основано на большом полевом, архивном, музейном материале. Книга охватывает культуру восточных марийцев во взаимосвязи с культурой других народов Поволжья и Приуралья с учетом экологических, политических, социально-экономических и этнических факторов. Монографическое исследование написано в лучших традициях этнографической науки. Публикация этой книги стала одним из самых знаменательных событий в научной и культурной жизни Республики в 70-х годах прошлого столетия.

Геннадий Андреевич всегда был верен институту, он работал в МарНИИ на должностях младшего (1964–1973) и старшего научного сотрудника (1973–1975, 1983–1986), с 1975 по 1983 год возглавлял сектор археологии и этнографии, в 1986–1992 годах – сектор этнографии, в 1992–1998 годах – отдел этнографии, с 1998 по 2007 год был ведущим научным сотрудником отдела этнологии. В отделе этнологии МарНИИЯЛИ он проработал более 40 лет.

Стараниями Г.А. Сепеева сектор пополнился выпускниками географического факультета Казанского государственного университета и историко-филологического факультета Марийского государственного университета. Он сыграл большую роль в подготовке молодых специалистов, щедро делился со студентами своими знаниями, не боялся брать в различные экспедиции несколько человек, обучая их полевой практике на своем примере.

За многие годы работы в институте Геннадий Андреевич стал высококвалифицированным специалистом с энциклопедическими знаниями, сделал огромный вклад в исследование этнографических проблем марийского народа. Им было опубликовано более 200 статей, очерков и других работ на историко-этнографические темы, которые широко известны и российским, и зарубежным этнологам. Он являлся научным и ответственным редактором, членом редколлегии свыше 20 тематических сборников и монографий, изданных институтом.

Основным направлением в тематике исследований Г.А. Сепеева являлось комплексное историко-сравнительное изучение хозяйства и материальной культуры марийцев и их этнических групп, отдельных хозяйственных и культурно-бытовых отраслей и форм, с выделением исконных и заимствованных, традиционных и современных элементов, общих черт и локальных особенностей, формирующихся и изменяющихся под влиянием разных факторов.

Геннадий Андреевич подробно исследовал конкретные формы традиционной и современной материальной культуры, некоторые из них были мало изучены ранее. В монографиях и статьях он показал эволюцию поселений, жилищ, интерьер, экстерьер и планировку жилищ, рассмотрел особенности земледелия, пчеловодства, средств передвижения, традиционной пищи и др. Г.А. Сепеев в своих исследованиях рассматривал формы традиционной и современной культуры мари в сравнении с соответствующими формами соседних народов. В статьях Геннадия Андреевича рассматриваются современные этнические процессы, которые ярко проявлялись не только в материальной культуре, но и в сферах быта, демографических показателях марийского населения («Основные черты этнических процессов у марийцев» (1976); «Современные этнические процессы и материальная культура марийцев» (1987); «Этносоциальные процессы и этнические традиции в современной марийской деревне» (1990) и др).

За годы работы Г.А. Сепеев собрал значительный полевой материал о культуре марийцев в различных областях и республиках России, его полевые дневники и экспедиционные отчеты обогатили научный рукописный фонд института. Он участвовал в этнографических экспедициях совместно с сотрудниками Государственного музея этнографии народов СССР, Научно-краеведческого музея Марийской АССР, Национального музея Финляндии. Большую роль Г.А. Сепеев сыграл в составлении учебной литературы по этнографии марийского народа для школ и средних

учебных заведений, вышедшей на русском и марийском языках.

Значительный вклад Г.А. Сепеев сделал в исследование истории расселения марийцев, опубликовал монографию по данной теме (История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006). В монографии история расселения рассматривается со времени формирования этноса до настоящего периода.

Признанием научного авторитета и учебно-педагогической деятельности являются его награды: Почетная грамота Президиума Верховного Совета Марийской АССР (1980), Почетные грамоты министерств образования и культуры, звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл» (1994). С 1989 года Геннадий Андреевич являлся зарубежным членом Финно-угорского общества (Финляндия).

Выдающийся сын марийского народа Г.А. Сепеев получил широкую известность, уважение и любовь в научных кругах России, родного института, рядовых людей. Все свои знания, умения, организаторские способности он вложил в дело изучения культуры и истории своего народа. Г.А. Сепеев был талантливым исследователем, организатором науки, обладал замечательными личностными качествами – трудолюбием, жизненной стойкостью, приверженностью к новаторским идеям, целеустремленностью, волей. Он был исключительно доброжелательным и скромным человеком, открытым для общения и научных дискуссий. Г.А. Сепеев из плеяды марийских ученых-самородков, к которым принадлежали В.М. Васильев, К.Х. Четкарев, И.С. Галкин, Г.А. Архипов, И.Г. Иванов, В.А. Акцорин, А.Е. Китиков, Г.С. Патрушев и многие другие, которых, к сожалению, уже нет с нами. Геннадий Андреевич ушел навсегда и это невосполнимая утрата. Часть его души и творчества осталась с нами в его научных исследованиях. Вечная ему память!

Молотова Тамара Лаврентьевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 811.511.151

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ЕГОРОВИЧА КАЗАНЦЕВА (20.02.1932 – 21.06.2021)

© 2021 г. Э.И. Пекшеева

21 июня 2021 года ушел из жизни профессор Дмитрий Егорович Казанцев – известный советский и российский финно-угровед, доктор филологических наук (1989), профессор (1992), заслуженный деятель науки Марийской ССР (1991), заслуженный работник высшей школы РФ (2012), отличник народного просвещения (1981), Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2011).

Дмитрий Егорович Казанцев оставил в науке глубокий след как талантливый исследователь, имеющий необычайно широкий диапазон в разнообразных отраслях языкознания, одинаково компетентно и оригинально решающий многие вопросы финно-угроведения и марийского языкознания.

Родился будущий ученый 20 февраля 1932 года в деревне Мустаево Сернурского района Марийской АССР. В 1947 году с Похвальной грамотой окончил Мустаевскую неполную среднюю школу, в 1948 году без вступительных экзаменов был зачислен на первый курс Сернурского педагогического училища. После окончания училища с отличием в 1952–1953 учебном году работал учителем в Нижнекугенерской неполной средней школе Сернурского района. Уже в первые месяцы работы на педагогическом поприще он ощутил в себе призвание стать учителем-филологом, раскрывать красоту и величие марийского и русского языков.

В 1953 году Д.Е. Казанцев без вступительных экзаменов был принят на марийское отделение историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, где он проявил уникальные способности, став сталинским стипендиатом. В 1958 году после окончания института он работал учителем русского языка и литературы, марийского языка и литературы в Сернурской средней школе. В 1959–1961 годах по приглашению Н.Т. Пенгитова учился в аспирантуре при кафедре марийского языка и литературы МГПИ им. Н.К. Крупской. В 1961 году Д.Е. Казанцев переходит на работу в Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, где сначала трудится в должности младшего научного сотрудника, затем старшего научного сотрудника и заведующего сектором языка.

С 1 октября 1972 года Дмитрий Егорович начал преподавать в Марийском государственном педагогическом институте им. Н.К. Крупской. В 1975–1979 годах – проректор по заочному обучению, в 1982–1985 годах – заведующий кафедрой русского языка, с апреля 1992 года по 2007 год – заведующий

кафедрой общего и сравнительного языкознания. В Марийском государственном университете после объединения его с пединститутом работал до сентября 2012 года преподавателем лингвистических дисциплин.

Путь Дмитрия Егоровича в научную жизнь был связан с Эстонией. В 1965 году в Тартуском университете он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка». Научным руководителем был кандидат филологических наук профессор Н.Т. Пенгитов. В диссертации молодой ученый не ограничился распространенными в то время в советском финно-угроведении описанием и систематизацией особенностей диалекта. При его изучении в центре внимания исследователя находилось решение следующих задач: 1) установить состав фонем йошкар-олинского говора марийского языка; 2) выявить специфику их употребления; 3) описать основные изменения звуков в речевом потоке. Уже в этой работе проявились лучшие стороны его научной деятельности: глубокое внимание к специфике объекта исследования, всесторонний анализ диалектных фактов, критическое отношение к научным предположениям и др.

Классические процедуры сравнительно-исторического языкознания и приемы ареальной лингвистики нашли свое последовательное применение в его монографии «Истоки финно-угорского родства» (1979), которая получила высокую оценку как у нас в стране, так и за рубежом. В ней исследуются древнейшие периоды жизни финно-угорских народов.

Важным этапом в научной деятельности Д.Е. Казанцева является выход в 1985 году монографии «Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев)», в которой, используя материалы смежных с языкознанием наук (археологии, этнографии и истории), ученый обосновал свой вывод об основных вехах развития марийского языка и его местных разновидностей со II–III веков нашей эры до XVIII века. Это фундаментальное исследование легло в основу его докторской диссертации «Историческая диалектология марийского языка (Образование диалектов и сравнительно-историческое описание их фонетики)», успешно защищенной в 1989 году в Тартуском университете.

Другое направление научной деятельности Дмитрия Егоровича представляют исследования в области лексикологии и этимологии. Еще в годы работы в МарНИИ он изучал историческое развитие лексики марийского языка. Его основные мысли по этому вопросу изложены в книге «Современный марийский язык. Лексикология» (1972), написанной в соавторстве с Г.С. Патрушевым. В ней впервые в марийском языкознании рассмотрена лексика современного марийского языка с точки зрения ее исторического развития, сферы употребления, специфики использования.

В конце 1990-х годов Д.Е. Казанцев начал исследование историко-типологических проблем языка. В 2010 году увидела свет его монография «Типологии и универсалии языков. История и современное состояние. Ч. I. Синхрония», посвященная 200-летию типологии языков. Этим исследованием Д.Е. Казанцев внес значительный вклад в общую науку о языке.

Среди трудов Д.Е. Казанцева особое место занимает книга «Республика Марий Эл. Сернурский район: прошлое и настоящее. Историко-лингвистический очерк» (1999), которая посвящена 250-летию поселка Сернур. В ней рассказывается об истории освоения территории Сернурского района марийцами и русским населением; анализируется процесс формирования местных диалектов марийского и русского языков и характеризуется ряд их фонетических, лексических и грамматических особенностей; рассматриваются модели образования географических названий и дается классификация местной и русской топонимии; описывается специфика этнических, культурно-бытовых взаимоотношений марийского и русского народов.

Казанцев Д.Е. завоевал научный авторитет не только в финно-угорском мире, но и среди тюркологов. В журнале «Советское финно-угроведение» (1966) он отозвался об исследовании чувашского языковеда М.Р. Федотова «Исторические связи чуваш-

ского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми» (Чебоксары, 1965). Рецензия была встречена мариведами, чувашеведами и пермистами восторженно. Впоследствии Д.Е. Казанцев стал членом диссертационного совета при Марийском, Чувашском и Удмуртском университетах.

Сохранился у Д.Е. Казанцева на протяжении его научной и преподавательской деятельности и преимущественный интерес к особенностям русских говоров, распространенных на территории Марийского края, и к контактам диалектов русского языка с диалектами марийского языка. Будучи профессором кафедры русского языка, а затем общего и сравнительного языкознания МГПИ, в 2003 году он издал книгу «Русские говоры Республики Марий Эл». Она написана на основе материалов, собранных студентами Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской во время ежегодно проводимых диалектологических практик. В книге дано системное описание фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей русских говоров.

Находясь на заслуженном отдыхе, Дмитрий Егорович продолжал заниматься наукой. В 2012–2015 годах Д.Е. Казанцев сотрудничал с журналом «Финно-угроведение», написал несколько статей, связанных со словообразованием, словосложением, категориями принадлежности и множественности марийского языка. В 2021 году издал работу «Картина мира в языке: книга для любителей астрономии и лингвистики». О возникновении замысла и написании этой книги Дмитрий Егорович отмечал: «В 1974 году я как начинающий преподаватель (в 1972 году после 11 лет работы в МарНИИ меня по конкурсу избрали на должность доцента кафедры русского языка) Марийским пединститутом был направлен на курсы повышения квалификации в ЛГПИ им. А.И. Герцена. На эти курсы приехали преподаватели из различных педвузов РСФСР. Нас, мужчин, устроили в общежитии Ленинградского пединститута на Васильевском острове. Комната, в которой разместили курсантов, была достаточно просторная. Жили там несколько человек. Они представляли разные специальности. Моими соседями по койке были преподаватели физики (к сожалению, имена забыл): с правой стороны устроился Малиновский – доцент Кировского пединститута, а с левой – начинающий преподаватель Новозыбского пединститута Брянской области Голуб. По его словам, этот институт в скором будущем собирались объединить с Брянским пединститутом. Голуб только что окончил аспирантуру по астрономии. Но диссертацию по своей теме еще не защитил. Руководство института направило его в Ленинград на курсы повышения квалификации, как тогда я понял, для завершения диссертационной работы. Молодой сосед оказался очень умным. Он с увлечением мне рассказывал (чаще всего по вечерам) о Солнце, планетах и звездах. Под влиянием живых рассказов начинающего астронома (надо сказать, его познаниям тогда я просто поражался) перевернулись все мои представления о вселенной, сложившиеся по школьным учебникам. И у меня – у лингвиста – на склоне лет зародилась мечта написать книгу для любителей астрономии и лингвистики» ([Казанцев Д.Е. Картина мира в языке: книга для любителей астрономии и лингвистики. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2021, с. 3]). А книга получилась действительно интересной, написанной на понятном любому читателю языке. Д.Е. Казанцев в первой части книги обобщил представление специалистов по астрономии о космосе, во второй – сосредоточил внимание на способах образования названий небесных тел, на их роли в процессе обогащения словарного состава языков разных систем (русского, финского, эстонского, мокшанского, эрзянского, марийского, коми, удмуртского, чувашского, татарского, башкирского и др.). Такой подход взаимно обогащает и объединяет обе науки, весьма отдаленные друг от друга по материалам и методологии их исследования.

Дмитрием Егоровичем написано более 80 исследовательских работ, среди них восемь отдельных книг. Он участвовал в работе четырех

международных конгрессов, нескольких всесоюзных и зональных конференций по вопросам финно-угроведения.

Марийское языкознание за годы научной деятельности Д.Е. Казанцева поднялось на более высокий уровень. Своими глубокими научными изысканиями ученый прославил марийскую науку в глазах мирового финно-угроведения.

Светлая память о талантливом педагоге, великом ученом Дмитрии Егоровиче Казанцеве навсегда останется в наших сердцах.

Пекшеева Эльвира Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола,
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Elvira Peksheeva
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Требования и условия публикации научных статей в журнале «Финно-угроведение»

В каждой научной статье должны быть указаны следующие **данные**:

1. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя отчество всех авторов полностью (на русском и английском языках);

– полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;

– подразделение организации;

– должность, звание, ученая степень;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– корреспондентский почтовый адрес с индексом (для пересылки авторского экземпляра), телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов).

2. Название статьи.

Приводится на русском и английском языках.

3. Аннотация (объем – до 1000 знаков).

Приводится на русском и английском языках. Текст аннотации в кратком виде отражает рубрики статьи: введение; цель исследования; материалы и методы; результаты, обсуждение; заключение.

4. Ключевые слова (5–10 слов) приводятся на русском и английском языках, отделяются друг от друга точкой с запятой.

5. Тематическая рубрика (код).

Обязательно – код УДК и/или ГРНТИ и/или код ВАК (согласно действующей номенклатуре специальностей научных работников).

Опционально – другие библиотечно-библиографические предметные классификационные индексы.

6. Список использованных источников и литературы.

ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. Список литературы составляется в алфавитном порядке, сначала на русском, затем на иностранных языках. Транслитерируется (https://translit.net/ru/) и переводится на английский язык (http://surl.li/aonuf).

В научной статье не допускаются ссылки на учебники и учебные пособия, также не рекомендуются ссылки на диссертации и авторефераты, вместо них указываются опубликованные данными авторами работы.

Структура статьи

Статья должна иметь следующую структуру: введение; цель исследования; материалы и методы; результаты, обсуждение; заключение.

Объем

Объем (включая пробелы) научных статей докторов и кандидатов наук – до 40 тыс. знаков; научных статей аспирантов и соискателей – до 25 тыс. знаков; рецензий – до 12 тыс. знаков.

Правила оформления

При оформлении статей необходимо придерживаться следующих правил: Microsoft Word или RTF, формат А 4, поля – 2 см со всех сторон, шрифт – Times New Roman (при использовании дополнительных шрифтов с некириллической и нелатинской графикой в редакцию должны быть предоставлены файлы этих шрифтов), кегль – 14, межстрочный интервал – 1, абзацный отступ – 1, без постановки страниц, без переносов. Не допускается нумерация страниц; использование в тексте разрывов страниц; автоматических переносов; разреженного или уплотненного межбуквенного интервала.

Библиографические ссылки оформляются в квадратных скобках с указанием фамилии автора (названия издания), года публикации, номера страницы, например: [Попов, 2013, с. 292]. При наличии у издания тома или части указывается фамилия (название издания), год публикации, том, номер страницы, например: [Русско-марийский словарь, 2019, т. 1, с. 25]. Допускается сокращать длинные

заглавия, обозначая опускаемые слова многоточием. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой, например: [Соколова, 2013; Яковлева, Казыро, 2014].

Публикации в журнале «Финно-угроведение» бесплатные.

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат несут авторы.

Редакция не рассматривает материалы, оформленные не по требованиям. Статья возвращается на доработку один раз.

Отправляя статью, автор дает согласие на внесение редакторской правки без искажения смысла (корректура, верстка), перед публикацией текст статьи согласовывается с автором.

Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати.

Статьи проходят проверку с помощью систем «Антиплагиат».

Научные статьи направляются по адресу: nzhurnal@list.ru – ответственному за выпуск журнала Ипаковой Марине Тимерьяновне.

Рецензирование

Научные статьи, поступившие в редколлегию журнала «Финно-угроведение», подлежат обязательному рецензированию.

Главный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению, ответственный за выпуск журнала направляет статью на рецензирование.

Рецензенты являются признанными экспертами соответствующих научных направлений журнала и имеют публикации по тематике рецензируемых статей.

Рецензирование является двойным «слепым» (автор и рецензент не видят фамилии друг друга). Ответственный за выпуск журнала по электронной почте направляет авторам материалов копии рецензий.

Редколлегия журнала принимает решение о допуске статьи к публикации.

Рекомендации к содержанию рецензии

В рецензии дается квалифицированный анализ материала статьи и ее аргументированная оценка по следующим параметрам.

1. Соответствие содержания статьи заявленной в названии теме и требованиям актуальности (статья написана на актуальную тему и содержит результаты самостоятельного исследования / тема статьи не является актуальной).

2. Соответствие содержания статьи требованиям научной новизны (результаты исследования являются новыми / вносят уточнения в существующую информацию / повторяют известные научному сообществу факты / статья носит реферативно-описательный характер).

3. Представление концепции и результатов исследования (компетентное и аргументированное / слабо аргументированное / некомпетентное).

4. Обзор литературы по теме исследования (полный, аналитический / неполный, без анализа / обзор исследований отсутствует).

5. Структура статьи (соответствует требованиям / не соответствует требованиям).

6. Стиль изложения (собственно научный / научно-популярный / необходимо редактирование в соответствии с требованиями научного стиля).

7. Рекомендации автору статьи.

8. Заключение о целесообразности публикации статьи в журнале «Финно-угроведение» (рекомендуется / рекомендуется при условии исправления недостатков / не рекомендуется).

«Финно-угроведение», 2021 (№ 62)

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *С.Л. Яковлевой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 11.11.2021. Вышел в свет 09.12.2021. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 19,06. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95